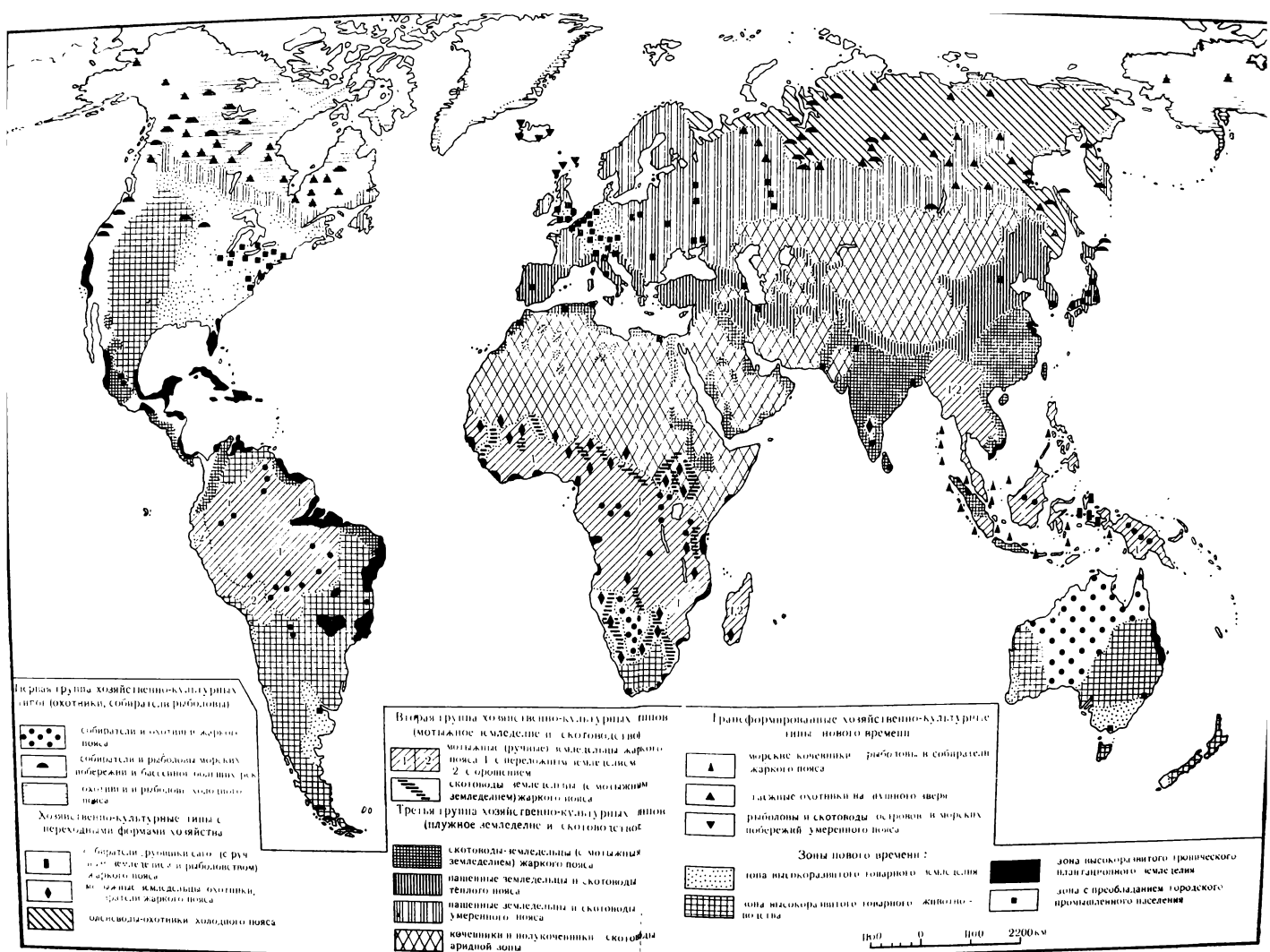

Б. В. АНДРИАНОВ

НЕОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ МИРА

Ответственный редактор
С. И. БРУК

На оригинальном этнографическом материале исследуются народы всех стран мира и континентов, сохраняющие неоседлый, сезонно-подвижный образ жизни. Книга имеет 32 карты. Обилие цифровых материалов, обобщенных в таблицах и схемах, для всем без исключения территориям делает книгу ценным справочным изданием.

А 0508000000-146
013(02)-85 110-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Б. В. АНДРИАНОВ

НЕОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ МИРА

(историко-этнографическое исследование)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

В условиях обострения противоречий между двумя мировыми социально-экономическими системами и перехода на путь социализма всех новых стран мира огромное значение приобретают проблемы выбора путей преодоления экономической и культурной отсталости, борьбы с голодом и нищетой, проблемы эффективного использования природных ресурсов и оптимизации социально-экономической ситуации. Все эти проблемы особенно остро стоят перед многими развивающимися странами, где вплоть до наших дней сохраняются народы и этнические группы с традиционными формами хозяйства, культуры и быта, тесно связанные с подвижным, неоседлым образом жизни.

Когда-то все человечество было неоседлым. Осваивая самые разнообразные природные зоны Земли, в ходе истории народы с неоседлым образом жизни накопили полезные знания и навыки по использованию ресурсов биосферы, разведению домашних животных и выпасу их на пастбищах в разных природных ландшафтах. Они выработали и специфические формы материальной культуры, хорошо приспособленные к окружающей среде, что составило существенную часть их народной культуры.

Неоседлое население многолико, и формы подвижности его разнообразны: одни группы продолжают кочевать со своими стадами в степях или пустынях или бродить по тропическим лесам в поисках пищи чуть ли не круглый год, другие сохраняют подвижный быт только несколько месяцев в году, в зависимости от сезонной смены пастбищ, времени охоты на пушного или морского зверя, рыбной ловли и т. п. Их удельный вес в современном населении Земли невелик — чуть больше 1%, но территория, которую они хозяйственно осваивают, значительна — две пятых обитаемой суши. Велик удельный вес неоседлого населения и в некоторых развивающихся странах Африки и Азии.

В наши дни, когда перед многими развивающимися странами встает проблема выбора пути развития, одни избирают социалистическую ориентацию, другие эволюционируют по капиталистическому пути. Но и те и другие вынуждены так или иначе решать острые проблемы, связанные с судьбами и экономическим положением неоседлого населения. Основные причи-

ны их все еще сохраняющейся отсталости кроются прежде всего в характере современных социально-экономических условий, в сохранении значительных патриархально-родовых и феодальных пережитков, сохранении экономической зависимости от империалистических держав. Улучшение жизни неоседлых народов зависит от изменения социальных условий и развития экономики. Важным фактором их прогресса являются борьба за экономическую, а кое-где и за политическую независимость, борьба за мир и разрядку международной напряженности, рост всех видов взаимосвязей между странами с различным социально-экономическим строем, выбор многими государствами Азии, Африки и Латинской Америки некапиталистического пути развития; исторические победы народов Вьетнама, Лаоса, Эфиопии, Кубы, Никарагуа и других стран, которые выбрали социалистический путь развития. Национальная экономика стран социалистической ориентации, опирающаяся на государственный сектор и широкие аграрные преобразования, имеет большие возможности в решении проблем развития хозяйства и улучшения жизни неоседлого населения, чем экономика стран, идущих по капиталистическому пути.

Неоседлое население мира — условное название всех народов и этнографических групп, которые круглый год или в отдельные сезоны ведут подвижный образ жизни, отличаются своеобразным бытом и культурой, сохраняют традиционное направление хозяйственной деятельности.

В центре внимания нашего этногеографического исследования — формы годовой или сезонной подвижности таких групп населения. Эти формы обусловлены разными факторами: уровнем социально-экономического развития, характером традиционных занятий в данных природных условиях, различным использованием природных ресурсов, а также этническими традициями в труде, материальной и духовной культуре. Таким образом, в понятие «неоседлое население» не включаются современные миграции населения (внутренние и внешние), а также продолжительные и кратковременные перемещения промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Не затрагиваются в этой книге и сложные вопросы исторических миграций, переселений в древности, средние века и новое время целых народов или их отдельных групп из одной страны в другую (см. [Покшишевский, 1971, с. 81—112; Покшишевский, 1978, с. 158—160]).

Казалось бы, в наше время, в эпоху научно-технической революции, успехов в освоении космоса, мало актуально изучение того, что так быстро уходит в прошлое, — форм хозяйственной деятельности, быта и культуры подвижных кочевников-скотоводов, охотников-собирателей, бродячих этнических групп и т. п. Однако это не так. В далеком прошлом неоседлым было почти все человечество. Хорошо известное высказывание В. И. Ленина: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [Ленин, т. 49, с. 329] — раскрывает особое значение исторического подхода при анализе сложной современной картины образа жизни людей в самых разных по географическим и историческим условиям уголках планеты. Современная наука стремится не только познать исторический путь развития всех явлений бытия, но и творчески использовать культурное наследие народов, все прогрессивное, что накоплено было человеческим опытом.

Неоседлое население еще играет существенную роль во многих странах мира. В некоторых оно составляет большинство или значительную часть населения. И тот факт, что подобные группы людей с подвижным, бродячим или кочевым образом жизни существуют и теперь, в конце XX в., подтверждает устойчивость многих форм быта, культуры, традиционных хозяйственных навыков и методов использования природных ресурсов. Необходимо учесть еще и то, что, составляя незначительную часть современного населения Земли (меньше 1,5%), неоседлое население осваивает огромные территории пустынь, полупустынь, тропических и таежных областей, образующих в общей сложности не менее двух пятых обитаемой суши.

В чем причина их живучести, являются ли они теперь только анахронизмом или могут быть активно использованы на новой технической основе, в новых социальных условиях? Всюду и всегда ли необходим, например, полный переход от круглогодичного кочевания отдельных групп населения к оседлости? Каковы общие закономерности и перспективы развития подвижных форм быта и культуры в разных социальных и природных средах?

Эти вопросы были весьма удачно поставлены исследователем хозяйства и населения Монгольской Народной Республики В. В. Грайворонским, который вслед за монгольскими учеными призывает бережно относиться к народному хозяйственному опыту и творчески развивать его в новых условиях некапиталистического развития и строительства социализма в МНР [Грайворонский, 1979, с. 3, 155].

Бесспорно, в XX в., особенно во второй его половине, идет активный процесс сокращения общей численности отдельных групп неоседлого населения, наблюдается трансформация многих хозяйственно-культурных типов на совершенно новой технической, социальной и культурной основе, отмечается и полное исчезновение многих традиционных методов хозяйственной деятельности и жизнеобеспечивающих систем. И все же неоседлое население пока сохраняется в областях с экстремальными природными условиями, где оседлая жизнь и земледельческая деятельность затруднены или невозможны, а условия хозяйственного использования природных ресурсов требуют известной подвижности жителей.

Подобные вопросы в географическом аспекте рассматриваются особой научной дисциплиной — географией населения; она — часть экономической географии и изучает структуру, размещение, территориальную организацию населения в тесной связи с общественным воспроизводством. География населения исследует производственно-потребительские связи людей в их динамике и развитии, устанавливает закономерности, определяющие изменения во всех названных характеристиках населения [Покшишевский, 1971, с. 2]. В работах по экономической географии люди на определенной территории выступают преж-

де всего как производители и потребители материальных благ.

В центре внимания этнической географии — территориальные этнические связи людей, через них человек проявляется как член определенного этноса с его языковыми, культурно-бытовыми особенностями, традиционными навыками хозяйственного использования природных ресурсов и образа жизни, в полном соответствии с уровнем социально-экономического развития и характером социальных систем и структур. Важной задачей этнической географии является изучение и картографирование этнических и этнографических общностей, исследование их взаимодействия с природной средой в границах этнических территорий и хозяйственно-культурных ареалов [ПЭГК, с. 11—13].

В процессе изучения и картографирования неоседлого населения мира возникает немало трудностей. Одни из них вызваны слабой теоретической разработкой вопросов историко-этнографической классификации форм хозяйства, быта и подвижности отдельных групп этого населения, другие — отсутствием или недостаточностью статистических и картографических источников; третьи — чисто технической сложностью изображения на картах размещения неоседлого населения [ПЭГК, с. 119].

Успехи этнической географии последних лет позволили на основе многих обобщающих этнографических исследований (серия «Народы мира», «Атлас народов мира», «Страны и народы» и др.) перейти к углубленным этногеографическим исследованиям, и в частности поставить вопрос об изучении форм подвижности всех групп неоседлого населения мира на достаточно солидную источниковедческую базу.

Изучение неоседлого населения мира тесно связано с хозяйственно-культурной проблематикой в современной этнографии, которая изучает общие исторические закономерности в культурно-бытовом многообразии народов мира, их традиционной хозяйственной деятельности и образе жизни людей в рамках разрабатываемых научных концепций «этнических общностей», «историко-культурных областей» и «хозяйственно-культурных типов» [Левин, Чебоксаров, 1955; Андрианов, Чебоксаров, 1972; Бромлей, 1981, с. 48—51; Бромлей, 1983, с. 7—37].

Историко-генетический подход к типологизации и картографированию всего хозяйственно-культурного многообразия народов мира позволил этнографам сгруппировать эти сложные историко-общественные явления по рядам развития на мировой карте и выделить многие хозяйственно-культурные типы, значительная часть которых и характеризует неоседлое население [Андрианов, Чебоксаров, 1972; Андрианов, Доскач, 1983]. Поэтому было бы ошибкой изучать и классифицировать неоседлое население мира только как изолированное явление, вне общей историко-этнографической систематики хозяйственно-культурных типов, без характеристики их взаимодействия с геогра-

фической средой. Именно этим вопросам и посвящается первая часть исследования.

Вторая часть содержит обзор размещения, численности и характеристики отдельных этнографических групп и народов с неоседлым образом жизни, их форм подвижности в разных странах мира. Этим описаниям в каждой главе, посвященной частям света, предшествует краткая физико-географическая характеристика для установления местных взаимосвязей с природной средой отдельных групп неоседлого населения.

В Заключении отмечаются перспективы существования тех или иных групп неоседлого населения в разных частях света, их хозяйственно-культурная трансформация и роль в жизни разных социально-экономических систем современного мира.

* ~ *

Современное многообразие человеческих культур, пестрота этнических различий в образе жизни народов, хозяйственных, культурных и бытовых традиций, передаваемых из поколения в поколение, — все это результат исторического процесса, хозяйственно-культурной дифференциации человечества, связывающей незримыми нитями далекое прошлое народов с их современным состоянием. При этом множественность локальных проявлений человеческой культуры всегда сочетается с единством, с проявлением всеобщих формационных социально-экономических закономерностей всемирно-исторического процесса.

На ранних стадиях истории, в палеолите, развитие хозяйственной деятельности (охота на крупную дичь и т. п.) сплотило человеческие орды. Вынужденный переход в условиях верхнепалеолитического кризиса охотничьего хозяйства к охоте на небольших и быстро бегающих стадных животных способствовал развитию мезолитической (микролитической), а позже и неолитической техники изготовления каменных орудий. Новые условия охоты увеличили сезонную подвижность некоторых групп населения. Охота на мелких животных, собирательство, примитивное рыболовство, охота на птиц, усовершенствованные приемы охоты на крупных стадных животных — все это создавало базу для более интенсивной эксплуатации природных ресурсов, но требовало и более обширных территорий, что подготавливало широкие исторические миграции древнего человека. Так, верхний палеолит, а позже и мезолит стали своего рода первобытной «эпохой Великих географических открытий», когда были постепенно заселены и освоены обширные новые территории и в Старом, и в Новом Свете. В процессе древнейшего, «атомарного», по образному выражению А. П. Окладникова, расселения людей отдельные группы попадали в разные экологические условия. Одни из них становились более подвижными, другие, наоборот, приобретали навыки оседлой жизни. Так, в период мезолита собирательство и рыболовство на берегу озер или морей создали условия для появления сезонно-оседлых и

полупоселных поселений в некоторых районах. Например, в Северной Африке к этому хозяйственно-культурному типу относились в XI—IX тыс. до н. э. носители капсийской культуры (с характерными раковинными кучами), в Южной Африке — представители неолитической культуры вильтон, а в Южной Америке — береговые рыболовы и собиратели перуанского побережья IV—III тыс. до н. э. [Engel, 1963]. Этнографической параллелью им могут служить в известной степени огнеземельцы на самом юге Америки, хотя их быт в недавнем прошлом отличался подвижностью.

В Америке в XVIII в. относительно оседло жили индейцы северо-западного побережья (тлинкиты, хайда и др.), в Азии нивхи, негидальцы, на Амуре ульчи. Их рыболовческое хозяйство в устьях рек, куда ежегодно заходит для перестоя лососевая рыба, было более производительным чем хозяйство бродячих охотников и собирателей лесов умеренного пояса. Большую часть года рыболовы жили в постоянных селениях, покидая их только летом на время путины. На основе оседлого быта, интенсивного рыболовства, сочетаемого с охотой и собирательством, они достигли довольно высокого уровня экономического и культурного развития, сопоставимого с уровнем развития многих раннеземледельческих обществ. У них появилась ко времени европейской колонизации частная собственность на рабов и даже движимое имущество — меха, олесья, медные пластины [Аверкиева, 1974, с. 141—155]. Однако подобный хозяйственно-культурный тип исторически имел мало перспектив для дальнейшего самостоятельного развития, поскольку любое стихийное бедствие, изменения в экологическом балансе могли нанести хозяйству непоправимый урон. Чрезмерная специализация «присваивающих» форм хозяйства в данном конкретном случае явилась определенным тормозом, как бы боковым, тупиковым ответвлением в общем историческом процессе хозяйственно-культурной дифференциации народов мира.

Процесс расселения и освоения человечеством все новых ландшафтов, еще не преобразованных человеком экосистем сопровождался формированием разных хозяйственно-культурных типов, их подтипов с различной степенью подвижности хозяйственной деятельности и быта людей. К этим типам накануне появления земледелия и скотоводства относятся: лесные охотники и собиратели тропических лесов в жарком поясе и лесов умеренного пояса, бродячие охотники и собиратели гор и равнин аридной зоны, полупоселные рыболовы и собиратели морских побережий и дельтовых областей, охотники за крупными степными стадными животными и т. д. [Марков, 1979, с. 50—58]. Это были, видимо, немногочисленные разрозненные группы, которые вели в одних районах преимущественно подвижный бродячий образ жизни в пределах своих охотничьих угодий, а в других — полупоселный и даже почти оседлый. Большинство из этих групп на своей хозяйственной территории имели среднюю

плотность населения от 0,01 до 1,0 человека на 1 кв. км. Численность каждой группы была от 20 до 50 человек [Martin, 1972, с. 1448—1468].

С эпохи верхнего палеолита довольно четко прослеживаются хозяйственно-культурные различия среди обитателей крупных природных поясов, зон и отдельных регионов земной суши. Так, для приледниковой степной области Европы и Северной Америки в верхнем палеолите были характерны как сезонно-подвижные, так и полуседлые охотники на крупных стадных животных. Об их оседлости свидетельствуют археологические находки на Украине — многочисленные остатки круглых позднепалеолитических жилищ из костей, черепов и бивней мамонтов [Пидопличко, 1969].

В более южных засушливых и отчасти приморских областях умеренного и теплого поясов в это время стали преобладать типы, основу хозяйства которых составила охота на мелких животных, собирательство и отчасти рыболовство. Именно здесь в мезолите наметилась дальнейшая хозяйственно-культурная дифференциация с выделением специализированных сезонно-подвижных «собирателей урожая», оседлых и полуседлых приморских собирателей и рыболовов, а на открытых степных пространствах — подвижных охотников на степных стадных животных и крупных птиц.

Южнее, в пределах экваториального и субэкваториального поясов, в центре Африканского континента и на юге Азии — в древнейшей «экологической нише» человеческого рода, — археологи отметили на протяжении верхнего палеолита и мезолита большую стабильность хозяйственных и культурных традиций, хотя и здесь шли непрерывное развитие и совершенствование орудий труда и хозяйственных навыков [Кларк, 1977; Isaac, 1966; Isaac, 1971]. Здесь формировался хозяйственно-культурный тип бродячих охотников и собирателей жаркого пояса. Представители этого древнейшего типа сохранились почти до наших дней в некоторых глухих уголках влажнотропических лесов. Огромное разнообразие флоры и фауны этих лесов и соседних саванн сыграло важную роль на ранней стадии формирования человеческого общества. Однако позже эти же благоприятные условия жизни — обилие дичи и съедобных растений — проявили себя как определенный тормоз прогресса. Об этом образно сказал К. Маркс: «Слишком расточительная природа „ведет человека, как ребенка, на помочах“. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью» [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 522].

Зонально-поясные различия в природных условиях оказывали определенное воздействие на темпы исторического развития отдельных регионов и способствовали неравномерности исторического процесса у обществ, их населявших.

Засушливые территории сухих саванн, степей и пустынь представляют собой резкий контраст с лесным миром влаж-

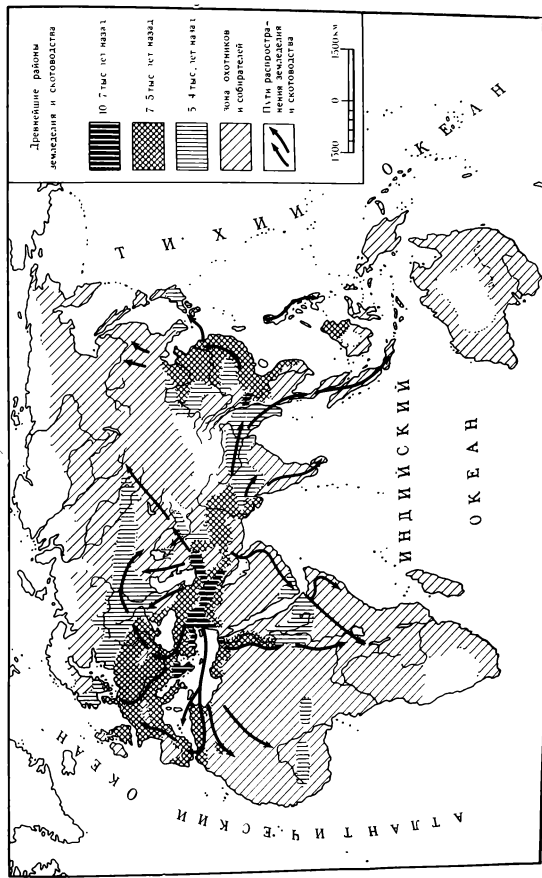

Рис. 1. ДРЕВНЕЙШИЕ РАЙОНЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА

ных тропиков. Природные ресурсы этой зоны были более скудными для человека с каменной техникой, что и отразилось на историческом отставании некоторых народов, обитавших здесь продолжительное время в полной изоляции. Классический пример — австралийцы-аборигены, которые до настоящего времени частично сохраняют неоседлый (в основном бродячий) образ жизни собирателей и охотников степей и пустынь.

К северу и югу от экватора в тропических и субтропических поясах начинают проявляться сезонные биоклиматические изменения; это обуславливало сезонную подвижность хозяйственной деятельности и быта охотников-собирателей и ранних земледельцев-скотоводов.

Переход к «производящим» формам хозяйствования и более оседлому быту у земледельцев зафиксирован археологами в древнейших очагах, где 12—10 тысяч лет назад начался сложный и длительный процесс, в ходе которого хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей сменился хозяйственно-культурным типом ранних земледельцев и скотоводов (рис. 1). По мнению К. Фланнери, этому процессу предшествовал выявленный на переднеазиатском археологическом материале переход верхнепалеолитических охотников на крупных животных к охоте на самую разнообразную дичь и широкому собирательству обильных здесь съедобных растений, особенно злаков. Этот переход получил у К. Фланнери название «революция широкого спектра», которая, по его мнению, и подготовила так называемую неолитическую революцию, т. е. переход от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию [Flannery, 1969, с. 77—79]. Эта смена хозяйственно-культурных типов сыграла решающую роль в появлении долговременных оседлых земледельческих поселений у одних групп населения и, напротив, увеличила подвижность других, специализировавшихся на разведении коз и овец [Массон, 1982, с. 61].

Новые археологические и палеоботанические исследования в самых разных областях Старого и Нового Света в общем подтвердили полицентрическую концепцию зарождения навыков растениеводства и скотоводства, разработанную замечательным советским ученым Н. И. Вавиловым. Переход к земледелию и скотоводству был длительным процессом, занявшим в отдельных очагах Старого Света два-три тысячелетия, а в Новом — три-четыре тысячи лет [Андрианов, 1968, с. 19; Harlan, 1971, с. 473].

Для освещения дальнейшей хозяйственно-культурной дифференциации народов мира большое значение имеют исследования археологов в древнейших очагах растениеводства. В Новом Свете, в Мезоамерике, археолог Р. Макнейш, например, выявил следующую картину: древнейший палеолитический комплекс бродячих охотников Дябло в долине Тамаулипас сменяется фазой Лерма (10000—7000 гг. до н. э.), когда в хозяйстве начинает играть заметную роль сезонное собирательство; следую-

шая стадия (7000—5000 гг. до н. э.) — стадия «сборщиков урожая» и появления окультуренного вида тыквы и перца, к IV тыс. до н. э. становятся известны и другие виды культурных растений, в частности маис; основа земледельческого хозяйства и оседлого быта — развитое орошаемое земледелие — во II—I тыс. до н. э. указывает на утверждение «производящего» хозяйства. В питании жителей удельный вес культурных растений в этот период вырос с 5—10 до 65—85% [MacNeish, 1965, с. 87—93].

В Юго-Восточной Азии на северо-западе Таиланда в пещере Духов при археологических раскопках обнаружены в слоях конца VIII — начала VII тыс. до н. э. остатки огурца, перца, тыквы-горлянки и др., что свидетельствовало о начальном процессе одомашнивания растений и появлении там на основе развитого собирательства примитивных навыков растениеводства огородного типа, что, безусловно, способствовало известной оседлости обитателей [Gorman, 1969, с. 671—673].

В самом древнем и лучше всего изученном очаге земледелия и скотоводства — в Юго-Западной Азии определяются следующие хронологические рубежи смены хозяйственно культурных типов: охотники и собиратели злаков позднего мезолита — XI—IX тыс. до н. э. (Шанидар, слои В₁, В₂; культура кебарен в Палестине); мезолитические «сборщики урожая» — дикого ячменя и пшеницы — X—VIII тыс. до н. э. (культура натиф в Палестине, Зави-Чеми-Шанидар в Загросе); примитивное комплексное хозяйство охотников и собирателей с элементами «болотного» или «лиманного» растениеводства в естественно увлажняемых низинах (ячмень, пшеница однозернянка и двузернянка) и с возможными навыками разведения коз в период «докерамического неолита» — IX—VIII тыс. до н. э.; на протяжении VII тыс. до н. э. происходит развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства, удельный вес в растительных остатках пшеницы возрастает с 3 до 40%, а разведение мелкого рогатого скота приобретает пастушеские отгонные формы (находки костей домашней козы в нижних слоях Тепе-Гуран составляют 80—100%); развитие ирригационных навыков (сначала в одноактной форме), появление оседло-земледельческого хозяйства и скотоводства (козы, овцы, крупный рогатый скот, свиньи) в VII—VI тыс. до н. э. (Али-Кош и Тепе-Сабз в Иране, Чатал-Гуек в Анатолии); начало территориального разделения труда, специализации районов преимущественного скотоводства или поливного земледелия с оседлыми поселениями, развитие самотечного орошения в предгорьях и на дельтовых протоках в VI—V тыс. до н. э. (Шога-Мами, Тель-эс-Севван, Хассуна I—V, Эреду XIX—X); дальнейшее развитие ирригации в долинах рек, начало возведения защитных дамб против разрушительных паводков, распространение бронзовых орудий, появление городов, начало классовой стратификации, зарождение государства (Эреду IX—I, Убейд 4, Урук, Джемдет-Наср, ран-

нединастический период) — конец IV — начало III тыс. до н. э. [Андрианов, 1968, с. 26; Массон, 1982, с. 61—64].

Так, в IV—III тыс. до н. э., зародившись на древнем Востоке в недрах первобытнообщинного строя, тип оседлых пашенных земледельцев с развитой ирригацией сыграл важную роль в становлении древнейших классовых обществ и государств. Позже появляются и новые центры всемирно-исторического развития, связанные с иными хозяйственно-культурными типами.

В обширной зоне тропических лесов Юго-Восточной и Южной Азии, Америки и Африки сложилось земледелие с возделыванием клубне- и корнеплодов. Судя по экологическим условиям их произрастания, первоначальная зона тропического земледелия сформировалась между дождевыми лесами и сухими саваннами [Haggis, 1972, с. 180—193]. В ряде стран Азии и Европы распространилось неполивное земледелие на атмосферных осадках. Большую роль в этих процессах хозяйственного освоения земледельцами и скотоводами все новых областей сыграли культурные контакты между древними народами. Различные историко-этнографические области развивались разными темпами, но благодаря постоянным или случайным культурным контактам, происходившим иногда опосредованно и на протяжении значительных промежутков времени, окраинные (по отношению к древнейшим очагам производящего хозяйства) области закаливали культурные достижения раннеземледельческих центров и могли совершать скачки в своем развитии. В этих процессах большую роль играли хозяйственные и культурные контакты подвижных по своему образу жизни скотоводов, перемещавшихся на значительные расстояния.

Б. Б. Пиотровский отметил, что, возникнув почти одновременно с земледелием, скотоводство (животноводство) развивалось иными темпами, то обгоняя земледелие, то отставая от него [Пиотровский, 1961, с. 15—20; Пиотровский, 1973, с. 1—7].

Распространение скотоводов-земледельцев в зону охотников-собирателей меняло образ жизни последних. Так, в Сахаре на фресках Тассили довольно ясно прослеживается смена охотничьего быта пастушеским скотоводством. Однако вопрос о том, что прежде всего распространялось — идеи domestikации или сами домашние животные, еще является предметом дискуссий (см. [Шнирельман, 1980, с. 212—218; Isaac, 1971, с. 466—468]). По-видимому, имело место и то, и другое. Исследовавший этот процесс В. А. Шнирельман приходит к выводу, что скотоводство проникало на новые территории двумя путями: в ходе миграций отдельных групп скотоводов; благодаря местным заимствованиям [Шнирельман, 1980, с. 212—213]. Древнейшей формой выпаса крупного рогатого скота был, по его мнению, волный выпас. Получение молочных продуктов, шерсти, а также использование мускульной силы домашних животных стало возможным лишь на определенной стадии разви-

тия раннего скотоводства с выведением особых пород и совершенствованием скотоводческих навыков [Шнирельман, 1980, с. 219].

В широкой зоне евразийских степей появление подвижных форм скотоводства обычно относят к эпохе бронзы, когда в III — начале II тыс. до н. э. стал заметен процесс разделения на более оседлых и более подвижных скотоводов. Открытие железа к концу II тыс. до н. э. («эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора» по Ф. Энгельсу), а главное — применение железа при изготовлении пахотных орудий резко раздвинуло в Европе зону пашенного земледелия и в то же время способствовало дальнейшей специализации скотоводства в зоне полупустынь и степей Евразии, расширило диапазон перекочевок и увеличило подвижность скотоводческого неоседлого населения.

Скотоводческо-земледельческие племена, характеризовавшиеся сочетанием земледелия с подвижными формами ведения скотоводческого хозяйства, широко расселились в засушливых странах Азии и Северной Африки. Это были индоарии в Индии и Афганистане, иранцы в Средней Азии и Иране, хетты в Юго-Западной Азии, гиксосы в Египте. В конце II тыс. до н. э. древнеземледельческие государства Месопотамии, Сирии и Палестины подверглись экспансии кочевников-семитов. В I тыс. до н. э. следуют миграции и нашествия кочевников-скотоводов евразийских степей (киммерийцев, саков, сарматов и др.) на юг — в Афганистан, Иран, Малую Азию. В III в. до н. э. был создан в Центральной Азии обширный племенной союз хунну, который раскинулся на огромной территории от Забайкалья на севере до Тибета на юге, от Восточного Туркестана на западе до Хуанхэ на востоке. В IV—V вв. началось нашествие гуннов на страны Западной Европы, что повлекло за собой перемещение многих народов.

В VI в. образовался Тюркский каганат. Миграции кочевников с этого времени приобретают особенно большой размах на огромной территории в аридной зоне от Дальнего Востока до Северной Африки и Атлантического побережья.

Формирование и быстрое распространение в огромной аридной зоне Старого Света хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов полностью изменило в I тыс. н. э. этническую географию этого огромного региона. Передвижения кочевых племен вызвали «цепную реакцию» в великом переселении народов. Они способствовали распространению, например, тюркских языков и тюркоязычного населения в Центральной, Северной и Юго-Западной Азии, в Восточной Европе и на Кавказе. Арабский язык и группы кочевников — бедуинов распространились от Аравии до Магриба и Западной Сахары. Завоевания кочевников способствовали созданию крупных государств, таких, как Арабский халифат, государство Сельджукидов, Османская империя и др. [Еремеев, 1981].

Развитие подвижных форм скотоводческого хозяйства в историческом процессе хозяйственно-культурной дифференциации народов мира не было изолированным процессом. На примере Средней Азии видно, как исторически складывались своеобразные формы взаимного территориального приспособления пастбищного кочевого животноводства и оседлого земледелия, соответствовавшие определенным этапам развития техники сельского хозяйства, разделения труда и обмену между земледельческими оазисами и кочевой степью и, конечно, зависевшие от политической ситуации, борьбы социальных сил [Ракитников, 1970, с. 74].

Исторические миграции кочевников не только оказали влияние на судьбы древнеземледельческих центральноазиатских цивилизаций, но и способствовали хозяйственным и культурным изменениям среди периферийных охотников и собирателей Евразии. Так, вероятно под влиянием коневодства в Центральной Азии, на Саянском нагорье возник очаг разведения оленей, и оленеводство — эта самая подвижная форма животноводства — стало постепенно проникать в зону пеших охотников Северной Азии [Вайнштейн, 1970; Вайнштейн, 1971].

Д. Е. Еремеев справедливо отмечает, что кочевое скотоводство, распространившись на огромнейшей территории от Карпат до Хуанхэ, пустынь Средней и Центральной Азии, Аравии и Северной Африки, тундр Евразии, поставило на службу человеку степь, пустыню и тундру [Еремеев, 1979, с. 13].

Сформировавшись на определенном уровне развития производительных сил, кочевое скотоводство и основанные на этой ведущей форме хозяйственно-культурные типы достигли своего расцвета в средние века, но в период промышленной революции стали склоняться к упадку. Здесь следует сказать, что высокая степень специализации кочевников-скотоводов аридной зоны стала со временем как бы тормозом в развитии их общества. Прогресс хозяйственно-культурных навыков в экстремальных природных условиях (в пустынях, тундре и т. п.) шел до определенного предела (особенно в условиях исторической и географической изоляции), и когда были исчерпаны все возможности данного типа, то начиналась вековая экономическая и культурная стагнация. Высокая специализация превращалась из фактора позитивного в фактор негативный, в тормоз прогресса хозяйства, а следовательно, и культуры данного общества. Дальнейший прогресс подобных этносов и отдельных этнографических групп становится возможным лишь на совершенно новой социальной и технической основе.

В историческом процессе каждый хозяйственно-культурный тип, как бы примитивны ни были его технические возможности и культурные навыки, сыграл в свое время прогрессивную роль. Освоение человеком различных ландшафтов обогащило культуру человечества, и каждый новый шаг в познании сил природы способствовал социальному прогрессу.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Глава I

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА

Концепция хозяйственно-культурных типов. Формы и степень подвижности отдельных групп неоседлого населения находятся в большой зависимости от уровня развития культуры и характера преобладающей хозяйственной деятельности этносов, всегда и всюду связанных с территорией множеством прямых и косвенных связей. Эти связи обусловлены как общими историческими (формационными), так и частными пространственно-временными закономерностями развития человечества. Изучение пространственно-временных закономерностей любого историко-этнографического явления помогает установить общее и особенное, выявить исторические корни сходства и различия в образе жизни людей, проследить ряды однопорядковых явлений, проходящих как бы сквозь историю различных народных культур, развивающихся под действием экономических, социально-бытовых, культурных и экологических факторов. При таком подходе две родственные исторические науки — этнография (исследующая культурно-бытовые особенности всех народов мира в их историческом развитии) и археология (изучающая материальные памятники прошлого) позволяют реконструировать путь развития хозяйства, культуры, образа жизни и форм подвижности отдельных народов в тесной связи с их пространственным размещением, географической средой и сложными экологическими связями, меняющимися от эпохи к эпохе.

Этнографы уже давно установили, что пространственно-временной подход к явлениям материальной и духовной культуры, бытовым традициям, образу жизни людей обнаруживает многообразие пространственно-ограниченных систем, среди которых советские этнографы наряду с этносами (этническими общностями самых разных иерархических уровней) выделяют два особых типа культурных (этнографических) общностей — так называемые хозяйственно-культурные типы (ХКТ) и исто-

рико-этнографические области (ИЭО), или историко-культурные области (ИКО) (см. [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 4—10; Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 6—7; Бромлей, 1981 (I), с. 48—51]).

Советские этнографы в своем анализе хозяйственно-культурного разнообразия народов мира руководствовались марксистской концепцией единства исторического процесса как на синхронном, так и на диахронном уровнях, объясняя неравномерность социально-экономического и культурного развития человечества конкретными особенностями исторического процесса у различных групп народов.

Идеи ареального анализа истории культуры народов мира были в Советском Союзе развиты в 1930-х годах этнографом В. Г. Богоразом [Богораз-Тан, 1928]. Однако начало разработки научной концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-культурных областей» следует связывать с именем С. П. Толстова и его статьей «Очерки первоначального ислама» [Толстов, 1932]. Позднее С. П. Толстов развернул эту концепцию в курсе общей этнографии, который он читал на историческом факультете Московского университета. На конкретных материалах по археологии и этнографии эту концепцию успешно развили А. М. Золотарев, А. П. Окладников, С. А. Токарев, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров и многие другие.

Наиболее полно концепция пространственно-временной, хозяйственно-культурной и историко-этнографической регионализации традиционно-бытовых культур была изложена М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым в совместной статье, опубликованной в 1955 г. [Левин, Чебоксаров, 1955]. Авторы рассматривают в ней важнейший для этнографической науки вопрос о причинах сходства и различия в образе жизни народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития. Пространственно-временной анализ обширного этнографического и отчасти археологического материала позволил М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову осветить причины сходства и различий народных культур и сформулировать суть понятий «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область». Определения эти сохраняют свое значение до настоящего времени. Авторы исследовали соотношение ХКТ и ИЭО, их отношение к этносу, языкам, расовым признакам [Марков, 1979, с. 23; Бромлей, 1981 (I), с. 84, 130].

Хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. Это могут быть народы, далеко удаленные друг от друга, но имеющие сходные комплексы культуры, которые возникают в процессе исторического взаимодействия общества с географической средой. Авторы подчеркивают, что речь идет не просто о хозяйственных,

а о хозяйственно-культурных общностях, так как направление хозяйственной деятельности и географическая среда в значительной степени определяют особенности материальной культуры народов, типы их поселений и жилищ, средств передвижения и способов переноски тяжестей, пищи и утвари, одежды и обуви и т. д. [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 4]. В отличие от антропогеографов, абсолютизировавших воздействие среды на общество, этнографы в СССР рассматривают взаимодействие этнических общностей с природой в процессе хозяйственно-культурной дифференциации человечества в историческом плане, подчеркивая опосредствованное влияние географических факторов и ведущую роль социально-экономических условий [ПЭГК, с. 10; Бромлей, 1981 (I), с. 245—246].

Историко-этнографические области, как правило, охватывают группы народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, но связанные между собой общностью исторически судеб, длительностью соседства и общения.

Разница между хозяйственно-культурными типами и историко-этнографическими областями заключается и в том, что группа народов, образующая одну историко-этнографическую область, может быть носителем нескольких хозяйственно-культурных типов и, напротив, один и тот же хозяйственно-культурный тип может быть характерным для самых различных народов мира. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области находятся в соподчиненных отношениях друг с другом, подобно тому как в ландшафтной оболочке соотносятся между собой типы ландшафтных комплексов и региональные физико-географические районы, образующие два разных уровня дифференциации.

Работа М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова 1955 г. послужила основой для многих общих и региональных разработок этой важной темы на материалах самых разных регионов и стран мира: Юго-Восточной Азии [Чебоксаров, 1966; Чеснов, 1965; Чеснов, 1966; Чеснов, 1976], Средней Азии [Андрианов, 1963], Вьетнама [Мак-Дыонг, 1970; Мак-Дыонг, 1972], Индонезии [Ава, 1970], Молуккских островов [Членов, 1976], Дальнего Востока [Чебоксаров, 1969], Тувы [Вайнштейн, 1972], Прибалтики [Моора, 1956; Чебоксаров, 1960], Японии [Joshiro, 1965] и некоторых других областей земного шара.

В последние годы эта концепция получила дальнейшее развитие, о чем свидетельствуют различные публикации [Андрианов, Чебоксаров, 1972; Андрианов, Чебоксаров, 1975 (I); Андрианов, Чебоксаров, 1975 (II); Алексеев, 1975; Чеснов, 1979; Марков, 1979; Мелконян, 1981; и др.]. Перед исследователями ХКТ и ИЭО стоит еще много сложных и нерешенных проблем. Они относятся и к общей систематике этих историко-этнографических общностей, и к их структуре, внутреннему содержанию, и к истории развития отдельных типов и областей. Например, существенно замечание С. А. Арутюнова и Ю. И. Мкрту-

мяна о необходимости различать родственные по происхождению и конвергентные ХКТ, возникающие в разных уголках планеты лишь под воздействием сходных факторов и общих закономерностей [Арутюнов, Мкртумян, 1981, с. 5].

Остро стоит вопрос о доведении историко-этнографической типологии ХКТ (отражающей традиционные исторические формы хозяйствования, культуры и быта) до современности, до времени внедрения в сельское хозяйство достижений научно-технической революции и формирования хозяйственно-культурных комплексов нового типа. Соединение исследований географов по современному сельскому хозяйству и материалов этнографов, характеризующих обширные регионы развивающихся стран, поможет ликвидировать существенный разрыв. Но работа эта только разворачивается.

Весьма сложна проблема социально-экономического содержания ХКТ и его соотношения с понятием «социально-экономическая формация», поднятая Э. Л. Мелконяном. Методологическая ценность ХКТ, по его мнению, в том, что это понятие позволяет свести в единый типологический ряд различные, конвергентно выработанные в разных частях земного шара культурно-исторические системы в результате сходности естественного-географических условий [Мелконян, 1981, с. 109]. Понятие ХКТ позволяет также типологизировать отношение общества к природе под углом зрения хозяйственной специализации и культурной специфики, продиктованной средой обитания. Это понятие в отличие от понятия «социально-экономическая формация» включает только элементы производительных сил: производственные навыки людей — участников общественного производства, средства производства (средства труда и предметы труда).

Всплощая отношение людей к природе во всех доиндустриальных обществах, ХКТ самим процессом хозяйственной деятельности включены в экономические структуры общества. Они тесно связаны со способом производства каждого социального организма, поэтому между ХКТ и формационными этапами истории человечества существуют определенные исторические связи [Чебоксаров, 1978, с. 282]. Если понятие «социально-экономическая формация» обобщает в самом широком плане историю человеческого общества, разделения труда и развития форм собственности, то ХКТ позволяют типологизировать конкретные исторические и ареальные формы взаимодействия общества и природы в связи с развитием производительных сил, хозяйственной специализацией и культурной спецификой [Мелконян, 1981, с. 114—118]. ХКТ определяются господствующим в данном обществе способом производства, так как именно от него зависит характер взаимодействия людей с окружающей средой.

Процесс исторического развития ХКТ может рассматриваться как определенная смена и развитие динамических систем во

времени и пространстве. Это своеобразные социокультурные системы, связывающие группы населения (этносы или их части) через механизмы культуры и хозяйственную деятельность с природной средой разного уровня — планетарного, регионального и локального [Андрианов, 1981, с. 252—284].

Значение системно-структурного подхода к многообразию форм образа жизни людей (и в данном случае форм подвижного быта неоседлого населения) чрезвычайно велико. Для анализа ХКТ необходимы не только характеристики признаков и отношений, но и анализ структурных элементов, взаимных связей и функциональных отношений главных составляемых общества, хозяйства, географической среды [Юдин, 1975, с. 26].

Географическая среда, служившая на ранних этапах истории человечества главной основой производства, определяла разнообразие материального производства в разных экологических средах, что, в свою очередь, отражалось на формировании и закономерной смене различных ХКТ в их историческом развитии. Одни из них восходят в своем зарождении ко времени древнего расселения людей на планете, к периодам позднего палеолита, мезолита и неолита, другие появились позднее — в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления раннеклассовых обществ, рабовладения или феодализма. Промышленная революция, сопровождавшаяся становлением капитализма, в сельскохозяйственном производстве поставила между природой и человеком машину; она деформировала и даже разрушила некоторые ХКТ, но многие из них еще существуют и теперь в обширной зоне развивающихся стран, где в сельском хозяйстве преобладают исторически сложившиеся традиционные формы ведения хозяйства, культуры и размещается основная масса неоседлого населения [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 170; Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 15—16].

Начиная с работ Э. Хана в конце XIX в. [Hahn, 1892] были сделаны определенные шаги в деле картографирования хозяйственно-культурного разнообразия народов мира [Hahn, 1892; Whittlesey, 1936; Grigg, 1969]. В СССР этому способствовали успехи этнической картографии и составление карт народов мира. В 1972 г. в журнале «Советская этнография» была помещена карта «Хозяйственно-культурные типы земного шара на рубеже XIX—XX вв.» с характеристикой типов, основанной на историко-генетической типологии. Позже эта характеристика была усовершенствована и представлена на схематической карте, опубликованной в журнале «Природа» (см. [Андрианов, Доскач, 1983, а также карту на переднем форзаце]).

Как известно, картографический метод изучения закономерностей территориального размещения этнических и этнографических объектов и явлений стал важным инструментом познания общих и частных закономерностей, которыми занимается этнография [ПЭГК, с. 3—5]. Систематизация и картографирование громадного фактического материала, характеризующего

культурно-бытовое разнообразие народов мира в прошлом и настоящем, позволяя исследователям решать широкие региональные и планетарные историко-этнографические задачи, к которым следует отнести и задачу изучения форм подвижности неоседлого населения мира.

Метод картографирования и научная группировка явлений традиционной культуры в виде пространственных, географически выраженных таксономических единиц — типов, отражающих генетические, временные ряды, не только служат целям упорядочивания огромного этнографического материала и систематизации культурно бытового многообразия этносов мира, но и помогают раскрытию содержания отдельных ХКТ, в том числе и типов, связанных с неоседлым населением.

Исследования этнографов и археологов позволили реконструировать сложный исторический путь хозяйственно-культурной дифференциации народов мира. Оказалось, что все ХКТ могут быть объединены в три основные стадияльно-типологические группы, которые различаются между собой все более высокой производительностью труда и нарастающей величиной прибавочного продукта. К первой группе относятся ХКТ с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства, ко второй — мотыжного (ручного) земледелия и скотоводства, к третьей — плужного (нашленного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных [Чебоксаров, 1978, с. 282]. Многие ХКТ сохраняются в той или иной форме до наших дней. Они связаны с подвижностью быта и специфическими чертами культуры. Так, для ХКТ с «присваивающими» формами хозяйственной деятельности (охотники-собиратели жаркого пояса) характерны высокая подвижность хозяйственной деятельности и быта, скудость материальной культуры, архаичность социальных структур, отсутствие институтов формальной власти, анимистические формы религиозных представлений и система ценностей, основанная на всеобщем равенстве и коллективном распределении продуктов труда [Шнирельман, 1982, с. 26—27]. Собиратели и охотники там, где их натуральное хозяйство еще не разрушено товарной экономикой, как правило, в своем социальном развитии пока не вышли за пределы первобытнообщинных структур. Возможности развития производительных сил у них были всегда весьма ограничены, прибавочный продукт незначителен или отсутствует, нет (за некоторым исключением) экономической основы для заметного имущественного неравенства [Чебоксаров, 1978, с. 283]. Для поддержания своего существования они вынуждены в жарком поясе небольшими локальными группами часто передвигаться по обширным «кормовым» территориям [Butzer, 1982, с. 234—243]. В холодных странах, в Арктике, даже там, где морской промысел обеспечивает годовую оседлость всего коллектива, сезонная подвижность части населения является жизненно необходимой. Оседлость на «присваивающей»

стадии развития хозяйства скорее исключение, чем правило. Этнографические и экологические исследования показали, что в это время между средой и человеком существовали довольно определенные, строго лимитированные отношения, когда пищевые ресурсы обитаемой территории («антропогеоценозы», по В. П. Алексееву) служили как бы своеобразными регуляторами численности населения [Krzywicki, 1934, с. 52; Покшишевский, 1974, с. 23].

ХКТ охотников и собирателей лесов жаркого пояса является древнейшим типом, который до неолитической революции господствовал во влажнотропических лесах и саваннах жаркого пояса, а позднее постепенно сменялся иными ХКТ (см. карту на переднем форзаце).

Во многом близки к охотникам-собирателям лесов жаркого пояса береговые собиратели и рыболовы, для которых в прошлом, а отчасти и теперь характерен более оседлый образ жизни.

Сезонную подвижность образа жизни сохраняют до сих пор в Австралии некоторые группы австралийцев-аборигенов — представителей ХКТ охотников и собирателей степей и полупустынь жаркого пояса. К этому типу относятся также в Африке некоторые племена бушменов Калахари, в Бразилии обитатели сухих саванн (льяно) и ряд других этносов.

Переменно-оседлый и сезонно-подвижный образы жизни характерны для ХКТ охотников и рыболовов тайги и тундры умеренного и холодного поясов Старого и Нового Света. Теперь это промысловые охотники; сезонная подвижность сохраняется у части населения, которое охотится на оленей, пушного зверя, ловит рыбу летом и зимой подо льдом и т. п.

С ХКТ охотников и рыболовов тайги и тундры тесно смыкается ХКТ арктических охотников, сочетающих охоту в море на морского зверя с охотой в тундре на диких оленей, мускусовых быков, песцов, леммингов и птиц. Почти все охотники еще недавно вели переменно оседлый образ жизни с сезонной подвижностью части населения.

К первой группе ХКТ с «присваивающими» формами хозяйственной деятельности могут быть также отнесены в качестве подгруппы некоторые типы с переходными к «производящему» хозяйству формами. Это в жарком поясе собиратели Молуккских островов — «рубщики саго», которые также занимаются тропическим земледелием и отчасти рыболовством; мотыжные (ручные) земледельцы — охотники и собиратели экваториальных лесов бассейна Амазонки и Ориноко; к группе с переходными формами хозяйства могут быть отнесены и оленеводы-охотники тайги и тундры холодного пояса, для которых характерен сезонно-подвижный образ жизни. Скандинавский этнограф Тим Ингольд показал, что между оленеводами тайги и тундры существуют большие различия в продолжительности и характере миграции (см. [Ingold, 1978, а также рис. 2]).

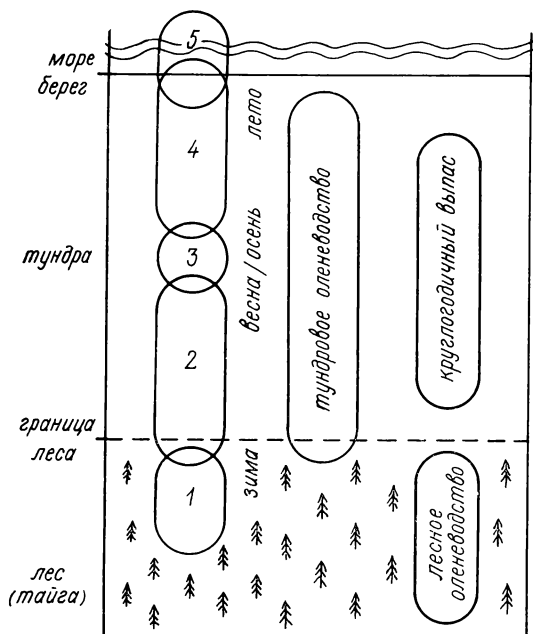

Рис. 2. ОЛЕНЕВОДЫ ТАЙГИ И ТУНДРЫ.
СХЕМА СЕЗОННЫХ МИГРАЦИИ
(по Ингольду)

В тайге оленеводство развивалось преимущественно для верховой езды и перевозки грузов. Использование оленя как транспортного животного увеличило подвижность пеших охотников, расширило район охотничьего промысла. Но оленеводство не было у них главным занятием, и особенности их материальной культуры остались прежними: переносное жилище — чум, транспортное средство на воде — лодки из бересты, меховая распахная одежда и т. п. [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 204].

Крупнотабунное оленеводство как ведущая отрасль хозяйства появилось в Сибири лишь в середине XIX в. у обитателей лесотундры и тундры — ненцев, оленных чукчей, коряков, саамов, нганасан, селькупов и др. Для этого ХКТ оленеводов-охотников холодного пояса были характерны в начале XX в. круглогодичный кочевой образ жизни, всецело подчиняющийся интересам оленеводства, регулярные забои домашних оленей на мясо и шкуру, сокращение в хозяйстве роли охоты и рыболовства [Крупник, 1976 (I), с. 69]. В настоящее время в советской Арктике бытовое кочевание оленеводов сменилось оседлостью основной массы населения в постоянных поселках и производственным сезонным выпасом оленей специальными бригадами

пастухов, регулярно снабжаемых с баз и сменяемых время от времени [Белинский, Дмитриева, 1976, с. 85--101].

Следующая широкая группа ХКТ объединяет типы с производящей экономикой, основанной на ручном труде. Это мотыжные или палочно-мотыжные земледельцы жаркого пояса с переложным земледелием, а также скотоводы-земледельцы с подсобными занятиями — охотой и рыболовством. Они до сих пор существуют в жарком поясе Африки, Азии и Америки. Часть из них сохраняет сезонно-подвижный образ жизни. ХКТ этой группы во всех отношениях представляют значительный шаг вперед по сравнению с типами первой группы. Экстенсивное использование занимаемой ими территории и природных ресурсов постепенно сменяется более интенсивным. Повысилась производительность труда, и появилась возможность некоторого накопления избыточного продукта: у земледельцев — растительных продуктов и материалов, у ранних животноводов — скота. Социальные структуры усложняются. Исследованиями Ю. И. Семенова и А. И. Першица показаны различия между раннепервобытной (раннеродовой) общиной, получавшей главным образом жизнеобеспечивающий продукт, и позднепервобытной (позднеродовой) общиной, обладавшей уже регулярным избыточным продуктом, что подготовило появление имущественного неравенства, а позже и личной собственности. Следующий этап в развитии социальных структур — первобытная соседская (протокрестьянская) община [Першиц, 1980, с. 72—73].

С развитием земледелия (особенно ирригационного) и подвижного скотоводства создаются возможности значительного имущественного неравенства и возникновения раннеклассовых отношений, в частности рабовладельческих и даже феодальных [Чебоксаров, 1978, с. 287]. Ремесло у народов этой группы уже может отделиться от сельского хозяйства. Увеличивается обмен между разными этническими общностями, делаются заметными различия в хозяйственной деятельности и культуре отдельных ХКТ. В этих процессах немалую роль сыграли эволюция и смена ХКТ, основанных на преобладании земледельческой или скотоводческой деятельности. На ранней стадии скотоводство легче давало прибавочный продукт, чем земледелие. Разделение труда между земледельцами и скотоводами увеличивало оседлость первых и сезонную подвижность вторых, что, по-видимому, способствовало различиям в ходе социальных процессов: в оседло-земледельческой зоне кровнородственные связи довольно быстро сменяются соседскими (территориальными), общинными, а в кочевно-скотоводческой зоне формируются сложные иерархические племенные, часто вторичные (псевдокровнородственные) структуры [Жданко, 1974, с. 26; Марков, 1976, с. 310—311; Еремеев, 1981, с. 72]. Для племенных кочевнических структур характерна динамичность и лабильность [Марков, 1977, с. 23]. В то же время в процессе развития община кочевников становится не только хозяйствен-

ной, но и низовой военно-административной, фискальной единицей [Першиц, 1976, с. 306].

Как показали исследования А. И. Першица, кочевнические общности являлись частью оседло-земледельческих, но развивающихся более замедленными темпами [Першиц, 1982]. На основе подвижного кочевого скотоводства в степной, аридной зоне Старого Света сложилось несколько ХКТ. Эти типы зафиксированы от монголов на востоке до кочевых арабов и берберов Сахары на западе. Кочевой образ жизни паложил глубокий отпечаток на всю культуру народов, часть которых была оседлыми или полuosедлыми земледельцами, а часть вела преимущественно подвижный образ жизни скотоводов, передвигаясь вместе со всем имуществом и стадами в зависимости от сезонов от одного пастбища к другому.

На рубеже XIX — XX вв. существовало несколько локальных вариантов ХКТ кочевников-скотоводов: в пустынях и саваннах жаркого и теплою пояса (беджа и сомали в Африке); в сухих предгорьях Юго-Западной Азии (белуджи, бахтиары и др.); в пустынях и степях умеренного пояса (монголы, казахи, киргизы и др.); на высокогорных плато Центральной Азии (тибетцы, киргизы Восточного Памира и др.) [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 15].

Для всей этой группы ХКТ характерны различные формы бытового кочевания и сезонной подвижности: от круглогодичного передвижения группы скотоводов с одного временного стойбища на другое до оседлого быта в постоянных селениях и сезонного отгона стад на горные летние пастбища пастухами (см. карту на заднем форзаце).

Некоторые черты древнего ХКТ пастушеских скотоводов и земледельцев сохранились почти до наших дней у многих современных народов Европы, Кавказа и Азии. Комплексный скотоводческо-земледельческий характер хозяйственной деятельности этого населения требовал сезонных передвижений пастухов на горные пастбища, где они проводили значительную часть года в постоянных или временных селениях. Эти формы производственной подвижности пастушеских групп сохраняются и теперь среди обитателей многих горных областей (на Пиренейском полуострове, в Альпах, Карпатах, на Кавказе и др.) [Чебоксаров, 1978, с. 289].

Своеобразную хозяйственно-культурную группу, весьма пеструю в этническом отношении, образуют «морские кочевники» Индонезии, Малайзии и Филиппин. Главными занятиями «морских кочевников» являются рыбная ловля и добыча жемчуга [МНИМФ, с. 224].

Традиционно-подвижный образ жизни до сих пор характерен для части цыган, которых часто называют «кочевые цыгане». Они встречаются почти во всех странах мира. Подавляющее большинство из них говорит на цыганском языке, который относится к новоиндийским языкам индоарийской группы ин-

доевропейской семьи языков [Вентцель, 1966, с. 630]. Во второй половине I тыс. н. э. предки цыган — выходцы из разных каст и этнических групп Северо-Западной Индии начали мигрировать на запад — в Иран, Малую Азию, Египет, на Балканы, а позже и в страны Центральной, Северной и Восточной Европы. В Молдавии они, например, появились в XV в., а первое известие о цыганах в Скандинавии относится к 1512 г. [Анохин, 1978, с. 176]. Самоназвание цыган — «ромá», «рóm», «роми» (досл. «мужчина»), «ромни» («женщина»). Этнимом «цыгане», по мнению цыгановеда Ф. Миклошича, связан с греческим названием этого народа — «ациганос». Существует множество местных наименований цыган. В Западной Европе цыгане, по мнению французского исследователя Ж.-П. Льежуа, относят себя к трем этнографическим группам [Льежуа, 1983, с. 139]. Наиболее многочисленны — ром, рома (диалект романы). Они включают подгруппы кэлдэрари, ловари, чурари. Особые группы образуют в Центральной Европе цыгане мануш (диалект синти), а в Испании — кале (диалект кало). Теперь влашско-цыганская этническая группа кэлдэрари встречается во многих странах: СССР, Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Польше, Швеции, ГДР, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Великобритании, Канаде, США, Мексике, Колумбии, Перу, Аргентине, Чили, ЮАР и Австралии [Деметер, Деметер, 1981, с. 6]. В Молдавии кроме кэлдэрари в начале XX в. были известны цыгане лингурари, изготавливавшие деревянную посуду и утварь, цыгане лэеши, выполнявшие кузнечные и слесарные работы. Поскольку они жили в шатрах, молдаване иногда называли их «шартрарь».

По степени подвижности цыгане теперь могут быть подразделены на кочевых (точнее, бродячих) и оседлых. Подвижный образ жизни кочевых цыган связан с самыми различными занятиями: кузнечным, медно-лудильным делом, изготовлением корзин и деревянной утвари, с торговлей лошадьми, дрессировкой животных, музыкой — пением и танцами на улицах и т. п. Большая часть цыган, однако, уже рассталась с кочеванием и живет оседло в постоянных селениях и городах. В их духовной культуре сохраняются многие самобытные черты, особенно в музыкальном и танцевальном фольклоре [Токарев, 1958, с. 213—215]. В Западной Европе, по мнению Ж.-П. Льежуа, оседлые цыгане сохраняют традиции и некоторые обычаи кочевых цыган. Они могут продолжительное время жить в пригородах какого-то города, размещаясь в палатках или постоянных жилищах. Но рано или поздно они покидают это место и переселяются в другое. По словам Ж.-П. Льежуа, «у оседлых цыган кочевничество присутствует в какой-то мере в их внутреннем сознании и образе мышления, в традиционном понимании это даже нельзя назвать оседлостью» [Льежуа, 1983, с. 144]. Оседлыми цыганами следует называть тех цыган, которые живут на одном месте на протяжении ряда поколений.

Перемещение и странствования цыган являются необходимым средством для сохранения родственных связей и укрепления сплоченности. Взаимопомощь и сплоченность той или иной группы цыган ложникает и укрепляется именно во время странствований, совершаемых одной или несколькими семьями родовой группы или ее частью [Льежуа, 1983, с. 144].

«Цыганский» бродячий образ жизни продолжают вести и некоторые неоседлые группы населения Азии и Европы, которых часто формально причисляют к цыганам, хотя они имеют совершенно другое происхождение. Таковы в Индии наты, луты, бадийа, лохары; в Юго-Западной Азии — каули, боша, карачи, навары (нури); в Японии — тобуши, себры, тамба и др. [Санаров, 1971, с. 65].

До механизации сельского хозяйства большинство населения умеренного пояса Европы, стран Северной Азии и Северной Америки, колонизованной европейцами, принадлежало к ХКТ оседлых пашенных земледельцев лесов и лесостепей. Существовали на рубеже XIX—XX вв. и многие другие земледельческие и скотоводческие ХКТ, особенно в странах, ставших в начале XX в. объектом колониальной экспансии европейских держав [Андрианов, Чебоксаров, 1972]. Колониализм затормозил социальные и экономические преобразования в этих странах и способствовал сохранению докапиталистических порядков, этнической разобщенности, экономической и культурной отсталости народов, но с завоеванием независимости в середине XX в. появилась реальная возможность преобразования архаических форм ХКТ, преодоления отсталости.

В экономически наиболее развитых странах Европы и Америки процессы индустриализации и урбанизации привели к тому, что подавляющая часть населения стала втягиваться в индустриальную деятельность и ХКТ с земледельческо-скотоводческой основой начали терять свое значение, деформироваться и даже разрушаться. Теперь некоторые ХКТ в видоизмененном виде входят (преимущественно в сфере сельского хозяйства) в состав новых зональных экономических и культурно-бытовых комплексов, которые складываются в условиях быстрого научно-технического прогресса, коренных изменений социальной структуры населения, роста городского населения и интернационализации многих элементов материальной и духовной культуры. К этим комплексам относятся ареалы высокоразвитого товарного земледелия, интенсивного товарного животноводства, тропического плантационного сельского хозяйства и, наконец, ареалы преобладания городского промышленного населения [Чебоксаров, 1978, с. 292].

На формирование хозяйственно-культурных комплексов мира нового времени огромное влияние оказало появление первого социалистического государства — СССР, а позже и группы социалистических государств, образовавших социалистическую систему, где ХКТ всех предыдущих эпох стали трансфор-

мироваться или быстро исчезать как устойчивые территориально-хозяйственные комплексы, хотя отдельные их черты, пройдя глубокую трансформацию, обрели новую жизнь. Некоторые из элементов традиционных ХКТ, в том числе и типов, связанных с сезонной подвижностью части населения, представляют собой ценное культурное наследие. Поэтому они бережно сохраняются и получают дальнейшее развитие в новых социалистических условиях жизни людей.

Географическая среда и неоседлое население. В наши дни население с той или иной формой подвижности в своей хозяйственной деятельности использует, как уже отмечалось, две планетарно обитаемой суши в самых различных областях земли — от экваториальных лесов жаркого пояса до арктических побережий и тундр Крайнего Севера. Поэтому, исследуя формы бытовой подвижности и хозяйственной деятельности отдельных групп неоседлого населения мира, нельзя не затронуть общие проблемы, связанные с влиянием на их жизнь географической среды.

Являясь особой, высшей формой движения материи, общество органически включено в биосферу и находится с нею во взаимодействии на всех трех основных геосистемных уровнях (планетарном, региональном, локальном). Они изучаются различными науками о Земле и обществе.

Исследователям природных систем приходится учитывать не только структуры ландшафтной оболочки, функциональные связи отдельных элементов биогеоценозов, но и антропогенное воздействие на них — последствия современной и всей тысячелетней хозяйственной деятельности людей, преобразующих земную поверхность в зависимости от образа жизни, уровня социально-экономического развития и характера локальных культур [Доскач, 1968, с. 58—68; Хаггет, 1979, с. 203—230].

Представители исторических наук, изучая судьбы народов, сходство и различия их культур, не могут игнорировать сложные и меняющиеся на разных стадиях социально-экономического развития взаимоотношения человеческого общества с географической средой. Эти взаимоотношения носят и конкретный биологический (физиологический) адаптивный характер, и характер социальный, исторический, адаптивно-адаптирующий [Маркьян, 1973, с. 56, 142].

Для планетарного уровня характерны процессы биологической адаптации человечества к зональным различиям природы. Как доказали антропологи, влияние этих различий отразилось на всем сложном процессе формирования человеческих рас и расовых различий. Локальная специфика расообразования определялась и механизмами биологической адаптации к природным поясам и зонам, и характером географических барьеров, определявших «генетические разрывы» в распространении тех или иных расовых типов в «сплошном антропологическом покрове» [Алексеев, 1974, с. 283, 297—299].

Социальные аспекты взаимодействия общества и природы носят более сложный характер. Для нашей темы весьма существенное значение имеют вопросы взаимодействия общества и природы, обуславливающие те или иные формы подвижной хозяйственной деятельности людей в разные исторические периоды.

Но прежде чем перейти к рассмотрению некоторых из этих вопросов, следует в общих чертах охарактеризовать представления о географической среде, ее ресурсах, о пространственных особенностях и закономерностях ее развития.

Вопросы дифференциации природы обусловлены особенностями геологического развития крупных форм земной поверхности и созданием крупных соподчиненных планетарных и региональных физико-географических единиц — континентов, субконтинентов, физико-географических поясов, секторов, стран, почвенно-климатических фаций, геосистем и др. Они разработаны в трудах А. А. Григорьева, И. П. Герасимова, В. С. Преображенского, В. Б. Сочава и других современных исследователей [Исаченко, 1971].

Весьма важным является теоретический подход к дифференциации географической оболочки, предложенный В. Б. Сочава, выделившим три последовательных уровня, или порядка: планетарный (пояса и природные области), региональный (провинции и зоны) и локальный, или топологический (урочища, фации) [Сочава, 1967; Сочава, 1970]. Подобный дифференцированный подход к систематике природных комплексов и процессов не только отвечает современным задачам физико-географического анализа ландшафтной оболочки, но и дает более правильное представление о иерархичности закономерностей взаимодействия общества и природы [Исаченко, 1965, с. 113—115; Андрианов, 1981, с. 252; Андрианов, Доскач, 1983].

В настоящее время на суше выделяются тринадцать поясов: один экваториальный, два субэкваториальных (в Северном и Южном полушариях), два тропических, два субтропических, два умеренных, два субполярных (субарктический и субантарктический) и два полярных (арктический и антарктический) [Лукашова, Игнатьев, 1964].

Крупной составной частью природных поясов являются зоны, различающиеся внутри каждого пояса степенью увлажненности территории и соотношением тепла и влаги. Зоны принято выделять по характеру растительности — тундры, лесотундры, тайга, смешанные леса, широколиственные леса, лесостепи и прерии, степи, полупустыни и пустыни и др. [Миланова, Рябчиков, 1978, с. 52—53]. Зоны, в свою очередь, подразделяются географами на однородные по условиям развития природные системы — ландшафты. Последние по своим характеристикам (микроклимат, микрорельеф, почвенные подтипы и т. п.) разделяются на более мелкие территориальные комплексы — урочища и фации. Если последние занимают площадь от одного до

колебаний) достаточно комфортны для жизни людей с «присваивающими» и отчасти «производящими» формами хозяйственной деятельности. Огромное видовое богатство экваториальных лесов сыграло важнейшую роль в формировании человеческого общества на ранней стадии собирательства. В то же время слишком благоприятные условия в ту отдаленную эпоху в известной степени тормозили социальный прогресс, на что обратил внимание еще К. Маркс (см. [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 522]). Поэтому в наиболее глухих лесных областях жаркого пояса до сих пор сохранились ХКТ бродячих собирателей и охотников, а также полусоседлых палочно-мотыжных земледельцев-охотников. Эти типы хозяйства встречаются в экваториальных лесах и саваннах Африки (монго, азанде и др.), Америки (унитото), Азии (сенои) и др.

Окраинные области жаркого пояса — субэкваториальные и тропические — обладают хорошо выраженным сезонным ритмом биоклиматических процессов, сезонными изменениями в характере растительного покрова, что не только способствует сезонной подвижности охотников и собирателей, но и сказывается на соотношении земледелия и скотоводства. В пустынных, аридных областях эти сезонные ритмы выражены наиболее четко и подвижность неоседлого скотоводческого населения наиболее значительна.

Следующий после жаркого пояса субтропический пояс, называемый климатологами «теплым», расположен примерно между 30° и 40° широты в Северном и отчасти в Южном полушарии. Теплый пояс наиболее четко выражен по берегам Средиземного моря и в прилегающих областях. Этот пояс по сравнению с жарким отличается пониженным, но еще довольно высоким показателем радиационного баланса (до 75 ккал/кв. см в год), ярко выраженной сезонностью климатических условий, причем зимой погода зависит от воздушных масс умеренного пояса, а летом — тропического.

В жарком, теплом и отчасти умеренном поясах вследствие особенностей циркуляции атмосферы обширные территории обладают минимальными осадками и пустынными ландшафтами. Это так называемые аридные земли. Они занимают одну пятую всей суши земли (30—32 млн. кв. км). Здесь и расселена основная масса современного неоседлого населения. Это кочевники и полукочевники — скотоводы, совершающие вместе со своими стадами сезонные перемещения с одного пастбища на другое. Здесь распространены кустарниковые и полукустарниковые пустыни и полупустыни с сероземными почвами; скудные (100—200 мм) осадки и высокая испаряемость мешают развитию растительности, в разреженном покрове преобладают ксерофиты [Базилевич, 1970].

По данным М. П. Петрова, общая площадь аридных земель распределяется между природными зонами и континентами следующим образом [Петров, 1973, с. 8] (млн. кв. км):

<i>Тропическая зона</i>	17,0
Африка	8,9
Евразия	3,7
Австралия	3,2
Южная Америка	0,8
Северная Америка	0,4
<i>Субтропическая зона</i>	7,4
Евразия	4,7
Африка	1,1
Австралия	0,2
Северная Америка	0,9
Южная Америка	0,5
<i>Умеренная зона</i>	7,0
Евразия	5,9
Северная Америка	0,6
Южная Америка	0,5

В аридной зоне живет около 90% неоседлого населения мира. Это обширные пространства Северной Африки, где расположена самая крупная в мире пустыня — Сахара, занимающая свыше четверти Африканского континента; это Калахари и Намиб в Южной Африке; Аравийский полуостров в Азии, часть Ирана, Афганистана и Пакистана; равнинные территории среднеазиатских республик и Казахстана на юге СССР (Кызылкумы, Каракумы, Устюрт, Бетпак-Дала и др.); пустыни Такла-Макан, Гоби и др. в Центральной Азии; половина Австралийского континента; полупустыни и пустыни Мексики, юга США и Южной Америки.

Хотя в пустынях объем биомассы невелик, биологический круговорот ее здесь отличается большой потенциальной интенсивностью. Об этом свидетельствуют как культурные и густонаселенные оазисы на орошаемых землях пустынной зоны, созданные руками земледельцев, так и естественные заросли в долинах рек. Многие оазисы аридной зоны возникли в глубокой древности и представляют собой наиболее яркий пример «очеловеченной» природы, преобразованной трудом многих поколений земледельцев [Андрианов, 1969, с. 16]. Традиционный тип хозяйства пустынь — скотоводство. Длительная эксплуатация пастбищ приводила здесь к изменению растительного покрова. Неумеренный выпас скота и загоговка кустарников на топливо близ колодезей и оазисов, к которым нередко приурочены сезонные поселения скотоводов, способствовали оголению песков на значительных пространствах, но наряду с этим в толще песков образовались разобщенные скопления (линзы) пресных инфильтрационных вод, широко используемые для водопоев скота и смягчающие общий дефицит пресной воды в пустыне.

Умеренный пояс занимает обширные пространства на материках Северного полушария и незначительную площадь суши в Южном полушарии. Здесь развиваются различные ландшафты:

от пустынь и степей на юге до широколиственных, смешанных и хвойных таежных лесов на севере. Радиационный баланс варьирует от 30—35 до 55—60 ккал/кв. см в год. Преобладает циклональная циркуляция атмосферы. Сумма активных температур колеблется от 1500 до 4000°. Хорошо выражены четыре сезона года. Сезонность проявляется во многих природных процессах (периодичность снежного покрова, замерзание рек, вегетация растительности, миграция животных). Последнее обстоятельство имело и до сих пор имеет огромное значение для неоседлого населения, передвижения которого как в прошлом, так и в настоящее время обусловлены сменой растительного покрова и перегонном стад с одного пастбища на другое.

Для умеренного пояса характерно большое природное разнообразие: чередование обширных равнин, низменных и возвышенных, удобных для земледелия и скотоводства, с горными областями. Природное разнообразие ландшафтов и биомассы умеренного пояса отразилось на темпах исторического процесса продвижения и дифференциации различных ХКТ, особенно в Старом Свете.

В умеренном поясе наиболее широкое развитие получили ХКТ, основанные на плужном (пашенном) земледелии. В современном сельском хозяйстве в северной части пояса преобладает животноводческое направление, южнее — зерновое земледелие, а на самом юге — отгонно-пастбищное или кочевое животноводство в сочетании с оазисным орошаемым земледелием [Ракитников, 1970, с. 313—325].

Холодный пояс включает арктическую и субарктическую зоны. Это ландшафты арктических пустынь, тундр и лесотундр. Для холодного пояса в целом характерны экстремальные условия, недостаток тепла. Радиационный баланс не превышает 30—35 ккал/кв. см в год. Главными направлениями хозяйственной деятельности в холодном поясе до сих пор являются сезонно-подвижная промысловая и потребительская охота и рыболовство. В южной части, в зоне тундр и лесотундр в Старом Свете развито оленеводство; это связано с большой подвижностью отдельных групп населения.

* * *

Хозяйственно культурная дифференциация человечества, отражающая взаимодействие общества и природы, развивалась не только в рамках планетарной поясно-зональной системы ХКТ, но и на уровне более мелких физико-географических систем, в частности ландшафтов, которые служат основными ячейками географической оболочки.

Природные ландшафты являются конкретной средой обитания общества — той природной единицей, с которой обычно имеют дело исследователи вопросов, связанных с взаимодействием общества и природы. И здесь нельзя не сказать о том, что

пока вопросы выбора социальной единицы для этих исследований являются дискуссионными. В исторических и географических науках еще нет устоявшихся представлений о конкретных, ареально выраженных социальных единицах, которые могли бы рассматриваться в качестве стадийно-типологической единицы — конкретной исторической формы взаимодействия системы социальных организмов с природными системами, ландшафтами. На это обращают внимание, в частности, специалисты, разрабатывающие глобальные экологические модели. Они отмечают крайнюю сложность формализации всех связей иерархически организованных цепочек «организмов» общественного развития — от одного человека до всего человеческого рода [Марошан, 1978, с. 203—205; Моисеев, 1982, с. 129].

Человечество существовало и существует в виде огромного многообразия самых различных общностей: от двух человек до всего человечества, однако особое место среди них занимают этносы [Бромлей, 1973, с. 21, 25]. Именно конкретные этносы, со всеми особенностями социальных отношений, хозяйственной деятельности, традиционной культуры и быта взаимодействуют как друг с другом, так и с окружающей и «питающей» их географической средой. Однако связь эта опосредована общественным производством. Она проявляется в процессе трудовой деятельности через адаптивно-адаптирующие механизмы культуры, являющиеся специфическими, сугубо человеческими способами адаптации к естественно-географической среде [Ким, Данилова, 1981, с. 16; Бромлей, 1981 (I), с. 86]. Поэтому попытка Л. Н. Гумилева использовать этнос, рассматриваемый им как социобиологический комплекс, в качестве единственной единицы взаимодействия человечества и ландшафтов оказалась неудачной. Реконструируя исторические процессы этногенеза в так называемой этносфере, Л. Н. Гумилев сам этносы рассматривает главным образом в качестве биологических систем, возникающих будто бы в специфических «этногенных» ландшафтах вследствие процесса мутации [Гумилев, 1967, с. 5—7]. С таким подходом трудно согласиться.

Человеческая деятельность каждого индивидуума действительно в своей основе базируется на активности биологической сущности, но эта активность регулируется и осуществляется внебиологически выработанными средствами и механизмами культуры. Культура внебиологична, а человеческая деятельность — сложнейший сплав биологических и внебиологических компонентов [Маркарян, 1973, с. 56]. Именно культура как совокупность специфически человеческих способов целенаправленной деятельности и ее результатов стоит между этносом и ландшафтом, т. е. территорией. Территориальный подход к явлениям культуры и быта человечества, как уже отмечалось выше, обнаруживает многообразие пространственно-ограниченных систем.

Если система ХКТ, охватывая всю освоенную человеком

земную сушу, характеризует отношение общества и природы на планетарном уровне, то система ИКО связана в той или иной степени с природными, географическими регионами. В этих связях проявляются более частные региональные закономерности [Андрианов, Доскач, 1983, с. 52]. Конечно, выделяемые географами природные «страны», «области» и «подобласти» не могут точно совпадать с историко-этнографической регионализацией, ибо в их обосновании лежат совершенно разные закономерности, в одном случае природные, в другом — социально-исторические.

ИКО, как и ХКТ, являются историческими категориями, возникавшими, развивавшимися и исчезающими в процессах многообразного развития конкретных этносов и их группировок. Яркий пример этому — Австралия, где теперь сосуществуют аборигенно-австралийская и англо-австралийская ИКО. Австралийский континент, расположенный в пределах жаркого пояса, давно отделен от других материков и обладает очень своеобразной природой. Изоляция от других областей ойкумены и скудость природных ресурсов стали причинами замедленных темпов социального и культурного развития австралийцев-аборигенов. Колониальная экспансия англо-австралийцев усугубила и ухудшила их положение. Англо-австралийская ИКО является порождением колониальной капиталистической экспансии недавнего времени. Ее территория непрерывно увеличивается, а аборигенно-австралийская быстро сокращается. Но они пока сосуществуют как наглядный пример неравномерности развития культуры на протяжении истории человечества. Аборигенно-австралийская ИКО в наши дни ограничивается лишь некоторыми тропическими и пустынными районами Северной, Центральной и отчасти Западной Австралии.

Подобные соотношения уровней, одновременных по своему происхождению, разных по характеру социально-экономического развития и культуры можно наблюдать и в некоторых других частях света, например в Южной Америке и Южной Африке [Андрианов, Чебоксаров, 1975 (II), с. 24].

ИКО занимают самые различные по своим природным условиям территории, в некоторых случаях полностью совпадающие с природными регионами, а в других случаях совпадающие только примерно или не совпадающие вовсе. Занимая различные физико-географические территории, ИКО отличаются друг от друга набором ХКТ, что обусловлено, конечно, не только и не столько спецификой географической среды, сколько характером исторического процесса (его неравномерностью в разных частях ойкумены, направлением и временем распространения «производящего» хозяйства, этническими традициями и т. п.).

Прежде чем перейти к третьему локальному уровню связей общества с географической средой, необходимо сказать несколько слов о культурных ландшафтах. Естественные ландшафты на протяжении человеческой истории испытали в той

или иной степени антропогенное воздействие, что в одних случаях привело к их полному преобразованию, а в других изменило их только частично. У географов принято разделять современные природные ландшафты по степени изменения человеком их компонентов на шесть основных групп. В первую входят ландшафты практически не измененные — ледники, полярные и высокогорные, многие участки пустынь, а также заповедные места. Вторая группа включает слабо измененные ландшафты, в которых основные природные связи не нарушены — рационально эксплуатируемые леса, естественные луга, пастбища, водоемы, национальные парки. Третья группа состоит из нарушенных ландшафтов, возникших в результате долготного и нерационального использования территории. Это вторичные леса, многие саванны, участки кустарников и мелколесья, возникшие при переложном земледелии. Четвертая группа состоит из сильно нарушенных ландшафтов («дурные земли», вторично засоленные и заболоченные участки в зоне поливных земель, барханные, подвижные пески, образовавшиеся вследствие усиленного выпаса скота, и т. п.). В пятую группу входят культурные ландшафты, в которых природные связи видоизменены под воздействием сельскохозяйственной деятельности (поля, сады, плантации, культурные луга, лесопарки, оазисы в аридной зоне и т. п.). Шестая группа включает созданные людьми на природной основе искусственные ландшафты — сельские и городские поселения, промышленные центры, энергетические и транспортные узлы и т. п. [Виноградов, 1981, с. 8–13].

Контрасты между мало преобразованной и сильно преобразованной природой особенно заметны в пустынях, где искусственное орошение вносит большие изменения в ландшафты аллювиальных равнин. В оазисах тысячелетний труд земледельцев изменил рельеф поверхности, создал мощный плодородный культурно-ирригационный слой почвы, изменил водно-солевой режим грунтов, засолил одни участки и рассолил другие, преобразовал растительный покров, что способствовало изменению микроклимата и т. п. [Саушкин, 1951, с. 289; Мильков, 1978].

Следы древней земледельческой деятельности сохранились даже на землях древнего орошения, которые обрабатывались многие столетия тому назад, а теперь представляют собой пустыню. Однако она отличается от соседних территорий развалинами поселений, микрорельефом валов древних каналов и остатками полей, другим составом растительного покрова, иными связями между многими элементами природы.

Культурные ландшафты представляют собой сложное естественноисторическое образование, в котором на природное образование как бы наслаиваются результаты хозяйственного воздействия общества различных исторических эпох. В каждый исторический период воздействие общества на природу было ограничено степенью познания ее законов и обусловлено уров-

нем развития техники, что, в свою очередь, определялось законами общественного развития, сменой формаций. Под воздействием самых различных сил в природной среде непрерывно совершаются изменения, результаты которых сказываются и на земной поверхности, в пространстве и во времени. Ландшафты имеют свою историю. Можно сказать, что в развитии культурного ландшафта тесно переплетаются, воздействуя друг на друга, физико-географические и общественно-исторические закономерности.

В наши дни, в эпоху НТР, преобразующая деятельность человека превращается в важный фактор эволюции географической среды, «очеловечивает» ее, придает ей социальную функцию [Ким, Данилова, 1981, с. 6].

Изучение преобразованных человеком ландшафтов (а к ним относится значительная часть ойкумены) самым гесным образом связано с общей проблематикой биогеоценологических, геохимических и энергетических комплексных исследований ландшафтной оболочки на локальном, топологическом уровне. Эти исследования, являясь как бы синтезом двух крупных научных направлений — ландшафтоведения и биогеоценологии, дали возможность на экологическом, системно-функциональном уровне подойти к анализу внутренней структуры природных комплексов — ландшафтов, биогеоценозов и других внутриландшафтных подразделений территории [Сочава, 1974, с. 15—18; Герасимов, 1976, с. 114].

Центральной концепцией экосистемы является представление о цепях питания и трофических уровнях. Изучая различные географические ландшафты и биогеоценозы, географы обратили внимание на то, что все живое на Земле связано внутри экосистем сложными взаимоотношениями, из которых очень важную роль играют энергетические пищевые связи. В экосистемах и биогеоценозах происходит трансформация солнечной энергии и ее аккумуляция в растительном покрове в результате фотосинтеза, последующее потребление в животном мире и завершение круговорота веществ и энергий в результате минерализации органического вещества.

Человек современного вида и его древние предки с самого начала своей ранней истории выступали в биоценологическом механизме биосферы и как травоядные, и как хищники, потребляя необходимые для организма углеводы, белки (протеины) и жиры. Для нормальной жизнедеятельности человека чрезвычайно важна «энергетическая» роль пищи, т. е. та энергия, которая освобождается при окислении продуктов питания в организме человека и может быть использована при производимой этим организмом работе. Известно, что 1 грамм жира дает в среднем 9,3 калории энергии, а 1 грамм белка — 4,1 калории. Суточный рацион взрослого человека в умеренном поясе составляет теперь в среднем 2,5—3 тыс. калорий. Эти данные изменяются в зависимости от возраста, пола, рода дея-

тельности и характера природных условий. Весьма важное значение имеют образ жизни (оседлый, неоседлый), уровень социально-экономического развития и хозяйственно-культурная характеристика населения. Как известно, все продукты питания человек получает прямо или опосредованно из природной среды, но само производство и потребление является сугубо социальным процессом.

Все разнообразие современных традиционных диет является результатом сложного хозяйственно культурного развития человечества. Формы питания и виды пищи тесным образом связаны с ХКТ, которые отличаются друг от друга набором пищевых продуктов, характером их использования и многими другими особенностями народной кухни, стойко сохраняющей этническую специфику [ЭПЗА, с. 5—7].

Эколого-этнографические исследования в разных странах мира выявили большое разнообразие форм жизнеобеспечивающих систем, находящихся в определенном взаимодействии со средой. Например канадским этнографом Ч. Футом были проведены специальные исследования добычи и потребления пищи у эскимосов — охотников на морского зверя и карибу. Главную свою задачу исследователь видел в определении энергетического баланса. В ходе работ на р. Кобук на Аляске была определена зависимость рыболовства эскимосов от осадков, уровня и скорости течения реки, температуры воды и содержания кислорода, миграций лосося и его пищевых качеств. У мыса Надежды были подсчитаны морские пищевые ресурсы, их использование населением. Большинство эскимосских групп Аляски и Канады сочетало оседлый быт с сезонно-подвижным. Передвижения обитателей эскимосских поселений в течение года были довольно строго определены интересами морской охоты, рыболовства, охоты на карибу и другими хозяйственными нуждами [Foote, 1968, с. 262—266].

Эколого-этнографические исследования были проведены в последние годы и в СССР, в частности у азиатских эскимосов. Для количественной оценки их традиционного хозяйства советский этнограф И. И. Крупник сравнил условные годовые потребности эскимосов (по данным 1920—1930 гг.) с реально полученной за ряд лет продукцией [Крупник, 1978]. Аналогичные исследования были проведены И. И. Крупником у ненцев, оленеводов Большеземельской тундры [Крупник, 1976]. Автор обратил внимание на несовпадение сезонов кочевания с «пищевыми» сезонами, которые резко различались по структуре питания. Зимой главной пищей было мясо домашних оленей, сушеная и соленая рыба, приготовленная летом и осенью. Весной основное место в питании занимала свежая рыба. Осенью рыбная пища сочеталась с мясной. Недостаток в пище витамина С (несмотря на регулярное употребление сырого мяса и свежей крови убитых оленей) объяснялся неразвитостью навыков сабигательства. Набор использовавшихся в питании диких ра-

стений был очень ограничен (дикий лук, морошка и т. п.). Зато европейские ненцы покупали муку, готовый хлеб, сахар, масло [Крупник, 1976, с. 64—73]. Для оленеводов Большеземельской тундры была характерна крайне низкая плотность населения (0,04 человека на 1 кв. км). Постоянного оседлого населения среди ненцев в прошлом не было.

По мнению И. И. Крупника, в начале XX в. в рамках единого ХКТ оленеводов тундр Крайнего Севера Евразии существовали три разные «пищевые» модели (западная, центральная и восточная), которые были не только следствием этнических и историко-хозяйственных особенностей разных групп северных народностей, но и «прямым отражением экологических (главным образом ресурсных) различий трех природных регионов европейской Субарктики — западного, центрального (восточно-сибирского) и восточного (дальневосточного)» [Крупник, 1976, с. 81].

Большой научный интерес представляют комплексные эколого-этнографические исследования замкнутых экосистем на островах. В качестве примера можно привести монографию датского этногеографа С. Христиансена, посвященную о-ву Беллона (Мунгики) в Соломоновом архипелаге [Christiansen, 1975]. Качественный и количественный анализ всех сторон хозяйственной жизни, быта и культуры обитателей, а также природных ресурсов острова дал автору возможность изучить на современном естественнонаучном и системно-структурном уровне взаимодействие представителей ХКТ оседлых палочко-мотыжных земледельцев-рыболовов с окружающей их островной тропической средой.

Другие исследования автора посвящены математическому анализу трудового процесса в натуральном подсечно-огневом тропическом земледелии, где земледельцу приходится совершать пешие переходы от одного участка к другому. Земледельцы ограничены временем дневного света, а также временем, затрачиваемым на переход от селения к обрабатываемому участку и обратно. Расчеты показывают максимальные нагрузки и производительность труда у земледельцев в зависимости от расположения обрабатываемых участков [Christiansen, 1977; Christiansen, 1978].

Эколого-этнографические исследования традиционной культуры на локальном уровне различных ХКТ, которые развернулись в разных странах мира в связи с экологическим направлением в этнографии и географии, убеждают нас в необходимости выявления специфических хозяйственно-культурных и этнических черт, связанных с формами подвижности и отличающих одни группы неоседлого населения от других.

**ФОРМЫ ПОДВИЖНОСТИ НЕОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ.
ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ**

Литература, посвященная отдельным группам неоседлого населения мира, особенно кочевникам-скотоводам, достаточно подробно освещена в обобщающих трудах С. И. Руденко (1961), С. Е. Толыбекова (1971), Л. И. Першица (1971), С. И. Вайнштейна (1972), Г. Е. Маркова (1976) и др. Однако, как отмечают многие ученые, вопросы историко-этнографической классификации скотоводов-кочевников, охотников и собирателей разработаны пока все же недостаточно (см. [Семенов, 1973, с. 56; Симаков, 1978, с. 14—15; Марков, 1981, с. 83; Симаков, 1982, с. 68; и др.]).

Самая большая терминологическая путаница, пожалуй, происходит от чрезмерно широкого толкования понятия «номады» — кочевники. В этнографической литературе, особенно в зарубежной, к номадам часто относят все неоседлое население мира, в том числе и группы охотников и собирателей [Haddon, 1919]. В 1944 г. Гджессинг развивал идеи «полуномадизма» арктических охотников на морского зверя [Gjessing, 1944]. Во вступительной статье к коллективной монографии «Человек — охотник» Ричард Ли и Ирвен Де Вор определили образ жизни всех охотников и собирателей как образ жизни номадов [Lee, De Vore, 1968, с. 3]. В книге «Охотники, собиратели, рыболовы» советский этнограф Ю. В. Маретин также счел возможным употребить по отношению к кубу — собирателям и охотникам Восточной Суматры термин «кочевые» [Маретин, 1972, с. 91]. Согласиться с таким широким пониманием термина «номады», на наш взгляд, нельзя.

В советской этнографической литературе для характеристики форм подвижности неоседлого населения часто применяются следующие понятия: бродячий, оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой [Основы этнографии, 1968, с. 168; Итс, 1974, с. 80—96]. Но в толковании этих терминов много условного. Ю. И. Семенов, например, обратил внимание на то, что все ученые толкуют эти термины по-своему. Это приводит к серьезным расхождениям в трактовке образа жизни тех или иных народов [Семенов, 1973, с. 56]. Так, одни исследователи рассматривают калифорнийских индейцев охотников и собира-

телей как оседлое население, другие считают, что они не жили оседло, а меняли место жительства несколько раз в году [Народы Америки, т. I, 1959, с. 275]. Как справедливо отмечает Ю. И. Семенов, не спасают дела и термины «полуоседлый» и «полубродячий» [Семенов, 1973, с. 56]. Географ В. А. Пуляркин считает, что все попытки разграничить полукочевое и полуоседлое население малоудачны [Пуляркин, 1976, с. 164]. Правда, другие исследователи приводят ряд аргументов в пользу такого разделения. Так, С. И. Вайнштейн удалось выделить в Туве кочевые, полукочевые и полуоседлые формы скотоводческого хозяйства [Вайнштейн, 1974, с. 57—77]. Вопросы классификации скотоводческого хозяйства были недавно темой специальной дискуссии [СЭ, 1981, № 4; СЭ, 1982, № 4]: однако участники обсуждения не пришли к единому мнению (см. [Симаков, 1982, с. 68; Калиновская, Марков, 1983, с. 60]). Нельзя не согласиться с выводом К. П. Калиновской и Г. Е. Маркова: отсутствие общепринятой детальной классификации скотоводческого хозяйства приводит к смешению его типов, позволяет отнести, например, к типу «кочевников» народы с самыми различными формами скотоводства. Эти авторы считают малоудачными попытки классифицировать скотоводческое хозяйство без учета места того или иного типа в общей системе хозяйственной деятельности населения, только на основании анализа узкотехнических приемов выпаса скота или степени оседлости [Калиновская, Марков, 1983, с. 59].

Нечеткость в толковании многих терминов заставила некоторых зарубежных исследователей подойти к типологизации этих форм дифференцированно. Такова, например, попытка американских этнографов Дж. П. Мэрдока и С. Вильсон, которые условно выделили шесть традиционных типов расселения: 1) временные стоянки, которые подвижные, или кочевые, группы людей сменяют последовательно на протяжении всего года; 2) временные стоянки, большую часть года занятые полукочевыми группами, которые в некоторые сезоны, преимущественно зимой живут в постоянных поселениях; 3) чередующиеся поселения, т. е. два или более постоянных или полупостоянных поселения, занимаемых последовательно в различные времена года; 4) полуоседлые поселения, занятые основным ядром данной общины в течение всего года, в то время как часть населения отправляется на сезонные стоянки — стойбища (охотничьи, рыболовные, пастушеские и т. п.); 5) оседлые, но непостоянные поселения, покидаемые из-за различных бедствий, эпидемий и т. п.; 6) постоянные поселения, занимаемые на протяжении всего года [Murdock, Wilson, 1972, с. 256—257]. Ранее в своем комментарии к известному этнографическому атласу Дж. П. Мэрдок и Д. Уайт писали, что перед ними в процессе классификации стояли большие трудности, и специально оговаривали условный характер тех или иных типов форм подвижности [Murdock, White, 1969, с. 330]. Из приводимой Мэрдоком

и Вильсон таблицы видно, что к первому типу (B) относятся бушмены нама и кунг в Калахари, характеризующиеся бродячим образом жизни на протяжении всего года, и туареги Сахары кочевники-верблюдоводы с сезонными миграциями, а кочевники монголы относятся ко второму типу (S): полуседлые охотники и собиратели индейцы варао — к третьему (R); оседлые рыболовы и собиратели айны — к четвертому (T); мотыжные земледельцы-тонга с переложным земледелием — к пятому (I); оседло-земледельческие народы от баганда до басков — к шестому (P) [Murdock, Wilson 1972, с. 256, 257, 266—272].

Главный недостаток схемы американских этнографов — игнорирование разных уровней социально-экономического развития различных народов, сведение в один ряд типов, сохраняющих «присваивающие» формы экономики, и типов более высоких уровней — земледельческих и скотоводческих, смешение мотыжных и плужных земледельцев.

Еще в 1934 г. английский этнограф Д. Форд писал, что нумадизм должен ассоциироваться только с пастушеской жизнью, а по отношению к охотникам и собирателям (например, кубу, семангам) он употребил термин «collectors» — «собиратели» [Forde, 1963, 13-е издание]. Это народы, которые сезонно передвигаются круглый год в пределах ограниченных территорий дождевых тропических лесов.

Такой подход к понятию «номады» в значительной степени соответствует концепции советских этнографов о хозяйственно-культурных и бытовых различиях между охотниками и собирателями «присваивающей» стадии развития экономики и кочевниками-скотоводами. К образу жизни собирателей и охотников больше подходит термин «бродячий», чем «кочевой».

В свое время на это обратил внимание В. Г. Богораз. Так, он связывал первую стадию развития хозяйства — «собирательскую» с подвижным, бродячим образом жизни (см. [Богораз-Тан, 1928, с. 75]). Термин «бродячие охотники и собиратели» использован позже и создателями концепции ХКТ и ИКО М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым.

Ричард Ли и Ирвен Де Вор справедливо писали, что подвижный образ жизни охотников и собирателей на протяжении более чем 2 млн. лет был единственной формой существования человечества [Lee, De Vore, 1968, с. 3]. Лишь в последние 10 тысяч лет народам мира стали известны, и то в ограниченной степени, оседлость и «производящие» формы хозяйства.

Неоседлое население, сохранившее ХКТ с «присваивающей» экономикой. ХКТ, основанные на «присвоении даров природы», находились в прошлом и отчасти находятся до сих пор в большой зависимости от природных условий. Однако эта зависимость от окружающей среды никогда не была определяющей и непосредственной, она всегда была опосредована способом производства каждого общества, уровнем его социально-эконо-

мического и хозяйственно-культурного развития. Все ХКТ с «присваивающими» формами хозяйственной деятельности характерны, как правило, для обществ, которые в своем историческом развитии еще не вышли из рамок первобытнообщинного строя (см. [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 172]).

Единственными источниками существования представителей подобных ХКТ были собирательство дикорастущих растений, охота на диких животных и рыбная ловля. На этой стадии темпы развития производительных сил были низки, а прибавочный продукт почти отсутствовал; не было экономической основы для заметного имущественного неравенства и классовых антагонизмов. Формы разделения труда еще не вышли за пределы его естественных, «физиологических», по выражению К. Маркса, основ и простого натурального обмена продуктами. Обмен между общинами был спорадичен и ограничен. Люди были объединены кровнородственными и общинно-хозяйственными связями в небольшие коллективы, так как на этой исторической стадии взаимодействия общества и природы человек не мог в одиночку обеспечить себе необходимый минимум средств для жизни. Человек существовал как член семьи, рода, племени или иной естественно возникшей общности. К. Маркс по этому поводу писал: «Естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.), или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.)» [Маркс, Энгельс, т. 46, с. 462—463].

Недостаточное развитие труда и обмена между отдельными общинами, их изолированность были причиной формирования разнообразных форм культуры и хозяйственно-культурных особенностей использования природных ресурсов. Все это отражалось на образе жизни и формах подвижности людей.

Существуют различные точки зрения по поводу форм подвижности людей каменного века. Одни считают, что это были исключительно бродячие группы охотников и собирателей, другие предполагают, что в отдельных районах существовали и долговременные поселения. Попытку детального рассмотрения форм подвижности охотников и собирателей, начиная от бродяжничества и до круглогодичной оседлости, предпринял Ю. И. Семенов [Семенов, 1973; ИПО, с. 372]. Его статья посвящена в основном сложной историко-этнографической проблеме перехода от материнского рода к отцовскому в связи с материнско-родовой теорией. Она содержит важный и для нашей темы материал о различных формах подвижности населения в прошлом. По мнению автора, понятие «кочевничество» надо применять только для характеристики подвижного образа жизни скотоводческих народов, а для образа жизни охотников,

собирателей и рыболовов следует использовать понятие «бродяжничество». Ю. И. Семенов приводит и удачно развивает две весьма интересные классификации зарубежных исследователей — японского этнографа Ватанабе и немецкого этнографа В. Мюллера-Вилле. Х. Ватанабе обобщил большой этнографический материал и составил специальную таблицу форм подвижности охотников, собирателей и рыболовов [Watanabe, 1968, с. 70].

Х. Ватанабе более подробно описывает айинов, которые жили в конце XIX в. постоянные сельбища, обитаемые круглый год, а также рыболовецкие и охотничьи стойбища, посещаемые во время сезона охоты и рыбной ловли. Их главным занятием были рыболовство и собирательство, которые дополнялись осенней и зимней охотой на оленей и медведей. Одним из важных факторов стабильности их постоянных и временных поселений, описанных Х. Ватанабе, была географическая среда узкой речной долины верховий р. Токаппи в горах с четко выраженными вертикальными зонами. Очень важно отметить, что до 1884 г. айны этого района не знали земледелия. Х. Ватанабе справедливо пишет, что весьма распространенные в литературе термины «номадный», т. е. кочевой, «полупномадный» (полукочевой) и «оседлый» не отражают всей сложности форм подвижности оседлого населения. К сожалению, сам автор широко употребляет термин «номады» по отношению к охотникам и собирателям. Но в целом его попытка разобраться в типах поселений (зимних и летних) и формах подвижности довольно удачна; она подкреплена большим аналитическим материалом.

Другой исследователь, западногерманский этнограф В. Мюллер-Вилле, положил в основу своей классификации формальный признак длительности обитания людей в поселениях [Müller-Wille, 1954, с. 141—163]. Те поселения, в которых люди живут несколько дней, он называет «эфемерными», несколько недель — «временными», те, где живут несколько месяцев, — «сезонными», несколько лет — «полупостоянными» и, наконец, те, где сменилось несколько поколений, он считает «постоянными».

Ю. И. Семенов развил эти классификации и выделил для всей доземледельческой стадии хозяйственно-культурного развития человечества два основных типа поселений: стойбище и сельбище. В стойбищах люди останавливаются и на день, и на несколько недель; жизнь в стойбищах связывается автором с бродячим образом жизни. Среди поселений, именуемых «сельбища», он выделяет сезонные, где люди селились на несколько месяцев, и круглогодичные, причем последние могут быть годовыми и вековыми, где люди живут поколение за поколением [Семенов, 1973, с. 56—57; ИПО, с. 372].

Годовая оседлость может сочетаться с сезонными миграциями части населения. Сельбище обитаемо круглый год, но в охотничьи или рыболовные сезоны мужское население отпра-

ляется за добычей и живет во временных стойбищах. Есть группы населения, которые меняют постоянные поселения по сезонам. Ю. И. Семенов предлагает называть такой образ жизни переменнно-оседлым; если люди живут один сезон в сельбище, а другой — в стойбище, то это сезонно-оседлый образ жизни; если длительность оседлого существования превышает по времени длительность бродячего, то это оседло-бродячий образ жизни, в противном случае — бродяче-оседлый образ жизни. Если люди круглый год живут только во временных стойбищах, то следует говорить о бродячем образе жизни.

К бродячим группам охотников-собирателей относятся: в Индии — ченчу, кадар, янади и др., в Таиланде — мрабри, отчасти семанги и сенои, на Шри-Ланке — ведды, на Суматре — кубу, на Калимантане — пунаны, во Вьетнаме — рук, арем, ма-лиенги, на Филиппинах — аэта, тасадай, в Африке — небольшие племена пигмеев в Заире и соседних странах, в Южной Америке — часть сирiono, шириана, маку, гуахибо и др. [Murdock, 1968, с. 13—20].

Представление о бродячем, непрерывно-подвижном образе жизни охотников и собирателей не совсем точно. Некоторые из них (аэта, кубу, семанги, мрабри в Азии, пигмеи в Африке, сирiono, намбиквара в Южной Америке) действительно имеют только временные поселения или стойбища, которые часто по сезонам меняют. К ним подходит предложенный Ю. И. Семеновым термин «подвижно-бродячий образ жизни» [ОСР, с. 96, 145, 148; Семенов, 1973, с. 57]. Для других групп собирателей-охотников характерен и более оседлый образ жизни. Таково, в частности, недавно обнаруженное в горных тропических лесах о-ва Минданао племя тасадай. Они — типичные собиратели, хотя не исключено, что в прошлом им было знакомо земледелие. Обитают тасадай теперь в пещерах, где родилось и умерло несколько поколений их предков [Leish, 1972, с. 232—245; Nance, 1975].

Бродяче-оседлый образ жизни был характерен для описанных вьетнамским этнографом Мак-Дыонгом некоторых горных народов Вьетнама (рук, арем и шак). Они жили охотой на мелких животных, в том числе на обезьян и птиц, использовали небольшие самострелы [Мак-Дыонг, 1972, с. 128—131]. Ма-лиенги охотились на более крупную дичь — слонов, тигров, мелких животных, в том числе на обезьян и птиц, использовала коллективный характер. Важную роль в хозяйственной жизни играло собирательство дикого ямса, плодов дикорастущих фруктовых деревьев. Большое значение в питании имела также саговая пальма двух видов; из ее древесины делали саговую муку. В сезон дождей мужчины добывали рыбу с помощью лука и стрел или травили ее ядом, получаемым из коры дерева. В дождливый сезон собиратели и охотники укрывались в пещерах (отсюда самоназвание «рук», «арем» — пещера), но на протяжении остального времени года они вели более или

менее подвижный образ жизни, ночуя в охотничьих лагерях, стойбищах или на временных стоянках.

Преимущественно оседлый или полуседлый образ жизни характерен для ХКТ, где преобладает рыболовство. Так, в Амазонии среди некоторых индейских племен (омагуа, манао, тапажу) рыболовство способствовало большей оседлости, а оседлость, в свою очередь, благоприятствовала появлению и развитию земледелия (см. [Карнейро, 1969]). Своеобразный ХКТ береговых собирателей и рыболовов жаркого пояса характерен, например, для андаманцев побережья. Они живут рыбной ловлей, ловлей черепах, в то время как внутренние андаманцы заняты сбором диких фруктов и охотой на диких свиней. Андаманцы живут по несколько месяцев на одном месте, поэтому их образ жизни можно характеризовать как сезонно-оседлый.

В жарком поясе тип береговых собирателей и рыболовов получил дальнейшее развитие. Он трансформировался в новых экономических условиях в XIX в. Весьма характерны, например, так называемые морские кочевники Юго-Восточной Азии.

Субтропические засушливые территории с редкой пустынной растительностью отличаются низкой биологической продуктивностью и скудостью природных ресурсов. Обитатели этих территорий, чье хозяйство в прошлом было основано почти исключительно на «присваивающих» формах, как правило, обладали большой подвижностью. Скудость природных ресурсов отразилась на историческом отставании ряда народов, обитавших здесь продолжительное время в изоляции. Классический пример — аборигены Центральной Австралии. Так, описанное М. Меджитт в 1950-х годах племя валбири делилось на четыре части, каждая из которых насчитывала от 200 до 400 человек, а занимало площадь во внутренних областях Австралии от 11 тыс. до 25 тыс. кв. км [Кабо, 1968, с. 230]. Члены каждой общины передвигались по своей определенной территории в поисках пищи. Жилищем им служили ветровые заслоны. В благоприятное осеннее время они объединялись в крупные группы: мужчины охотились, а женщины занимались собирательством. В засушливое время года валбири рассеивались, но с началом сезона дождей собирались в более крупные группы. Их образ жизни можно охарактеризовать как бродячий. Береговые австралийцы рыболовы и охотники имели большую оседлость, совершая походы из базовых лагерей. Вся территория австралийцев анбара (моро) на берегу залива Карпентария, например, не превышала 25 кв. км, а численность — 125 человек; иными словами, плотность населения в пределах сезонно осваиваемой территории составляла около 2 человек на 1 кв. км. Их образ жизни можно охарактеризовать как оседло-бродячий. Более редкое население с большей подвижностью было зафиксировано во внутренних областях Австралии [Birdsell, 1972, с. 345].

По свидетельству Р. Ли, в 1963—1965 гг. бушмены кунг в Калахари меняли свой базовый лагерь 5—6 раз в году, но в

наиболее благоприятное сухое время — с мая по октябрь — они жили у водоемов на одном месте [Lee, 1968, с. 30—31]. Жилищем им служили временные сферические шалаши из гибких ветвей, прикрытые травой и листьями. Образ жизни бушменов кунг можно характеризовать как бродячий.

К собирателям-охотникам засушливой субтропической зоны можно отнести и индейцев, обитавших в Калифорнии в первой половине XIX в. В то время в долине Оуэнс племя паюте (численностью около 100 человек) собиралось зимой в одном или двух селениях, но к весне рассеивалось по всей территории в несколько сот квадратных километров за поисками орехов и дичи. Им были знакомы даже навыки искусственного орошения, однако орошали они дикорастущие злаки, а не культурные растения [Forde, 1963, с. 32—44].

Примерно 260 лет назад подвижные группы степных охотников-индейцев обитали в травянистой пампе Патагонии и в прериях Северной Америки. Индейцы южноамериканских степей — памп до начала европейской колонизации были пешими охотниками, а с XVIII в., с появлением на континенте лошади, стали охотниками на гуанако. Жилищем им служили ветровые заслоны на временных стойбищах или навесы из шкур. Для индейцев-она был характерен бродячий образ жизни.

Своеобразный ХКТ полуседлых собирателей-рыболовов морских побережий прослеживается не только у островных андаманцев в жарком поясе, но и у жителей прохладного юга Америки на Огненной Земле. Еще в начале XX в. алакалуфы и яганы собирали моллюсков на отмелях, ловили рыбу, охотились на птиц с помощью лука и стрел. Жилищем на суше служил шалаш из шкур гуанако или тюленей, одеждой были накиннутые на плечи шкуры животных. Значительную часть времени эти собиратели морских побережий проводили в лодках, передвигаясь от одного удобного места морского берега к другому. Их образ жизни бродяче-оседлый или даже бродячий.

В Северном полушарии этот приморский ХКТ в недавнем прошлом был связан рядом переходов с типом континентальных рыболовов больших рек и морских побережий более холодных районов. Этот ХКТ был еще сравнительно недавно характерен для многих северных народов Западной Сибири (ханты, манси) и Дальнего Востока (нивхи, нанайцы, негидальцы, ульчи), для ительменов Камчатки и индейцев тихоокеанского побережья (тлинкиты, хайда и др.). Называть их оседлыми рыболовами-охотниками, как это делают многие ученые [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 181; Аверкиева, 1974, с. 135], нам кажется, не следует. Прочная оседлость в центральной деревне у них сочеталась с сезонными, временными стойбищами в зависимости от хода лососевой рыбы, перемещения дичи (олений) и сбора дикорастущих съедобных растений [Forde, 1963, с. 73; Murgdock, Wilson, 1972, с. 270].

В Арктике, в специфических условиях приморских районов,

богатых морским зверем и рыбой, сформировался тип арктических собирателей и охотников на морского зверя. Этот тип был распространен в прошлом у береговых чукчей и коряков, а в Северной Америке у эскимосов, широко расселенных по берегам в зоне приморских тундр и арктических пустынь от Аляски на западе до Гренландии на востоке. Значительное количество пищевых ресурсов — тюленей, моржей, рыбы — в море, а оленей карибу — на суше позволяло им продолжительное время жить на одном месте. Однако эскимосы, по словам В. Г. Богораз-Тана, «постоянные странники и ... кочевники» [Богораз-Тан, 1928, с. 132]. Они пускаются в дальние плаванья в больших сткнутых кожаных лодках, переселяясь со всей семьей иногда на сотни километров. Именно благодаря своим постоянным переселениям эскимосы заняли огромную арктическую территорию Гренландии, Северной Америки и отчасти Северо-Восточной Азии. «Суровый характер Северного моря, жестокие бури, морозы, ледяные горы — ничто не устрашает эскимоса» — так писал о них В. Г. Богораз-Тан. Их поселки обычно ставятся у самой воды, под высокими утесами, там, где море долго не замерзает. Они ведут переменно-оседлый и оседло-бродячий образ жизни. В этой связи у них сложился характерный тип жилища — землянка или дом сферической формы, сложенный из снежных блоков, — иглу. На охоте в море и теперь используется легкая лодка с каркасом, обтянутым кожей тюленя (каяк, байдара), а на суше — упряжка собак с нартой. Эскимосы носят тяжелую меховую одежду, меховую обувь. Некоторые особенности этого древнего ХКТ сохранились до сих пор, в частности многие навыки морской охоты и рыболовства, удобная в Арктике одежда, средства транспорта и т. п.

ХКТ с переходными формами хозяйства. Как известно, процесс зарождения и широкого географического распространения «производящих» форм хозяйства был длительным, понадобились тысячелетия, чтобы навыки земледелия и скотоводства стали преобладать в широкой зоне охотников и собирателей. Поэтому вплоть до наших дней сохранились некоторые переходные формы хозяйства, в которых растениеводство и разведение домашнего скота сочетаются с собирательством и охотой. Типичными представителями таких ХКТ могут служить амбонцы и некоторые другие группы на Молуккских островах. Они рубят саговую пальму, мягкая сердцевина которой содержит крахмал, употребляемый в пищу [Членов, 1976, с. 67]. Для рубщиков саго характерны малые затраты труда и редкие ежегодные экспедиции из деревень к местам, где растут пальмы. Сельское население занимается также огородничеством, т. е. ведет оседлый образ жизни с редкой сезонной миграцией небольшой части населения.

Переходный характер ХКТ может быть зафиксирован в известной степени у «морских кочевников» в островном мире Юго-Восточной Азии. Они сочетают рыбную ловлю и собиратель-

ство на побережье с охотой и отчасти с сезонным тропическим земледелием. Их нередко называют «оранг-лаут» — «люди моря», так как значительное время они проводят в лодках на море. Их сезонные жилища, построенные на сваях или даже на плоту, возвышаются над водой, как бы объединяя «людей моря» с сушей [Perlas, 1972, с. 133—168]. Представители этого типа — оранг-лаут ведут комплексное хозяйство на море и на суше. Основной продукт питания у них — моллюски и рыба. Во время муссонных дождей мужчины охотятся на диких свиней, а женщины собирают съедобные растения и корни. Их образ жизни, в общем, бродячий. В последние годы наряду с собирательством они занимаются ловлей жемчуга, торгуют на берегу морским уловом.

Для ранних стадий развития «производящих» форм хозяйства была характерна связь земледелия и скотоводства с охотой, рыболовством и собирательством, что определяло сочетание частичной оседлости населения с сезонными передвижениями различного масштаба. Поэтому ранее земледелие не означало твердую оседлость. Это особенно ярко проявляется там, где «производящее» хозяйство возникло совсем недавно и где существуют сложные сочетания и переходные формы ХКТ. К таким зонам относятся многие экваториальные области Африки, Америки и Азии, а также север Европейского материка.

Как мы могли убедиться, население с хозяйственно-культурными традициями «присваивающей» стадии развития экономики в прошлом характеризовалось различными формами подвижности и оседлости. Эти формы могут быть охарактеризованы в известной степени как с качественной, так отчасти и с количественной стороны.

Весьма интересную попытку качественного и количественного подхода к решению вопросов степени оседлости населения, сочетающего «присваивающие» и «производящие» формы хозяйства, сделал на материале амазонских индейцев американский этнограф Р. Л. Карнейро [Карнейро, 1969]. Он поставил перед собой ряд вопросов. Почему амазонские индейцы до последнего времени наряду с земледелием занимаются охотой? Почему они не перешли полностью к земледелию? Чем объясняются различия в степени перехода к земледелию отдельных племен бассейна Амазонки?

Им избраны в качестве объективного критерия продуктивности охоты и земледелия следующие показатели. Это — число человеко-часов, требующихся для получения 1 млн. ккал пищевых продуктов при данном способе добывания средств существования. Оказалось, что у индейцев амаука разница между охотой и земледелием не столь велика, как могло показаться. Они получают около 50% средств питания от земледелия и около 40% от охоты, остальное — от рыболовства и собирательства. Средний охотник тратит на охоту приблизительно 127,5 часа в год и добывает мяса на 1,6 млн. ккал. Таким об-

разом, продуктивность охоты у амауака составляет 795 человеко-часов на 1 млн. ккал, а в земледелии для производства этого же количества калорий потребовалось 603 человеко-часа. Разница не столь велика. Преимущество земледелия прежде всего проявлялось в возможности сохранения и накопления некоторых запасов пищи, а также в более стабильном оседлом образе жизни. Даже самые маленькие общины индейцев амауака за один-два года сильно истощили запасы дичи экваториального леса в окрестностях своей деревни. Время от времени они переносили постоянную деревню на несколько километров дальше. Поэтому земледельцы охотники не могли использовать полностью преимущества оседлого земледелия [Карнейро, 1969, с. 70]. По мнению этнографа А. Р. Холмберга, хотя индейцы сириано уже много лет занимаются земледелием, они не стали оседлыми земледельцами в полном смысле этого понятия. Сириано сохраняют значительную подвижность в своей хозяйственной деятельности, так как основной источник их существования — охота и собирательство. Земледелие стоит у них на втором месте потому, что запасы дичи в окрестностях селения нередко иссякают раньше, чем можно снять урожай, и интересы охоты требуют перемещения группы из одной местности в другую в поисках дичи [Holmberg, 1950, с. 28].

Р. Л. Карнейро считает, что степень оседлости связана не только с длительностью пребывания населения на одном месте, но и с размерами селений. По его мнению, «когда деревня с населением 500 жителей остается на одном месте в течение пяти лет, то в этом проявляется большая степень оседлости, чем когда деревня с населением 50 жителей остается на одном месте 10 лет». Поэтому степень оседлости — это сложное, составное понятие. Оно подобно «моменту в физике, являющемуся произведением двух величин — массы и скорости» [Карнейро, 1959, с. 72].

В основу своих расчетов автор положил три показателя: длительность пребывания в данном поселении, его размеры и расстояние, на которое перемещается селение в случае релокации. Степень оседлости деревни прямо пропорциональна двум первым величинам и обратно пропорциональна третьей. Из этого следует, что, чем крупнее деревня и чем дольше она остается на одном месте, тем она более оседла, а чем дальше ее передвигают, тем она менее оседла. Автор применяет формулу:

мулу: $\frac{PT}{D+1}$, где P — численность жителей деревни; T — среднее число лет, протекающих от одного перемещения деревни до другого; D — среднее расстояние (в милях) между местоположением деревни до и после перемещения.

Для выявления связей степени оседлости с производством различных средств существования Р. Л. Карнейро соединяет эту формулу с формулой так называемого коэффициента средств существования:

$$\frac{A + F}{H + G},$$

где А — доля средств существования, получаемая от земледелия; F — доля, получаемая от рыболовства; H — доля, получаемая от охоты; G — доля, получаемая от собирательства. Применяя эти показатели, автор установил, что южноамериканские индейцы амауака получают около 50% средств существования от земледелия, 5% — от рыболовства, 40% — от охоты и 5% — от собирательства. Используя формулу «коэффициента средств существования», сам коэффициент можно вывести в нашем случае с амауака следующим образом:

$$\frac{0,50+0,05}{0,40+0,05}=1,2.$$

Степень оседлости выводится как функция отношения между способами добывания средств существования, благоприятствующими оседлости, и способами, благоприятствующими неоседлому образу жизни. Использование несложных математических приемов позволило сопоставить данные по семи индейским племенам и изобразить их на графике, где отражена связь между двумя группами явлений — показателем оседлости и коэффициентом средств существования [Карнейро, 1969, с. 74—75]. На опубликованном Р. Л. Карнейро графике хорошо видно, что наибольшая подвижность племен сирионо и яруро соответствует самому низкому коэффициенту средств существования, получаемых преимущественно от охоты и собирательства. Наивысшая степень оседлости характерна для кункуру и конибо. Кункуру, в частности, получают 80% средств существования от земледелия, 15% — от рыболовства. 5% — от собирательства. Они имеют и самый высокий коэффициент средств существования. Их образ жизни может быть охарактеризован как оседло-бродячий и переменнно-оседлый. Чрезвычайно интересный прием Р. Л. Карнейро, к сожалению, не может быть применен к другим группам неоседлого населения не только из-за отсутствия необходимых этнографических характеристик, но и ввиду того, что он эффективен лишь при изучении переходных форм хозяйства.

Поэтому для типологии всех форм подвижности в рамках первой реликтовой группы неоседлого населения, связанной в значительной степени с «присваивающими» формами хозяйства (собирательством, охотой и примитивным рыболовством), мы используем классификацию В. Мюллера-Вилле, усовершенствованную Ю. И. Семеновым. Эта классификация дает достаточно полную характеристику и форм подвижности, и поселений охотников и собирателей. В этой группе самый подвижный образ жизни — бродячий (с временными жилищами) — сохранили собиратели и охотники влажнотропических лесов (азта в Юго-Восточной Азии, пигмен батва в Африке и др.). На протяже-

нии значительной части года они остаются на одном месте не более нескольких дней. Следующая ступень подвижности — бродяче-оседлый образ жизни, когда определенное время люди живут на одном месте в стойбище, сменяя, однако, лагерь из временных жилищ 5—6 раз в году. Так делают, например, бушмены кунг в Калахари. По мере нарастания степени оседлости и увеличения времени пребывания населения во временных стойбищах и в более постоянных сельбищах можно выделить также оседло-бродячий, переменнo-оседлый типы подвижности и, наконец, группу с годовой оседлостью, но с сезонной миграцией части населения.

Совершенно особый традиционный ХКТ, не похожий ни на охотников-собирателей, ни на кочевников скотоводов, представлен у бродячих цыган. Образ жизни неоседлых цыган — бродячий, оседло-бродячий и бродяче-оседлый.

Неоседлое скотоводческое население. Самую крупную по численности группу неоседлого населения составляют ХКТ с высоким удельным весом различных форм скотоводства — от круглогодичного кочевания до сезонного пастушеского выпаса скота на равнинных или горных пастбищах.

Еще древние и средневековые мыслители рассматривали деление населения на кочевников, оседлых земледельцев и горожан как одно из основополагающих в странах Востока. Об этом, в частности, писал выдающийся арабский мыслитель Ибн-Халдун, живший в Магрибе в конце XIV — начале XV в. Он попытался выяснить различия между сельской и городской жизнью. «Знай, что различия в образе жизни людей, — писал он, — зависят только от различия способа добывания ими жизненных средств... Одни занимаются земледелием, сажают и сеют; другие занимаются разведением (домашних) животных: овец, быков, коз...» (цит. по [Григорян, 1966, с. 334]).

Возникнув как историческая форма территориального разделения труда, кочевое скотоводство претерпело в своем развитии изменения, менялись в этом историческом процессе и формы подвижности населения. Советский этнограф и археолог С. И. Руденко на основании изучения памятников эпохи бронзы Центральной и Средней Азии сделал вывод о том, что «первичной формой скотоводческого хозяйства можно считать скотоводство оседлых племен, при котором скот содержится в загонах, непосредственно примыкающих к жилищам» [Руденко, 1961, с. 3]. Этот тип скотоводства повсюду сочетался с другими занятиями — земледелием, охотой и рыболовством. Скотоводство в это время еще носило пастушеский или отгонный характер. В благоприятных природных условиях степной зоны оно постепенно приобрело ведущее значение в хозяйстве населения. Об этой стадии развития скотоводства В. Г. Богораз-Тан писал: «Степное скотоводство, номадизм, есть особая форма культуры, параллельная ручному земледелию и мелкому животноводству приречных долин. Оно развивается независимо от

них, по собственным законам. Оно связано с постоянными передвижениями». Крупный скот обеспечивает и средства передвижения скотоводов. Развивается езда верховая и выючная, санная и тележная. «Скотоводство по мере умножения человеческих родов и возрастания стад, — заключает В. Г. Богораз-Тан, — становится все более подвижным. . в отличие от земледелия, которое становится все более оседлым, неподвижным» [Богораз-Тан, 1928, с. 84].

Историко-этнографические и археологические материалы подтвердили основную мысль Богораз-Тана о том, что в своем историческом развитии скотоводство приобретает все более подвижные формы. Таков путь неолитических племен обширной зоны Евразийских степей, где начиная с древнейшей культурно-исторической общности постепенно формируется ХКТ подвижных скотоводов [Мерперт, 1971, с. 148]. Этот тип получил свое дальнейшее развитие в скифское время, когда на обширной территории от Карпат почти до берегов Тихого океана, от пустынь Средней Азии до сибирской тайги древние племена перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству. Жизнь в постоянном движении привела к изменению многих форм материальной культуры этих народов [Грязнов, 1978, с. 9].

Кочевничество в Евразии сложилось на основе оседлого комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и достигло расцвета в конце I — начале II тыс. н. э. вместе с развитием специфических форм материальной культуры (разборное жилище с решетчатым остовом, жесткое седло со стременами, легкая утварь и т. п.) [Марков, 1973, с. 107; Vajnshtein, 1978, с. 127—132]. Таким образом, это был процесс приспособления всех элементов жизнеобеспечения к подвижному быту, когда основой производства средств потребления становится экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участием в кочевании всего населения или его основной части.

В литературе существуют разные толкования термина «кочевничество». Одни считают, что к кочевникам следует отнести только «чистых», очень подвижных скотоводов; другие причисляют к ним и полукочевников, полuosедлое население. Многие определяют понятие «кочевничество» в зависимости от расстояний и амплитуды кочевания, характера стада, удельного веса земледелия в хозяйстве, наличия переносных или постоянных жилищ и т. п. [Руденко, 1961, с. 2—15].

По мнению Г. Е. Маркова, кочевнический, или номадный (номадно-скотоводческий), тип хозяйства отличен от подвижного (подвижно-скотоводческого, пастушеского) и оседло-земледельческого типов хозяйства. При кочевничестве скотоводство составляет основу хозяйственной деятельности и доставляет главные средства существования людей. Понятие «кочевничество», или «номадизм», должно включать не только хозяйствен-

ную, но и социальную характеристику общества. Тип кочевников, или номадов, может быть подразделен на два класса: кочевников и полукочевников. Более низкие ступени систематики «род» и «вид» связываются Г. Е. Марковым с характером содержания животных (стойловое или сезонное и круглогодичное на пастбищах), а также с видами выпаса скота [Марков, 1983, с. 75—77].

Автор рассматривает кочевников и полукочевников как единый ХКТ, подчеркивая, что различия между ними до некоторой степени условны. В полуоседлом и оседлом земледельческо-скотоводческом хозяйстве скотоводство играет иную роль. По мнению Г. Е. Маркова, для скотоводства в полуоседлом хозяйстве характерной формой является пастушество — отрасль, или равная по значению земледелию, или подчиненная земледелию. В оседлом земледельческом хозяйстве скотоводство лишь подсобная отрасль [Марков, 1976, с. 10].

Наиболее примитивные формы пастушеского отгонного скотоводства отмечаются в Тропической Африке, куда, как мы уже отмечали, традиции разведения домашнего скота проникли сравнительно поздно, а население в значительной мере сохранило навыки охоты, собирательства и рыболовства и только частично перешло к тропическому палочно-мотыжному земледелию [Кларк, 1977, с. 179—196].

ХКТ в этой «низшей» (по терминологии Г. Е. Маркова) группе «производящего» хозяйства с преимущественно скотоводческим направлением характеризуются оседло-кочевым или переменно-оседлым образом жизни. Это в основном скотоводы и охотники жаркого пояса.

В Южной Африке к этому типу относятся готтентоты — нарон, демиса, чумаке, хичваре, а также народы Восточной Африки — масаи, туркана и некоторые другие. Их основным богатством до недавнего времени были стада крупного рогатого скота, а также овцы и козы. Готтентоты жили в сферических хижинах, плетенных из прутьев и обтянутых шкурами. Хижины располагались по кругу. Первые европейские колонисты в Южной Африке называли такие поселения «краалями». Образ жизни африканских скотоводов кочевой, кочевно-оседлый и оседло-кочевой.

Наиболее подвижные формы кочевого скотоводства характерны для части оленеводов севера Евразии — для эвенков, коряков оленных, хантов и манси, якутов-олeneводо-в. Распространение оленеводства в широкой зоне тундр, лесотундр и отчасти в тайге привело к возникновению на основе древнего типа пеших таежных охотников и рыболовов нового ХКТ — таежных охотников-олeneводо-в, большая часть которых, однако, использовала оленей в качестве транспортного средства, а жила за счет охоты и рыболовства (см. [Богораз-Тан, 1933]). Только отдельным группам народов Севера оленеводство давало в прошлом главные средства к существованию.

Некоторые исследователи (В. Шмидт, В. Копперс, В. Богораз-Тан, Н. Марр и др.) видели в оленеводстве чуть ли не самые древние формы скотоводства, восходящие к палеолиту. Однако этнографические и археологические исследования доказали, что одомашнивание оленей — довольно позднее явление, возникшее на Саянах под влиянием скотоводческих культур степной бронзы [Вайнштейн, 1970]. В условиях тайги оленеводство получило главным образом выючно-верховое направление и позволило человеку освоить обширные пространства тундр и тайги. Олень сделал пешего таежного охотника более подвижным.

Историко-этнографические исследования Б. О. Долгих показали, что для охотников-олeneводoв Севера в XVII в. была характерна самая низкая плотность населения. У юкагиров, эвенков и эвеков на одного человека приходилось около 200 кв. км (у юкагиров даже около 300 кв. км) [Долгих, 1961, с. 52—53]. У северных рыболовов и охотников на морского зверя плотность населения была гораздо выше. Так, у камчадалов на одного человека приходилось около 10 кв. км, у эскимосов — до 15 кв. км.

Табунное оленеводство — совсем позднее явление. Его становление в XVIII—XIX вв. сопровождалось постепенным вытеснением дикого оленя, основного объекта мясной охоты, домашним. Процесс этот был ускорен воздействием как социально-экономических, так и экономических факторов [Крупник, 1976, с. 67—69]. Если в XVIII в. оленеводство было подчинено производственным интересам охоты и рыболовства, то в XIX в. оно становится важнейшей отраслью хозяйства, хотя основные особенности материальной культуры, характерной для пеших охотников — рыболовов тайги и тундры, остались прежними. Чум — переносное разборное конусообразное жилище, круглое в плане, от 3 до 8 м в диаметре. Основа состояла из массивных и тонких жердей, которые скреплялись ремнями и покрывались зимой оленьими шкурами с шерстью, а летом — специально выделанной замшей. Одежда, шапки, обувь делались из шерсти, кожи и меха [Васильев, 1962, с. 65—75; Гурвич, 1977].

Оленеводство велось в пастбищной, экстенсивной форме и требовало сезонных передвижений, которые совершались таким образом, чтобы сочетать интересы выпаса оленей с охотой и собирательством. В среднем в год оленеводы делали до 20 перегонов; стоянки отстояли одна от другой на 2—3 км, наиболее удаленные — на 20 км. Образ жизни охотников-олeneводoв был в прошлом кочевой.

Этнографы выделяют в широкой зоне засушливых стран Старого Света целый ряд других локальных вариантов ХКТ кочевников-скотоводов — центральноазиатский, среднеазиатский, переднеазиатский, аравийско-африканский и др. [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 199]. Изучавшая кочевников Централь-

ной и Юго-Западной Азии Э. Бэкон описывает различия кочевничества этих двух крупных историко-этнографических провинций. В Юго-Западной Азии она, в частности, выделяет пять особых типов кочевников: 1) верблюдоводы — бедуины Аравии; 2) пастушеские племена междуречья Тигра и Евфрата, а также Сирии; 3) полuosедлые скотоводы с буйволами в приречных районах; 4) полукочевники Аравии, держащие овец и коз, занимающиеся отчасти и земледелием; 5) скотоводы — охотники на диких животных пустыни. В степях Центральной Азии Э. Бэкон отмечает только один тип кочевников, разводящих овец, коз, крупный рогатый скот и немного верблюдов [Васон, 1954, с. 44—68].

Для кочевников Центральной и Средней Азии характерно преобладание в поголовье домашних животных верблюдов, овец и лошадей, а также распространение войлочных разборных юрт в качестве основных жилищ. В Передней Азии, Аравии и Северной Африке в составе стада большую хозяйственную роль играют верблюды и козы, а жилищами служат шерстяные шатры и палатки. На высокогорном плато Северного и Западного Тибета сложился еще один своеобразный ХКТ высокогорных скотоводов кочевников [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 199]. Кочевой образ жизни у них сочетается с оседлым. Они разводят преимущественно яков, шерсть которых используется для изготовления войлоков, кошм, одежды, а мясо и молоко употребляются в пищу. Тибетцы-скотоводы живут в переносном прямоугольном шатре с деревянным каркасом, покрытым кошмами, шерстяными тканями или шкурами животных [Hegmanns, 1949].

Вопросам типологии наиболее характерных форм кочевничества посвящена обширнейшая литература, значительная часть которой проанализирована в обобщающих трудах советских этнографов С. И. Гуденко, Г. Е. Маркова, С. И. Вайнштейна, географа В. Л. Пуляркина и некоторых других, а также в работах американского этнографа Д. Джонсона, французского географа Р. Капо-Рея, польского географа Е. Костровицкого и др. (см. [VHES: NA и др.]).

Весьма широкое распространение получило в зарубежной литературе деление скотоводов на кочевников, полукочевников и скотоводов с отгонными формами выпаса скота (трансюманс).

Кочевниками эксперты ФАО считают группы скотоводов, для которых скот — основной источник существования, а продукты земледелия только дополняют их рацион. Следуя за перемещением зоны осадков, они мигрируют в поисках пастбищ и воды для скота. Поскольку скот нуждается в соли, то наличие или отсутствие последней в данной местности отражается на продолжительности и направлении миграций.

Полукочевники зависят преимущественно от скотоводства, но периодически занимаются и земледелием по соседству с те-

ми постоянными поселениями, в которые они возвращаются на различные по продолжительности периполы.

Скотоводы с отгонными формами выпаса скота сочетают по сезонам скотоводство с земледелием. Они мигрируют на новые пастбища всегда в соответствии с сезонной сменой растительности, когда истощаются пастбища в земледельческой зоне [FRP, с. 7—26].

Для советских исследователей характерен исторический подход к вопросам типологии форм кочевничества. Такова, например, классификация С. И. Руденко, построенная с учетом большого археологического материала [Руденко, 1961; Rudenko, 1969]. По его мнению, кочевое и полукочевое скотоводство в Средней и Центральной Азии принципиально отличалось от пастушеских, отгонных (в горах — яйлажных) форм скотоводства тем, что у пастушеских племен со стадами кочевали только пастухи, а у полукочевых племен со стадами передвигались целые семьи со всем имуществом. Образ жизни и формы подвижности скотоводов во многом определялись составом стада [Руденко, 1961, с. 4—5]. Для степных кочевников умеренного пояса наиболее ценным животным была лошадь, так как она могла сама добывать себе корм круглый год, даже зимой из-под снега, если он был неглубоким. Немаловажное значение имело и то, что при переколке новорожденный жеребенок мог следовать за табуном. Лошадь использовалась в качестве верхового и вьючного животного; она давала мясо, молоко, кожу, волос. В древности конные военные отряды кочевников были грозной силой [Ковалевская, 1977, с. 59—74].

Верблюды и овцы составляли основу стад скотоводов-кочевников. Самое неприхотливое домашнее животное — овца легко других переносит весеннюю бескормицу и находит себе пропитание там, где не могут прокормиться другие домашние животные. Большую часть зимы овцы могут находиться на подножном корму, а ягнята после рождения нуждаются в уходе не более двух-трех дней. Кочевники перевозили их вместе с детьми на повозках. Овцы и козы давали кочевникам мясо, молоко, кожу и шерсть. Мелкий рогатый скот требовал присмотра во время выпаса, и обычно этим занимались в Центральной Азии дети, сопровождавшие отару верхом на лошади или воле [Вайнштейн, 1972, с. 23].

Весьма приспособленный для жизни в пустыне верблюд не может добывать себе пищу из-под снега, поэтому он прижился в пустынях и степях теплого пояса, а в умеренном — только отчасти. Как известно, верблюды были одомашнены в Центральной Азии и в Аравии еще в эпоху поздней бронзы. Верблюды могут поднимать до 250 кг груза, используются для верховой езды, легко переносят жару и отсутствие воды. Верблюдица дает жирное молоко; верблюжья шерсть — ценнейшее сырье для изготовления ковров, ткани для шагров, одежды.

Крупный рогатый скот имеет большое хозяйственное зна-

чение, так как дает мясо, молоко, кожу, используется как транспортное и тягловое средство в плужном земледелии. Однако он плохо приспособлен к постоянным длительным перекочевкам. В степях умеренного пояса со значительным снежным покровом крупный рогатый скот нуждается в стойловом кормлении и только на горных пастбищах может выпасаться круглый год [Руденко, 1961, с. 4; Вайнштейн, 1972, с. 36].

В целом ряде высокогорных районов Центральной Азии значительную роль в составе стада до сих пор играют яки. Як был, видимо, одомашнен в Тибете, а оттуда проник на высокогорные пастбища Памира, Алтая, Монголии. Помесь яков и коров — сарлыки дают хорошее молоко, используются в транспортных целях. Яки хорошо переносят морозы и могут добывать корм из-под снега даже в период обледенения пастбищ.

Массовое разведение домашних животных в азиатских степях и засушливых предгорьях началось еще в начале I тыс. до н. э., в так называемые позднеандроновское и предскифское время [Руденко, 1961, с. 10]. Потребность в массовом разведении лошадей и овец способствовала развитию в степной зоне пастушеского (отгонного), а затем полукочевого и кочевого скотоводства. Становление кочевничества было длительным процессом, в который постепенно втягивалась часть оседлого населения скотоводов-земледельцев. Развитие подвижного кочевого скотоводства прошло ряд этапов [Грязнов, 1957; Марков, 1973, с. 107]. Наиболее благоприятными областями для круглогодичного кочевания в Азии были степи и предгорья Юго-Восточного Урала, Тянь-Шаня и Алтая, а также полупустыни Монголии.

В XIX в. у всех пастушеских и полукочевых групп населения на всем пространстве от Урала до Восточной Монголии пастбища находились формально в общинном пользовании, а лошади, сенокосы и зимники были семейной собственностью.

По мнению С. И. Руденко, кочевое и полукочевое скотоводство Средней и Центральной Азии имело несколько вариантов скотоводческих миграций. Первый вариант: основная часть населения имеет постоянную оседлость, остальная, меньшая часть кочует со своими стадами продолжительное время. Второй вариант: все население весной покидает зимники и до поздней осени кочует со стадами. В обоих случаях можно говорить, по мнению С. И. Руденко, о полукочевом хозяйстве с циклическим кочеванием, при котором кочевник, имея постоянное зимнее жилище, возвращается к нему ежегодно, пройдя через весеннее пастбище к летнему и через осеннее — к зимнему. Подобный образ жизни был характерен в прошлом для части казахов, киргизов и бурят, которые занимались также и плужным зерновым земледелием. Третий тип был характерен для кочевников, не обладавших постоянным зимним жилищем. Эта форма «таборного» кочевания наблюдалась только у некоторых казахов, у монголов и бурят [Руденко, 1961, с. 3—4].

С. И. Вайнштейн и Г. Е. Марков в своих работах развили и дополнили схему С. И. Руденко. Например, С. И. Вайнштейн отмечает большое своеобразие тувинского скотоводства XIX — начала XX в. [Вайнштейн, 1972, с. 70]. Он пишет, что в 1920—1930-х годах подавляющее большинство тувинского населения сохраняло кочевой образ жизни. По данным С. И. Вайнштейна, кочевание совершалось группой хозяйств — аалов. Каждый аал имел свои традиционные пути перегона стада и места летних, осенних, зимних и весенних стоянок, из которых наибольшим постоянством отличались зимники. Последние, как правило, устраивались на склоне горы недалеко от леса и близ малозасеженных пастбищ, которые были выше. Вблизи зимников находился крупный и мелкий рогатый скот, а табуны лошадей отгонялись на подгорную равнину, где с ними кочевали пастухи-табунщики. Когда в апреле на южных, согретых солнцем склонах появлялась первая зелень, скот перегоняли на весенние пастбища. Здесь же на небольших земледельческих участках скотоводы сеяли ячмень, затем перебирались с весенних пастбищ на летние в речные долины с высокой и сочной травой. Многие тувинцы, впрочем, были вынуждены легом подниматься на горные пастбища. С наступлением холодов отары возвращались на зимовье. По мнению С. И. Вайнштейна, принятые в таких случаях термины «вертикальное» и «горное» кочевание не отражают специфики различных режимов кочевков [Вайнштейн, 1972, с. 66—73].

В прошлом существовало несколько типов кочевания. К первому типу относился последовательный перегон стад с зимних пастбищ, расположенных на равнине, на летние, находящиеся в горных долинах вблизи горных речек, а затем к зиме — вновь на равнины. Это равнинно-горная форма кочевания. Она близка к так называемой яйлажной форме скотоводческого хозяйства горных таджиков, а также некоторых народов Кавказа (Дагестана, Грузии и др.), у которых, впрочем, было развито и отгонное пастушеское скотоводство на равнинах [Шампладзе, 1979, с. 40—62].

Второй тип характеризовался перекочевками с зимних горных пастбищ на равнинные летние, а с наступлением холодов — вновь в горы на зимники. Так кочевали в XIX в. восточные казахи, совершая очень значительные — до 500 км — передвижения в меридиональном направлении. Этот тип С. И. Вайнштейн называет горно-равнинным с преимущественным использованием горных пастбищ в зимнее время.

Третий тип был характерен в прошлом для части монголов, киргизов и народов Алтая. Так, скотоводы алтай-кижи большую часть лета пасли скот на горных пастбищах, спускаясь к зиме в укрытые от зимних ветров долины. Осенние и весенние пастбища у них располагались в предгорьях. Это — кочевой цикл «горы — предгорья — горы».

Четвертый тип был представлен у восточных тувинцев —

оленоводов и тофаларов, которые не выходили за пределы гор. Они имели зимники в горных таяжских долинах, а летом поднимались к горным вершинам.

Немаловажное значение имел состав стад. Так, в группах скотоводческого населения (например, у части тувинцев), где преобладал крупный рогатый скот и лошади, был распространен равнинно-горный тип кочевания. Если в стаде было много овец, устраивали зимовки в горах, где слой снега на пастбищах незначителен.

Касаясь сложного вопроса о критериях соотношения кочевых и полукочевых форм хозяйства, С. И. Вайнштейн отметил, что предложенная С. И. Руденко характеристика трех вариантов кочевого и полукочевого скотоводства плохо подходит к тувинскому скотоводству XIX — начала XX в. По его мнению, замкнутый, стабильный цикл кочевания с перекочевками по сезонам и постоянными зимниками был распространен в зоне степей и сухих предгорий Центральной Азии еще в древности, начиная со скифского времени [Вайнштейн, 1972, с. 71].

С. И. Вайнштейн к кочевым формам скотоводческого хозяйства относит его различные варианты — от таборного кочевания с незамкнутым циклом до замкнутых циклических кочеваний по определенным маршрутам и с более или менее постоянными зимниками, но без постоянных жилищ на них, причем расстояния перекочевов скота и сезонные передвижения кочевников не играют особой роли, так как они могут составлять на протяжении года и несколько километров, и несколько сот километров. Но непрерывное кочевание было скорее исключением, чем правилом в их образе жизни [Вайнштейн, 1972, с. 72; Марков, 1976, с. 11, 282]. Оно было вызвано особыми историческими условиями, угрозой вражеского нападения или, напротив, потребностями военного похода [Марков, 1976, с. 280].

Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением некоторых авторов, преувеличивающих значение непрерывно-подвижного образа жизни у кочевого-скотоводческих обществ, в частности у так называемых ранних или древних кочевников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Мнение это в значительной степени основано не на конкретных археологических и этнографических материалах, а на скудных сведениях античных авторов о том, что кочевники непрерывно кочуют в своих домах на кошках. Опираясь на эти сведения, некоторые исследователи приписывали скифским кочевникам-скотоводам традиции непрерывного кочевания (см., например, [Грязнов, 1955, с. 21]). Однако, по мнению Г. Е. Маркова, сообщения древних авторов о скифах, гуннах, аланах, сарматах и других кочевниках-скотоводах древности и раннего средневековья, которые кочуют, как вечные беглецы, с кибитками, где проводят жизнь, относятся преимущественно к периодам военных конфликтов. Тогда непрерывное кочевание и специфические формы подвижности были связаны не столько с нуждами хозяйственной деятельности

скотоводов-кочевников, сколько с военными конфликтами [Марков, 1976, с. 280].

Исследователь ранних кочевников Ферганы С. С. Сорокин связывал формы подвижности кочевников с природными ландшафтами. Так, по его мнению, для кочевников открытых степей было характерно длительное кочевание а вблизи гор и долин крупных рек были развиты более короткие сезонные перекочевки и длительные остановки [Сорокин, 1961, с. 163].

Археологические и этнографические материалы свидетельствуют, однако, о более сложных связях форм подвижности кочевников с окружающей средой, и прежде всего о зависимости этих передвижений от различных пастбищ, где выпасают скот. Археолог К. А. Акишев на материалах Казахстана справедливо отметил, что главным фактором в развитии кочевых форм скотоводства и направлении маршрутов перегона скота является периодичность смены травостоя на пастбищах различного типа в степях, полупустынях и пустынях умеренного пояса Азии [Акишев, 1972, с. 31].

Важное значение для формирования кочевно-скотоводческого хозяйства имело и обеспечение пастбищ питьевой водой как для людей, так и для скота. Так, в Западном Казахстане реки имеют воду только 2—3 зимних месяца в году. Поэтому скотоводы весной откочевывали на север, где были злаковые пастбища и в достатке вода, а с похолоданием осенью возвращались на зимовье в прибрежных зарослях низовий рек, где зимовали в котловинах грядовых песков. Пути их перекочевок имели строго меридиональное направление, а протяженность не превышала 200—250 км.

В Семиречье на востоке казахстанских степей характер и направление перекочевок были иными. Зимовки и зимние пастбища располагались в песках Прибалхашья, в прибрежных зарослях рек Чу и Или. В середине мая скотоводы перекочевывали на высокогорные пастбища Тяньшаня, оттуда спускались в предгорья, где многие имели земельные участки. Таким образом, направление перекочевок с зимников было не с юга на север, как на западе Казахстана, а с севера на юг. Протяженность маршрутов составляла от 50—70 до 100—200 км [Акишев, 1972, с. 37]. Они проводили значительное время на стоянках, и быт их был скорее полукочевой, чем коевой.

В Северо-Восточном Казахстане казахи найманы и керей в начале XX в зимовали в долинах рек Бухтарма и Черный Иртыш, а в конце мая или начале июля двигались на юг, проходя до летних пастбищ небольшие расстояния — от 10 до 30 км с остановками в 5—10 дней. На зимовках они сеяли ячмень и просо, а также занимались сенокосением. Их быт был, по мнению К. А. Акишева, полукочевого-полуоседлого типа, отличный от быта кочевников степей Западного и Центрального Казахстана, где были слабо развиты оседлость и земледелие [Акишев, 1972 с. 38].

Историко-этнографические материалы о распространении отдельных видов скота в кочевых и полукочевых хозяйствах народов Средней Азии и Казахстана в XIX — начале XX в. свидетельствуют о том, что круглый год кочевали только богатые скотоводы, а большая часть казахов, киргизов и других среднеазиатских скотоводов вела в основном полукочевой и полuosедлый образ жизни. Богатые скотоводы уходили в теплое время года из низин в горы, а зимовавшие в южных степях перекочевывали далеко на несколько сот километров на север. Полукочевники старались большую часть года пасти свои стада вдали от зимовок, стремясь сохранить призимовочные пастбища. Владельцы крупных стад уходили с зимовок раньше и возвращались позже [Толыбеков, 1971, с. 495—593]. Бедняки не были в состоянии кочевать самостоятельно, они либо нанимались пастухами к богатым скотовладельцам, либо выпасали скот вблизи от зимовок, сочетая скотоводство с земледелием и рыболовством.

Возвращаясь к типологии форм скотоводческого хозяйства, предложенной С. И. Вайнштейном, следует заметить, что им выделены в Туве кроме кочевых хозяйств полукочевые и полuosедлые. Полукочевыми хозяйствами он считает хозяйства скотоводов, совершающих сезонные перекочевки, но имеющих постоянное жилище на зимовках; со скотом кочует вся семья [Вайнштейн, 1972, с. 73]. Такой образ жизни вели многие алтайские и хакасские скотоводы. К полuosедлым хозяйствам автор относит хозяйства, в которых скот перегоняют с зимников на летовки, где построены постоянные жилища. Это было характерно в XVIII—XIX вв. для якутов, а также для некоторых народов Алтая и Хакасии.

С. И. Вайнштейн справедливо связал формы подвижности скотоводов и формирование ХКТ кочевников-скотоводов не только с характером и сезонностью перегонов скота, но и с развитием материальной культуры, с функциональными особенностями жилища — временного, переносного (на стоянках и стойбищах) или постоянного (преимущественно на зимниках).

Жилище степных кочевников Евразии — юрта с цилиндрическим складным решетчатым каркасом стен, обтянутых циновками и войлоком, — это результат долгого развития от простых форм к сложным. С. И. Вайнштейн проследил эволюцию жилища кочевников Центральной Азии от плетенного из ивовых прутьев куполообразного шалаша хуннского типа (устанавливаемого на повозке) до древнетюркских юрт с цилиндрическим остовом и куполом (в центре которого располагалось дымовое отверстие), до более совершенной юрты XIV—XV вв. с полусферическим верхним кольцом и складными легкими решетками [Вайнштейн, 1976, с. 46—62].

Изобретение хорошо приспособленного к кочевому быту жилища и его дальнейшее совершенствование были тесно связаны с процессом формирования и развития в середине I тыс.

н. э. ХКТ кочевых скотоводов Евразийских степей. С появлением этой формы жилища завершился переход от раннекочевнического этапа к более позднему этапу истории этого ХКТ [Вайнштейн, 1976, с. 57]. В материальной культуре кочевников к этому времени получили повсеместное распространение приспособленные к подвижному быту формы утвари, одежды, виды пищи, а также типы жесткого седла и стремян, сыгравших существенную роль в развитии верхового транспорта и военного дела, в развитии дальних караванных связей. В сфере духовной культуры ХКТ кочевников способствовал в известной степени распространению навыков письменности, литературы и «великих религий», в частности ислама [Вайнштейн, 1976, с. 57].

Весьма значительной была роль кочевничества и в расширении хозяйственной деятельности человека в экстремальных природных зонах, в частности в аридном поясе Земли и на Крайнем Севере. Как отмечает Д. Е. Еремеев, «широкий степной пояс Евразии, от Карпат до Хуанхэ, пустыни Средней и Центральной Азии, Аравии и Северной Африки, тундра Евразии — все эти гигантские территории были освоены именно кочевыми скотоводами» [Еремеев, 1979, с. 13]. Разделение труда между земледельческими и кочевно-скотоводческими районами отразилось на усилении процессов обмена имущественной и социальной дифференциации общества. Маркс писал: «Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов» [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 99].

В типологии, предложенной С. И. Вайнштейном (кочевые, полукочевые, полуоседлые и оседлые скотоводы), тип полуоседлых скотоводов функционально связывается с характером жилищ (постоянных на зимниках и летниках). Это в известной степени справедливая, но формальная точка зрения. Следует напомнить, что тип полуоседлых скотоводов в некоторых областях имел архаические черты более дрезнего, чем развитое кочевничество, хозяйственно-культурного типа с полуоседлым комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством. Многолетние археологические и этнографические исследования позволили С. П. Толстову обосновать выделение этого особого ХКТ. Он писал в 1947 г., что каракалпаки в XVIII—XX вв. были «наиболее характерными представителями комплексного, скотоводческо-рыболовно-земледельческого хозяйства в условиях дельтового режима, которое в свете наших материалов не может, нам думается, уже рассматриваться как результат недавнего процесса „оседания“ кочевников, а, напротив выступает как древняя форма, предшествующая, а впоследствии и сопутствующая развитию собственно скотоводческого хозяйства» [Толстов, 1947 (II), с. 99].

В комплексном полuosедлом хозяйстве скотоводов-земледельцев-рыболовов С. П. Толстов видел особый хозяйственно-культурный тип, а не частный случай местной формы хозяйственного уклада. Носители этого типа использовали паводковые речные разливы в дельтах крупных рек для орошения небольших полей; камышовые заросли — для корма крупного рогатого скота; пески, окружавшие земледельческий оазис, — для выпаса овец и верблюдов; в речных заводях и озерах они ловили рыбу [Жданко, 1979, с. 148—158; Андрианов, Левина, 1979, с. 94—99]. С. П. Толстов на археологическом материале проследил исторические судьбы этого ХКТ и превращение его в хозяйство развитых кочевников-скотоводов связав этот процесс с конкретной историей обитавших в Приаралье древних и средневековых народов [Толстов, 1947 (II)].

Судя по этнографическим материалам XIX в., этот ХКТ сочетал в своем хозяйственном укладе в разных соотношениях скотоводство и земледелие, элементы кочевой и оседлой культуры [Жданко, 1968, с. 276]. Например, значительная часть каракалпаков (подразделение конграт) в конце XIX в. вела полuosедлый образ жизни, совершая, по свидетельству А. В. Каульбарса, сезонные перекочевки на расстояние от «полверсты до 75 верст» [Каульбарс, 1881, с. 545]. Они разводили крупный рогатый скот и коз, занимались регулярным поливным и каирным земледелием на естественно и искусственно орошаемых землях. Их хозяйству в значительной мере был присущ замкнутый натуральный характер [Андрианов, 1958, с. 101—114]. В материальной культуре сочетались и кочевнические элементы (например, переносная юрта), и оседло-земледельческие (зимний глинобитный дом и т. п.).

В отличие от типологии скотоводческого хозяйства, предложенной С. И. Вайнштейном, Симаков выделяет три основных типа скотоводства: кочевой, комплексный (смешанный) и оседлый [Симаков, 1978 с. 14; Симаков, 1982, с. 74]. В кочевом хозяйстве скот круглогодично находится на подножном корму, отсутствуют постоянное помещение для скота и постоянное зимнее жилище для людей, перегон овец, лошадей и верблюдов (при отсутствии крупного рогатого скота) производится на дальние расстояния. Этот тип, по его мнению, в конце XIX — начале XX в. бытовал у высокогорных киргизов Памира. Сенокосение и земледелие у них отсутствовали.

Кочевой тип имеет три подтипа: 1) чисто кочевой, для которого характерно полное отсутствие земледелия и круглогодичное кочевание со скотом при отсутствии стационарных жилищ и построек для скота; 2) кочевой подтип с нерегулярным земледелием (каждый год обрабатываюся участки земли на новых местах), кочевками на меньшие расстояния, некоторым количеством крупного рогатого скота в стаде, отсутствием регулярной сезонной оседлости; 3) кочевой подтип с сезонной стоянкой (чаще зимней), характеризующийся полным отсут-

нием земледелия, наличием стационарных загонів на зимовках [Симаков, 1982, с. 75].

Скотоводческое хозяйство комплексного (переходного) типа являлось составной частью скотоводческо-земледельческого хозяйства. В нем иной состав стада, начинает преобладать крупный рогатый скот. На дальние расстояния кочевали только очень богатые скотоводы, а основная масса сочетала пастбищное и отгонное скотоводство с земледелием. Перегон скота совершался на 20—30 км. На зимовках скотоводы-земледельцы жили от 3,5 до 9 месяцев в году. Они занимались травосеянием и сенокосением, продолжая в то же время сезонные перегоны стада.

В комплексном типе Г. Н. Симаков выделяет: 1) полукочевой подтип, в котором кочевые традиции ведения пастбищного скотоводства преобладают над оседлыми, земледелие носит подсобный, неразвитый характер; 2) промежуточный подтип, в котором скотоводство кочевого и оседлого направлений имели одинаковое значение в хозяйстве как основные средства существования [Симаков, 1982, с. 75].

Оседлое скотоводство, по Г. Н. Симакову, имело четыре подтипа: 1) оседлый подтип с преобладанием яллагного скотоводства, когда на летние пастбища временно переселялась часть семьи (обычно женщины); 2) оседлый подтип с преобладанием отгонного скотоводства с пастухами; 3) оседлый подтип с преобладанием выгонного скотоводства, когда скот ночью и в холодные сезоны находится в стойле; 4) оседлый подтип с преобладанием стойлового скотоводства, тесно связанного с выгонным выпасом скота и пребыванием его большую часть года в стойле [Симаков, 1982, с. 73].

Классификация Г. Н. Симакова носит региональный характер, ее трудно распространить на другие районы. Кроме того, она слабо связана с концепцией хозяйственно-культурных типов. В то же время нельзя не отметить, что в своей статье Г. Н. Симаков (1978) отличает форму скотоводческого хозяйства от системы ведения скотоводства и типов скотоводческого хозяйства. Его заслуга — в уточнении этих понятий. Под формой скотоводческого хозяйства он понимает способ выпаса и содержание скота, а именно пастбищный, отгонный, выгонный и стойловый.

Пастбищное скотоводство, по его мнению, представляет собой основу системы кочевого скотоводства, а выгонная, отгонная и стойловая (полустойловая) системы скотоводства характерны для оседлого скотоводческого хозяйства. В Киргизии конца XIX — начала XX в. все эти системы были смешаны. При пастбищной форме ведения хозяйства скотоводы вместе со стадами перемещались в течение круглого года или части его с одного пастбища на другое; с ними кочевала вся семья. При отгонной форме весь скот или часть его отправлялась на дальние пастбища с пастухами, а владельцы скота и их семьи жи-

ли оседло. Выгонная форма отличается от отгонной тем, что стадо отгонялось недалеко, так что дойка скота происходит возле жилья владельца. Со скотом перемещались пастухи. Стойловая форма связана со стационарными хозяйственными постройками и с заготовкой кормов. Она была характерна только для оседло-земледельческих оазисов [Симаков, 1978, с. 15—16].

Как уже отмечалось, Г. И. Симаков выделяет у народов Средней Азии и Казахстана конца XIX — начала XX в. три типа скотоводческого хозяйства, что, конечно, упрощает действительную картину хозяйственно-культурного многообразия быта и форм подвижности скотоводческого населения. Поэтому типология скотоводов умеренного пояса, предложенная С. И. Вайнштейном, в которой есть связь с концепцией хозяйственно-культурных типов и полнее учитывается образ жизни людей, представляется нам более обоснованной. В схеме С. И. Вайнштейна учтены и хозяйственно-культурные различия разных ХКТ, и типы временного и постоянного жилья, и природные условия выпаса скота.

На нашей карте, опубликованной в 1972 г., кочевники и полукочевники скотоводы аридной зоны (умеренного пояса) имеют три основных подтипа: а) скотоводы пустынь и степей (монголы халха, дунсан и др.); б) скотоводы сухих предгорий и гор (алтайцы южные и др.); в) скотоводы высокогорий (тибетцы докпа, киргизы — в прошлом и др.) [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 14].

Выделяются также ХКТ полuosедлых и полукочевых скотоводов-земледельцев аридной зоны теплого и умеренного поясов с двумя основными подтипами: а) равнинным (в XIX — начале XX в. — узбеки — аралыцы, ногайцы и др.); б) горным (в XIX — начале XX в. — аварцы, балкарцы и др.).

Отдельно рассматриваются ХКТ кочевников и полукочевников аридной зоны (жаркого и теплого поясов) с тремя подтипами: а) скотоводы пустынь Северной Африки и Аравии (с шатром); б) скотоводы пустынь и саванн Северо-Восточной Африки (с африканским переносным жилищем); в) скотоводы юго-западноазиатских сухих предгорий и гор (с вертикальным кочеванием). Нетрудно заметить, что существуют крупные региональные различия в образе жизни скотоводов больших историко-этнографических областей Старого Света. Так, С. И. Вайнштейн в широкой аридной зоне Старого Света выделяет два разных ХКТ: «Один — в Передней Азии и Северной Африке, главным образом в аридной зоне субтропического пояса, и представлен в основном у арабов. Второй — преимущественно в сухой зоне умеренного пояса Евразии и представлен в основном у тюрко-монгольских народов». Предпринятые некоторыми исследователями попытки объединить оба ХКТ, по мнению С. И. Вайнштейна, нельзя признать удачными, эти типы хозяйств формировались в различных исторических и естествен-

но-географических условиях, они различаются и характером традиционно-бытовой культуры [Vajnshtein, 1978, с. 127].

Для ХКТ кочевников-скотоводов умеренного пояса характерна не только определенная поясно-климатическая сезонность хозяйственной деятельности (обусловленная четко выраженными сезонными изменениями погоды и растительного покрова умеренного пояса), но и многие особенности материальной культуры, приспособленной к суровым условиям континентальных пустынь Азии, что было уже отмечено выше. Основную массу кочевников и полукочевников здесь составляют представители тюркских и монгольских народов. Традиционным типом переносного жилища у них является разборная решетчатая юрта, крытая войлоком. У тюркских кочевников преобладает полусферический верх, у монголов — конический. Основу питания составляет молочная и мясная пища. Утварь, в частности посуда, легкая, деревянная или кожаная [Марков, 1979, с. 289—293].

Кочевники жаркого и теплого поясов в Передней Азии и Северной Африке весьма разнообразны в этническом отношении: многие из них говорят на семитских языках (арабы), другие на кушитских (беджа, сомали и др.) или иранских (курды, белуджи и др.). Их материальная культура и быт значительно отличаются от культуры и быта кочевников умеренного пояса. В частности, у них распространен в качестве жилища шерстяной шатер, а не разборная юрта. Главные характерные черты кочевников и полукочевников пустынь жаркого и теплого поясов обусловлены их бытом и природными условиями. Значительную часть времени (а часто и весь год) они проводят в разборных переносных шатрах. Узкие черные (реже коричневые) куски шерстяной ткани натянуты на шесты разной высоты с помощью веревок, укрепляемых на кольцах [ПТСЖ, 1981, с. 71—76]. Черные палатки можно встретить на огромном пространстве Северной Африки и Юго-Западной Азии. Хозяйственная деятельность и направление миграций в условиях жаркого и теплого поясов не имеют четко выраженного сезонного ритма, характерного для кочевников-скотоводов умеренного пояса, и это весьма важно для характеристики форм подвижности представителей разных ХКТ.

Типология кочевников жаркого и теплого поясов полнее всего освещена в трудах французского географа Р. Капо-Рейя и американского этнографа Д. Джонсона. Опубликованная в 1953 г. в Париже и переведенная на русский язык в 1958 г. книга Р. Капо-Рейя «Французская Сахара» [Капо-Рей, 1958] во многом сохранила свою научную ценность. Предлагаемая автором типология кочевников-скотоводов разработана на североафриканских материалах. Он, так же как и С. И. Вайнштейн, подчеркивает, что «мы не можем больше говорить о номадизме как о чем-то едином, так как этот термин объединяет совершенно различные формы скотоводства и условий жизни.

Кочевники племени регейбат, в основном занимающиеся разведением верблюдов, ежегодно откочевывают на сотни километров, в то время как овцеводы племени улед-си-и-шейх почти не покидают долины Сахарского пьомонта и горы Ксур. Пришло время хоть немного привести в порядок весь хаос представлений о сахарских кочевниках» [Капо-Рей, 1958, с. 229].

Р. Капо-Рей останавливается далее на принципах классификации. Некоторые исследователи — О. Бернар, Н. Лякруа — предлагали классифицировать кочевников в зависимости от протяженности маршрутов. Они выделили в Алжире кочевников с короткими — до 50 км — годовыми перегонами скота, кочевников с различным местопребыванием зимой и летом, кочевников Сахары, уходящих на лето в предгорные районы Телля, собственно кочевников Сахары. По мнению Р. Капо-Рей, средние цифры ежегодных маршрутов непоказательны, поскольку на миграциях скотоводов в жарких и теплых странах сильно отражается недостаток или обилие осадков. Направление и ритмы их миграций менее стабильны, чем в умеренном поясе. Кочевники, по выражению Капо-Рей, «следуют за дождем». В засушливый год их передвижения могут составить сотни километров, а во влажный год они фактически не двигаются с места. Немаловажную роль играет, конечно, и состав стада. По его словам, «верблюды проведут лето там, где овцы умрут от голода и жажды». Миграции зависят и от состояния пастибищ. Поэтому Р. Капо-Рей предлагает при классификации кочевников исходить из характера миграций, их продолжительности и регулярности [Капо-Рей, 1958, с. 231].

В одних случаях группа скотоводов со стадами, семьями и имуществом перемещается все время; весь год люди живут в переносных шатрах. Другие кочевники проживают по несколько месяцев по соседству с оазисами, где имеют собственные поля; они становятся полукочевниками. В дальнейшем скотоводы делаются полуоседлыми, а их стада выпасают специальные пастухи.

Капо-Рей предлагает делить все население Сахары на три основные группы: 1) кочевники с периодическими и непериодическими миграциями; 2) полукочевники; 3) оседлые земледельцы оазисов. Основные отличия между кочевниками и полукочевниками заключаются, по мнению французского географа, в удельном весе земледельческой деятельности.

Автор обращает внимание на то, что условия существования скотоводов в пустынях жаркого и теплого поясов намного сложнее и суровее, нежели у скотоводов умеренной зоны. Последние страдают от суровых зим и нехватки кормов. В Сахаре выступает в качестве важнейшего фактора водообеспеченность. Недостаток воды сказывается на овцах и особенно на крупном рогатом скоте. Долше всех без питьевой воды могут обходиться верблюды. Поэтому кочевники со стадами верблюдов ко-

чуют на сотни километров, а скотоводы Южной Мавритании, которые имеют преимущественно крупный рогатый скот, передвигаются на незначительные расстояния. В зимнее время — с октября до апреля — в Западной Сахаре верблюды могут обойтись без водных источников, поедая сочный корм пустыни. Когда же жара летом достигает 40°, верблюдов поят раз в 3—5 дней.

Описывая собственно кочевников Сахары, Р. Капо-Рей выделяет среди них кочевников с сезонными миграциями. Одни из них проводят лето в степях или предгорьях Телля. Это арабы улед-сиди-шейх, улед-зекри и др. [Капо-Рей, 1958, с. 232].

На южной окраине Сахары кочевники-туареги Аира проводят зиму в саваннах Сахельской зоны, а лето — в Сахаре. Дело в том, что небольшое количество дождей, которое выпадает в этом районе Сахары, приходится именно на лето. Правда, значительную часть года они оставляют стада на пастухов.

В Западной Сахаре, в Мавритании кочевники регейбат и другие проводят лето в Сахельской зоне, а с выпадением осенних дождей стада перегоняются далеко на север, но часть людей возвращается для сбора фиников.

Довольно разнообразны и ритмы и направления миграций скотоводов Южной Сахары. Здесь распространены непериодические миграции, зависящие от увлажнения пастбищ дождями. Кочевники используют песчаные пастбища эргов. В некоторых случаях протяженность годичных перекочевок достигает 300—1000 км. Регейбаты, совершающие подобные перемещения, питаются почти исключительно верблюжьим молоком. Многие группы арабских кочевников (улед-дауд и др.) кочуют по огромным пространствам [Капо-Рей, 1958, с. 239—240].

Р. Капо-Рей отмечает, что только небольшие группы кочевников эргов (например, арабы шаанба) не имеют связи с земледелием. Арабы шаанба никогда не сеют даже после дождей, а только разводят верблюдов и овец. В среднем на каждый шатер у них приходится пять верблюдов и около десятка овец или коз. Их миграции не имеют определенных трасс, хотя и достигают 200—250 км. Многие кочуют на окраинах эргов, останавливаясь в боковых ущельях, где есть растительность. Часть кочевников проводит почти полгода в оазисах, оставляя стада на пастухов, что, по мнению Капо-Рей, уже есть первый шаг к полукочевому образу жизни [Капо-Рей, 1958, с. 241].

В Центральной Сахаре располагаются каменистые возвышенности, где долины имеют условия для скотоводства, близки грунтовые воды. Стада туарегов кель-ахаггар и кель-аджер перемещаются на довольно значительные расстояния, хотя стаюнища редко меняют свои места. Строгой системы сезонных перекочевок, за некоторым исключением, не существует.

Сокращение скотоводческих миграций, по мнению Р. Капо-Рей, является признаком перехода к полукочевому образу жизни [Капо-Рей, 1958, с. 246]. Полукочевники регулярно сеют зер-

новые на паводковых разливах в сухих долинах — уэдах, которые обводняются сезонными водами. Это характерно для окраин Сахары, где полукочевники имеют постоянные жилища в долинах крупных уэдов. Так, арабы улед-амор и улед-бу-хадиджа имели в 1940-х годах общинные земли в низовьях уэда Эль-Араб, которые обрабатывали, строго разделив между хозяйствами. Три четверти из них жили тогда в шатрах, а четверть — в постоянных жилищах.

В Северной Сахаре с полукочевники, сочетающие скотоводство с земледельческой культурой финиковой пальмы. Они пасут верблюдов в каменистой пустыне, не удаляясь далеко от долин, где им принадлежат участки с пальмами и построены дома. Овцеводы бени-зид сочетают посевы ячменя в Блед-Сегги и культивирование финиковых пальм со скотоводством. Они совершают сезонные передвижения, перегоняя скот и собирая весной урожай озимого ячменя, а осенью финики.

Р. Капо-Рей, обобщив огромный материал по кочевникам Сахары, отмечает чрезвычайное многообразие форм подвижности отдельных групп скотоводов — от круглогодичного кочевания до отгонных полуоседлых пастушеских форм. Подавляющее большинство кочевников-скотоводов, однако, в той или иной степени связано с земледелием и земледельскими оазисами на окраинах великой пустыни Сахары [Капо-Рей, с. 232—247].

Если Р. Капо-Рей основывает классификацию кочевников-скотоводов преимущественно на характере занятий, на отношении скотоводов к земледелию, учитывая также продолжительность скотоводческих миграций, то американский этнограф Д. Джонсон основное внимание обращает на пространственные различия перегонов скота в разных экологических условиях [Johnson, 1969]. В начале своей книги автор справедливо отмечает значение природных факторов аридной зоны для формирования специфических черт ведения хозяйства и форм культуры кочевников-скотоводов. Номадизм, по его мнению, включает все формы подвижности между «чистыми» оседлыми обществами и гипотетически «чистыми» кочевниками, не имеющими никакой связи с земледельческой деятельностью. Главными факторами, определяющими формы и степень подвижности кочевников, по мнению Джонсона, являются: 1) состав стада, 2) участие в той или иной степени в земледельческой деятельности; 3) ежегодная амплитуда передвижений; 4) сезонность природных условий; 5) особенности общественных племенных традиций; 6) количественные и качественные экологические условия, влияющие на пространственные и временные параметры использования пастбищных и водных ресурсов (Johnson, 1969, с. 121).

Автор напоминает, что в литературе традиционно принято выделять «чистый» кочевнический, полукочевнический и полуоседлый типы хозяйств. Это деление было предложено еще в

начале века А. Бернардом и Н. Лекруа по отношению к алжирским кочевникам [Bernard, Lacroix, 1906]. Авторы выделили тогда пять типов. 1) почти оседлые скотоводы с преобладанием земледельческой деятельности, но живущие в шатрах и имеющие ограниченные локальные миграции; 2) кочевники с ограниченными передвижениями, не превышающими 50 км; 3) кочевники с четко выраженными летними и зимними поселениями; 4) кочевники с миграциями на горные летние пастбища; 5) кочевники-верблюдоводы Сахары с широкими передвижениями. П. Г. Мернер предложил выделять в Северо-Западной Африке только четыре типа кочевников: к первому он относит «полных», или «чистых», кочевников, обитающих в степной зоне и обязательно меняющих свое местопребывание на протяжении года. Второй тип — полукочевники, населяющие пограничную с оседло-земледельческими областями зону, где они немного сеют и собирают урожай для себя. К третьему типу относятся кочевники пустынь, для которых поиски водных источников и районов с осадками являются первостепенной задачей. Четвертый тип образуют горные кочевники, совершающие вертикальные миграции в зависимости от состояния пастбищ, питающих стада [Mermer, 1937].

Р. Капо-Рей, а позже и Д. Джонсон подвергли критике эти классификации, рассматривая их как слишком упрощенные и формальные [Capot-Rey, 1939, с. 184—190; Johnson, 1969, с. 15—16].

Д. Джонсон предлагает свою типологию форм подвижности кочевников-скотоводов. Он четко различает миграции на равнинах («горизонтальный, или линейный, номадизм») и вертикальные миграции в горах («вертикальный номадизм»). Перекочевки на равнинах могут иметь две формы: «пульсационную» и «эллиптическую». Автор приводит пример линейного передвижения стад у южных туарегов и фронтально широкого передвижения, практикуемого среди сомали и арабов кабаиш. Большое значение для направления перекочевки имеют источники воды, колодцы, дождевые ямы, сезонные потоки. Миграция со стадами может носить «пульсационный» характер (по одной и той же дороге мимо одних и тех же оазисов и колодцев) и «эллиптический» (стадо отклоняется от прямого курса, двигаясь в одну сторону по кривой, и возвращается кратчайшим путем, обычно вдоль сезонного потока).

В горном кочевании Д. Джонсон выделяет три типа: 1) сушежно-колебательный; 2) с ограниченной амплитудой; 3) комплексный номадизм [Johnson, 1969, с. 170—176].

Первый тип характерен, по мнению автора, для курдов, луров, бахтиаров, пуштунов и некоторых других скотоводческих народов Юго-Западной Азии. Зимой они, как правило, проводят в низинах, где температура относительно высока, а пастбища сравнительно обильны. Летом скотоводы поднимаются на альпийские пастбища. Каждое племя имеет свой путь и обычно

возвращается той же дорогой. Передвижения кочевников могут быть и средними, и длинными. Некоторые скотоводы, такие, как туареги Ахаггара, тубу (теда) Тибести или беджа побережья Красного моря, ограничены в своих передвижениях и совершают перекочевки на короткие дистанции.

Особый, «комплексный» нomaдизм, по Д. Джонсону, отличается от описанных двух форм тем, что он как бы сочетает их. В то же время в этой группе скотоводов передвижения зимой и весной связаны с интересами земледелия, которое является органической частью хозяйства подобного типа. Сюда относятся некоторые племена белуджей в Пакистане, племена бени-мгуилд в Среднем Атласе в Марокко и др. [Johnson, 1969, с. 175—176].

Для горных областей вообще характерно большое количество переходных форм от круглогодичного кочевничества до пастушеского отгонного животноводства.

Этнографические исследования Б. Х. Кармышевой в Средней Азии позволили выделить в южных районах Узбекистана и Таджикистана широко распространенные в начале XX в. четыре типа скотоводства: 1) стойлово-выгонно-яйлажное; 2) выгонное; 3) кочевое; 4) отгонно-пастбищное [Кармышева, 1969, с. 45]. Первая форма зафиксирована у оседлого таджикского населения. Весной, когда таял снег, скот выгоняли на прикиш-лачные пастбища, а с появлением всходов — на поля, на летние пастбища — айлок (тюрк. яйлак, джайляу, отсюда — «яйлажный»). На летовки переселялись преимущественно женщины, которые заготавливали впрок молочные продукты. Второй тип — выгонный — был отмечен Б. Х. Кармышевой у чагатаев-таджиков и части узбеков на равнинах и в предгорьях. Чагатаи во все сезоны пасли скот на пастбищах, расположенных поблизости от селения. Скот подкармливали только в суровое, но короткое зимнее время. Скотоводство имело подсобное значение в хозяйстве. Но у всех оседлых жителей равнин и предгорий наблюдались переселения из кишлаков весной — на весенние пастбища, летом — в сады, а осенью после сбора урожая фруктов — обратно в кишлаки. Кочевничеством это не называлось, хотя в ряде местностей летним жилищем служила юрта.

Настоящий кочевой тип хозяйства был характерен в начале XX в. только для узбеков кунгратов, обитавших в полупустынных районах Таджикистана. Кунграты меняли место стоянки через каждые две-три недели. В стаде преобладала курдючная овца, и скотоводство носило четко выраженный товарный характер.

Отгонно-пастбищная форма получила в прошлом распространение среди полукочевых узбеков. Стадо находится большей частью около воды на сезонных пастбищах под присмотром пастухов. Население совершало две-три перекочевки. Зимовки располагались в долинах рек. Ранней весной население со стадами переселялось в степь или на ближайшие адыры — холмы.

Летом стада перегоняли на летние пастбища, а осенью возвращались в кишлаки. Летовки могли быть в полосе предгорий или высоко в горах.

На Кавказе были развиты в недавнем прошлом близкие к таджикским формы ведения скотоводческого хозяйства. Они исследованы Ю. И. Мкртумяном в Армении, В. М. Шамиладзе в Грузии и М. О. Османовым в Дагестане.

Ю. И. Мкртумян рассмотрел формы скотоводства в их соотношении с земледельческой деятельностью горных кавказских народов [Мкртумян, 1971; Мкртумян, 1972]. Кавказ издавна отличался и пестротой этнического состава населения, и многообразием природно-хозяйственных условий. В зависимости от соотношения земледелия и скотоводства автор вычленил четыре основных типа хозяйственных укладов: 1) преимущественно земледельческий; 2) комплексный земледельческо-скотоводческий; 3) преимущественно скотоводческий; 4) скотоводский полукочевой или кочевого типа. У оседлых земледельцев скотоводство играло подсобную роль и было стойловым или выгонным. Для второго типа, распространенного в предгорьях, было характерно отгонное овцеводство на близлежащих пастбищах. Третий тип — горное скотоводство (с подсобной ролью земледелия) имело ярко выраженную форму со значительной амплитудой перегонов скота. Кочевое и полукочевое скотоводство было развито в прошлом у курдов, ногайцев и азербайджанцев. Скот периодически перегонялся с одного пастбища на другое в зависимости от состояния пастбищ и направления традиционных путей [Мкртумян, 1971, с. 125].

В. М. Шамиладзе на основе многолетних полевых исследований создал капитальный труд, посвященный традиционному скотоводству Грузии [Шамиладзе, 1979]. Центральное место в нем занимают вопросы типологии и классификации форм скотоводства, которые рассматриваются на широком географическом фоне горных стран не только Кавказа, но и Европы. В. М. Шамиладзе отметил недостатки схемы Ю. И. Мкртумяна, в частности отсутствие в ней специфической горной формы — трансюманс, которая является одной из основных форм скотоводства Грузии и Закавказья. По мнению ученого, в классификации Ю. И. Мкртумяна искусственно объединены формы равнинного скотоводства и скотоводства горных зон [Шамиладзе, 1979, с. 54—56], тогда как горное альпийское скотоводство, распространенное во многих странах мира, представляет собой независимую форму скотоводства.

В своем исследовании автор подробно описал четыре основные формы скотоводства Грузии: равнинное (с подвидами: экстенсивное шалашное хозяйство, подсобное скотоводство); горное (отгонное скотоводство, внутриальпийское скотоводство); перегонное, или трансюманс (восходящий трансюманс, промежуточный и нисходящий трансюманс); кочевое (вертикально-зональное кочевничество и полукочевничество). При

выделении этих форм автор руководствовался многими критериями, среди которых выделяет компоненты социальной организации и территориально-зональную организацию хозяйственной деятельности. По его мнению, на социальную организацию общества (характер общины, формы семьи и т. п.) в Грузии оказывал определенное влияние хозяйственно-географический фактор горной зональности, поэтому в типологии скотоводства он придает основное значение «территориальному расположению поселений и сезонных пастбищ и сенокосов, их хозяйственным взаимоотношениям и вытекающим отсюда характерным особенностям семейного быта, связанным с организацией ведения той или иной формы скотоводства». Второстепенное, локальное значение имеют хозяйственно-организационные аспекты ведения скотоводства, в частности годичный цикл ухода за скотом, заготовка кормов и режим кормления, формы эксплуатации пастбищ и параллельных хозяйственных баз и т. д. Они отражают особенности отдельных форм и подвидов [Шамиладзе, 1979, с. 59].

С теоретической точки зрения это правильный, научный подход. Но, к сожалению, автор не был последователен, не пытаясь связать региональный грузинский материал с более широкими таксонами хозяйственно-культурной и историко-культурной типологии, т. е. с таксонами ХКТ и ИКО. Отсюда, например, ошибочное толкование типа кочевого скотоводства на Кавказе, на что обратил внимание Г. Е. Марков (см. [Марков, 1981, с. 93]).

В своем отзыве на исследование грузинского этнографа Б. Х. Кармышва справедливо отметила главный недостаток схем В. М. Шамиладзе и Ю. И. Мкртумяна: оба исследователя «отказались от понятия „тип скотоводства“ (таксономически более высокого, чем форма), основным принципом выделения которого должен быть образ жизни» [Кармышева 1982, с. 167]. Б. Х. Кармышева напомнила, что в советской этнографии принято выделять следующие типы скотоводческого хозяйства: оседлое, кочевое, полукочевое и полуседлое. Различия между ними определяются соотношением земледелия и скотоводства, а также тем или иным сочетанием форм скотоводства и конкретных географических условий [Кармышева, 1982, с. 168]. Хотя С. И. Вайнштейном была сделана попытка конкретизировать эти четыре понятия на тувинском материале, все же они условны и не могут быть распространены за пределы центрально-азиатского региона.

Локальный характер носит и классификация Г. Н. Симакова [Симаков, 1982], который, взяв в качестве главного критерия наличие или отсутствие земледелия, а при наличии такового — степень его развития, предложил выделить три основных типа скотоводства Средней Азии и Казахстана: кочевой, комплексный и оседлый. Под комплексным скотоводством он понимает совокупность кочующих хозяйств, занимающихся парал-

тельно и регулярным земледелием. В рамках комплексного типа Симмаковым выделяются полукочевой, промежуточный и полuosедлый подтипы. Как видно из опубликованной автором графической системы, все типы подразделены на подтипы, а сами типы связаны с формами выгона скота — пастбищной, отгонной, яйлажной, выгонной или стойловой [Симмаков, 1982, с. 76].

В 1983 г. Г. Е. Марковым и К. П. Калиновской была сделана новая попытка создать систематику форм скотоводства с учетом хозяйственно-культурных типов и хозяйственной деятельности в доиндустриальных обществах [Марков, 1983; Калиновская, Марков, 1983]. Прежде всего они выделяют крупные комплексы: 1) оседлый (оседло-земледельческий) тип хозяйства; 2) подвижный (подвижно-скотоводческий, пастушеский) тип хозяйства; 3) кочевой (кочевно-скотоводческий, кочевой) тип хозяйства. Оседлый тип подразделяется авторами на подтипы: а) оседлое (возможны случаи полuosедлого) земледелие как ведущая отрасль; б) оседлое и полuosедлое скотоводство; в) прочие занятия. Подвижный тип включает подтипы: а) пастбищное скотоводство; б) полuosедлое земледелие; в) прочие занятия. В кочевом хозяйстве существуют подтипы: а) пастбищное скотоводство — ведущая отрасль; б) полuosедлое земледелие; в) прочие занятия.

Авторы наряду с типами выделяют в собственно скотоводческом хозяйстве классы, роды и виды как более низшие ступени классификации.

Оседлый тип включает придомный и отгонный классы скотоводческого хозяйства. При подвижном (пастушеском) типе могут быть выделены классы: трансюманс и миграционно-военный. Трансюманс имеет два варианта: в одном случае основная часть населения живет оседло, а другая часть находится со скотом на отгонных пастбищах; в другом случае в сезонных перегонах скота участвует все население.

Классы кочевничества составляют кочевое и полукочевое хозяйство. Основные средства существования кочевники и полукочевники получают от экстенсивного пастбищного скотоводства.

Более низкие ступени систематики (род и вид) авторы связывают с характеристикой содержания скота и условиями его выпаса.

В природном и отгонном классах выделяются стойловое, сезонное и круглогодичное содержание скота. У кочевников распространены круглогодичное, сезонное и стойловое содержание скота.

Виды выпаса скота обусловлены природными условиями, имущественными, социальными различиями и т. п. [Калиновская, Марков, 1983, с. 60—63].

Предложенная Г. Е. Марковым и К. П. Калиновской классификация форм скотоводства с иерархическим делением на типы, классы, роды и виды представляет собой в целом до-

вольно удачную попытку типологизации скотоводческой и скотоводческо-земледельческой деятельности в доиндустриальных обществах. Ее достоинством является иерархичность звеньев, а любая типология как система типов должна носить иерархический характер [Крюков, 1983, с. 9]. Впрочем, новая классификация, предложенная Г. Е. Марковым и К. П. Калиновской, не лишена и некоторых недостатков. Так, неудачен в терминологическом плане выделенный авторами «подвижный» тип хозяйства. Авторы имеют в виду подвижно-скотоводческое, миграционно-военное, пастушеское хозяйство [Калиновская, Марков, 1983, с. 60—61]. Все скотоводы ведут в той или иной степени подвижный образ жизни. Поэтому более правильным было бы назвать этот тип «пастушеским». Впрочем, авторы и приводят этот термин в скобках как синоним выделенного ими подвижного типа хозяйства. Вряд ли целесообразно теперь выделять как отдельный класс миграционно-военный в подвижном (пастушеском) типе. В средние века и в древности военные миграции совершались кочевниками-скотоводами, т. е. номадами, по терминологии авторов. Составленная ими классификация обращена в прошлое и не совсем точно отражает современную ситуацию в традиционных обществах аридной зоны.

Для учета образа жизни и форм подвижности неоседлого населения важно различать пастушеские и кочевые (номадные) скотоводческие хозяйства. Эти различия и лежат в основе исторических классификаций форм скотоводства С. И. Руденко (1961), Г. Е. Маркова (1979, 1983) и некоторых других исследователей.

Скотоводческое хозяйство и кочевничество теперь изучаются и типологизируются разными науками. Так, специалисты в области сельского хозяйства, экономисты, географы в своих типологических разработках опираются главным образом на организационно-экономические и естественнонаучные данные (физиологию животных, агроклиматологию, геоботаническую характеристику пастбищ и кормов и т. п.). Например, экономист Л. М. Зальцман выделяет в мировой практике три основные системы животноводства: пастбищную, стойлово-пастбищную и стойловую. Пастбищная, в свою очередь, подразделяется им на три формы: экстенсивно-кочевую, отгонно-пастбищную и стационарно-пастбищную. Стойлово-пастбищная форма может быть экстенсивной на основе естественных пастбищ, а также среднеинтенсивной на комбинированной кормовой базе и, наконец, интенсивной на высокопродуктивной кормовой базе [Зальцман и др., 1962]. В основе такой классификации лежат экономические и организационно-животноводческие показатели использования скотом кормовых ресурсов. Этнографов интересуют прежде всего условия жизни людей, их бытовые особенности и связанные с хозяйственной деятельностью особенности их жизни и культуры.

Пожалуй, ближе к этнографическим аспектам решения клас-

сификационных вопросов скотоводческого хозяйства находится уже упоминавшаяся нами классификация экспертов ФАО; выделяются пять типов: 1) кочевое пастбищное скотоводство, не связанное или мало связанное с земледелием; 2) полукочевое пастбищное скотоводство с земледелием на постоянных поселениях (главным образом на зимовках); 3) скотоводство с отгонными пастбищными формами, сезонно сочетающееся с земледелием; 4) пастушеское скотоводство, связанное с земледелием; 5) пастушеское скотоводство, не связанное с земледелием (трансюманс).

Нетрудно заметить, что и в классификации экспертов ФАО пастушеские и кочевые (номадные) формы скотоводческого хозяйства четко разделены.

Таким образом, по нашему мнению, лучше всего отвечает интересам этнографической типологии скотоводческого хозяйства группировка всего многообразия по трем основным группам: 1) скотоводство оседлое (стойлово-выгонное) как часть оседло-земледельческих хозяйственно-культурных типов; 2) скотоводство пастушеское, в котором выпас скота на пастбищах осуществляется частью населения (в натуральной форме) или пастухами (в товарной форме); 3) скотоводство номадное, кочевое или полукочевое, с сезонными миграциями по пастбищам отдельных семей или их объединений.

Все три группы имеют ярко выраженные особенности быта и форм подвижности неоседлого скотоводческого населения. Следует, однако, отметить, что пастушеское скотоводство развивалось (как это хорошо показал С. И. Руденко) и в рамках ранних скотоводов-земледельцев с натуральным хозяйством, и на более высокой стадии развития сельского хозяйства, основанного на применении рабочего скота, и в товарной форме (например, трансюманс). Эти различия хозяйственно-культурного характера должны быть учтены при классификации форм сельского хозяйства. Отдельные типы скотоводческого хозяйства могут сильно отличаться друг от друга, и в зависимости от этого наблюдаются принципиальные различия в социальных структурах этих обществ. Так, несхожи социальные организации пастушеских скотоводов с первобытнообщинными отношениями в Африке и пастухов-аромунов в Южной Европе, имеющих четкую классовую структуру товарно-скотоводческого хозяйства.

Исследователь скотоводческого хозяйства аромунов, этнограф А. Беурман установил, что среди различных (кочевых и пастушеских) групп аромунов в последние десятилетия наблюдается процесс оседания кочевых скотоводов, возведение постоянных хозяйственных и жилых построек, как на равнине, так и высоко в горах, где расположены их летние пастбища. Увеличивается и товарность скотоводческого хозяйства [Beuermann, 1967, с. 18—19].

В Южной Европе и отчасти в Северной Африке широко рас-

пространены товарные формы пастушеского скотоводства — так называемый трансюманс. Этот термин используется в литературе в двух смыслах: и для общей характеристики сезонных перегонов скота (распространенных во многих странах Средиземноморья), и для обозначения особого горного товарного типа животноводства. Сочетание отгона скота на высокогорные альпийские пастбища со стойловым содержанием в долинах составляет особую, «альпийскую форму» животноводства. В структуре стада большой удельный вес принадлежит молочному высокопродуктивному скоту. Большой знаток альпийских форм животноводства, швейцарский экономгеограф Г. Бёш описал этот тип [Boesch, 1951, с. 203—207]. Около 6 месяцев животных держат в хлеву, где кормят сеном и силосом, а затем перегонают на 3 месяца высоко в горы, откуда снова вниз — на равнину. Термин «трансюманс», по мнению Г. Бёша, означает такой тип хозяйства, который распространен за пределами плодородных земель или обрабатываемых полей; его отличительная черта состоит в «полном отсутствии каких-либо связей с оседлым земледелием» [Бёш, 1966, с. 59—60].

Сезонные перегоны скота в Европе осуществляются группами наемных пастухов; в этом — отличие от кочевого скотоводства Азии и Африки. Кроме того, в этой уже высокотоварной, хотя и традиционной, форме животноводства отсутствует связь с земледелием. Скотоводство и земледелие здесь сосуществуют независимо друг от друга.

Развитые формы отгонного скотоводства и скотоводства типа трансюманс имели место не только в Средиземноморье, но и, как показал В. М. Шамиладзе, на Кавказе, особенно там, где земледелие играло второстепенную роль. Для этих форм скотоводства характерны значительные амплитуды перегонов скота. В видоизмененной форме отгонно-пастбищное животноводство характерно и сейчас для многих районов Кавказа; по многочисленным скотопрогонным трассам теперь перегонают миллионы голов скота с низменных зимних пастбищ на летние альпийские луга. Однако со скотом перемещается только незначительная часть населения — бригады пастухов.

Товарные формы отгонного, пастбищного животноводства нового времени (система сетеров в Северной Европе, фермерское животноводство в США и т. п.) связаны с подвижностью ограниченного числа лиц — сельскохозяйственных рабочих. Их миграции резко отличаются по своим бытовым особенностям от традиционных форм передвижения пастухов и кочевников, поэтому мы не касаемся их характеристик, выходящих за пределы нашей темы.

Самая многочисленная по численности часть неоседлого населения с традиционным скотоводческим хозяйством — кочевники, полукочевники, пастухи засушливых равнин и гор. Все это многообразие подвижных форм кочевого и полукочевого скотоводческого населения может быть классифицировано по степе-

Таблица 1

Формы подвижности неоседлого населения

Образ жизни	Тип поселения	Этническая группа	Примечания
-------------	---------------	-------------------	------------

*Неоседлое население, сохранившее ХКТ
с «присваивающей» экономикой*

Бродячий	Стойбище, временные стоянки	Сириано	Не более трех дней на одном месте
Бродяче-оседлый	Стойбище	Бушмены кунг	Сезонные передвижения
Оседло-бродячий	Стойбище, сельбище	Береговые австралийцы	
Переменно-оседлый	Сельбище	Эскимосы Аляски	
Годовая оседлость с сезонной миграцией части населения	Сельбище, временные стоянки	Эскимосы, Гренландии	

Неоседлое население со скотоводческо-земледельческими ХКТ

Кочевой	Стойбище	Оленеводы-саами	Круглогодичные передвижения
Кочевно-оседлый	Стойбище, отчасти сельбище	Кочевники-бедуины	Сезонные передвижения
Оседло-кочевой	Сельбище, стойбище	Масаи	
Переменно-оседлый	Сельбище	Тибетцы-кочевники	
Годовая оседлость с сезонной миграцией части населения	Сельбище, временные стоянки	Берберы тамазигт	Сезонные перегоны

ни полноты образа жизни, как это сделано по отношению к охотникам-собираателям. Наибольшей мобильностью отличаются группы кочевников, не имеющих постоянных поселений. Примерами могут служить верблюдоводы-сомалийцы или отдельные группы арабов-бедуинов во внутренних районах Сахары (см. карту на заднем форзаце). Образ жизни кочевников-скотоводов, имеющих постоянные поселения (чаще всего на зимних пастбищах), но проводящих большую часть года в перекочевках, — кочевно-оседлый. Такой образ жизни характерен, например, для кочевников периферийных областей Сахары, некоторых областей Аравии, Ирана, Монголии и Тибета.

Если время пребывания скотоводов-полукошачевников в постоянных поселениях превышает время сезонных перекочевок и скотоводы занимаются земледелием, можно говорить об оседло-кочевом образе жизни.

В некоторых горных районах развито полукочевое и отгонное пастушеское скотоводство, при котором скотоводы имеют

постоянные поселения. Это переменнo-оседлый образ жизни. Он распространен среди отдельных групп тибетцев.

Годовая оседлость с сезонной миграцией части населения характерна для земледельческо-скотоводческого бербероязычного населения Марокко и Алжира, курдов и белуджей Ирана, для некоторых горных народов Непала и Тибета.

Предлагаемая классификация форм подвижности неоседлого населения (табл. 1) подчинена главной задаче нашего исследования — выявить основные формы традиционного хозяйствования и их тесную связь с образом жизни, бытом и культурой населения, которое еще сохраняет в той или иной степени свою сезонную или круглогодичную подвижность.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ НЕОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Определение численности и характера размещения отдельных групп неоседлого населения представляет собой сложную задачу. Не так просто провести грань между оседлым и частично неоседлым населением, полуоседлыми, полукочевыми и кочевыми народами. Статистические данные, характеризующие неоседлое население по странам мира, неполны, в ряде случаев противоречивы, требуют критического анализа. Наиболее значительные группы неоседлого населения сохранились в странах Африки и Азии, главным образом в пределах аридной зоны, где вне земледельческих оазисов основным занятием было скотоводство с сезонным передвижением скота и людей. Но демографический учет в условиях подвижного быта крайне затруднен. Об этом, в частности, говорилось на заседании Экономической комиссии для Африки в Аддис-Абебе в 1965 г. и на Международной конференции по народонаселению в том же году [Ненін, 1965]. О трудностях статистического учета и этногеографического изучения кочевников, охотников и собирателей, обитающих в редкоселенных пустынных областях, пишут многие исследователи (см. [Brasseur, Le Moal, 1963; Schinkel, 1970, с. 18—33]). Во многих странах с высоким удельным весом неоседлого населения слабо налажен статистический учет, а в некоторых, например в Саудовской Аравии, Сомали, Афганистане, он отсутствует. Есть страны, где переписи были проведены, однако их данные сомнительны; так, в Нигерии оценки численности населения колеблются в пределах десятков миллионов. Цифры, публикуемые в разных источниках, подчас весьма противоречивы. Яркий пример этому — оценки численности цыган, часть которых еще сохраняет традиционный подвижный образ жизни. Так, в советском «Атласе народов мира» общая численность цыган в мире на середину 1961 г. оценивалась в 800 тыс., английский исследователь А. Айветс называет 7—8 млн., а справочник С. И. Брука на середину 1978 г. дает цифру 1230 тыс. [АНМ, с. 145; Айветс, 1974, с. 4—10; Брук, 1981, с. 879; Clébert, 1961, с. 9].

Не менее сложную задачу представляет собой пространственная характеристика неоседлого населения, определение территорий, находящихся в хозяйственном освоении скотоводов, охотников и собирателей. Вопросы регионализации неоседлого

населения Африки и Азии были затронуты на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973 г.), где были представлены доклады, посвященные различным аспектам этнографии и демографии современных кочевников. Большой интерес, в частности, представила смелая попытка историко-этнографической регионализации населения аридной зоны от Мавритании на западе Африки до Ирана и Афганистана в центре Азии, предпринятая известным этнографом Рафаэлем Патаи [Patai, 1978, с. 3—74]. Развивая идею «культурных ареалов» К. Уисслера, М. Херсковица и Д. Мэрдока, автор выделил в обширном афро-азиатском регионе 23 особых историко-этнографических ареала различающихся этническим составом населения, направлением хозяйственной деятельности и своеобразием черт культуры обитающих там земледельческих и скотоводческих народов [Patai, 1978, с. 6]. Эта попытка историко-культурного районирования в известной степени смыкается с опытами советских этнографов в изучении историко-этнографических областей [Андрианов, Чебоксаров, 1975 (11)].

Р. Патаи выделил в Северной Африке следующие ареалы: 1) Нильский (египтяне); 2) Береговой земледельческий ареал (арабы и берберы Мавритании, Марокко, Алжира, Туниса и Ливии); 3) Ареал Северо-Западных оазисов (арабы-верблюдоводы и оседлые земледельцы-берберы тех же стран); 4) Ареал Северо-Восточных оазисов (скотоводы-арабы Ливийской пустыни в Ливии и Египте); 5) Ареал Юго-Западный (преобладают кочевники маавры Мавритании и Мали); 6) Ареал туарегов скотоводов кочевников и полукочевников; 7) Восточно-Сахарский ареал (тубу, заава и другие кочевники-верблюдоводы и полукочевники со стадами овец и коз в Нигере, Чаде, Судане); 8) Ареал верблюдоводческо-скотоводческий (кочевники верблюдоводы и скотоводы баггара и другие со стадами крупного рогатого скота в Судане); 9) Ареал беджа (верблюдоводы и скотоводы Судана) [Patai, 1978, с. 10—20].

В Юго-Западной Азии автор выделил: 10) Ареал Северо-Аравийской пустыни (кочевники-верблюдоводы арабы Саудовской Аравии, Иордании, Сирии, Ирака, Кувейта); 11) Южно-Аравийский ареал (арабы Йеменской Арабской Республики и Народной Демократической Республики Йемен); 12) Восточно-арабский ареал (арабы Омана, Катар и др.); 13) Ареал побережья Леванта (арабы Ливана, Сирии); 14) Месопотамский ареал (земледельцы-арабы Ирака и Сирии); 15) Турецкий ареал (преобладают оседлые земледельцы-турки, есть скотоводы-юрюк в Турции); 16) Курдский ареал (курды, оседлые и кочевые в Турции, Иране и Ираке); 17) Азербайджанский ареал (азербайджанцы); 18) Ареал западноиранских племен (лур, бахтиары и другие скотоводы с отгонно-пастбищным выпасом овец и коз); 19) Персидский ареал (земледельцы оазисов и скотоводы пустынных областей Ирана, отчасти Афганистана);

20) Монгольский ареал (хазара и другие народы Афганистана); 21) Ареал пуштунов; 22) Ареал белуджей и брагуи (народы Юго-Восточного Ирана и Южного Пакистана); 23) Туркмено-узбекский ареал СССР [Patai, 1978, с. 21—38].

Автор довольно подробно останавливается на принципах регионализации. Прежде всего он учитывал соотношение природных условий, культурных оазисов с оседлыми земледельцами и пустынных территорий, где преобладает пастушеский сезонно-подвижный кочевой образ жизни. Прослежена степень оседлости для переходного полуоседлого скотоводческо-земледельческого населения. Для учета различных социальных аспектов Р. Патаи использовал данные о численности кочевников и земледельцев, этнический, расовый, религиозный состав населения [Patai, 1978, с. 6—9]; всего проанализировано более 20 показателей. Однако среди них мы не найдем данных, характеризующих социальный строй и классовую дифференциацию населения, отсутствуют и сведения о различиях в уровнях экономического и культурного развития отдельных культурных ареалов, которые автор рассматривает с релятивистских позиций. Таким образом, по нашему мнению, его эмпирическая регионализация носит в значительной мере формальный характер.

Географический подход к типологизации сельскохозяйственной деятельности населения мира, в том числе и неоседлого, характерен для польского экономгеографа Ежи Костровицкого, много лет руководившего специальной комиссией по изучению типов сельского хозяйства мира при Международном географическом союзе. Результаты этих исследований представлены в целом ряде специальных публикаций по типологии сельского хозяйства. Опираясь на материалы экспертов из многих стран мира, Е. Костровицкий разработал систему формализации сельскохозяйственных типов, основанную на исследовании 1 тыс. отдельных ареалов; охвачены системы землепользования, формы землевладения, административные или другие единицы, которыми владеет совместно группа людей — род, племя община и т. п. Было создано и сгруппировано более 60 моделей типов, и для каждого из них разработаны формализованные коды [Кузина, Январева, 1978, с. 62—65; Kostrowicki, 1973; Kostrowicki, 1976; Kostrowicki, 1978; Kostrowicki, 1980].

Главным синтетическим понятием, вобравшим в себя всю совокупность черт сельского хозяйства, является «тип», который, как правило, проявляется в пространстве мозаично, не образуя непрерывных территорий. Каждый сельскохозяйственный тип — результат влияния исторических процессов, технических, экономических и культурных факторов, развивающихся во времени на определенной территории. Так, один и те же типы могут появляться в различных местах и в разное время. Тип — высшее и всеобъемлющее понятие сельскохозяйственной классификации, включающее все формы растениеводства и животноводства. Однако из большого числа типов, выделенных комис-

сией, относительно немногие могут быть связаны с традиционной хозяйственной деятельностью неоседлого населения. Это — традиционное подвижное скотоводство: а) в кочевой форме без земледелия (Северная Африка, Средний Восток); б) кочевое скотоводство в сочетании с потребительским земледелием (Северная Африка, Средний Восток); в) неразвитое потребительское сельское хозяйство с отгонным горным (яйлажным) скотоводством (Средний Восток, Средиземноморские страны); г) рыночное пастушеское животноводство горных стран Средиземноморья; д) крупнорыночное пастушеское животноводство (Австралия, Аргентина и Южная Африка); е) пастбищное крупнорыночное животноводство (СССР, Монголия).

Слабость схемы Е. Костровицкого в недостаточном использовании историко-этнографических материалов. В частности, он напрасно, на наш взгляд, объединил в группу «номады-скотоводы» различные по уровню социально-экономического развития группы ранних скотоводов-охотников Африки (гереро, масаи, нуэры и др.) и поздних высокоспециализированных арабов-кочевников Сахары и Аравии с четко выраженными социальными структурами.

Специальные работы по изучению кочевников, природных условий их быта и социально-экономических изменений в их жизни были проведены ЮНЕСКО начиная с 1951 г. Результаты многолетних исследований положения кочевников аридной зоны обсуждались на многих конференциях и международных симпозиумах и опубликованы в сборниках и монографиях. Хорошо известна серия «Arid Zone Research», включающая более 30 монографий. В их числе ряд ценных этногеографических публикаций, в которых содержатся сведения о скотоводах-кочевниках, живущих в странах аридного пояса [UNESCO, 1959; UNESCO, 1963; UNESCO, 1977; и др.]. Однако обобщающие работы, характеризующие современный быт всех групп неоседлого населения, отсутствуют, весьма скупы и сведения об их территориальном размещении и численности. Как мы уже отмечали, вопросы численности кочевников были затронуты на конференции ООН по проблемам опустынивания в 1977 г. Представленный сотрудниками Университета Кларка доклад обобщил разнообразные материалы специализированных учреждений ООН — ФАО, ЮНЕСКО, ВОЗ и др. [Литвиненко, 1978; Kates, Johnson, Haring, 1977; UNESCO, 1978].

Все эти материалы свидетельствуют о том, что неоседлое население с той или иной формой традиционной подвижности — от круглогодичных до временных хозяйственных передвижений — все еще можно встретить на всех континентах мира. Общая численность этого населения оценивалась на 1982 г. в 59,4 млн., что чуть больше 1% населения земного шара; оно распределяется так: Африка — 29,4 млн.; зарубежная Азия — 27,2 млн.; Америка — 1,8 млн.; Австралия — около 100 тыс.; зарубежная Европа — 0,7 млн.; СССР — 0,2 млн. человек.

АФРИКА

Природные условия. Африканский континент вместе с островами занимает 30,3 млн. кв. км. Средняя плотность населения — около 16 человек на 1 кв. км. Природные условия во многом определяются положением континента по отношению к экватору, который пересекает Африку почти посередине. Африка получает огромное количество тепла, и сумма активных температур в центральных областях составляет 6000—10 000°, что обеспечивает культивирование тропических сельскохозяйственных культур жаркого пояса. Большие контрасты степени увлажненности и их сезонность влияют на общий агроклиматический потенциал, который сильно варьирует от района к району [Дмитриевский, 1975, с. 19].

Берега Африки слабо расчленены. Большая часть континента представляет собой плато, расположенное на высоте от 500 до 1500 м над уровнем моря. Северная и западная части материка ниже южной и восточной. В центре расположены тектонические прогибы. Плоский приподнятый рельеф в одних районах ступеньками или плавно спускается к морским побережьям, в других, резко поднимаясь, круто обрывается к морю скалистыми уступами. В зонах великих тектонических разломов на востоке континента в ряде мест над рифтовыми долинами возвышаются высокие горные вершины — потухшие вулканы. Ряд впадин занят длинными и узкими, но глубокими озерами.

Главные различия в климате, а следовательно, и в характере почвенно-растительного покрова определяются в основном количеством выпадающих осадков и длительностью сезона дождей. На обширных пространствах материка, особенно в северной половине, ощущается недостаток влаги. На экваторе осадки выпадают в течение круглого года и весьма характерно отсутствие сезонной смены природных процессов, что имеет большое значение для хозяйственной деятельности населения.

На большей части Африки преобладают засушливые территории, саванны и пустыни, что исторически обусловило развитие здесь подвижных форм скотоводства и сохранение вплоть до наших дней довольно значительных групп неоседлого населения.

Экваториальный пояс включает бассейн р. Конго и побе-

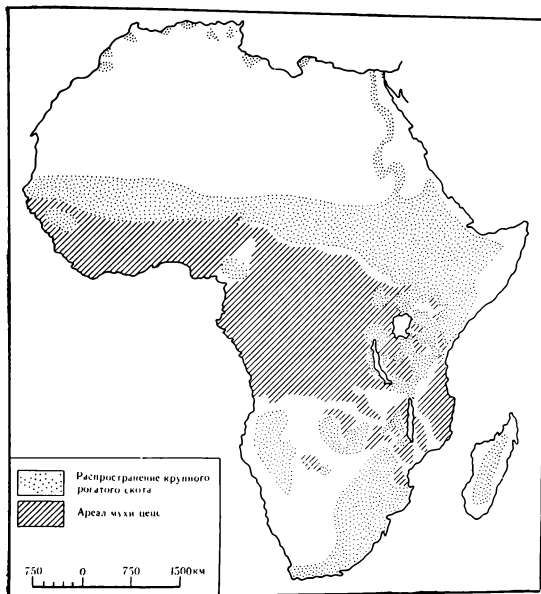

Рис. 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МУХИ ЦЕЦЕ
И КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА В АФРИКЕ (по Аберкромби, 1974 г.)

режье Гвинейского залива. Температура здесь почти не меняется по временам года, и чрезмерная жара и сырость (тропические ливни идут почти каждый день) затрудняют жизнь людей, хотя местное население хорошо адаптировано к климатическим условиям.

Экваториальный климат способствует быстрому росту пышной растительности, развитию животного мира. В условиях жаркого и влажного климата развиваются красно-желтые латеритные почвы, в которых органические вещества почвы не накапливаются. Обильные дожди промывают почву, а местами заболачивают. Питательные вещества почвы поглощаются растительностью и возвращаются обратно вместе с отмершими частями растений.

Экваториальные леса там, где они сохранились, растут в несколько ярусов. Стройные, прямые деревья поднимаются на высоту 50—55 м. под ними растут деревья меньшей высоты, затем кустарники. Насчитывается более 1000 различных видов деревьев — пальмы и фикусы, хлебное дерево, мимозы, красное дерево, черное дерево, железное дерево и многие другие. Лесные массивы в Африке не образуют единого ареала. Они прерываются обширными пространствами открытых злаковников на песках в речных долинах, зарослями вторичных низкорослых деревьев, тропическими болотами в низинах, саваннами на обширных возвышенных междуречьях [Вальтер, 1968, с. 77—231].

В экваториальных лесах много обезьян, в глухих местах встречаются гориллы. Сквозь лесную чащу пробиваются слоны, кабаны, леопарды. На деревьях масса птиц, летучих мышей; в воздухе тучи насекомых — москитов, комаров. Особенно опасна муха цеце, которая является переносчиком сонной болезни у человека и смертельной болезни нагана, поражающей крупный рогатый скот. Ареал мухи цеце еще сравнительно недавно охватывал огромную территорию в Центральной Африке (рис 3).

Экваториальный пояс обрамляется широкой полосой субэкваториальных поясов, доходящих примерно до 15—20° широты к северу и к югу от экватора. Летом здесь господствует экваториальный воздух, приносящий ливневые дожди, а зимой — тропический, жаркий и сухой. Ландшафты влажных экваториальных лесов сменяются перемененно-влажными лесами, влажными и сухими саваннами и редколесьями. Это переходная область к засушливой аридной зоне.

В саваннах густой травяной покров, над которым кое-где поднимаются могучие баобабы с раскидистыми ветвями или изящные зонтичные акации, группы невысоких деревьев и кустарников. Теперь саванны занимают в Африке до 40% территории, и это объясняется в значительной мере деятельностью ее обитателей, ежегодно выжигающих обширные пространства [Вальтер, 1968, с. 277].

Саванны особенно богаты растительной пищей для крупных травоядных животных. Здесь водятся многочисленные антилопы, зебры, жирафы, африканские слоны, носороги, гиппопотамы. Самые крупные хищники — львы, гепарды, меньших размеров — гиены и шакалы. Саванны Африки богаты пернатыми.

Обилие дичи способствовало долговременному сохранению в Тропической Африке традиции «присваивающего» хозяйства охотников и собирателей. Как известно, скотоводство и переложное палочно-мотыжное земледелие проникло в эту зону всего 1,5—2 тыс. лет назад.

С тех пор как человек научился добывать и сохранять огонь, он стал использовать его для охоты, а позже для расчистки лесов и кустарников под пастбища и поля. Скотоводы и земледельцы на протяжении тысячелетий ежегодно поджигают

ли саванну перед началом сезона дождей, чтобы удобрить почву. Однако пожары ухудшали пастбища, так как сокращали видовой состав растительности; от чрезмерного выпаса скота начиналась эрозия тонкого почвенного покрова. На поверхности выступали подстилающие малопродуктивные выветривающиеся породы. Все это постепенно ухудшало условия как для скотоводства, так и для земледелия [Вальтер, 1968, с. 294 – 299]. Высокотравные саванны и субтропические степи представляют собой хорошие пастбища. На их долю приходится до 10% площади континента. В качестве пастбищ используются также пустыни и полупустыни.

Наиболее сухо в Северной Африке, где на обширных континентальных пространствах пассаты несут сухой и горячий воздух; здесь располагается самая жаркая и обширная пустыня — Сахара. Она простирается от берегов Атлантического океана до долины Нила. Пустыни Аравийская и Нубийская продолжаются и на правом берегу р. Нил (границы пустыни довольно условны). В Сахаре преобладает однообразный равнинный рельеф со средними высотами над уровнем моря 300—400 м. В центре — пустынные горные массивы Ахаггар и Тибести с вершинами свыше 3000 м. Более половины территории Сахары занимают каменные пустыни (гамады, сериры, реги), покрытые угловатым щебнем из песчаника и известняка или окатанной гальки. Над щебнистой поверхностью возвышаются скалы, уступы коренных пород, куэсты, островные горы. Эрги — песчаные паносы в виде массивов грядовых песков — занимают не более четверти площади пустыни, однако их значение для обитателей Сахары очень велико. На окраинах эргов встречаются выходы грунтовых вод и пастбища, пригодные для скота.

В Сахаре реки, за исключением Нила, отсутствуют. Однако поверхность ее во многих местах пересечена сухими руслами — вади, которые на несколько дней в году заполняются дождевыми водами, используемыми скотоводами и земледельцами. Русла заканчиваются в бессточных впадинах. Исключение составляют вади Дра и Сегьет-Эль-Хамра, воды которых изредка достигают Атлантического океана. Вода, а вслед за ней растительность приурочены к определенным участкам пустыни: это краевые части горных массивов, плато или эргов, аллювиальные низменности и вади. Под многими сухими руслами существуют подрусловые потоки грунтовых вод. Там нередко располагаются оазисы с плодородными почвами, с посевами зерновых — пшеницы, ячменя, сорго, проса и маниса, — огородных культур и рощами финиковых пальм. Земледелие в Сахаре возможно лишь на очень ограниченных участках пустыни: в оазисах, возле крупных источников, артезианских колодцев и в долинах вади, отличающихся, впрочем, крайне нерегулярным водным режимом. В некоторых оазисах колодцы соединяются подземными галереями, откуда вода самотеком подается на поля

и в рощи финиковых пальм. Там, где горизонт грунтовых вод особенно близок, развито и сухолюбное земледелие. Обрабатываемые и орошаемые площади с пальмами, фруктовыми деревьями и огородами составляют ничтожную часть территории пустыни; например, в Центральной и Западной Сахаре площади обрабатываемой земли не достигают и 200 тыс. га [Капореи, 1958, с. 28]. В обширной Ливии под культурными землями занято только 2% территории.

Лето в Сахаре очень жаркое. Солнце нагревает поверхность камней и песка до $+70^{\circ}$, температура воздуха поднимается нередко до $+50^{\circ}$, испаряемость очень высока — более 4200 мм. В некоторых районах осадки не выпадают по несколько лет подряд. Летом над Сахарой устанавливается область низкого давления и ветры дуют от морских побережий. Жару в Сахаре трудно переносить из-за горячих и сухих ветров, несущих пыль и песок, поэтому кочевники Центральной Сахары — туареги обычно носят лицевые покрывала.

Животный мир Сахары приспособлен к жаре и недостатку влаги. Антилопы и газели способны пробегать большие расстояния в поисках воды и пищи. Особенно много в пустыне разнообразных пресмыкающихся — ящериц, черепах, змей и т. п. Все они могут долго обходиться без воды [Второв, Дроздов, 1974, с. 84—89].

На юге Африки в зоне с тропическим, засушливым климатом на берегу Атлантического океана расположена пустыня Намиб, в континентальной части — полупустыня Калахари, не имеющая стока. Дренирующие ее транзитные реки и временные потоки направлены к центру. Здесь довольно мощные скопления песков, в понижениях — болота и временные озера, к берегам которых стекаются стада диких и домашних животных.

Вытянутая узкой полосой вдоль морского берега пустыня Намиб отличается экстрааридностью: здесь количество осадков часто составляет менее 10 мм в год, но влага приносится с туманами и обильными росами. Часть влаги конденсируется в песках. Поэтому растительность здесь довольно развита. Древесная растительность — акации, молочай, алоэ — встречается вдоль сухих русел временных потоков. Есть в Намиб и Калахари дикие арбузы — источники питьевой воды для бродячих групп собирателей и охотников [Вальтер, 1968, с. 374—410].

Крайний север и юг Африки лежат в субтропическом поясе. Климат здесь переходный от тропического к умеренному. Сезонные колебания температур хорошо заметны. Летом, когда зона высокого давления перемещается далеко на север, в субтропическом поясе преобладают сухие воздушные массы, а зимой здесь устанавливается низкое давление. Это средиземноморский климат, характерный для многих стран вокруг Средиземного моря. На юго-восточной окраине Африканского континента влагу приносит с Индийского океана летний муссон. В средиземноморских странах в растительности преобладают

жестколистные вечнозеленые леса и кустарники с мелкими и жесткими листьями. Многие растения покрыты шипами и колючками. На равнинах Северной Африки деградированные парковые жестколистные леса и кустарники теперь в значительной степени преобразованы в культурные ландшафты оливковых рощ, плантаций цитрусовых и виноградников. В восточной части Северной Африки начинается зона субтропических пустынь и полупустынь. Здесь огромные пространства Сахары выходят непосредственно к берегам Средиземного моря.

Африка богата природными ресурсами, но распределены они неравномерно и в разной степени используются населением отдельных стран. Попытка выделить на континенте природно-ресурсные районы в зависимости от величины и структуры природного потенциала сделана Ю. Д. Дмитриевским [Дмитриевский, 1975, с. 39—40].

Хозяйственно-культурные типы неоседлого населения. Почти все африканские народы еще недавно жили в условиях колониального угнетения. Колонизаторы оставили независимым теперь государствам Африки тяжелое наследство — экономическую и культурную отсталость. Эта отсталость особенно ярко проявилась в преобладании натурального потребительского или мелкотоварного сельскохозяйственного производства, сохраняющего многие черты древних хозяйственных укладов и форм использования природных ресурсов, характеризующихся в целом ряде областей подвижностью неоседлого населения.

На огромных пространствах африканских пустынь и сухих саванн до сих пор живут народы, сохраняющие в значительной степени неоседлый образ жизни, подчиненный сезонным передвижением людей вместе со стадами с одного пастбища на другое в поисках воды и пищи. Главная особенность их хозяйства заключается в экстенсивном использовании природных ресурсов пустыни, что вместе с кочевым или полукочевым образом жизни способствует в определенных политических условиях сохранению архаических форм социальной организации. Кочевой быт с традиционным образом жизни, полуаграральным хозяйством и господством древних хозяйственно-культурных традиций тормозит экономическое и культурное развитие этих групп населения [UNESCO, 1977, с. 14—17; FPP, с. 17—26].

В Африке сохранились многие древние хозяйственно-культурные типы, которые принято объединять в несколько групп, различающихся между собой уровнями социального и экономического развития. К первой древнейшей группе относятся ХКТ с преобладающей экономической ролью собирательства, охоты и отчасти потребительского рыболовства, ко второй — с «присваивающе-производящими» формами, к третьей — с преобладанием мотыжного земледелия и полuosедлого, полукочевого скотоводства, к четвертой — плужного земледелия или развитого кочевого скотоводства [Андрианов, Чебоксаров, 1975 (II), с. 34—36; Андрианов, Доскач, 1983, с. 50—51].

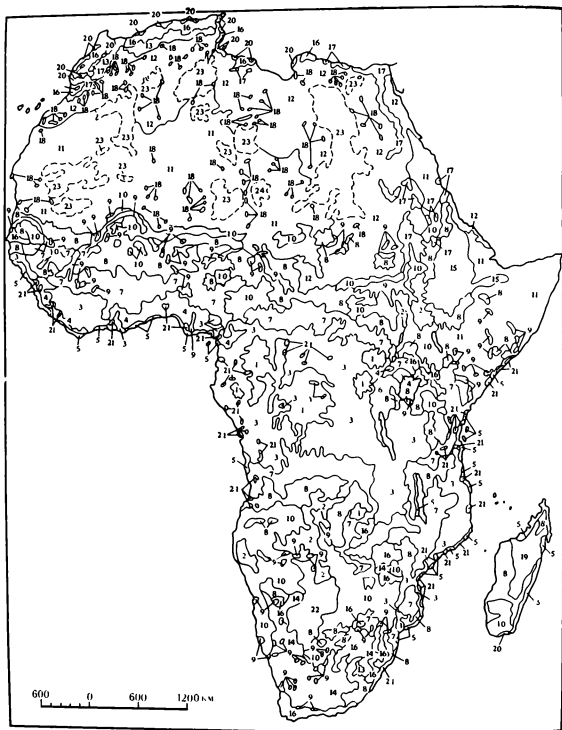

Рис. 4. ТИПЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АФРИКИ
(составитель — Б. В. Андрианов)

**І. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (НАТУРАЛЬНОЕ)
С «ПРИСВАИВАЮЩЕ-ПРОИЗВОДЯЩИМИ» ФОРМАМИ**

1. Земледельческо-собирабельское с переложным (подсечно-огневым) земледелием (с преобладанием корнеклубнеплодов); охота и рыболовство
2. Скотоводческо-земледельческое с переложным (огневым) земледелием (с преобладанием просяных); охота, собирательство и рыболовство

II. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ОСНОВАННОЕ НА РУЧНОМ ТРУДЕ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРИ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОМ ЖИВОТНОВОДСТВЕ
Очаговое переложное (подсечно-огневое, огневое) тропическое земледелие

3. Натуральное или полунатуральное (с длительной или укороченной залежью), с преобладанием корнеклубнеплодов и древесных, местами зерновых культур; собирательство (кешью, кола), лесные промыслы
 4. Мелкотоварное с преобладанием древесных многолетних (какао, масляная пальма, кофе) в сочетании с корнеклубнеплодами и зерновыми
 5. Мелкотоварное с преобладанием древесных многолетних (пальмы кокосовая и масляная); рыболовство, промысел древесины в манграх
- ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ С ПАСТИШНЫМ ЖИВОТНОВОДСТВОМ
(БЕЗ ТЕСНОЙ СВЯЗИ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ)

Очаговое переложное (подсечно-огневое, огневое)

полунатуральное или мелкотоварное тропическое земледелие

6. Полуинтенсивное (местами на террасах) с преобладанием многолетних (банан-плантен), корнеклубнеплодами и зерновыми; животноводство на горных пастбищах
7. Полуинтенсивное с преобладанием зерновых (просо, сорго), местами с товарными культурами (арахис, хлопчатник, кунжут); животноводство
8. Полуинтенсивное (с удобрениями, орошением) с преобладанием зерновых (рис, просо, сорго), местами с товарными культурами (арахис, хлопчатник); в сочетании с пастбишным животноводством

Тропическое полунатуральное

или мелкотоварное земледелие на орошаемых землях

9. С нерегулярным или регулярным орошением, с преобладанием зерновых (просо, сорго), местами с товарными культурами (заливной рис, хлопчатник); в сочетании с пастбишным животноводством
10. Пастушеское животноводство на саваннах и полупустынных пастбищах; местами в сочетании с земледелием (сорго, просо)
11. Кочевое и полукочевое животноводство на пустынных и полупустынных пастбищах; местами в сочетании с оазисным поливным земледелием (зерновые, финиковая пальма); собирательство (камеда)

III. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО С РАБОЧИМ СКОТОМ (ПЛУЖНЫМ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ)

12. Полунатуральное или мелкотоварное кочевое и полукочевое животноводство на пустынных, полупустынных или горных пастбищах (верблюды, мелкий, крупный рогатый скот); местами с оазисным земледелием
 13. Мелкотоварное или полунатуральное горно-пастбищное животноводство с зерновым богарным или поливным (плодовые) земледелием
 14. Высокоспециализированное товарное животноводство (шерстное или каракулевое овцеводство, крупный рогатый скот)
- НЕПОЛИВНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ
15. Полунатуральное или мелкотоварное, полуинтенсивное (на террасах), с преобладанием зерновых (тефф), местами с товарными культурами (кофе, хлопчатник); в сочетании с отгонным горно-пастбищным животноводством
 16. Мелкотоварное или товарное, многоотраслевое, интенсивное, с применением удобрений, местами с орошением (зерновые, субтропические садовые или технические культуры); в сочетании с отгонным животноводством
- ПОЛИВНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ
17. Товарное, интенсивное, с регулярным орошением на крупных и средних оросительных системах, с преобладанием товарных культур (хлопчатник, рис), на средних и мелких оросительных системах с преобладанием зерновых (сорго, пшеница); местами отгонное животноводство
 18. Оазисное орошаемое земледелие (финиковая пальма, зерновые, овощи)
 19. Мелкотоварное, на горных террасах, с культурой заливного риса; отгонно-пастбищное животноводство

IV. ВЫСОКОТОВАРНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЛАНТАЦИОННОГО ТИПА

20. Садоводство с субтропическими культурами (цитрусы, оливки, инжир, виноград). 21. Крупные плантации с многолетними тропическими культурами
22. Зона собирателей и охотников бушменов. 23. Незаселенные территории

Начальные этапы истории человечества при переходе от «присваивающих» к «производящим» формам хозяйства характеризовались концентрацией и увеличением численности населения, изменением форм подвижности и интенсификацией использования природных ресурсов территории [Дарлинг, 1971, с. 53—58]. Так, известно, что на одной и той же площади земли интенсивное земледелие может прокормить в 20—30 раз больше людей, чем скотоводство, а скотоводство — в 20 раз больше, чем охота и собирательство [Cole, 1971, с. 11—16].

Основные типы современного сельского хозяйства Африки показаны на нашей карте (рис. 4). При составлении некоторых ареалов (типы 9, 18, 21, 23) использованы материалы Г. Н. Озеровой к карте «Земельные угодья мира» (1 : 15 000 000), которая готовится к печати.

Неоседлое скотоводческое население. Главные особенности животноводства в Африке заключаются в низкой продуктивности стад при общей высокой численности поголовья, превышающего например (по крупному рогатому скоту) поголовье США и Канады, вместе взятых, или стран Западной Европы [Радченко, 1971, с. 334—347]. Однако по производству мяса и молока африканские страны стоят на последнем месте в мире. Так, в среднем в Африке производится на душу населения мяса в 10 раз, а молока в 5 раз меньше, чем в экономически развитых странах. Это объясняется в значительной степени древними традициями ведения хозяйства и особым положением скотоводства в общественной жизни. Prestиж рядового общинника у народов Тропической Африки, как правило, определяется количеством скота, которым он обладает. Французский исследователь М. Отре писал: «Масаи в Кении, мавры в Западной Сахаре, бороро в Центральной Африке гордятся своими стадами. Чем больше стадо, тем выше престиж и социальное положение владельца» [Отре, 1962, с. 28].

Несмотря на страшную засуху 1968—1973 гг. и гибель многих сотен тысяч голов скота, общее поголовье крупного рогатого скота выросло с 1967 по 1978 г. со 130 млн. до 168,8 млн. голов. Количество овец составляло в 1970—1971 гг. 140 млн., коз — 119 млн., свиней — 7 млн., лошадей — 4 млн., ослов — 11 млн., мулов — 2 млн., буйволов — 2 млн., верблюдов — 10 млн. голов [FAO, 1972, с. 303; FAO, 1979, с. 49]. Жестокая засуха 1983—1984 гг. вновь нанесла урон скотоводам.

По мнению специалистов, за последние десятилетия рост производства животноводческой продукции отстает как от темпов роста земледельческой продукции, так и от темпов роста населения, хотя прирост стада опережает рост населения, что отрицательно сказывается на хозяйственной ситуации в ряде стран. Это объясняется в значительной мере отсталым экстенсивным характером традиционных форм кочевого и полукочевого скотоводства [Радченко, 1971, с. 335; UNESCO, 1977, с. 15].

Таблица 2

Численность неоседлого населения в странах Африки, 1982 г.

	Численность населения, тыс.		
	всего	неоседлое население	%
Африка	497 504	29 390	5,9
Северная Африка	116 120	10 800	9,3
Алжир	20 293	1 200	5,9
Египет	44 673	100	0,2
Западная Сахара	140	100	71,4
Ливия	3 224	1 000	31,0
Марокко	21 667	2 000	9,2
Судан	19 451	6 000	30,8
Тунис	6 672	400	6,0
Западная Африка	149 518	6 300	4,2
Бенин	3 618	100	2,8
Берег Слоновой Кости	8 568	300	3,5
Буркина-Фасо	6 360	700	11,0
Гамбия	635	50	7,9
Гана	12 244	100	0,8
Гвинея	5 285	200	3,8
Гвинея-Бисау	825	100	12,1
Либерия	2 113	—	—
Мавритания	1 730	650	37,6
Мали	7 342	700	9,6
Нигер	5 646	800	14,2
Нигерия	82 392	2 000	2,4
Республика Зеленого Мыса	335	—	—
Святой Елены остров	6	—	—
Сенегал	6 000	500	8,3
Сьерра-Леоне	3 672	—	—
Того	2 747	100	3,6
Восточная Африка	142 908	8 770	6,1
Бурунди	4 470	100	2,2
Джибути	332	120	35,8
Замбия	6 163	100	1,6
Зимбабве	7 540	100	1,2
Кения	17 864	800	4,5
Коморские острова	380	—	—
Маврикий	983	—	—
Мадагаскар	9 233	500	5,4
Малави	6 267	50	0,8
Мозамбик	12 770	100	0,8
Реюньон	517	—	—
Руанда	5 276	100	1,9
Сейшельские острова	64	—	—
Сомали	5 116	2 900	56,7
Танзания	19 111	200	1,1
Уганда	14 057	1 000	7,1
Эфиопия	32 775	2 700	8,2
Центральная Африка	53 916	2 420	4,5
Ангола	7 452	200	2,7
Габон	563	5	0,9
Заир	27 900	100	0,3
Камерун	8 865	1 000	11,3
Конго	1 621	15	0,9

	Численность населения, тыс.		
	всего	неоседлое население	%
Сан-Томе и Принсипи	86	—	—
Центральноафриканская Респуб- лика	2 405	100	4,6
Чад	4 643	1 000	21,5
Экваториальная Гвинея	381	—	—
Южная Африка	35 042	1 100	3,1
Ботсвана	970	300	30,9
Лесото	1 409	50	3,5
Намибия	1 070	200	18,7
Свазиленд	585	50	8,5
Южно-Африканская Республика	31 008	500	1,6

На Африканском континенте можно наблюдать различные стадии процесса отделения скотоводства от земледелия и разные ступени развития скотоводства. Ученые выделяют в Африке пять типов животноводства: кочевое, полукочевое, отгонно-пастбищное, пастбищное и современные животноводческие хозяйства (фермы в ЮАР, например) (рис. 4).

Почти все эти типы разведения скота связаны с подвижностью части населения. Численность неоседлого населения на Африканском континенте оценивается в 29 390 тыс., что составляло 5,9% всех африканцев (1982). Распределение неоседлого населения по отдельным странам показано на табл. 2.

Наиболее высокий удельный вес неоседлого населения отмечен в Северной Африке: значительные по численности группы скотоводов кочевников и полукочевников зафиксированы в Судане, Марокко, Алжире, Ливии. Для стран Северной и отчасти Северо-Восточной Африки характерен более или менее однородный этнический состав населения (арабы и берберы), исповедующего ислам, однако четко подразделяющегося в хозяйственно-культурном отношении на сельское оседло-земледельческое, кочевно-скотоводческое и городское. Арабы, появившиеся в Африке из Юго-Западной Азии в средние века, составляли тогда незначительную часть населения. Но они ассимилировали и в значительной мере арабизировали жившие здесь древние бербероязычные народы. Последние сохранили свои языки и подвижный, неоседлый образ жизни лишь в глубинных, преимущественно скотоводческих горных и пустынных областях. Их больше всего в Марокко (1,9 млн.) и Алжире (400 тыс.).

Среди арабского населения Африки, насчитывавшего в 1982 г. 100 млн. человек, только около 8 млн. (8%) сохраняют кочевой и полукочевой образ жизни. Это часть арабов Судана (4 млн.), Ливии (1 млн.), Алжира (0,8 млн.), Чада (0,6 млн.), Мавритании (0,5 млн.), Туниса (0,4 млн.) и др.

Таблица 3

Основные типы скотоводческих миграций *

Тип	Подтип	Племя
Кочевники с сезонными миграциями	Сухой сезон в Телле и дождливый сезон в Сахаре	Арбаа
	Сухой сезон в Сахеле и дождливый в Сахаре	Улед-бири
	Засушливый сезон в Сахаре, дождливый в Сахеле	Регейбат-сахель
Кочевники с непериодическими пастушескими миграциями	Кочевники эргов: чистые кочевники, периодически возвращающиеся в оазисы	Регейбат-лгуасам
	Кочевники долин, возвращающиеся в сельскохозяйственные оазисы	Шаанба
	Кочевники сахельских и сахаро-сахельских саванн	Туарэги кель-ахаггар
Полукочевники	Занимающиеся кроме скотоводства посевом зерновых	Юлимиdden
	Скотоводы — владельцы финиковых рощ	Улед-амор
	Полукочевники, совмещающие кочевой и сельскохозяйственный образ жизни внутри одного хозяйства	Дуимения
		Теда, даза

* [Капо-Рей, 1958, с. 255].

В социальной организации кочевников арабов бедуинов еще живы традиции родо-племенного деления, хотя классовая дифференциация уже существует у них несколько столетий, и теперь преобладают классовые патриархально-феодалные отношения. Формы подвижности кочевников весьма разнообразны. Как уже отмечалось, географ Р. Капо-Рей создал достаточно обоснованную типологию миграций неоседлого населения обширных пространств Сахары. И хотя в ее основе лежат материалы начала 1950-х годов, она сохраняет свое значение и теперь (табл. 3).

Скотоводческим миграциям, зависящим от регулярности и сезонности выпадения осадков, Р. Капо-Рей противопоставляет миграции с непериодическим передвижением во внутренних областях Сахары [Капо-Рей, 1958, с. 231]. Отсюда скотоводы за дальностью расстояния не могут уйти на лето из пустыни. Они используют песчаные пастбища эргов гам, где травостой дает корм верблюдам. Еще два десятилетия назад регейбат-лгуасам использовали сезонные пастбища на огромных пространствах Западной Сахары, Мавритании и отчасти в Алжире (рис. 5). На границе между этими странами овцеводы кочевали к западу от гаммады Тиндуф, а верблюдоводы — к югу. Регейбат-сахель, подразделения мусса, ахель-даф совершали длинные пе-

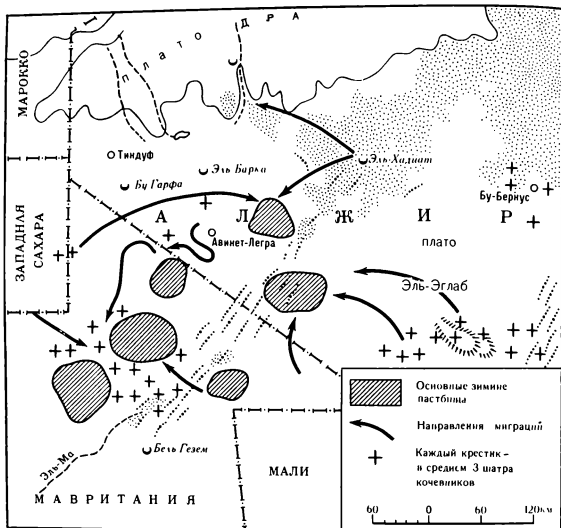

Рис. 5. МИГРАЦИИ РЕГЕИБАТ В РАЙОНЕ ТИНДУФ (по Биссону)

регионы на юг, в зону Сахеля, а некоторые группы верблюдо-вод оставались в относительно обеспеченном водой Земмуре. Но теперь их перекочевки сократились.

На огромных пустынных и полупустынных пространствах Сахары, в пограничных с нею областях и на северо-востоке континента встречаются самые различные группы неоседлого населения. Таковы верблюдоводы туареги или беджа с большими и нерегулярными перемещениями по пустыне; овцеводы и верблюдоводы арабы бедуины, чьи перемещения строго ограничены источниками водопоя; полукошачьи племена берберов, разводящих на склонах Высокого Атласа овец и коз, не имеющих верблюдов для перевозки шатров и нагружающих свою поклажу на ослов; скотоводы с крупным рогатым скотом, с малыми миграциями и полностью зависящие от поверхностных вод или колодцев. Вода и пастбища всюду определяют характер сезонных перемещений. Самые крупные группы неоседлого населения приурочены в основном к окраинам Сахары и тем

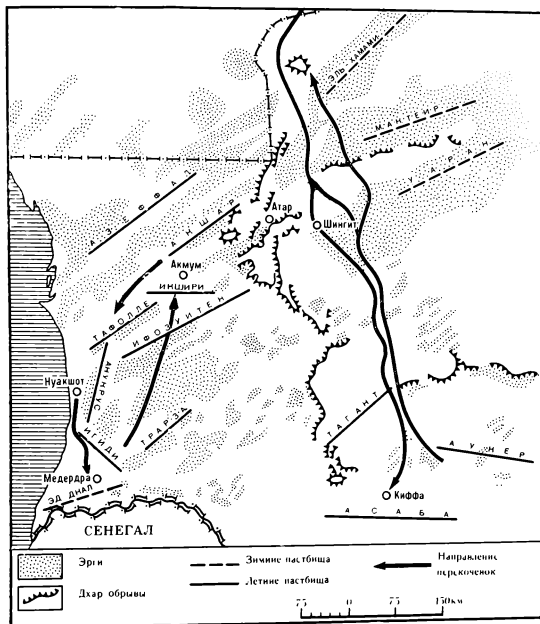

Рис. 6. МАРШРУТЫ ОТГОНА СКОТА В МАВРИТАНИИ (по Капо-Рейо)

ее внутренним районам, где имеются удобные пастбища двух типов: 1) со степными травами, злаками, солянками и кустарниками; 2) с эфемерной травянистой растительностью, образующейся только после редких сезонных дождей. Для пастбищ первого типа характерны ограниченные передвижения кочевников, для второго — значительные перекочевки в зависимости от смены растительности по сезонам.

На северных окраинах Сахары заморозки нередко задерживают рост трав на два-три месяца, а жаркое лето в Южной Сахаре быстро сжигает зеленеющие травы. Поэтому некоторые кочевники покидают пустыню и проводят жаркое, сухое

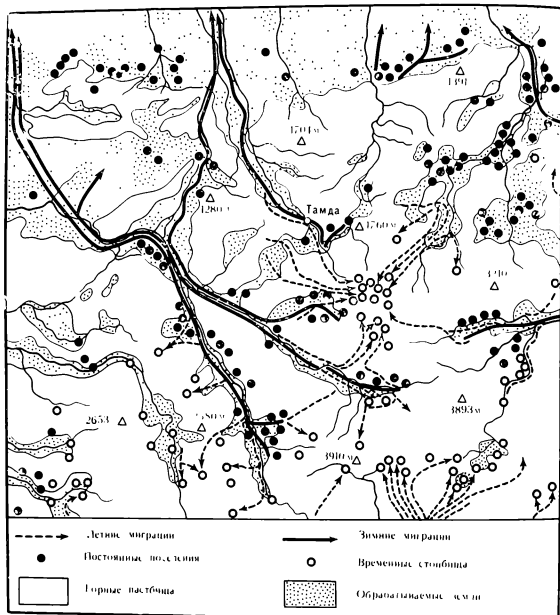

Рис. 7. ОТГОНЫ СКОТА НА ГОРНЫХ ПАСТБИЩАХ
В ВЫСОКОМ АТЛАСЕ (Марокко) (по Протеро)

время вне Сахары, другие находят пастбища, не покидая пустыни [Капо-Рей, 1958, с. 232].

В северной предсахарской зоне на границе пустыни со степью кочевники сиди-шейх, якуб, арбаа, зекри проводят лето в степи. Когда-то они были только верблюдоводами и использовали этих животных в караванах, но теперь поголовье верблюдов резко сократилось, зато увеличились стада овец. Пастбища в вадди и дайях обеспечивают корм стадам в дождливый период, а в сухое время кочевники отводят свои стада на север в зону Высокого Плато.

В Мавритании в 1965 г. кочевники и полукочевники составляли две трети населения. Теперь эта цифра сократилась до 37,6%. Это в основном арабоязычное население смешанного

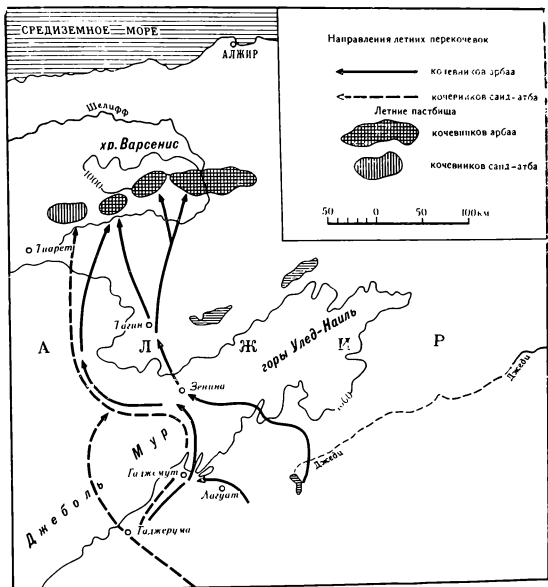

Рис. 8. МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ АРБАА И САИД-АТБА В АЛЖИРЕ (по Капо-Рею)

происхождения — мавры. В XIII в. арабские племена макиль и хилаль (хасан) завоевали территории на западе Сахары и долину р. Сенегал. Постепенно ассимилировавшись с местными бербероязычными племенами, они образовали народ, который называл себя «эльбейдан» — «белые люди». Мавры и до сих пор отчасти сохраняют кочевой образ жизни. Кочевники составляют у них две пятых общей численности населения (рис. 6). На юге страны это мавры трарза с родственной группой бракна, совершающие меридиональные перекочевки. Западные районы пустыни заняты кочевниками делим с подразделениями амар, себа, шейх и др. [Murdock, 1959, с. 395]. В центральных районах пастбища принадлежат крупному племени регейбат-сахель с подразделениями аджур, дауд, эльгуасем, мусса, отмен.

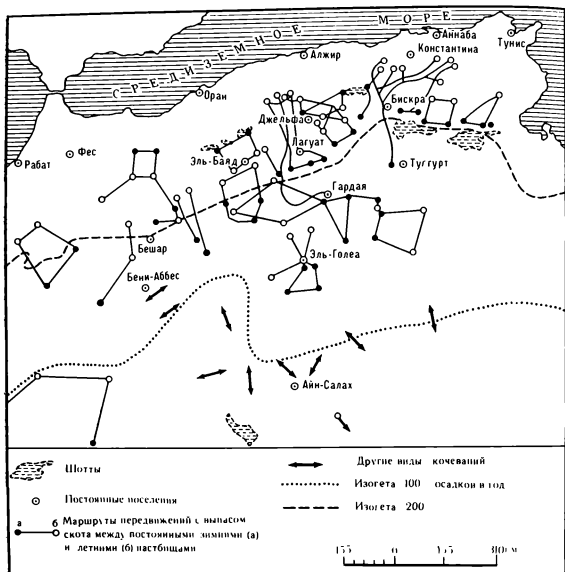

Рис. 9. МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ (по Бёшу)

рехалат и др. К ним с севера примыкают территории племен таджакант (тенакер) с подразделениями ариб, аруисин, блал, мериба и др. [Bonnet-Dupereon, 1951].

В Верхней и Средней Мавритании на возвышенностях довольно значительное охлаждение поверхности земли способствует более длительному сохранению травостоя пастбищ даже в засушливое время. Весной хорошим кормом для верблюдов служат акации, а также солянки. Поэтому кочевники регейбат-сахель лето проводят в Сахеле, а с осенними дождями перемещаются на зимовки далеко на север, в Сахару, ближе к районам сосредоточения таджакант, которые совершают периодические перемещения во внутренних районах Сахары. На западе страны у кочевников-скотоводов есть летние пастбища в песках и на возвышенных местах в Сахаре, а летом они перемещаются к долине р. Сенегал в Сахеле, где имеют пальмовые

роши и посевы зерновых. Для них характерен кочевой и кочевно-оседлый образ жизни.

В Марокко на территории Северной Сахары и предсахарских областей издавна по традиционным меридиональным маршрутам кочевали арабы дуимения (с подразделениями атауна, джерир, накем), гил, лади и другие, а также бербероязычные скотоводческие племена аит-атта, текна (с подразделениями аглу, акхсас, белла, брахим, лассен, уса и др.). Во внутренних областях страны на нагорьях Среднего и Высокого Атласа сезонные передвижения скотоводов-берберов были относительно небольшими (рис. 7). Племена зайан (изайан), аит-мгиль и некоторые другие имели зимники в долинах, а летом поднимались на горные пастбища. Общее число неоседлого населения здесь составляет около 2 млн.

В Алжире особенно подвижный образ жизни сохраняют арабы хамян, шаанба, дуимения, а также отчасти ачеу, фтайет, месаабе [Colvin, 1953; Patai, 1978]. В центральных районах располагаются скотоводы-сиди с родственными племенами айсса, джагуб, трафи и др. Меньшей сезонной подвижностью отличаются в Алжире арабы наиль и гил, которые имеют пастбища в степных предсахарских областях, а также бербероязычные шавий и некоторые арабоязычные группы скотоводов-земледельцев в горах Высокого Плато. Они пасут свои стада на пастбищах в районе Бискры, оставляя на зимовках в укрепленных деревнях лишь часть населения. Для них характерны оседло-кочевой образ жизни и сезонная миграция части населения.

В алжирской Сахаре на пастбищах эргов до сих пор кочуют шаанба, регейбат, а также верблюдоводы-туареги [Капо-Рей, 1958, с. 240; Patai, 1978, с. 16—17].

В Алжире еще недавно кочевники арбаа, саид-атба и наиль имели зимовки в котловинах Северной Сахары [Капо-Рей, 1958, с. 233]. Они покидали весной зимние пастбища и небольшими группами направлялись к горам Сахарского Атласа, достигая Высокого Плато (рис. 8). В начале июля стада перегонялись в сельскохозяйственную зону, где располагались на убранных полях. С первыми дождями кочевники возвращались в Сахару, где в небольших оазисах им принадлежали финиковые рощи. Теперь значительная часть этого населения перешла к круглогодичной оседлости при сохранении сезонной подвижности пастушеских групп.

Протяженность миграций меняется в зависимости от погодных условий, состояния пастбищ (рис. 9). Кочевники Туггурта, Бискры и Джеллала в свое время достигали приморья. Теперь их меридиональные перегоны более ограничены и не превышают нескольких десятков километров.

Подразделения регейбат ахель-сиди-аллал, ахель-бельгасем, селлака совершали в 1959 г. непериодические миграции к югу от Тиндуфа (Алжир), а также в северо-восточной части Мавритании [Bisson, 1963, с. 51—58]. Они разделялись на небольшие

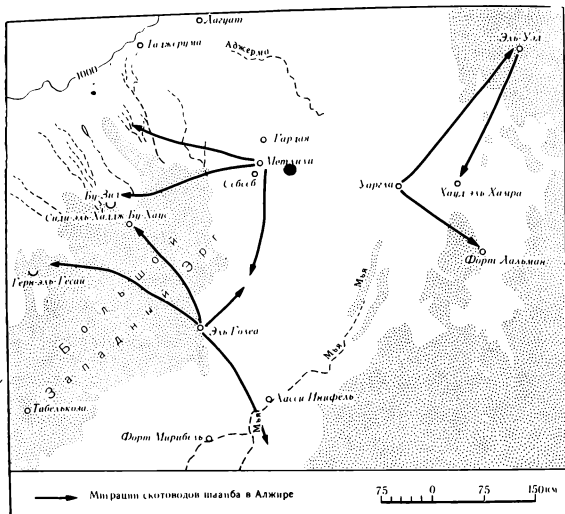

Рис. 10. МИГРАЦИИ ШААНБА В АЛЖИРЕ (по Джонсону)

группы по 50 шатров. Наиболее благоприятными участками для летних выпасов тогда были пастбища на самой границе между Мавританией и Алжиром. Направление перекочевки менялось в зависимости от состояния пастбищ и водных источников. Более крупные подразделения регейбат с большим количеством верблюдов тогда проводили зиму на Ханке и в Эглабе, а лето — в песках Игиди, Эль-Хамами, Мактейра. Некоторые кочевники перемещались на расстояния от 300 до 1000 км.

Во время длинных перегонов они питались только верблюжьим молоком. Богатые скотовладельцы отдавали бедным пастухам новорожденных верблюдов в качестве компенсации за заботу об их стаде [Капо-Рей, 1958, с. 239]. Это кочевники с кочевым и кочевно-оседлым образом жизни.

Арабы регейбат в 1950—1960-х годах кочевали родственными группами по 5—6 шатров. Стадо обычно разделялось на две части: самки с верблюжатами, требовавшими хорошего ухода, оставались у шатров, а остальных животных отгоняли за

несколько сот километров, где выпасали на хороших пастбищах [Капо Рей, 1958, с. 240].

Берберы-кочевники улед-дауд перемещаются между эргами Шаш и Тирас, проводят зиму в песках Эль-Хамами, Афтасса, а лето — на их окраинах, никогда не покидая пустыню. Их перемещения представляют собой не миграцию по определенному липейному маршруту между крайними пунктами, а радиальный отгон стада от водных источников, более длинный зимой и более короткий летом. После осенних дождей пастбища зеленеют. Зимой сочные травы дают нужную влагу, но уже с середины апреля необходимо перемещаться в поисках питьевой воды и корма для животных и еды для людей.

В алжирской Сахаре арабы бедуины шаанба кочуют на обширных пространствах эргов (рис. 10). Они никогда не сеют зерновых. Это типичные верблюдоводы и овцеводы, которые пасут свои стада по северной границе эргов. Пока есть зеленые пастбища и самки верблюдов дают молоко, вся семья живет около стада. Когда водные и пастбищные ресурсы скудеют, скотоводы отправляются вместе с семьей в оазисы. Там они остаются до ноября и получают долю урожая с принадлежащих им земель. Все это жаркое время большая часть стада остается на месте в пустыне под присмотром пастухов.

В последние десятилетия эти кочевники-бедуины постепенно переходят на оседлость в оазисах и заняты работой там большую часть года.

В Алжире многочисленные арабы группы хамнан теперь в значительной степени осели. Они перешли от верблюдоводства и овцеводства к разведению крупного рогатого скота. Протяженность сезонных перекочевки у них резко сократилась, многие мужчины заняты на предприятиях по обработке травы альфа.

Большая часть скотоводческого населения Туниса (риах, неффел, аун и др.) сочетает во внутренних степных областях отгонное скотоводство с зерновым земледелием. В предсахарской зоне и в Сахаре на самом юге преобладают верблюдоводы и овцеводы. Кочевники аттия, гуамраго, хамерна, хаззем, якуб, бени-зид и др.

В Ливии почти треть населения составляют кочевые и полукочевые группы — риах с родственными племенами мозда, зинтан, хасауна, хутман, мегарха. Они занимают западную пустынную часть страны. В восточной части, в Киренаике, кочевой и полукочевой образ жизни сохраняют абид, барааса, файид, магарба [Patai, 1978, с. 14].

В Египте в Ливийской пустыне небольшая группа кочевников-арабов принадлежит к группе саади.

В Центральной и Южной Сахаре преобладают кочевники и полукочевники с небольшими и непериодическими скотоводческими миграциями.

Классические кочевники Центральной Сахары — берберы

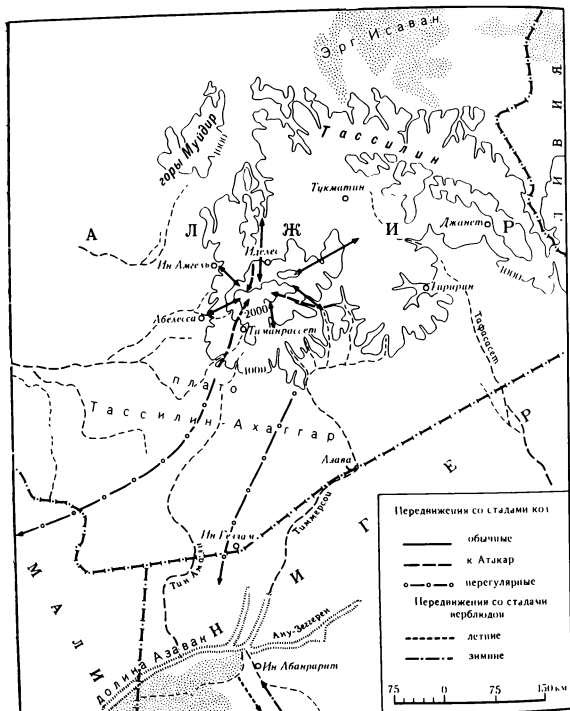

Рис. 11. МИГРАЦИИ ТУАРЕГОВ АХАГГАРА (по Джонсону)

туареги (самоназвание — «нимошаг») относятся по характеру своих хозяйственных скотоводческих миграций к «малым» кочевникам. Они занимают пустынное нагорье Ахаггар, плато Аир и Адрар-Ифорас, а также обширный район в среднем течении р. Нигер, где ведут уже не кочевой, а скорее полукочевой и полуседельный образ жизни [Nicolaisen, 1963; Johnson, 1969, с. 131—148; Patai, 1978, с. 16—17].

В Центральной Сахаре туареги живут в долинах возвышен-

ностей; там в понижениях близко расположены к поверхности грунтовые воды или выходят родники. Стада перемещаются на протяжении всего года. Длительные миграции у туарегов Центральной Сахары (ахаггар, аджер и др.) отсутствуют, и даже короткие перекочевки нерегулярны (рис. 11). Основная часть передвижений ограничена небольшой территорией, закрепленной традицией за определенным родовым подразделением. В каждой небольшой пустынной долине сухого сая (уэда) обычно размещается до десятка шатров. Кроме коз, дающих большую часть средств к жизни, туареги разводят верблюдов, но преимущественно для транспорта и обычно выпасают их отдельно от основного стада. Диапазон кочевнических миграций в пределах пустынных нагорий и возвышенностей не превышает 30—50 км в год [Johnson, 1969, с. 137].

Туареги обычно передвигаются со стадами с одного пастбища на другое, используя при этом все три вертикальные природные зоны пустынных возвышенностей Южной Сахары. Так, в самой высокой зоне Атакор размещены лучшие пастбища позднего лета и осени; обилие влаги и трав привлекает сюда кочевников в это время. В зоне, расположенной ниже, хорошо растут акации и кустарники, которые зеленеют позже. По склонам возвышенностей широко разбросаны шатры туарегов. Их сезонные стойбища относительно редко меняют свое традиционное место. Так, в уэде Абалессы туареги устанавливают свой лагерь каждый раз на том же месте. Туареги даггали, владеющие самой высокой частью Ахаггара — плато Атакор, совершают на протяжении года вертикальные передвижения на высоту от 1000 до 2000 м. Только в засушливые годы они вынуждены отгонять верблюжьи стада на 500 км южнее, где каждое из трех родовых подразделений туарегов ахаггар имеет свои пастбища на равнине Тамесна. Женщины и дети остаются на Ахаггаре со стадами коз, а мужчины перегоняют верблюдов на юг и попутно меняют мясо и шкуры на зерно [Johnson, 1969, с. 141—142].

В недалеком прошлом туареги Ахаггара играли большую роль в дальних торговых караванных связях, совершая путешествия на тысячи километров. Однако в последние годы торговли солью, зерном и другими товарами сильно сократилась. Но и теперь еще небольшие караваны по несколько десятков верблюдов возят соль из Билмы, где ее добывают, в Агадес и дальше на юг.

К кочевникам, проводящим зиму в Сахельской зоне к югу от Сахары, относятся туареги Аира, которых насчитывается около 50 тыс. Небольшое количество дождей здесь выпадает обычно летом. Сухим периодом является зима, поэтому туареги Аира в ноябре перекочевывают на 300 км южнее и остаются на равнине Дамегу вплоть до начала или середины мая, а затем возвращаются в Аир. В последние годы туареги Аира (подразделение кель-уй) активно занимаются караванной торговлей,

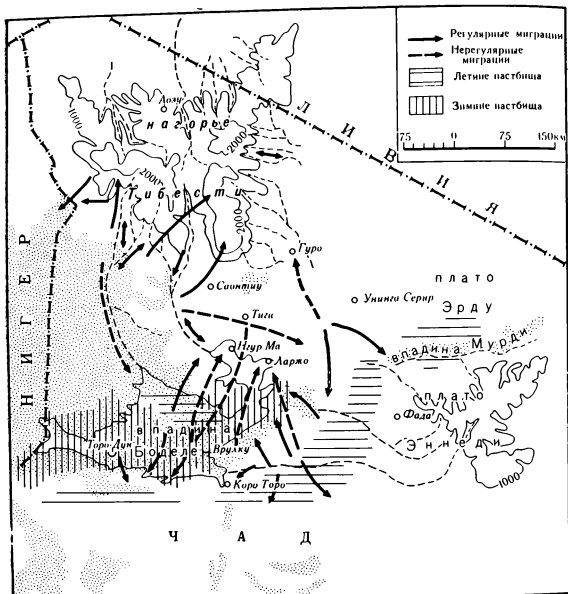

Рис. 12. МИГРАЦИИ ТЕДА В ТИБЕСТИ (по Джонсону)

перевозят соль и финики, просо и арахис в Республику Нигер. Фактически они проводят в Аире только два-три месяца [Johnson, 1969, с. 144—148].

На границе с Сахарой наряду с кочевым населением немало полукочевников. К ним, в частности, можно отнести южных туарегов (кель-аир, кель-грес и юлимидден), которые разводят овец и крупный рогатый скот, а также верблюдов и коз. Они меняют пути передвижений в зависимости от количества осадков и состояния пастбищ. Перемещаются кочевники и полукочевники преимущественно в меридиональном направлении: летом двигаются на север, а зимой совершают на границе Республики Нигер и Нигерии передвижения со стадами, иногда покрывая до 800 км в год [Johnson, 1969, с. 144—145].

К полукочевому населению можно отнести значительную

часть скотоводов-земледельцев южных окраин Сахары, в частности тубу, которые подразделяются на две хозяйственно-культурные и этнолингвистические группы — теда и даза (рис. 12). Теда разводят на плато Тибести верблюдов и коз, а также обрабатывают небольшие поля, где сеют пшеницу, ячмень и просо, используя для их полива паводковые воды временных потоков. Большую роль в их питании играют дикорастущие плоды, ягоды и дичь. Даза, обитающие на границе с Сахелем, скотоводы и земледельцы, разводят преимущественно крупный рогатый скот, и их образ жизни оседло-кочевой и переменнo-оседлый [Arbaumont, 1954, с. 255—306; Johnson, 1969, с. 148—157]. Семьи теда живут большую часть года в небольших оазисах нагорья Тибести, в то время как мужчины, нередко в сопровождении одной из двух жен, совершают небольшие и нерегулярные пастушеские миграции для выпаса верблюдов и коз. Многие из теда владеют на нагорье небольшими орошаемыми огородами, где возделывают пшеницу, ячмень, просо, овощи. Им принадлежат и рощи финиковой пальмы на равнине. Верблюды содержатся на песчаных пастбищах южнее нагорья, куда выходят сухие русла. В начале лета большинство теда возвращается к посевам пшеницы, а стада коз пасут дети по соседству с полями [Капо-Рей, 1958, с. 254; Johnson, 1969, с. 152]. В хорошо обеспеченные осадками годы кочевники не покидают нагорье Тибести, но в засушливые им приходится отгонять скот на песчаные пастбища к югу от нагорья. Протяженность маршрутов у теда редко превышает 200—250 км [Johnson, 1969, с. 156].

Обитатели западных склонов Тибести теда-томагера оставляют своих верблюдов вдали от нагорья, сохраняя около себя лишь дойных овец и коз. Верблюды пригоняются в Тибести только в наиболее благоприятные, дождливые годы. Зимой часть мужского населения отправляется с караванами в Билму за солью, которую перевозят на юг. Зимнее время часть семьи живет в поселении у своих полей и садов, питаясь финиками и молоком. К весне мужчины возвращаются из караванных путешествий. Они отводят стада к разливам вادي на границе массива. Сентябрь и октябрь посвящены сбору диких фруктов, ягод и орехов. В ноябре все собираются на своих земледельческих участках. Образ жизни теда-томагера кочевно-оседлый и оседло-кочевой.

Весьма разнообразны миграции даза. Они разбиваются на ряд племен (арна, коркорда, анаказза, донза и др.), между которыми существуют определенные хозяйственно-культурные различия [Johnson, 1969, с. 156]. Все они совершают миграции в зависимости от смены сезонов — сухого или дождливого. Большинство владеет пальмовыми рощами в оазисах Борку и сочетают перекочевки скота с земледельческой деятельностью в оазисах. Образ жизни даза — кочевно-оседлый, оседло-кочевой и с сезонной миграцией части населения.

Скотоводство к югу от Сахары в зоне сухих саванн с редкостойными лесами и колючим кустарником и южнее в типичных и высокотравных саваннах развивается в иных, чем в Сахаре, экологических условиях.

Скотоводческое население зоны Сахеля разводит преимущественно крупный рогатый скот, который особенно чувствителен к недостатку воды, зависит от состояния пастбищ, а главное, не переносит губительной мухи цеце, которая по долинам рек проникает с дождями в зону саванн из лесной зоны (рис. 13). Травы на пастбищах Сахеля зеленеют в течение одного месяца на севере и на протяжении трех месяцев на юге. Это наиболее благоприятное время для выпаса скота [Boudet, 1975, с. 20]. Наилучшие пастбища для скотоводов расположены в довольно узкой зоне, где в среднем выпадает 300—400 мм осадков в год [CDES, с. 139]. Сухой период, когда дуют преимущественно северо-восточные ветры из Сахары, продолжается с сентября—октября по апрель—май. В дождливый период — с мая по сентябрь — обводнение рек, распространение свежей растительности на север способствуют проникновению из зоны лесов мухи цеце двух видов — речной и кустарниковой, что отражается на путях перекочевки скотоводов с крупным рогатым скотом. Перекочевки, в общем, носят меридиональный характер, следуя за изменением растительности по сезонам, но миграции скотоводов не так регулярны, как в пустыне. Они меняются из года в год, так как зависят от увлажнения, засухи и ареалов распространения мухи цеце, размера и характера стада, соседства с другими скотоводами, обусловлены топографическими условиями выпаса, перегона стад через оседло-земледельческие территории, связаны с расположением рыночных центров, где скотоводы меняют свою продукцию на зерно [Stenning, 1957, с. 59—61]. Осадки здесь достигают 200—500 мм в год. Однако зона увлажнения имеет тенденцию к ежегодным флуктуациям. Так, изогнута в 100 мм в 1951—1952 гг. располагалась в Мавритании (Адраре) на 300 км севернее, чем в 1941—1942 гг., что в то время благоприятно отразилось на пастбищных условиях и маршрутах скотоводов всей аридной и семиаридной зоны Сахеля [UNESCO, 1979, с. 40]. Но в последующее десятилетие началось продвижение пустыни на юг и иссушение зоны Сахеля. Наблюдения в Республике Судан выявили для периода 1958—1975 гг. продвижения аридных условий на юг на 150—200 км (CDES, с. 162]. Огромный массив подвижных песков продвинулся в это время на 300 км южнее. Страшная засуха 1968—1973 гг. привела к гибели почти всего поголовья овец, коз и крупного рогатого скота во многих районах Сахеля [Брабин, 1975, с. 4—13; Bernus, 1975, с. 72]. В Мавритании, например, засуха унесла немало человеческих жизней и почти 90% поголовья скота. Однако в последние годы в зоне Сахеля, занимающей 2 млн. кв. км, наблюдался замедленный прирост населения, увеличилось поголовье скота. Теперь здесь

Таблица 4

Экономические и демографические показатели
по некоторым странам Африки *

Страна	Пло- щадь, млн. кв. км.	Насе- ление, млн. чело- век, 1982 г.	Еже- годный прирост населе- ния, % 1978— 1980 гг.	Плот- ность насе- ления, 1982 г.	Душевой доход, долл., 1978 г.	Скот, млн. голов, 1978 г.	
						крупный рогатый	мелкий рогатый
Буркина-Фасо	0,3	7,3	2,6	26	59	1,7	1,1
Мавритания	1,0	1,7	2,8	1,7	165	1,9	3,0
Мали	1,2	7,3	2,7	5,9	54	3,9	4,0
Нигер	1,3	5,7	2,9	4,5	70	2,5	2,2
Нигерия	0,9	82,4	3,2	89	145	11,0	7,6
Сенегал	0,2	6,0	2,6	31	236	2,3	1,7
Судан	2,5	19,4	2,7	7,7	117	14,7	14,0
Чад	1,3	4,6	2,3	3,6	74	3,6	2,4

* [Grove, 1978, с. 414].

проживает около 10 млн. человек, имеется болсе 10 млн. овец, коз и верблюдов. Следует отметить, что в этой зоне живет самое бедное население Африканского континента; так, в 1970 г. доход на душу населения составлял здесь от 50 до 100 долл., что гораздо ниже показателей, характерных для других стран Африки (табл. 4).

Исследования в Мали, где удельный вес кочевников и полукочевников довольно значителен и составляет 9,6%, показали, что миграции скотоводов подчинены трем сезонным периодам. Можно выделить влажный сезон — с июля по сентябрь, когда здесь выпадает более 250 мм осадков; прохладный — с октября по март с минимальными осадками; жаркий — с апреля по июнь [Galloy, 1963, с. 11]. Часть кочевников (мавры берабиш, кунта, сидиали, а также туареги антессар) отгоняют скот в дождливый период на песчаные пастбища в Сахаре, а с наступлением жары приближаются к долине Нигера. С наступлением первых дождей они вновь уходят в пустыню. Некоторые кочевники и полукочевники, в частности туареги кель-госси (7—10 тыс. человек), а также туареги игвадарен (10—12 тыс.), не покидают территории внутренней петли среднего Нигера (Мали). Они совершают перегоны скота как бы по кругу, по ограниченной территории [CDES, с. 149]. Так, туареги игвадарен двигаются от р. Нигер к выходам соли Карваса и озерам Бамбу, Финтри, Госси. Их соседи туареги кель-госси передвигаются от Госси к Доро, Ндаки и Амиагада. После первых июльских дождей, с появлением зелени на пастбищах стада восстанавливают свои силы, с тем чтобы в конце июля и в августе двинуться к выходам соли в Тин Ахаре и далее к озерам Бамбу и Финтри. С оскудением этих пастбищ стада вновь перегоняются к Госси и Карваса. В конце октября кочевники

возвращаются на песчаные пастбища по берегам р. Шер и остаются там до февраля. Здесь они используют болотную растительность и тростниковые заросли речных разливов. Площадь болотных пастбищ в этом районе достигает 10 тыс. га, но они перегружены стадами кочевников и активно используются скотоводами в самое засушливое время — с февраля до июня. По отдельным месяцам передвижения скотоводов в Мали характеризуются следующим образом [Радченко, 1969, с. 180—181]:

Месяц	Миграции в Сахеле	Миграции в Суданской зоне
Январь	<i>Сухой, прохладный период</i>	
	Стада продвигаются к югу	Стада пасутся в долинах рек. Кормовая база пастбищ ограничена
Февраль	<i>Температура повышается</i>	
	Стада приближаются к долинам рек	Стада пасутся все в более низких местах
Март	<i>Начало жаркого сезона</i>	
	Стада пасутся в долине Нигера, в депрессиях; стрижка овец. Ярмарка шерсти и скота	Положение с кормом ухудшается, скот теряет в весе
Апрель	<i>Сухой и жаркий месяц</i>	
	Стада в долине реки. Ярмарка шерсти	Наибольшие трудности с кормами для скота
Май	<i>Чрезвычайно высокая температура</i>	
	Чрезвычайно высокая сухость. Стада по-прежнему в долине реки	Переход от жаркого сухого периода к дождливому. Положение с кормами улучшается
Июнь	Переход от жаркого сезона к дождливому. Начинается обратное движение скота к северу	Периодические дожди, но еще довольно сухо. Стада отгоняются на небольшие расстояния на возвышенные места, где есть хорошие пастбища
Июль	Начало дождливого сезона. Стада удаляются на север. Относительно обильные корма	Регулярные ливни, высокая влажность. Обильные пастбища. Период, когда скот наиболее подвержен заболеваниям
Август	Дожди учащаются. Стада пасутся на отдельных плоскогорьях	Наибольшее количество осадков. Обильные пастбища. Частые заболевания скота
Сентябрь	Количество осадков уменьшается. Пастбища еще обильны	Количество осадков несколько уменьшается. Обильные пастбища. Заготовка кормов
Октябрь	<i>Переход от влажного к сухому, прохладному сезону</i>	
	Стада по-прежнему на далеких кочевках. Дождей почти нет	По-прежнему обильные пастбища. Дует горячий ветер харматтан
Ноябрь	<i>Положение с кормами ухудшается</i>	
		Стада отгоняют в пониженные местности
Декабрь	<i>Сухой, прохладный сезон</i>	
	Начинается передвижение скота к югу, к долинам рек	Стада пасут в пониженных местах

Для скотоводов Мали характерны различные формы подвижности. Если у сахарских кочевников — марров, частично у туарегов — преобладают кочевые и кочевно-оседлые формы сезонной подвижности, то у большинства туарегов Мали — оседло-кочевые и переменнo-оседлые.

Наиболее типичными скотоводами с преобладанием в стаде крупного рогатого скота в зоне Сахеля являются фульбе. О них следует рассказать подробнее ввиду особенностей их географического размещения. Самоназвание фульбе — «фул'-бе», что означает «рассеянные», «распыленные» на языке фуль или фульфульде (подгруппа западноатлантических языков нигеро-кордофанской языковой семьи).

История и происхождение скотоводов-фульбе все еще остается предметом дискуссий. Более или менее достоверны сведения о пребывании их в Северной Африке — в горах Атласа и Западной Сахаре в конце I тыс. н. э. [Козлов, 1976, с. 27]. Передвижение фульбе на юг в Текрур и Южную Мавританию произошло в конце I — начале II тысячелетия. Отсюда фульбе широко расселились по территории всего Западного Судана, где и создали в XVIII—XIX вв. свои государства — Фута-Торо, Бонду, Фута-Джаллон, Масина, Сокото, Адамава и др. Действительно, пожалуй ни один народ в Западной Африке не расселен так широко, как фульбе, что в значительной степени обусловлено характером их скотоводческого хозяйства, привязанного к узкой зоне саванн Сахеля. Больше всего фульбе на севере Нигерии (9,2 млн. на 1982 г., 11,2% всего населения страны), где многие из них сочетают отгонное скотоводство с земледелием и ведут оседлый (с сезонной миграцией части населения) и полuosедлый образ жизни. Подобный процесс почти полного оседания скотоводов-кочевников произошел и на крайнем западе ареала их расселения — в Гвинее, где они насчитывают 2,1 млн. (39,7% общей численности населения). В Сенегале их 1050 тыс. (17,5%), Мали — 930 тыс. (12,7%), Камеруне — 870 тыс. (8,7%), Нигере — 560 тыс. (9,9%), Буркина-Фасо — 410 тыс. (5,6%), Бенине — 220 тыс. (5,9%), Мавритании — 220 тыс. (12,7%), Гвинее-Бисау — 135 тыс. (16,3%), Гамбии — 110 тыс. (17,3%), в Республике Зеленого Мыса — 45 тыс. (13,4%), в Гане — 45 тыс. (0,4%), Того — 35 тыс. (1,3%), Сьерра-Леоне — 25 тыс. (0,3%), в Чаде скотоводов-кочевников 10 тыс. (0,8%).

О характере форм подвижности и сезонных миграций фульбе можно судить по полевым исследованиям Д. Стенинга в Северной Нигерии в 1951—1953 гг. [Stenning, 1957]. Он проследил путь небольшой группы фульбе, состоящей из 14 хозяйств, владеющих 4 тыс. голов скота. Общая протяженность маршрута в Борну с севера на юг, от селения Алагарно до западных отрогов плато Биу, превышает 200 км. В августе—сентябре, в дождливый сезон, скотоводы совершают ограниченные миграции в окрестностях Алагарно. К 10 сентября они передви-

гаются на юг к деревне Нгелзерма, где одно хозяйство остается и пасет скот до января, а остальные постепенно передвигаются со стадами коров на юг от р. Анумма. Здесь, у селения Мугве, четыре хозяйства отделяются и остаются на берегах р. Шнар вблизи земледельческих поселений почти весь сухой период. Остальные продвигаются к плато Биу, где пасут скот до момента появления мухи цеце в марге — начале апреля [Stenning, 1957, с. 62]. Потом начинается обратный путь, и головой цикл повторяется (рис. 14). В жаркое время стада передвигаются ночью, когда прохладно. Для того чтобы напоить стадо в 50 голов, пастух должен поднять из колодца глубиной 15 футов более 400 ведер воды [Stenning, 1957, с. 66]. С наступлением сильной жары в поисках водопоя и пастбищ пастухи увеличивают дистанцию перегонов скота. Надои молока в это время падают, скотоводы собирают ягоды и съедобные растения.

В прохладный влажный сезон выпас скота совершается на короткие дистанции, удои молока поднимаются. Отдельные разрозненные группы скотоводов соединяются для проведения ежегодных празднеств, ритуалов и церемоний. Таким образом, фульбе ведут преимущественно кочевно-оседлый и оседло-кочевой образ жизни.

Скотоводческие миграции фульбе в основном традиционны. Они проходят по хорошо знакомой земле, скотоводы умело используют водные и пастбищные ресурсы, учитывают и отношения с живущими здесь земледельческими народами (хауса, капури, музгу и др.) [Stenning, 1957, с. 67].

В 1970—1972 гг. количество крупного рогатого скота в Нигерии оценивалось в 7—8 млн. голов. Из них более половины находилось в северо-восточной части страны, и владельцами 80—90% поголовья были фульбе. В отдельных районах, например на плато Мамбила на границе с Камеруном, нагрузка на пастбища была чрезмерной. Некоторые хозяева-фульбе имели здесь стада до 1 тыс. голов. Для выпаса такого стада нужно 15—20 пастухов. Однако большинство скотоводов-фульбе владеет меньшими стадами и, как правило, сочетает скотоводство с земледелием.

Фульбе, обитающие западнее Иола, в сухое время пасут скот вдоль р. Бенуэ в кустарниках. В дождливый сезон они передвигаются на холмы, где собирают урожай проса и возвращаются на равнину лишь с началом засушливого сезона. Некоторые фульбе мигрируют со скотом к оз. Чад или на возвышенности, лежащие на востоке. На плато Мамбила на высоте 1000—1500 м передвижения фульбе незначительны. Фульбе постепенно втягивают в скотоводческое производство и соседние народы. С развитием товарных форм скотоводства группы скотоводов-фульбе мигрируют из засушливых и заселенных земледельцами частей Северо-Западной Нигерии на юг и восток, где пастбища лучше. Их скотоводство приобретает отгон-

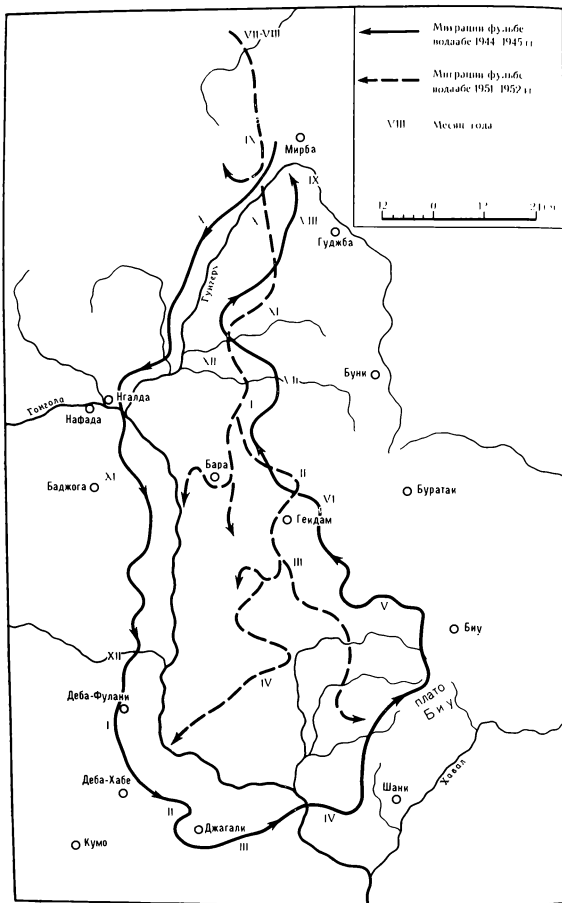

Рис. 14. МИГРАЦИИ ФУЛЬБЕ ВОДААБЕ В НИГЕРИИ (по Стеншугу)

ный характер, а образ жизни — оседлый с сезонной миграцией части населения [Frantz, 1978, с. 113].

Сходные миграции по направлениям и сезонным ритмам совершают скотоводы с крупным рогатым скотом в Судане, в частности арабы баггара, которые населяют широкую зону саванн к западу от Нила (рис. 15). Здесь природные условия благоприятны для выпаса верблюдов, мелкого и крупного рогатого скота. Дожливый период длится на севере между маем и октябрём, а на юге — между апрелем и июлем. Количество осадков в среднем на севере 400—600 мм, а на юге — 700—1000 мм. На тяжелых глинистых почвах полупустыни и саванн растут в достатке голофитные растения (солянки), а песчаные возвышенности позволяют скотоводам избежать губительной мухи цеце. ареалы которой в дождливый период приурочены к низинам [CDES, с. 155—164].

Арабы баггара летние месяцы (дождливый сезон) проводят на высоких плоскогорьях северной части страны, где нет мухи цеце. С появлением засушливых дней, когда источники воды на возвышенностях иссякают, баггара перегоняют скот на равнину, туда, где водоемы не высыхают до конца зимы. Весной они мигрируют дальше на юг, с тем чтобы с первыми дождями начать обратное движение, используя вновь зазеленевшие пастбища саванн. Они возвращаются на север, как бы следуя за «зеленой волной» молодых трав. Пути их миграций традиционны, и пастбища принадлежат определенным племенам. Правда, теперь право на выпас скота у соседей приобретается за плату [Народы Африки, 1954, с. 234—236].

Для баггара характерны патриархально-феодалные отношения. Каждым родо-племенным подразделением управляет феодальный правитель. Он распоряжается родовыми пастбищами и эксплуатирует труд своих соплеменников [Gunnison, 1966].

Во время сезонных перегонов скота баггара делают из мягкой соломы маты, которыми прикрывают спины быков, если используют их не только для верховой езды, но и для перевозки грузов. Стойбища разбиваются на возвышенном, сухом месте рядом с водным источником; жилищем служат шатры, рядом с ними загоны для скота — зарибы. Изгородь из терновника и деревьев окружает временные, сезонно перемещаемые селения скотоводов. Скот выгоняют рано утром на пастбище, а к ночи возвращают в загон. Образ жизни баггара кочевно-оседлый [Schinkel, 1970, с. 38—39].

Более подвижны арабы кабабиш, выпасающие верблюдов, овец, коз в пустынных областях на северо-западе Судана, к западу от Нила, в бассейне уэда Эль-Малик [Johnson, 1969, с. 82—90; Adad, 1970]. Сухие русла среди песчаных холмов и скалистых возвышенностей в период дождей наполняются паводковыми водами, которые редко доходят до Нила, но вдоль вадн грунтовые воды располагаются неглубоко, и существуют

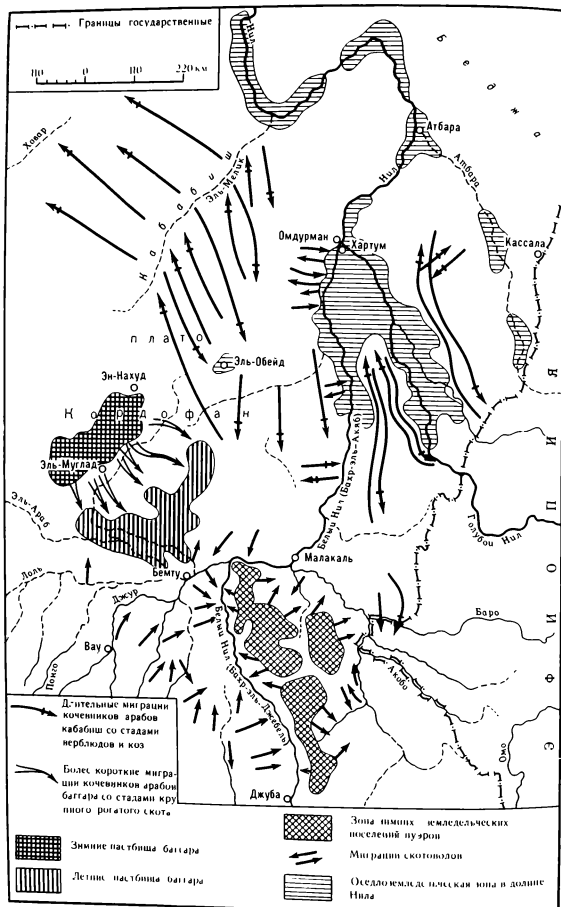

Рис. 15. МИГРАЦИИ СКОТОВОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ СУДАН

колодцы двух типов: одни постоянные в твердых грунтах, другие — временные, похожие на ямы, в песках, восстанавливаемые ежегодно. Передвижения скотоводов-кабабиш подчинены сменам четырех сезонов [Johnson, 1969, с. 85—89]. Первый из них, сухой и жаркий, длится с февраля по июнь, второй, прохладный и влажный, — с июля до сентября, третий сезон, теплый и сухой, в октябре, четвертый, холодный и сухой, длится с ноября до февраля. Обильные летние осадки приносят воздушные массы с нагорий Эфиопии. Дожди начинаются в конце мая и продолжаются до сентября.

Передвижения кабабиш подчинены сезонной смене растительности и топографии водных источников. Немалую роль играет и состав стад. Так, в дальние миграции кочевники перегоняют верблюдов и большую часть овец, оставляя с группой скотоводов коз и часть овец у постоянных колодцев, расположенных вдоль узда Эль-Малик. С февраля по май кабабиш проводят на зимних пастбищах. С первыми дождями они перегоняют стада на юг, где начинают зеленеть пастбища. По мере продвижения «зеленой волны» идет и широкое возвращение на северо-запад, где на песчаных пастбищах появляются эфемерные пустынные растения — хороший корм для верблюдов и овец. Образ жизни верблюдоводов-кабабиш может быть охарактеризован как кочевой и кочевно-оседлый.

Верблюдоводы-беджа, кочующие в северо-восточных областях Судана и в соседних пограничных областях Египта и Эфиопии, являются потомками наиболее древних кочевников-верблюдоводов Африки, зафиксированных в древнеегипетских источниках 2700 г. до н. э. под именем блеммиев [Paul, 1954, с. 52—64; Murdoch, 1959, с. 314—315]. Беджа (бедауйе, бедавир) говорят на языке кушитской группы. Наиболее крупные племена беджа: бишарин (другое название — «бесаран, бисариаб»), хагендоа (хендава), абабде, бени-амер [Schinkel, 1970, с. 34—37]; их общая численность — 1,3 млн. человек. Подавляющее большинство живет в Судане, где часть беджа — около 0,8 млн. — сочетает традиционное верблюдоводство с земледелием. В пров. Касала беджа составляют больше половины населения и ведут преимущественно оседло-земледельческий образ жизни, занимаясь орошаемым земледелием. Кочевое скотоводство (верблюдоводство) и подвижный образ жизни наиболее развиты у беджа бишарин, которые населяют самые засушливые области Судана и юго-востока Египта. Осадков здесь выпадает от 25 до 100 мм и лишь на юге, в бассейне р. Атбара, 100—400 мм.

На время перегонов скота беджа объединяются в небольшие родственные группы. Их миграции носят преимущественно меридиональный характер, примерно такой же, как у арабов кабабиш в Ливийской пустыне. Беджа ведут разный образ жизни — от кочевого (бишарин) до оседло-кочевого и годовой оседлости с сезонной миграцией (беджа пров. Касала).

Сезонные миграции со стадами верблюдов, коз и овец совершают в Эфиопии скотоводы-кочевники афары (другие названия — «данакиль», «афар», «адал») [Lewis, 1955]. Их численность в Эфиопии составляет свыше 0,6 млн. человек. Более 120 тыс. афаров живут в соседнем государстве Джибути. Афары кочуют по окраинам одной из самых сухих и жарких пустынь на земле — Афар (Данакиль), которая расположена в обширной тектонической впадине к востоку от Эфиопского нагорья. Поверхность этой впадины в своей северной части почти на 100 м ниже уровня моря. Пустыня находится в ветровой тени влажных муссонов, поэтому здесь сухо и жарко. Обширные пространства заняты выходами базальтов и древних лавовых потоков, перемежающихся с плоскими солончаковыми пространствами. В центре и на юге встречаются скопления песка, которые служат пастбищами в короткое время сезонных дождей. Сухой сезон с конца сентября по февраль кочевники проводят вблизи малых рек, стекающих с возвышенностей, в зоне колодцев и естественных водоемов. Они отгоняют скот из пустыни в предгорья и на возвышенности, располагающиеся к западу и к востоку от впадины. Когда начинаются дожди, они передвигаются на песчаные пастбища в центральные и южные районы. Земледелие возможно только по берегам р. Аван, впадающей в оз. Аббе. На побережье Красного моря афары сочетают отгонное скотоводство с рыбной ловлей. В предгорьях жилищем им часто служат пещеры, а на равнине они сооружают легкие круглые жилища, основания которых складываются из камней; все остальные части — жерди и тростниковые маты — легко разбираются и грузятся на верблюдов [Lewis, 1955, с. 155—173]. Образ жизни афаров — кочевой, кочевно-оседлый и оседло-кочевой.

Соседствуют с афарами близкие им по культуре сахо [Lewis, 1955, с. 174]. Они также говорят на языках кушитской группы. В Эфиопии их около 100 тыс. Большинство сохраняет кочевой и полукочевой образ жизни. Зимой скотоводы мигрируют в приморские районы, а летом возвращаются в предгорья и плато, где размещаются по соседству с народами тигре и тиграи. Часть афаров двуязычна и ведет на территории тиграи полуседлый и оседлый образ жизни с сезонной миграцией части населения.

Большим разнообразием форм подвижности отличаются кочевники-сомалийцы [Lewis, 1955]. В Сомали преобладают злаково-кустарниковые полупустыни и сухие саванны с акациями и колючим кустарником. Основные осадки выпадают весной и осенью. Почти 60% населения Сомали еще ведут кочевой и полукочевой образ жизни. Полукочевники составляют 20%. В Сомали традиционно сформировались две этнические и хозяйственно-культурные группы: кочевники-скотоводы самале и земледельцы саб. Кочевники разводят главным образом верблюдов, овец и коз. Для них характерны сезонные миграции довольно

крупными группами родственных семей по мужской линии, называемых «рер». Весной они занимаются земледелием и выпасают скот на зеленеющих пастбищах. Летом здесь жарко и сухо. В это время юноши и молодые мужчины отгоняют верблюдов от основного стада и живут несколько месяцев на дальних пастбищах. Впереди во время перегона стада идут несколько взрослых с детьми. Они пасут коз и овец. Юноши сопровождают стадо верблюдов или крупного рогатого скота. Шестые замыкают женщины, сопровождающие верблюдов, груженых домашним имуществом. Мужчины следят за движением всех групп (кочуют обычно небольшими родственными группами). На стоянке легкие разборные жилища — аггал — устанавливают женщины. Мужчины и юноши отгоняют от стоянки верблюдов и крупный рогатый скот на пастбища. Овец и коз выпасают по соседству со стойбищем под присмотром женщин и детей. Верблюдов и коз чаще всего доят мужчины, крупный рогатый скот — юноши, овец — женщины и девушки [Райт, 1965, с. 60]. Главная пища скотоводов — молоко, чай, сыр, реже мясо и каши. Часть сомалийцев совмещает скотоводство с земледелием. Поэтому существуют самые различные формы сезонной подвижности: от кочевых до оседлости с отгонным скотоводством. Каждое племя кочевников имеет свои традиционные маршруты перегонов скота, постоянные места стоянок, источники водопоя и пастбища. В январе и феврале выпас скота совершается преимущественно вокруг источника воды и зимнего стойбища. С первыми дождями в апреле стада начинают отгонять на возвышенные места. В это время совершаюся довольно быстрые перегоны протяженностью до 150—200 км. Эти перегоны, как правило, имеют преимущественно меридиональный характер на севере страны и широтное направление в центральных областях — из внутренних частей страны к морскому берегу. Во время длительных переходов главной пищей людей служит молоко, каждый мужчина несет запас питьевой воды и сушеного мяса. Для многих кочевников-сомалийцев характерен круглогодичный кочевой образ жизни. На юге страны кочевание скотоводов сменилось отгонным скотоводством и оседлым земледелием. Почти все земледельцы имеют скот, который выпасают специальные пастухи, отгоняя его за пределы оазисов в сторону морского берега, где находятся песчаные массивы с весенними пастбищами [Lewis, 1955, с. 92—94].

Отгонные формы скотоводства с сезонной миграцией части населения характерны для части оромо (галла), населяющих горные районы Эфиопского нагорья и прилегающие к нему юго-восточные области [Райт, 1965, с. 58; Kuls, 1958, с. 133—140]. Оромо, язык которых относится к кушитской группе, насчитывают в Эфиопии свыше 12 млн., около 120 тыс. живет в Кении. Подавляющее большинство оромо — оседлые пашенные земледельцы, близкие по культуре и религии к амхара. Но часть оромо, около 1,5 млн. (племена итту, аруси, рендилле, борана,

габбра, сакуйе и др.), продолжает вести сезонно-подвижный образ жизни скотоводов на полупустынных пространствах юго-восточных окраин Эфиопского нагорья и в засушливых районах на границе Эфиопии и Кении. Если в центральных районах Эфиопии распространены отгонные формы скотоводства, то в пустынных областях сохранился кочевой образ жизни. В сухое время года скотоводы оромо-аруси выпасают скот в горах и на возвышенностях, а с наступлением дождей они перегоняют стада на равнину, где обычно остается часть семей с овцами, лошадьми и стельными коровами [Райт, 1965, с. 58].

Более подвижные формы быта характерны для борана, сохраняющих племенной быт оромо-габбра и мерилле в Кении [Haberland, 1963; Helland, 1980]. Они кочуют по обширным полупустынным равнинам и вулканическим плато между оз. Рудольф и горным массивом Марсабит. На протяжении года кочевники перегоняют стада овец и верблюдов от одного высыхающего водоема к другому. В течение дождливого периода редкие водоемы и пересыхающие речки наполняются водой, и на их берегах возможно земледелие. Поэтому образ жизни борана переменнo-оседлый и оседло-кочевой.

В Тропической Африке распространены наиболее архаичские формы отгонного, пастушеского скотоводства, сочетающегося с потребительским тропическим ручным земледелием, собирательством, охотой и рыболовством (см. рис. 4).

Типичными представителями этих скотоводов-земледельцев являются многие народы Центральной, Восточной и отчасти Западной Африки, населяющие зону злаковых саванн, не зараженных мухой цеце. К ним, в частности в Судане и сопредельных странах, относятся нилотские народы, говорящие на языках шарии-нильской группы. Они составляют более трети населения Судана. Самые крупные из них — динка и нуэр. Большая часть динка, однако, теперь оседлые земледельцы. Нуэры, напротив, сохраняют в значительной степени традиционный скотоводческо-земледельческий образ жизни. Их более 0,9 млн. человек, из них около 0,5 млн. сохраняют неоседлый образ жизни. Нуэры, как и другие нилогские народы, резко отличаются и в расовом, и в хозяйственно-культурном отношении от арабов Северного Судана [Смирнов, 1958, с. 116]. Основное занятие скотоводов-земледельцев — разведение крупного рогатого скота и тропическое мотыжное земледелие (сеют просо, сорго, кукурузу). По рекам Эль-Газаль, Белый Нил, Собат развито рыболовство. У нилотских народов еще в известной степени сохраняются патриархально-родовые отношения и древние формы ведения натурального хозяйства, связанного с неоседлым образом жизни [Община в Африке, 1978, с. 167—175, 223].

Нуэры (самоназвание — «наас») занимают огромную равнину, пересеченную многоводными притоками Бахр-эль-Газалья [Evans-Pritchard, 1940]. Вся плоская равнина с болотами и раз-

ливами рек покрывается в период дождей высокой травой, достигающей по берегам рек высоты человека. Ландшафт резко меняется в жаркое сухое время, когда выгорает вся трава и высыхают многие водоемы. Хозяйственная жизнь нуэров подчинена двум сезонам. По описанию английского этнографа Эванса-Притчарда, в сезон дождей, с июня по ноябрь, население живет в деревнях, которые располагаются на возвышенностях и удалены одна от другой на 10—20 км. Селения окружены полями и пастбищами. С началом сухого сезона, в декабре группы молодежи отгоняют скот к более отдаленным источникам, где сооружаются временные стойбища. В это время в деревне остается взрослое население для уборки урожая проса, кукурузы и других сельскохозяйственных культур. Одновременно ремонтируются хижины и загоны для скота.

С усилением жары и высыханием водных источников начинается перегон стад на пастбища, удаленные от деревень на десятки километров и расположенные вблизи крупных рек или невысыхающих водоемов (см. [Evans-Pritchard, 1940, с. 56]). Эти стойбища имеют от нескольких десятков до нескольких сотен обитателей. Здесь расположены временные хижины и загоны для скота. Там, где нет естественных источников, роют колодны глубиной 8—10 м. Нуэры разводят крупный рогатый скот породы зебу, чаще всего белой окраски, а также коз и овец. Недостаток в продуктах питания скотоводы восполняют охотой и рыбной ловлей [Народы Африки, 1954, с. 241—242].

С наступлением дождей в конце мая большая часть скотоводов со стадами возвращается в основное селение, где начинаются земледельческие работы: обработка земли мотыгой и сев проса, кукурузы, бобов, тыквы и г. п. После посева весь скот пригоняется в деревню и ежедневно выпасается на окрестных пастбищах. В августе созревает кукуруза, в сентябре — просо. Ситуация на пастбищах улучшается, надой молока увеличиваются. Осень — с сентября по январь — время, когда в деревнях собираются все население, отмечаются праздники устраиваются свадьбы [Butt, 1952, с. 135; Glickman, 1971, с. 306—319].

Образ жизни нуэров оседло-кочевой и переменнo-оседлый. Они сочетают жизнь в постоянных деревнях с сезонным пребыванием части населения в летних стойбищах.

Существенные различия в характере миграции кочевников в разные сезоны можно наблюдать во многих областях африканской саванны. Так, обитатели пустынной саванны на севере Кении — туркана после дождей пасут скот на равнине, где появляется эфемерная растительность [Gulliver, Gulliver, 1955]. С началом сухого сезона, продолжающегося 7 месяцев, туркана вместе со стадами откочевывают к горам. На протяжении большей части года разные виды скота выпасаются отдельно [Gulliver, Gulliver, 1953, с. 53—68]. Пастбища, где выпасают верблюдов, расположены на равнине, они наиболее пустынные и засушливы. Крупный рогатый скот содержат на предгорных

или горных пастбищах, хорошо обеспеченных водопоями. Мелкий рогатый скот перегоняют к возвышенностям лишь в самый разгар сухого сезона. Остальное время овцы и козы выпасаются на равнине. У туркана, как у многих других скотоводов в Африке, семейная собственность на скот и колодцы сочетается с общинной собственностью на пастбища и естественные водные источники [Сванидзе, 1977, с. 148].

Миграции скотоводов-туркана можно разделить на два типа. Первый тип связан с более или менее обеспеченной растительностью и водой территорией, по которой совершаются сезонные передвижения с равнины в горы и обратно на сравнительно небольшие расстояния. Другой тип миграций характеризуется более длительными перегонами скота — верблюдов и коз, которые пасутся на пустынных пастбищах вдали от гор. После обильных дождей влажного сезона стада перегоняют с гор на равнину и выпасают вдоль обводненных русл временных потоков. Эти пастбища располагаются в 6—7 днях пути от гор. Нередко хозяйство одной семьи в это время как бы разделяется на две части: одна часть (взрослые и дети) занята в малых миграциях в зоне предгорий, другая часть (взрослые мужчины и юноши) совершает длительные перекочки на 150—200 км на равнине (Gulliver, Gulliver, 1953, с. 64—65). Поэтому для туркана характерны самые различные формы подвижности — от кочевых форм до оседло кочевых.

Типичными представителями восточноафриканских скотоводов в зоне сухих саванн являются масан, их общая численность — около 0,5 млн. Половина из них живет в Кении, другая — в Танзании. Они занимают приподнятое на 1200—2400 м засушливое плато, где одна часть территории занята полупустыней, а другая — сухими саваннами, переходящими на возвышенностях в злаковые саванны и парковые леса [Talbot, 1972, с. 694—711]. Малые миграции масаев, как правило, не превышают одного-двух дней пути. В сухое время скот пасут вблизи постоянных источников воды. В составе стада преобладает крупный рогатый скот, что ограничивает радиус перегонов стада. Скот выпасают группы неженатой молодежи, которая проводит большую часть года вне постоянного базового лагеря [Huntingford, 1953, с. 105—106].

Несмотря на то что плотность населения в стране масаев во много десятков раз ниже, чем в соседних оседло-земледельческих районах, в настоящее время нагрузка на пастбища приближается к кризисной. Часть масаев голодает, как, впрочем, и многие другие скотоводческие народы Восточной Африки. В прошлом нехватка животных белков компенсировалась охотой на дичь. Но теперь дичь истреблена. Оскудение пастбищ и нарушение экологического баланса в окружающей среде отражаются на характере подвижности населения, часть которого переходит от кочевно-скотоводческого и пастушеского образа жизни к оседлому земледельческому [TGLE, с. 500].

Однако ряд африканских народов устойчиво сохраняет скотоводческое направление хозяйства. Так, мурле в Судане, будучи скотоводами, обрабатывают землю только в условиях крайней необходимости, хотя почвы в местах их обитания плодородны и достаточно увлажняются [Lewis, 1972, с. 29]. Мурле не могут содержать крупный рогатый скот во многих районах из-за мухи цеце. Их стада состоят преимущественно из овец и коз. Главными продуктами питания служат молоко, смешанная с молоком кровь домашних животных, а также рыба, дичь, различные корни и ягоды. Из культурных растений мурле употребляют просо, кукурузу, тыквы, арахис. Скотоводство у мурле носит пастушеский и полукочевой характер. Они собираются в постоянное сельбище только в самое дождливое время, а в сухой сезон рассредоточиваются, выпасая скот у источников воды. Направления их передвижений зависят от состояния пастбищ и водоемов.

Сезонные изменения в ландшафте саванных пастбищ отражаются на характере миграций скотоводов. Так, в Северной Танзании есть небольшой, преимущественно скотоводческий народ татога (датоба), передвижения которого четко подчинены сезонам [Tomikawa, 1979]. Здесь дождливый сезон длится с ноября по май, а сухой — с июня до октября. В сухое время, когда пересыхает р. Балаи, впадающая в оз. Эяси, передвижения со стадами ограничены, расстояния от одного стойбища до другого составляют от 1,5 до 6 км. Татога разводят крупный рогатый скот, коз, овец и ослов (последних используют как транспорт). Животных выпасают раздельно. Молодняк содержат у постоянных селений, а крупный рогатый скот и телят до двух лет отгоняют на дальние пастбища. В дождливое время перегоны скота более значительны, хотя расстояние от основного поселения до пастбищ не превышает десяти километров. Огромную роль в хозяйственной жизни до сих пор играют возрастные классы. Каждая возрастная группа связана с выпасом определенного вида скота, что и составляет главную особенность пастушеского скотоводства [Tomikawa, 1979, с. 5]. К неоседлому населению в Танзании относятся также гого, отчасти иракун.

Относительно подвижный образ жизни характерен для скотоводов банту хима в Уганде, которые, имея постоянные деревни, в определенные сезоны перегоняют свой длиннорогий скот породы анколе на дальние дистанции. В среднем на одно хозяйство из 10 человек приходится до 50 голов скота. В пищу они употребляют молоко, иногда, как масаи, смешивают его с кровью домашних животных, а также мясо. Одно хозяйство потребляет в год до 1700 кг мяса, 6000 кг молока и 400 кг крови. Дополнением служит сорго, кукуруза, бобы и овощи [TGLE, с. 225]. Скотоводство у хима носит преимущественно отгонный пастушеский характер, а образ жизни может быть охарактеризован как оседлый с сезонной миграцией части населе-

ния. Подобный образ жизни характерен и для многих других скотоводческих народов Уганды (карамоджо, алур, ачоли и др.), общая численность которых достигает 1 млн.

Пастушеские формы скотоводства преобладают у большинства скотоводческо-земледельческих народов Южной Африки (зулу, коса, ндебеле, тсвана, гереро и др.). Так, тсвана заселяют пустынную территорию с засушливым климатом и ландшафтами опустыненной саванны Ботсваны [Schapera, 1954]. Выпадающие здесь с декабря по апрель дожди обеспечивают хорошие пастбища для скота весной и в начале лета. Тсвана разводят крупный рогатый скот, овец, коз. Земледелие развито в немногих районах, только там, где имеется искусственное орошение. Скотоводство носит отгонно-пастбищный характер; со скотом кочуют пастухи, большинство населения сосредоточено в крупных селах, располагающихся у водных источников. У тсвана еще сохраняются общинная собственность, общинное самоуправление, хотя идет активный процесс классового расслоения и выделение богатой верхушки, владеющей большими стадами. Так, в 1965 г. у тсвана мангваго 72% скотоводческих хозяйств владели только половиной поголовья скота; в среднем на одно хозяйство приходилось 33 головы [TGLE, с. 484]. Образ жизни тсвана может быть охарактеризован как оседлый с сезонной миграцией части населения. Неоседлое население составляет чуть меньше трети населения Ботсваны.

Значительная часть бывших скотоводов Южной Африки втянута в товарное капиталистическое фермерское животноводство ЮАР, где банту, готтентотов, метисов (мулатов) жестоко эксплуатируют африканерские скотовладельцы и фермеры.

В центральной тропической зоне Африканского континента встречаются отдельные группы неоседлого населения. Они ведут в основном переложное подсечно-огневое земледельческое хозяйство. Но в тропических лесах земля истощается после 2—3 урожаев [Gougeon, 1953, с. 16—18], поэтому большое значение сохраняют охота и сезонное собирательство, что уже связано с сезонной подвижностью некоторой части населения.

Даже в зоне орошаемого тропического земледелия Африки встречаются частично подвижные земледельцы-скотоводы. Таково, например, население дельты р. Барака в Судане, где постоянные сельские поселения отсутствуют, хотя большинство жителей занимается земледелием. В урожайные годы, когда река обводняет своими разливами плодородные берега, сюда перемещаются полукочевники из соседних районов. Однако это происходит не каждый год, так как режим р. Барака непостоянен. Своеобразные, чисто локальные формы миграций земледельческого населения могут быть охарактеризованы как тип годовой оседлости с сезонной миграцией части населения (Вопг, 1964, с. 98—109).

Неоседлое население с «присваивающими» формами хозяйства. Наиболее архаический по своим хозяйственным и куль-

турным характеристикам ХКТ охотников-собирателей, когда то распространенный широко по всей Африке, теперь исчезает буквально на глазах. Он сохранился в глухих уголках тропических лесов и саванн. Часть охотников-собирателей ведет еще бродячий, подвижный образ жизни, в поисках пищи, меняя места своего обитания в пределах ограниченной территории. В ряде мест, в частности в Ботсване и Кении, можно наблюдать вовлечение охотников-собирателей в «производящее» скотоводческое или земледельческое хозяйство соседей. Так, этнограф Е. Спенсер показал, как при благоприятных пастбищных условиях в Кении охотники-доробо (самоназвание — «акнек») становятся по примеру своих соседей сампуру (северные масаи) скотоводами. И напротив, во время падежа скота и гибели его от засух и болезней сампуру обращаются к охоте и собирательству [Spencer, 1973]. Спенсер особо подчеркивал тот факт, что при обращении к скотоводству в организации менее развитых доробо возникли определенные социальные сдвиги.

В Тропической Африке к охотникам-собираателям относятся различные племена пигмеев в Заире и соседних странах, отчасти бушмены Калахари и восточноафриканские охотники доробо, хадза или хадзапи, бони, саниа и др. Еще в начале XX в. занимались исключительно охотой некоторые группы в Тунисе (адара, мекалиф), Мавритании (немади); имраген в Мавритании жили только за счет рыбной ловли [Кобищанов 1974, с. 123—125].

Представление о бродячем, непрерывно подвижном образе жизни всех этих народов и этнографических групп не совсем точно. Одни из них, например бушмены кунг, действительно переносят свое стойбище с одного места на другое круглый год, другие значительную часть времени живут в сельбищах (хадза и др.).

Самую крупную по численности группу — около 80 тыс. — составляют бушмены. Они не образуют этнического целого [Андрианов, Исмагилова, 1979, с. 25—26]. Сравнительно недавно большая часть из них вела бродячий образ жизни [Schapera, 1930; Fourie, 1960]. Теперь охотники и собиратели с головой подвижностью сохранились в самых глухих уголках Калахари на территории Ботсваны и Намибии.

Изученные в Намибии Л. Маршалл в 1950-х годах и в Ботсване Р. Ли в 1960-х годах бушмены кунг двух смежных территорий — Найи Найи и Добе — сохраняли бытовые особенности традиционного образа жизни и социальные институты, присущие древнейшей «присваивающей» стадии развития [Lee, 1968; Marshall 1976]. Основная социальная единица у бушменов — локальная группа. Это билинейная территориальная община, состоящая из группы семей, однако она не совпадает с родовым делением. Численность каждой из групп — 20—40 человек (рис. 16) Состав групп подвижен, что обусловлено дальними

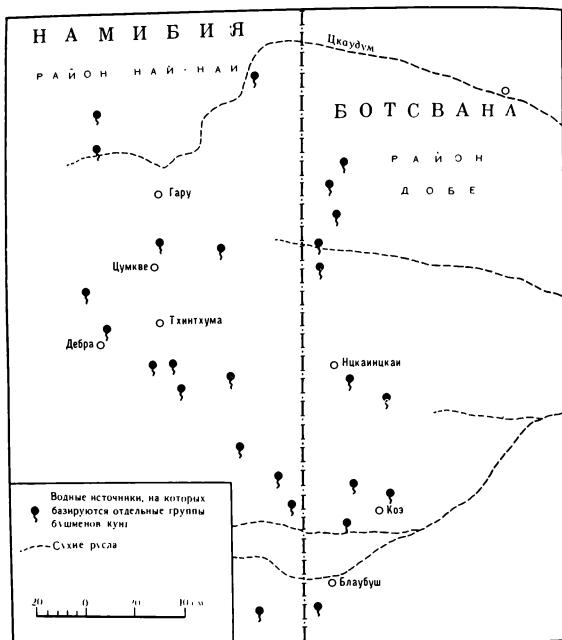

Рис. 16. СХЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ БУШМЕНОВ КУНГ В НАМИБИИ И БОТСВАНЕ (по Маршалл и Ли)

брачными связями и перемещением индивидуумов из одной группы в другую.

По мнению Л. Маршалл, у изученных ею 19 групп бушменов кунг местности Най Най не существует более сложных социальных структур, например племени с постоянным вождем. Среди локальных групп нет какой-либо одной с более высоким статусом, чем соседняя. Подавляющее большинство бушменов живет общинами, не превышающими 100 человек, на ограниченных территориях, имеющих обычно от 100 до 400 км в диаметре. В хозяйственной деятельности охотники и собиратели ограничиваются своей территорией [Marshall, 1976, с. 181]. Значительная по площади этническая территория бушменов кунг

находится, например, в Южной Анголе, где их численность достигает 8—10 тыс.

Автономность отдельных этнических групп — следствие замкнутого образа жизни бродячих охотников-собирателей, результат слабого развития производительных сил данного общества. Сам состав групп и их размеры во многом зависят не только от родственных связей, но и от водных и пищевых ресурсов. Бушмен кунг не может существовать в Калахари в одиночку, однако максимальные размеры объединения многих семей в общую группу ограничены ресурсами водных источников и возможностью вести собирательское и охотничье хозяйство. Структура каждой группы обеспечивает достаточную свободу для необходимого (при данном уровне развития производительных сил) использования пищевых ресурсов зоны их обитания. Все группы кунг региона Най Най поддерживают друг с другом контакты и находятся в той или иной степени родства, что имеет свое формальное выражение в сложной системе родственных имен [Marshall, 1976, с. 201—212].

Самой низшей микроэтнической единицей является парная семья, нередко в полигинной патриархальной форме. Устойчивое существование локальных групп — низших этносоциальных единиц — связано с тем, что одна семья не может самостоятельно организовать всю хозяйственную деятельность [Marshall, 1976, с. 195]. Охота требует совместных усилий нескольких достаточно сильных мужчин, а женщины обычно собирают различные съедобные растения, тоже объединяясь в небольшие группы. Суровые условия жизни требуют взаимопомощи и в некоторых других хозяйственных операциях.

Общая численность бушменов кунг района Най Най оценивалась в 1952 г. в 567 человек, а кунг соседнего района Добе (изучавшегося в 1963—1965 гг. Р. Ли) — в 466 человек [Lee, 1968, с. 30]. Они передвигаются отдельными группами на территории 2600 кв. км, перемещая свой лагерь 5—6 раз в году. В сухой сезон они собираются вместе у пересыхающих водных источников; локальные группы охотятся и собирают каждая отдельно. Во время дождей, при изобилии растительной пищи и дичи, группы размещаются довольно далеко друг от друга, но остаются на одном месте на протяжении нескольких месяцев. В это время совершаются визиты к родственникам, причем для этого преодолеваются значительные расстояния. Эти визиты — важная сторона социально-семейной жизни кунг. Они предпринимаются и для устройства свадеб и ритуальных празднеств, и для получения подарков, но самая важная их функция — это обмен информацией о положении дел в разных районах обширной территории. Так, если иссякают источники воды и скудеют пищевые ресурсы, бушмены могут отправиться к своим родственникам.

Почти 75% пропитания составляют растительные продукты и пища, собираемая женщинами и детьми; дичь, доставляемая

мужчинами-охотниками, ценится очень высоко. Образ жизни бушменов кунг бродячий, так как они не имеют постоянных сельбиш, а перемещаются в течение года по своей охотничьей территории.

Хадза, или хадзапи (другие названия — «тиндига», «кинди-га», «кангеджу»), живут в окрестностях оз. Эяси в Танзании. По образу жизни, этнокультурным и языковым особенностям они отличаются от соседей — земледельцев-банту и скотоводов масаев и ираку. Численность хадза — около 800 человек. Этнограф Дж. Вудбэрн, наблюдавший их в 1951—1967 гг., подразделяет хадза на несколько групп [Woodburn, 1968, с. 103—105]. Самая крупная из них — восточная (около 400 человек); южная группа, составляющая почти 100 человек, в значительной мере ассимилирована земледельцами банту иссинсу; западная группа (около 250 человек) обитает к северо-западу от оз. Эяси. Контакты между этими группами незначительны. Лучшие всего изучены восточные хадза, которые, в свою очередь, разделяются, по данным Вудбэрна, на четыре этнотерриториальные группы; каждая из них имеет численность от 50 до 150 человек [Woodburn, 1968, с. 104]. Многие хадза, особенно старшего возраста, ограничивают свои сезонные передвижения границами одной из четырех территорий. Правда, в сухое время года обитатели почти всех четырех территорий сосредоточиваются в нескольких урочищах, где собирают съедобные ягоды. Крупные стойбища располагаются рядом [Woodburn, 1968, с. 104]. В остальное время сезонные стоянки хадза обычно разбросаны по обширной территории.

Автор отмечает нестабильный состав стойбища. Во время полевых работ Вудбэрн зафиксировал стойбища с разным числом людей — от 3 до 37 взрослых [Woodburn, 1968, с. 106]; в 12 случаях стойбища имели от 10 до 19 взрослых. Каждую группу возглавляет наиболее опытный и удачливый охотник, однако институт постоянных вождей у хадза отсутствует. Наблюдается разделение труда по полу, женщины и деги образуют как бы хозяйственное ядро локальной группы собирателей. Они ежедневно отправляются на сбор растительной пищи, которая составляет 80% рациона хадза; остальные 20% приходится на долю мяса дичи, приносимого в стойбища охотниками [Woodburn, 1968, с. 51].

Особую хозяйственно-культурную и этнорасовую группу охотников-собирателей образуют пигмеи или негрилли Тропической Африки. Эта группа состоит из большого числа отдельных этнических общностей, которые в той или иной степени ассимилированы более развитыми и более многочисленными земледельческими народами. Пигмеи говорят на языках своих соседей.

Лучше всех изучены пигмеи мбути (бамбути) в лесах бассейна р. Итури (Заир). Большая часть мбути (около 60 тыс.) живет теперь оседло, остальные 10 тыс. еще сохра-

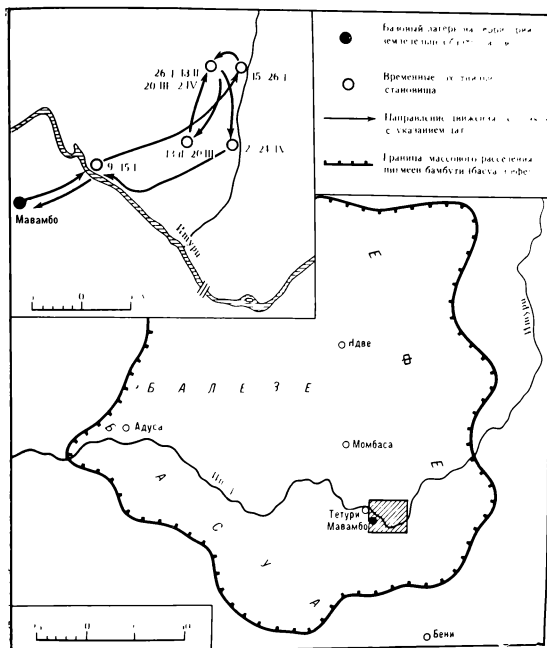

Рис. 17. СЕЗОННЫЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПИГМФЕВ БАМБУТИ (по Ичикава)

няют традиционный неоседлый образ жизни. Японские этнографы в 1974—1975 гг. изучали пигмеев района Тетри, где 9 отдельных групп общей численностью 592 человека занимали 1200 кв. км первичных экваториальных лесов [Tchikawa, 1978, с. 131].

Образ жизни и формы подвижности пигмеев мбути связаны с тремя сезонами (рис. 17). В дождливый сезон (август—ноябрь) они обитают в постоянном поселении по соседству с земледельцами-банту, помогая им в хозяйственных делах и по-

лучая взамен продукты земледелия, поскольку рацион мбути состоит из них почти наполовину. В это время совершаются кратковременные охотничьи рейды. С началом сухого сезона (январь—март) мбути отправляются в лес, где проводят коллективную загонную охоту, занимаются собирательством. Третий период — так называемый медовый сезон. В это время небольшие группы охотятся на мелкую дичь, собирают мед, который служит важным пищевым ресурсом. Растительная пища мбути включает 16 видов корней и корнеплодов, 15 видов орехов, 17 видов ягод, 18 видов грибов.

Мбути района Тетри говорят на языке банту бира и образуют с ними некий симбиоз, причем каждая небольшая группа мбути — от 50 до 100 человек — имеет экономическую и культурную связь с определенным родовым подразделением бира. Самой низшей микроэтнической единицей у мбути является парная патрилинейная семья, которая имеет родственные связи с другими семьями. Группа таких семей образует патрилинейную подгруппу, а последние объединяются в основную этносоциальную единицу — группу [Tchicawa, 1978, с. 161].

Размер групп варьирует от 10 до 25 семей (более широкие объединения из нескольких групп образуются во время крупных облавных охот), что в общем превышает размеры подобных групп у бушменов кунг. Это объясняется экологическими причинами. В лесах Итури природные условия более постоянны, а ресурсы пищи более обильны. Образ жизни мбути бродяческо-оседлый и оседло-бродячий.

* * *

На Африканском континенте сохранились многие группы неоседлого населения. Это кочевники и полукочевники скотоводы аридной зоны, кочевники скотоводы и охотники, охотники-собиратели и полuosедлые земледельцы жаркого пояса. Наиболее развитые формы кочевого и отгонного скотоводства характерны для населения стран к северу от Сахары, в самой Сахаре и отчасти в Сахеле. Этот хозяйственно-культурный тип, развитие которого в новое время стало туиковым, как бы консервировал родо-племенные связи, приобретающие у многих этносов формальный, но все более сложный характер иерархических вторичных социальных структур с классовым содержанием [Першиц, 1971; Вайнштейн, 1972; Марков, 1976, с. 278—310; Еремеев, 1981, с. 71—73]. Южнее Сахеля распространены более примитивные формы ведения скотоводческого хозяйства в сочетании с тропическим мотыжным земледелием, иные формы подвижного быта и более архаичные социальные структуры. Присоединение подобных групп кномадам в значительной степени условно. Социально-экономическая и культурная отсталость этих групп может быть в значительной мере объяснена их недавним колониальным прошлым [Andrianov, 1979, с. 6].

В тропических лесах и саваннах Африки сохранились небольшие группы с «присваивающими» формами хозяйства. Этот древнейший хозяйственно-культурный тип быстро уходит в прошлое.

Уже с конца XIX в. Африканский континент оказался втянутым в водоворот мировой капиталистической экономики, что качественно изменило размещение и формы подвижности многих групп неоседлого хозяйства. Сфера современного номадизма сокращается, приспосабливается к новым экономическим условиям. Неоседлый быт с традиционным образом жизни, архаичными социальными структурами и культурной отсталостью является серьезным тормозом на пути прогресса многих африканских народов.

ЗАРУБЕЖНАЯ АЗИЯ

Юго-Западная Азия

Из четырех крупных историко-этнографических областей Зарубежной Азии страны Юго-Западной Азии выделяются высоким удельным весом неоседлого населения, которое насчитывало 9,5 млн. в 1982 г., что составляло 5,9% общей численности населения (160 млн. в 1982 г.). Исторически этому способствовало то, что центральные области Юго-Западной Азии представляют собой один из наиболее древних очагов скотоводства и земледелия, где почти 10 тыс. лет назад была осуществлена domestикация многих видов животных и съедобных растений. Другая важная причина заключается в том, что именно в этом историко-культурном регионе возникли древнейшие классовые общества и государства (IV—III тыс. до н. э.) и наметилось общественное разделение труда между оседло-земледельческими и подвижно-скотоводческими группами населения. Этому способствовали и природные условия: сочетание плодородных аллювиальных равнин с обширными степными и полупустынными пространствами, сухими предгорьями и горными районами с вертикальной зональностью. Эти особенности исторического процесса и разнообразие ландшафтов обусловили и большое разнообразие форм подвижности скотоводческого хозяйства, сохранившихся у ряда народов и этнографических групп населения вплоть до наших дней.

Северная часть этой историко-этнографической области лежит в субтропическом, т. е. теплом, а южная — в тропическом, т. е. жарком, климатическом поясе. Для всей территории характерны аридность условий и полупустынные и пустынные ландшафты. Они, впрочем, отличаются большим разнообразием. На севере от Эгейского моря до Памира и Гималаев простирается пояс нагорий — Малоазийского, Армянского и Иранского, приподнятых в среднем на 500—1000 м над уровнем моря. Центральные части их заняты бессточными котловинами со скудными поверхностными водами, засоленными пространствами. В западной и южной частях Малой Азии растут жестколистные вечнозеленые леса и кустарники, а выше в горах — смешанные леса. В центре и на востоке полуострова, где выпадает в год осадков менее 400 мм, большие пространства покрыты

Таблица 5

Численность неоседлого населения в странах
Юго-Западной Азии, 1982 г.

Страна	Численность населения, тыс.		
	всего	неоседлое население	%
Юго-Западная Азия	160 036	9 500	5,9
Афганистан	16 786	2 500	14,9
Бахрейн	331	—	—
Израиль	4 022	30	0,7
Иордания	3 490	200	6,0
Ирак	14 000	300	2,1
Иран	40 240	2 500	6,2
Йеменская Арабская Республика	6 077	250	4,1
Катар	258	10	3,9
Кипр	645	—	—
Кувейт	1 562	20	1,3
Ливан	2 739	—	—
Народная Демократическая Респуб- лика Йемен	2 093	150	7,2
Объединенные Арабские Эмираты	1 150	100	8,7
Оман	948	140	14,7
Саудовская Аравия	9 684	2 000	20,7
Сирия	9 660	300	3,0
Турция	46 312	1 000	2,1

степной растительностью, что благоприятствует разведению здесь крупного рогатого скота, овец и коз.

В каменистых пустынях Иранского нагорья растут эфемеры, полынь, солянки; в песках встречается саксаул. Осадков мало — 165—230 мм. Дожди выпадают лишь в период с января до марта. Горные районы Афганистана также отличаются большой засушливостью, на равнинах выпадает осадков менее 100 мм, а на высоте 1000 м — 145 мм в год. На плоскогорьях преобладает степная растительность, четко выражена вертикальная зональность, дожди выпадают здесь с февраля по апрель. Лето сухое и жаркое, что заставляет кочевников перегонять скот с равнин в горы.

Полуостров Аравия лежит в аридной и гипераридной зоне [UNESCO, 1979, с. 23—24]. Большую часть его занимают песчаные и каменистые пустыни. Полуостров постепенно понижается на восток к Персидскому заливу, у берегов которого расположены богатейшие нефтяные месторождения. Кое-где над равниной возвышаются скалистые горы, откуда в зимнее дождливое время стекают временные потоки. Растительность здесь пустынная [UNESCO, 1979, с. 24].

К северу от Аравии лежит Месопотамская низменность — страна древней земледельческой культуры.

Юго-Западная Азия является областью, где до наших дней сохранились многие традиционные формы ведения хозяйства, в

частности самые различные кочевые, полукочевые и полуседлые формы скотоводства как на равнинах, так и в горах. Численность неоседлого населения на 1982 г., согласно экспертным оценкам, распределяется между отдельными странами следующим образом (табл. 5).

Как видно из табл. 5, наиболее значительная группа неоседлого населения сохранилась в Иране, Афганистане и Саудовской Аравии, обитатели которой арабы бедуины (эль-бадн — житель черного шерстяного шатра, ведущий кочевую жизнь со стадами верблюдов) и арабы эль-хадхар — оседлые земледельцы. Кочевое и полукочевое население Саудовской Аравии сохранило деление на племена. Это мутаир, руала, шаммар, атайба, давасир, калтан, аджман, бенн-хаджар, бенн-халид, мена-сир, бенн-мурра, харб, белл, бенн-аттия, хувейтат и др. [Першиц, 1958; Першиц, 1961; Lipsky, 1959].

Многие зарубежные этнографы (А. Кробер, Э. Бэкон, Р. Патан, Г. Виссман) рассматривают всех скотоводов Аравии как единую группу бедуинов, представителей особого «культурного ареала», который по своим хозяйственно-культурным характеристикам противопоставляется оседлым жителям деревень и городов [Wissman, 1956, с. 296—297, Patai, 1978, с. 21—25]. По мнению А. И. Першица, источники позволяют выделить в Северной Аравии, как и в соседних арабских странах, три формы скотоводческого хозяйства: 1) собственно кочевников-бедуинов, 2) полукочевников, занимающихся преимущественно скотоводством, но сочетающих его с земледелием (шавия или араб-дар), 3) полукочевников, отдающих предпочтение земледелию (райя) [Першиц, 1971, с. 17].

Наиболее подвижны кочевники-верблюдоводы, обитатели самых засушливых и жарких областей Юго-Западной Азии. Верблюды обеспечивают кочевникам необходимые для жизни средства: молоко и мясо идут в пищу, из шерсти изготавливают шатры и одежду, кожа служит сырьем для утвари, обуви, навоз идет на топливо.

Подвижность полукочевников-скотоводов более ограничена. В их стаде преобладают не верблюды, а овцы и козы. Они совмещают кочевое скотоводство с земледелием.

Несмотря на известные хозяйственно-культурные различия, кочевники и полукочевники арабы, обитающие в различных частях аридной зоны Юго-Западной Азии, находятся примерно на одном уровне социально-экономического развития и характеризуются многими общими чертами культуры и быта. Они свободно пересекают границы государств этого региона во время длительных кочевых, более близких между собой в культурно-бытовом отношении, чем оседлое население различных арабских государств, хотя формально сохраняют родо-племенное деление [Брук, 1960, с. 27; Patai, 1978, с. 21].

В Сирийской пустыне обитают две большие группы бедуинов-верблюдоводов. Это аназа, территория которых охваты-

вает часть Сирии, Иордании и Саудовской Аравии, а также шаммар в Ираке и Саудовской Аравии. Наиболее значительными племенами в Иордании являются бени-шахр и бени-хасан; на границе Ирака и Саудовской Аравии кочуют ал-зафир, в пров. Хиджаз Саудовской Аравии — харб и хадья, в пров. Неджд — утейба, на юге полуострова — ям и авамир. Наряду с этими племенами существует множество других кочевых групп арабов [Patai, 1978, с. 21].

В 1950-х годах кочевники и полукочевники Саудовской Аравии составляли от 50 до 60% населения [Helaissi, 1960, с. 533]; в настоящее время их численность не превышает 20,7% (2 млн. человек). Характер подвижности скотоводов зависел от сезонной смены пастбищных и погодных условий, хозяйственный год традиционно делился на четыре сезона по три месяца в каждом.

С началом зимних дождей пустынные пастбища покрывались свежей растительностью и стада перегонялись туда, где обилён травянистый покров. Сочные травы давали возможность не поить скот по нескольку недель, а люди утоляли жажду молоком. С наступлением первых холодов скот переводили в зону кустарников, а во время сильных морозов укрывали стада в долинах [Першин, 1952, с. 105].

Весной кочевники возвращались на открытые степные пространства, где стада давали обильные удои. С началом жары кочевники перемещались в холмистую и возвышенную местность, где можно было поить скот из дождевых луж, водоемов или крупных каменных бассейнов, которые сохраняли воду длительное время.

Жаркие, засушливые месяцы бедуины проводили у постоянных водных источников на возвышенностях, сочетая характерные для пустынных равнин меридиональные перекочевки или круговые кочевания с вертикальными, поскольку им приходилось подниматься в горы на северных и западных окраинах Аравийской пустыни. Большая часть бедуинов, однако, искала спасения от иссушающей жары у постоянных колодцев и бассейнов. Скот приходилось поить в это время почти ежедневно. Недостаток в молочной пище кочевники восполняли сборательством съедобных растений. Из плодов самха делали муку, пекли лепешки. Широко использовали тартут, листья талха. Подспорьем служила охота на разнообразную дичь; в пищу употребляли также ящериц, ежей, саранчу [Musil, 1927, с. 122—124].

В конце лета кочевники совершали самую длительную перекочевку, приближаясь к оазисам, где выпасали скот на сжатых полях, одновременно удобряя их. В это время шел активный торговый обмен с земледельцами. С первыми дождями начинался новый годовой цикл. Образ жизни бедуинов кочевой и кочевно-оседлый.

В Северо-Восточной Аравии в течение летних месяцев, с ию-

дельно и только с наступлением сухого времени вновь собирались у водных источников [Dickson, 1949, с. 50—61]

Каждое кочевое племя бедуинов в недавнем прошлом обладало своей территорией с осенними, зимними и весенними пастбищами, оборудованными колодцами с питьевой водой. Так, бедуины мутайр и теперь имеют территорию в северо-восточной части Саудовской Аравии на границе с Кувейтом (рис. 18). Ее размеры — 180 на 250 км; здесь кочевники разводят преимущественно верблюдов и небольшое количество овец и коз. Они делятся на три рода, каждый из них имеет свои пастбища и колодцы [Johnson, 1969, с. 46—53]. Лето здесь жаркое и продолжительное — с июня до начала октября. В это время кочевники концентрируются вокруг крупных источников воды. Стада приходится часто поить, и животных отгоняют только на 10—20 км от колодцев. К концу лета пастбища истощаются. В сентябре ночи становятся прохладнее и стойбища переносятся на новые места, где пастбища еще сохранили растительность. Ежедневные отгоны скота достигают 20—30 км. Между 1 и 10 октября начинается передвижение из района летних и осенних пастбищ на зимние, где кочевники рассредоточивают свои стада. Этот период с обильными дождями характеризуется широким фронтом движения отдельных групп скотоводов. Овец и верблюдов выпасают раздельно. Верблюдов пасут на пастбищах с солянками, а овец там, где есть обильная эфемерная растительность в песках. Сезонная смена трав и кустарниковой растительности определяет конкретные передвижения отдельных групп мутайр. Они собираются вместе только в период между 15 февраля и концом апреля, когда начинается общее движение крупных групп кочевников-верблюдоводов вдоль вали Эль-Батин по направлению к границам Кувейта. С началом летней жары количество водных источников сокращается, бассейны высыхают. В зависимости от состояния пастбищ и водных ресурсов передвижения вдоль вали Эль-Батин могут быть более или менее быстрыми. Стойбища при перегонах скота переносятся с места на место через каждые 7—10 дней.

К 80-м годам нашего столетия значительная часть кочевников-мутайр, а также близких к ним по традиционному образу жизни бедуинов рашаанда, авазим перешла к оседлости. Огромную роль в этом сыграла нефтяная промышленность соседнего Кувейта, где мутайр, атбан и некоторые другие заняли привилегированное положение. Об интенсивности современных миграционных процессов, в которые были вовлечены и кочевники Северной Аравии, говорят следующие цифры: население Кувейта выросло за последние тридцать лет с 70 тыс. до 1.1 млн. (1978) [Брук, 1981, с. 473].

Если для мутайр в недавнем прошлом был характерен кочевно-оседлый образ жизни с относительно недалекими перегонами скота, то верблюдоводы-руала известны дальними миграциями. Кочевые миграции руала были изучены и описаны в

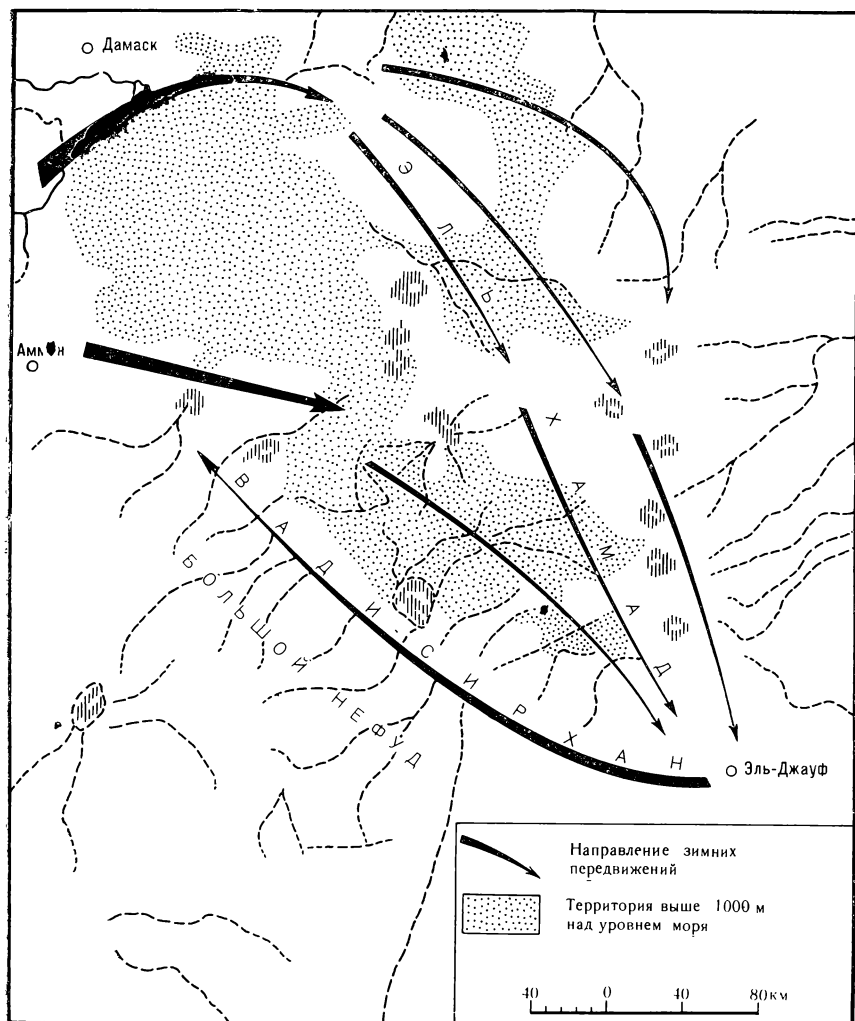

Рис. 19. МИГРАЦИИ АРАБОВ РУАЛА (по Джонсону)

начале XX в. американским этнографом А. Мусил [Musil, 1928, с. 8].

Миграции руала начинались тогда южнее Дамаска в Сирии и имели восточное и северо-восточное направление от летних пастбищ на сжатых полях земледельческих оазисов в глубь пустыни Большой Нефуд (рис. 19). Их территория представляла собой каменистую равнину Бадия-эш-Шам, пересеченную сухими руслами, с невысокими «островными» возвышенностями. Равнина имеет средние высоты от 600 до 1000 м. В период

дождей вади заполняются водами, которые и использовались кочевниками. За возвышенностями лежат степные пастбища Эль-Хамад, относительно хорошо обеспеченные водой. Здесь выпасали преимущественно овец, а верблюжьи пастбища лежат южнее. В период дождей кочевники передвигались небольшими группами широким фронтом на юго-восток в глубь пустыни Большой Нефуд, достигая оазиса Эль-Джауф, откуда начинался обратный путь вдоль обширного понижения Вади-Сирхан, где цепочка колодцев и небольших оазисов обеспечивала водой стада и людей. Протяженность миграции руала составляла 600—700 км в одну сторону и 400 км обратно [Johnson, 1969, с. 40—46; Marx, 1978, с. 50].

Менее значительные перекочевки характерны для другой крупной группы кочевников, известных в Сирии и Ираке под названием «шавия» («рассеянные»), а в Саудовской Аравии под названием «арабдар». Они сочетали разведение овец и коз с земледелием, поэтому образ жизни у них был скорее полукочевой — переменнo-оседлый и оседло-кочевой [Першиц, 1971, с. 17]. Они кочевали лишь поздней осенью и зимой, а также ранней весной, когда на пустынных пастбищах было достаточно влаги. Скот поили, перегоняя его от одной дождевой лужи к другой. Весной для водопоя использовались колодцы, куда стада пригоняли один раз в 2—3 дня. Лето овцеводы проводили на границе с оазисами или на берегах рек с постоянным течением. В пустыне они кочевали 3—6 месяцев в году. Их маршруты в глубь пустыни не превышали 200—300 км. Но лето они, как правило, проводили на границах оазисов, где занимались земледелием [Musil, 1928, с. 44—45].

Во Внутренней Аравии полукочевники-шаммар владели частью пальмовых рощ в Джебеле. Они проводили здесь время с мая по сентябрь, высевая под дождь особый сорт проса, выращивая бахчевые культуры и овощи, снимая урожай фиников в сентябре. В это время со скотом находилась часть семьи, хотя все же скотоводческая деятельность у них была преобладающей. Они круглый год жили в шатрах, не имея оседлых жилищ.

У других групп частично подвижного населения — полуоседлых арабов скотоводство уступало место земледелию, причем оно носило в значительной степени отгонный характер. Со скотом — овцами и козами — кочевали непродолжительное время, углубляясь в пустыню лишь на несколько десятков километров. Транспортным животным им служил не верблюд, а осел. На земледельческих участках они возводили постоянные глинобитные жилища, а на пастбищах жили в шатрах. Земледелие у них было ирригационным. Их образ жизни был переменнo-оседлый и оседлый с сезонной миграцией части населения.

Между кочевниками верблюдоводами и овцеводами и полуоседлыми земледельцами-скотоводами существовали самые различные переходные группы в зависимости от местных условий.

Специализированное хозяйство кочевников носило в значительной степени товарный характер, в то время как большая часть полукочевого и полуседлого населения вела замкнутое натуральное хозяйство [Першиц, 1971, с. 17]. Однако формы и направления хозяйственной деятельности были подвержены изменениям, зависели от политических событий, межплеменных усобиц, стихийных бедствий. Все это заставляло кочевников на дальние расстояния постепенно переходить к полукочевому хозяйству, а полукочевникам приходилось расширять площадь своих посевов и становиться почти оседлыми. В результате численность неоседлых групп населения в XX в. неуклонно уменьшалась. Сокращался и диапазон перекочевок [Першиц, 1971, с. 18].

Дав широкую картину хозяйственной жизни арабов Северной Аравии в новое время, А. И. Першиц справедливо заметил, что многие зарубежные исследователи (Патаи, Диксон и др.) неверно характеризовали социальные отношения у бедуинов-кочевников как «родовые». По его словам, у них «даже род по форме принципиально отличался от классического первобытного рода» [Першиц, 1971, с. 21]. Иерархию социальных структур составляла цепочка — подплемя, племя, группа племен. Общинная собственность и взаимопомощь у кочевников маскировали классовое расслоение и отношения эксплуатации.

По мнению А. И. Першица, вся история бедуинских племен Арабийского полуострова представляет собой картину постепенного продвижения их с юга на север и постепенного перехода подвижных кочевников к полуседлому и оседлому образу жизни. Процесс оседания кочевников-бедуинов особенно активно развивался во второй половине XX в. в прямой связи с урбанизацией и индустриализацией аридной зоны. В последние годы делаются попытки улучшить условия жизни кочевников, помочь им осесть в постоянных поселениях. Однако на пути этих преобразований стоят многие трудности: отсутствие необходимых средств, социальные противоречия, низкий уровень культуры кочевников и т. д. [ФРП, с. 334—336].

В Малой Азии неоседлое население представлено юрюками и курдами. Полуостров Малая Азия в своей центральной части приподнят. Это засушливое полупустынное плоскогорье, где сухой период длится 5 месяцев, а годовая норма осадков не превышает 400 мм и приходится на весну и осень. Зима прохладная, лето жаркое. Восточная часть плоскогорья гориста, что определяет горный, вертикальный характер использования пастбищ обитающими здесь скотоводами-курдами. Близкий к этим формам тип скотоводческих миграций распространен в Центральной и Южной Анатолии, где сохранились значительные группы тюркоязычных кочевых и полукочевых племен — юрюков. Их численность оценивается в 300—500 тыс. человек [Еремеев, 1969, с. 3]. По своему происхождению они связаны со средневековыми огузами, а многие элементы культуры заимст-

вовали у арабов-кочевников, курдов и некоторых других скотоводческих народов Юго-Западной Азии. От арабов юрюки восприняли переносное жилище кочевников — черный шерстяной шатер, причем у них теперь несколько типов шатров.

Юрюки разделяются на многие племена. Их родо-племенные структуры, как и у бедуинов, иерархичны и вторичны по своему происхождению. В этих структурах дофеодалные и феодальные формы эксплуатации маскируются пережитками патриархальных и родо-племенных отношений — формально общинной собственностью на пастбища, обычаями взаимопомощи, принятой между сородичами [Еремеев, 1969, с. 98].

Юрюки занимают малопригодные для земледелия районы и ведут в основном скотоводческое хозяйство. По образу жизни их делят на кочевых, полукочевых (оседло-кочевых) и оседлых. По данным Пляноля, чисто кочевой, не связанный с земледелием тип хозяйства сохранили только 50 тыс. юрюков. У них преобладает мелкий рогатый скот — овцы и козы [Planhol, 1965, с. 101—116]. Овец пасут на сухих степных плато со злаковой растительностью в Центральной Анатолии, а коз — в зоне кустарников и вторичных лесов Южной Турции, где преобладают горные ландшафты [Johnson, 1969, с. 22—24]. Юрюки используют верблюдов для транспортировки грузов, а их шерсть идет на изготовление тканей и ковров.

Зимовки кочевников располагаются, как правило, в долинах, на берегах рек, где обильна травянистая растительность. Скот держат в загонах. Выпас скота на естественных пастбищах круглогодичный. Перекочевка с зимовья на летовку начинается в Юго-Западной Анатолии в феврале, а в Южной — в мае [Еремеев, 1969, с. 32]. Весной юрюки поднимаются на подгорные пастбища, расположенные на высоте 500—1000 м. Когда жара усиливается, они перегоняют стада еще выше — до 1500—2000 м, где остаются до сентября. С наступлением холодов начинается спуск. Длительность перекочевок зависит от состояния пастбищ. Пути и места стойбищ и остановок определены традициями. Расстояние между остановками в маршрутах не превышает 20 км. Продолжительность перекочки с летних пастбищ на зимовку составляет 30—40 дней.

Весьма характерны миграции юрюков на юге Турции в окрестностях г. Анталя [Johnson, 1969, с. 25—31] (рис. 20). Здесь преимущественно зимой выпадает довольно много осадков — 500—700 мм. Рельеф характеризуется приподнятыми на высоту 2500 м возвышенностями Западного Тавра, террасами и уступами спускающегося к узкой морской полосе с субтропическими средиземноморскими ландшафтами. На возвышенностях иные, преимущественно степные ландшафты и континентальные условия климата [Johnson, 1969, с. 26].

Годовой цикл передвижения юрюков в Турции состоит из двух стоянок — летней и зимней и двух значительных перекочевок — весенней и осенней. Зимуют юрюки на равнине обыч-

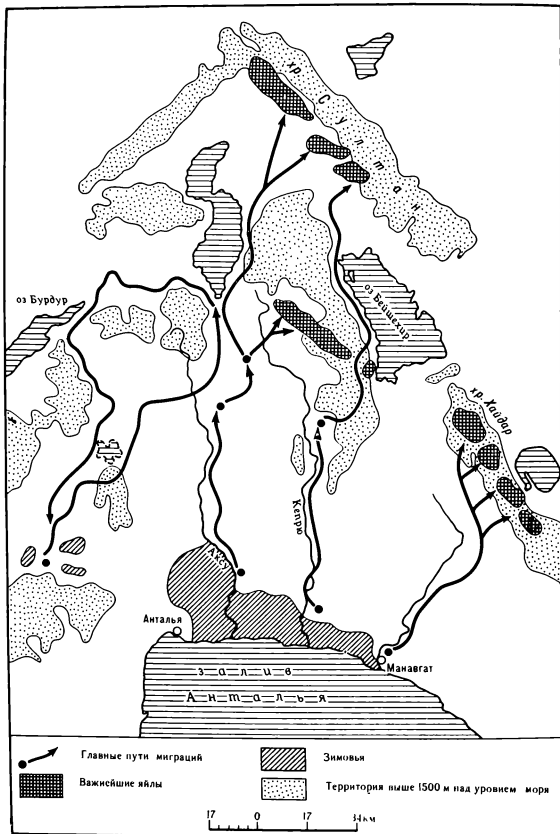

Рис. 20. МИГРАЦИИ ЮРЮКОВ
(по Плянollyу)

но в речных долинах. Летние пастбища расположены на высоте 500—1000 м. С высыханием пастбищ скот отгоняют выше, до 2000 м, но с наступлением значительных холодов в сентябре постепенно спускаются на зимовки. Расстояние между останками-стойбищами в пути не превышает 20 км. И весенняя, и осенняя перекочевки занимают 30—40 дней. Кочевники живут круглый год в шатрах из черной козьей шерсти, а полукошевики имеют постоянные глинобитные жилища [Еремеев, 1969, с. 32, 61—63].

На зимовках скотоводы широко рассредоточены на равнине. В каждом шатре обитает 5—10 человек. Скот выпасают на сжатых полях и участках, свободных от посевов. В начале мая семьи объединяются, руководствуясь родственными или просто приятельскими отношениями в отдельные группы. Маршруты каждой группы определены традицией. Ежедневные перегоны скота обычно составляют 4—5 часов (примерно 15—20 км). Продолжительность маршрута зависит от расположения летних пастбищ, которые находятся на высоте 1500—1800 м. Так, наиболее длительный маршрут в 150—180 км совершает центральная группа юрюков, чьи зимовки находятся недалеко от портового города Анталя у селения Абдурахманлар. У других групп передвижения с зимовок на летовки менее значительны и составляют 50—80 км [Johnson, 1969, с. 29].

На летних пастбищах кочевники выбирают для стойбищ берега рек. Пастбища общие для нескольких групп. В конце октября, с наступлением холодов (зимой в горах температура опускается ниже 0° и выпадает снег) юрюки начинают быстрое возвращение на равнину. Для юрюков побережья залива Анталя характерны свои особые маршруты и места расположения летовок. Наиболее многочисленны группы, выпасающие скот на южных склонах Анамаздага и Султан Даглара. Их около 1800 шатров [Johnson, 1969, с. 30]. Образ жизни этих юрюков кочевно-оседлый и оседло-кочевой.

Д. Е. Еремеев исследовал исторический процесс оседания кочевников Турции [Еремеев, 1962, с. 71—84]. Важную роль в этом сыграл насильственный захват пастбищ крупными турецкими землевладельцами особенно усилившийся в 1920—1930-х годах. Тогда многие группы юрюков стали арендовать пастбища. В этих условиях разорившаяся часть бедняков-скотоводов была вынуждена оседать в земледельческих районах. Три стадии оседания на землю можно проследить у трех племен юрюков — кючюкю, али-эфенди и каралар [Еремеев, 1969, с. 47]. Юрюки кючюкю большую часть года проводят на горных пастбищах, а в долине — только 4 месяца. Жилищем им служит шатер; moreover, кючюкю строят на летовках и постоянные примитивные дома, рядом с которыми расположены поля, где получают один урожай в год. Другое племя — али-эфенди проводит на равнине у земледельческих участков 6 месяцев в году. Летом эти люди живут в шатрах и собирают два уро-

жая со своих полей на летовке и на зимовке. Если ключюкю ведут оседло-кочевой образ жизни, то али-эфенди — переменнo-оседлый Д. Е. Еремеев называет последних полукочевниками [Еремеев, 1969, с. 47]. Третье племя — каралар находится накануне полного оседания. Их скотоводство носит отгонный характер, когда летом со скотом на яйлу уходят только женщины и несколько мужчин-пастухов. Скота у них немного, и скотоводство носит подсобный характер. Образ жизни оседлый с сезонной миграцией части населения. Сам процесс оседания кочевников, по мнению Д. Е. Еремеева, носит сложный характер. Так, он приводит следующие примеры: юрюки, имевшие зимовки у деревни Абдурахманлар, перешли на оседлость в 1945 г., но 8 семейств продолжают гонять скот на яйлу в горы Анамас [Еремеев, 1962, с. 78].

В процессе оседания возникает необходимость держать скот вдали от обработанных полей. Юрюки деревни Кара-Байыр отгоняют скот на пастбище, расположенное на высоте 2000 м в 40 км от летовки, где летом созревает хлеб. Скот возвращают только к концу жатвы. Характер подвижности населения здесь переменнo-оседлый.

Подобно юрюкам, скотоводы-курды Курдистана — горной страны на стыке четырех государств (Турции, Ирака, Ирана и Сирии) — сочетают равнинное и вертикальное (горное) кочевание [Johnson, 1969, с. 32]. Несмотря на развитые патриархально-феодалыные и нарождающиеся товарные отношения, курды еще сохраняют в известной степени родо-племенное деление. Они говорят на языке иранской группы. Их численность в Турции — 4,1 млн., в Иране — 3,2 млн., Ираке — 2,3 млн., Сирии — 0,5 млн. (1978) Большинство курдов уже ведет оседло-земледельческий образ жизни, живет в городах, занято в промышленности. Значительная часть курдов сохраняет родо-племенное деление и ведет полuosедлый образ жизни, совмещая отгонное, пастушеское скотоводство с земледелием [Брук, 1960, с. 35].

Горная страна Курдистан занимает 300 тыс. кв. км; курды составляют здесь 80% населения. Горные ландшафты Курдистана отличаются большим разнообразием. Земледелие здесь возможно только в узких долинах рек, стекающих с гор, а большая часть горных плато занята степями, благоприятными для выпаса мелкого рогатого скота. Направление перекочевков в значительной степени обусловлено гидрографией горной страны, долины которой открываются как на запад, к Центральной Анатолии, так и на юг, в Месопотамскую низменность. Климат в стране курдов континентальный. Зима холодная, и на высоких горных плато снег лежит от сентября до апреля. Теплее на более низких нагорьях, куда циклоны с запада приносят влагу и где степные склоны покрываются злаковой растительностью, привлекающей стада кочевников. В вертикальной зональности хорошо выделяются три зоны. Низменности с ксерофитной и степной травянистой растительностью, зеленеющей после осен-

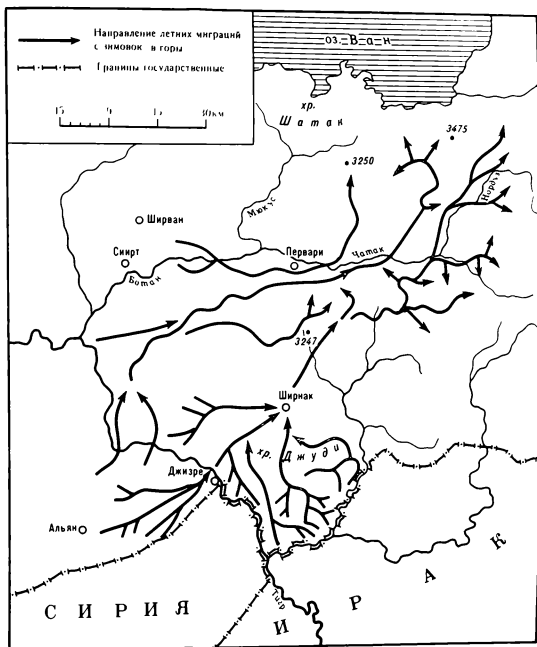

Рис 21. МИГРАЦИИ КУРДОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АНАТОЛИИ
(по Хюттероту)

них дождей, — это зона зимних пастбищ. Выше этой зоны начинаются леса и склоны гор с более прохладными степями, кустарниковой растительностью. На высоте 1600 м располагаются весенние и осенние пастбища, а еще выше — зона альпийских пастбищ, куда скот перегоняют в летние месяцы [Johnson, 1969, с. 34].

Эти вертикальные особенности смены ландшафтов и определяют характер миграций курдов, сохраняющих скотоводческое направление хозяйства. Большая часть их совмещает скотоводство с земледелием. Полуоседлые курды имеют поля на

зимовках в долинах рек, но значительную часть года проводят со стадами на весенних и летних пастбищах в горах.

Сохраняются отдельные кочевые племена с чисто скотоводческим типом хозяйства. Формы их подвижности разнообразны — от кочевых до годовой оседлости с сезонной миграцией части населения.

На направление и характер миграций влияют не только природные, но и политические и этнические факторы. Дело в том, что курды на окраинах своей этнической территории не образуют сплошного массива. В Турции по соседству с ними на равнинах живут турки, в Ираке — арабы, в Иране — луры (на юге), персы (на востоке), азербайджанцы (на севере) [Брук, 1960, с. 35]. Поэтому пути миграций на летние пастбища проходят через территории других народов.

О характере сезонной миграции курдов можно судить по работе западногерманского этнографа Вольфа Х. Хюттерота, исследовавшего жизнь 9 курдских племен в Турции [Hütteroth, 1959, с. 72—81]. Эти племена совершают перекочевки между долиной верхнего Тигра и горной областью Восточного Тавра, где самые высокие вершины достигают почти 4000 м (рис. 21). Зимние стойбища курдов располагаются на равнине на левом берегу Тигра чаще всего по соседству с турецкими деревнями, хотя сами курды живут и зимой в шатрах. Они выпасают скот на сжатых полях и свободных от посевов местах, где осенние дожди обеспечили хороший травостой. С наступлением жарких дней в середине мая начинается движение на север по двум основным традиционным путям, берущим свое начало в окрестностях городов Джизре и Сиirt. Широко рассредоточенные по равнине скотоводы собираются вдоль скотоводческих путей, выпасая скот на весенних пастбищах и постепенно поднимаясь выше 1000 м. Стада движутся медленно по склонам в то время, как пастухи и их семьи поднимаются по тропинкам вдоль горных рек [Hütteroth, 1959, с. 80—81]. По мере того как съедается и высыхает под летним солнцем трава, кочевники перемещаются на более свежие и более высокие пастбища на горе Гиракол. Отдельные группы скотоводов в июле движутся еще выше, где колючий кустарник и луга подходят вплотную к снеговой линии, располагающейся здесь на высоте 3000 м. В сентябре, с наступлением заморозков, скотоводы начинают покидать высокую яйлу и спускаются ниже, на пастбища, туда, где выпасали скот весной. Перегоны скота в это время более продолжительны, так как всегда есть опасность снежных заносов [Johnson, 1969, с. 34—37].

В начале октября курды возвращаются на свои традиционные зимники, широко рассредоточиваясь по равнине р. Тигр. Годовой цикл сезонных передвижений завершен. Такой образ жизни может быть охарактеризован как оседло-кочевой, так как более или менее постоянное сельбище на зимнике сочетается с перемещающимися по сезонам стойбищами.

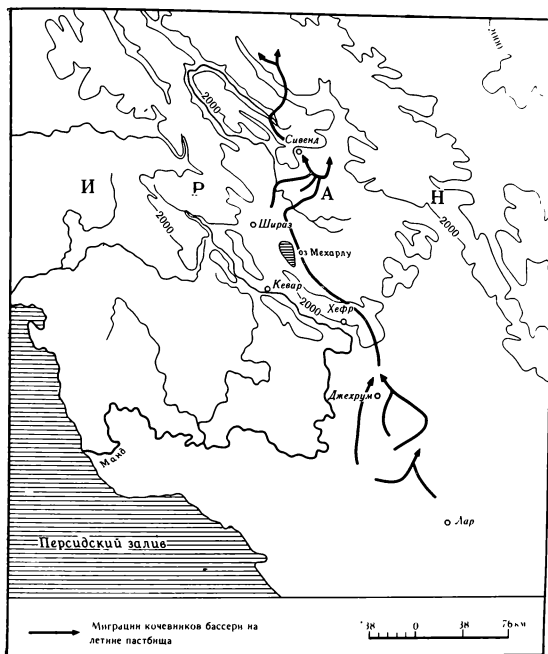

Рис. 22. МИГРАЦИИ БАССЕРИ ФАРСА (по Барту)

На обширных внутренних пространствах Ирана, где чередуются высокие равнины, горные цепи и пустыни, сохранились многочисленные группы неоседлого населения. Это ираноязычные племена курдов, луры, бахтиары, белуджи, а также тюркоязычные скотоводы шахсевены, афшары, кашкайцы, часть туркмен [Брук, 1960, с. 31—36]. Немецкий географ Т. Штауфер выделил в Иране три типа кочевников-скотоводов: «блуждающие» кочевники, кочевники с короткими миграциями и кочевники с длинными миграциями [Stauffer, 1965, с. 289].

Луры, соседние с курдами племена, во многом сходны по

образу жизни. Их общая численность в Западном Иране превышает 1,5 млн. человек. Они разделяются на две крупные группы: 1) луры Пиште-Коха, сохраняющие кочевно-скотоводческий образ жизни и располагающие свои зимовки в долине р. Керхе, а летовки — в горном районе на юго-запад от р. Керхе; 2) луры Пише-Коха, оседлые земледельцы-скотоводы, расселенные на северо-западе горной цепи Загрос между долинами рек Керхе и Диз. На юге Загроса кочуют также лурские племена кухгилуйе и мамасани. Луры сочетают земледелие на зимовках с отгоном скота на горные легкие пастбища пологих склонов и долин Загроса [Брук, 1960, с. 35].

Климат этих областей Юго-Западного Ирана засушливый (250—400 мм осадков в год). Дожди идут только с января по март или апрель. Горные системы образуют серию параллельных хребтов, которые разделены широкими синклинальными долинами и опускаются с 3000—4000 до 1000—500 м с северо-запада на юго-восток. Горы пересечены реками и дренируются. Лесная растительность в виде дубово-фисташковых парковых лесов встречается лишь на севере. По мере продвижения к югу ландшафты становятся степными и пустынными. Климат отличается жарким летом и прохладной зимой [TGLF, с. 24].

Подвижный образ жизни здесь сохраняют бассери — ираноязычная группа скотоводов, занимающихся выпасом овец и коз в горных долинах к северу и востоку от г. Шираз. Их территория достигает 500 км ширины в глубину от приморских холмов Персидского залива, в окрестностях городов Лар и Джебхрум. Численность бассери в 1958 г. была около 16 тыс. (2—3 тыс. шатров). На протяжении зимних месяцев они группами от 2 до 5 шатров широко рассеяны среди невысоких холмов в верховьях р. Манд. Здесь нет снега зимой и пастбища доступны для скота. С марта начинается движение на север, на летовки. Для перегона скота объединяются в группы по 10—40 шатров. В конце июня они достигают широкой долины Рудекур, где вновь разделяются и поднимаются в горы на летние пастбища уже небольшими родственными группами [Johnson, 1969, с. 55—59] (рис. 22).

В отдельные годы кочевники производят на леговках небольшие посевы зерновых. После уборки полей в августе начинается движение обратно, которое проходит значительно быстрее, чем весенние миграции. Они достигают своих зимовок в сентябре. Общая протяженность маршрута может достигать 300—350 км только в одну сторону. Образ жизни бассери кочевой и кочевно-оседлый.

Более многочисленные кашкайские тюркоязычные племена, кочующие по соседству с лурами и бахтиарами, совершают еще более длительные перекочевки. Как и бассери, они проводят зиму на холмах близ Персидского залива, а с наступлением весны передвигаются на северо-запад по горным долинам в район, расположенный к югу от Исфахана [Брук, 1960, с. 32].

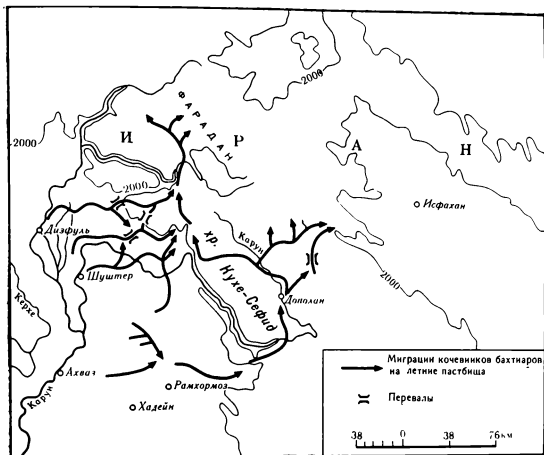

Рис 23. МИГРАЦИИ БАХТИАРОВ В ИРАНЕ (по Джонсону)

Их зимние кочевья лежат между р. Кара-Агач и крупными населенными пунктами Фирузабад, Ферашбэнд, Атаб и Хинешур. Летовки находятся далеко от зимовок, на склонах Загроса, к западу от дороги Шираз—Исфахан. Около трети кашкайцев из общего числа их в 0,5 млн. ведут оседло-земледельческий образ жизни, остальные — кочевники-скотоводы. В недавнем прошлом многие кашкайцы занимались перевозкой грузов на верблюдах и ослух, на протяжении большей части года проводили большие торговые караваны из одного конца страны в другой. Они сохранили деление на племена: дерешури, шешбулуки, галезан, амале, кашкули и др. [Брук, 1960, с. 32]. Их социальные отношения характеризуют патриархально-феодалные и феодальные формы эксплуатации.

Близки к кашкайцам по образу жизни и другие тюркоязычные племена. Так, к востоку от кашкайцев кочуют инанлу, бахарлу и нафар, входящие в племенное объединение хамсе. Их численность — свыше 100 тыс. человек. В Керманской провинции обитают кочевники хорасани и пичагчи, а также байаты, карагозлу и др. [Брук, 1960, с. 32]. Около 50 тыс. насчитывают племена теймурташ и гоудари, населяющие горные и полупу-

стынные районы Ирана. Земледелие здесь невозможно без орошения, и в хозяйственной деятельности преобладает кочевое и отгонное скотоводство.

Затем следуют афшары, язык которых также относится к тюркской группе. Главные районы их расселения — северо-западное побережье оз. Резайе, пров. Хамсе в Иране и др. Афшары сочетают скотоводство с земледелием и ведут полукочевой образ жизни, проводя часть года в пастушеских миграциях на горных пастбищах [Брук, 1960, с. 30].

Из ираноязычных кочевников и полукочевников в Иране есть еще группа племен бахтиаров: хафтленг на севере и чехарленг на юге. Они подразделяются на ряд племен и родоплеменных групп [Брук, 1960, с. 36; Johnson, 1969, с. 59—60]. Их общая численность — 0,6 млн. человек. Этническая территория бахтиаров охватывает область Центрального Загроса к югу от р. Диз, между Шуштером на западе и Исфаханом на востоке. На юге их кочевые территории доходят до Белбехана и Рамхормоза. Зимние пастбища расположены на равнинах и небольших возвышенностях Дизфули и Шуштера, а летовки — в высокогорных районах между Боруджердом и Исфаханом. Оседлые бахтиары живут в окрестностях округов Фарадан, Кервенд и Чехар-Мехал [Брук, 1960, с. 36].

В зимнее время скотоводы широко рассеяны по равнине, живут небольшими группами по 3—4 шатра [Johnson, 1969, с. 60]. В середине апреля бахтиары начинают миграцию на север, в горы, на летние пастбища, причем двигаются небольшими группами, так как условия местности, дороги, расположение полей не позволяют объединяться в значительные группы. В горных долинах при благоприятных условиях родственные группы объединяются. Небольшая часть бахтиаров живет оседло, занимаясь земледелием и отчасти отгонным пастушеским скотоводством; большинство сохраняет кочевой образ жизни и совершает значительные перегоны скота на несколько сот километров от зимовок до летних высокогорных пастбищ и обратно [Johnson, 1969, с. 64].

На юго-востоке Ирана живут белуджи, до сих пор сохраняющие подвижный образ жизни кочевников-скотоводов. В Иране белуджи насчитывают 0,9 млн., в соседнем Пакистане их 1,9 млн., в Афганистане — 0,1 млн.

Экономгеографы проводят различия между полунатурально-замкнутым и товарным скотоводством в Юго-Западной Азии вообще и в Иране в частности [Пуляркин, 1976, с. 16, 86, 162—164; Stauffer, 1965, с. 289]. Т. Штауфер, например, выделяет в Иране три основных типа хозяйства: 1) коммерческое, товарное разведение скота; 2) подсобное разведение скота земледельцами; 3) «племенное» кочевое скотоводство с упоминавшимся нами тремя формами подвижности («блуждающие» кочевники, кочевники с короткими миграциями, кочевники с длинными миграциями) [Stauffer, 1965, с. 289]. Кочевники в восточ-

ных пустынных районах Ирана ведут натурально-потребительское хозяйство, перегоняя скот с зимних стойбищ в долины на высокогорные летние пастбища. Отгон скота на длинные дистанции может достигать 1 тыс. км; на северо-западе Ирана и в Курдистане преобладают короткие перегоны в 20—30 км. Отмечается отсутствие четкого разделения между скотоводами и оседлыми земледельцами.

Для кочевников Ирана, так же как и для соседней Турции, характерен процесс оседания. На протяжении XX столетия их удельный вес во всем населении Ирана сократился с 10—12% в 60-е годы до 6,2% к 1982 г. Это результат не только стихийно развивающихся экономических и социальных процессов, но и результат целенаправленной политики государства. Хозяйственные изменения выражаются в превращении чисто кочевых форм быта в полукочевые и полuosедлые, в сокращении протяженности перекочевок и уменьшении числа людей, занятых в перегонах скота. В процессе роста товарности скотоводческого хозяйства наметилась его специализация: разведение каракулевых овец в Хорасане, шерстных пород овец и коз в Кермане, молочных коров в Мазандеране. Происходит проникновение капиталистических форм экономических отношений в сельское хозяйство страны, значение племенных организаций кочевников-скотоводов быстро падает, идет распад феодально-племенных структур [Грубецкой, 1966; Трубецкой, 1971, с. 137—140].

Новые процессы характерны и для соседней с Ираном страны — Афганистана, где неоседлое население составляет до 15% жителей. Афганистан — страна горная. Высокие хребты Гиндукуша пересекают ее в центре и на севере, в то время как равнины южной половины заняты каменистыми пустынями и сухими степями. Глубокие, местами широкие долины пересекают обширную горную страну с четко выраженной высотной поясностью ландшафтов. Одна из наиболее засушливых частей страны находится на юго-западе, где выпадает менее 100 мм осадков в год. Осадки в горах выпадают преимущественно с декабря по апрель. Это пастбища верблюдоводов и овцеводов. На высоте 1800 м осадков больше — около 350 мм. Дожди выпадают здесь с февраля по май, а лето сухое и жаркое [UNESCO, 1979, с. 25].

Меняя по сезонам пастбища, скотоводы движутся традиционными маршрутами, преодолевая расстояния от нескольких сот километров до 1—1,5 тыс. км. Они поднимаются летом на альпийские луга Гиндукуша, а летом спускаются в низкие долины, холмистые предгорья. В Афганистане принято несколько местных терминов для обозначения скотоводов-кочевников. Так, афганцы по отношению к подвижным обитателям черных шатров («домов на плечах») употребляют термин «kūcheu» (от «kūch» — отъезд, миграция) [Ferdinand, 1969, с. 127], что несколько шире, чем «кочевники-скотоводы». Сюда включаются и группы подвижных сезонных рабочих, убирающих урожай зер-

новых. В качестве синонима термина «kûchey» на юге Восточного Афганистана используют слово «rowindah», что означает «пасты». Сами кочевники широко используют термин «maldag».

Среди афганцев, хазарейцев, чараймаков и некоторых других народов сохранились пережитки племенного деления. Так, в афганские племена: дуррани в Кандагарской и Гератской провинциях и гильзаи к северо-востоку от Кандагара; дзадзи, дзадраны и вардаги — к югу от Кабула, мангал — в районе Хоста, вазири — по южным склонам Сулеймановых гор, моманд — к северу от Хайбергского прохода, сафи — к северо-востоку от р. Кабул, шинвари — по северным склонам Спингара, какар — к югу от вазири, на юго-восток от оз. Аби-Исгада [Брук, 1960, с. 37, Ferdinand, 1969].

Для большинства скотоводческих племен характерно сочетание оседло-земледельческой деятельности, преобладающей у одной части, с кочевно-скотоводческой у другой части одной и той же родственной группы или племени. Эти связи особенно ярко выражены у афганцев.

Кочевники разводят овец и коз, используя верблюдов и отчасти ослов только в транспортных целях. У гильзаев отдельные группы на стойбище не превышают сотни шатров. Гильзаи совершают регулярные миграции между Джелалабадом и Кандагаром. На своих зимовках они строят хижинки из кустарника, а весной их покидают, устремляясь по долинам высоко в горы. Часть гильзаев проводит 2—3 месяца на летних постоянных пастбищах, а потом спускается в нижние долины. Сходный режим скотоводческих миграций характерен и для дуррани. Они имеют зимовки у подножия гор в пустынной местности в окрестностях Кандагара. Весной дуррани начинают движение в горы, где проводят 2—3 месяца на летних пастбищах.

Кочевники Восточного Афганистана совершают перекочевки протяженностью в 500 и даже 1000 км на равнине и до 5—6 км в высоту в горах [Ferdinand, 1969, с. 133]. Этот путь между зимовками и летовками они проделывают за 2-3 месяца. Женщины и дети сидят на верблюдах, а мужчины идут пешком. Богатые скотовладельцы имеют верховых лошадей. Весной скотоводы останавливаются на 2-3 недели на пастбищах со свежей зеленью. Осенью на обратном пути с летовок кочевники делают остановку в земледельческих оазисах, помогая земледельцам убирать урожай зерновых. Связь кочевников и оседлых земледельцев основана здесь на знакомстве, а иногда и на родстве отдельных семей. Остановка кочевников длится 2-3 месяца. Идет обмен продуктами. Стада пасутся на полях, где снят урожай.

В то время как у дуррани кочевые группы тесно связаны с группами оседлых земледельцев, у гильзаев эти связи выражены слабее. Отличают их и многие особенности быта, детали материальной культуры, например седла для верблюдов, тип шатра, обуви и т. п. На юге страны на равнине переход от оседло-

го земледелия к кочевому скотоводству происходит чаще, чем на севере в горах [Ferdinand, 1969, с. 146—148].

Дуррани перегоняют скот по традиционным путям с равнин Южного и Западного Афганистана в горы. Их образ жизни полуоседлый и полукочевой.

Таким образом, разнообразие ландшафтов, особенности экономики, этнической географии и политической ситуации — все это влияет на формы подвижности населения, представленные целой гаммой переходных видов — от пастушеского отгонного скотоводства у оседлых земледельцев до круглогодичного кочевания у кочевников-скотоводов.

Южная Азия

В Южной Азии общая численность населения, сохраняющего в той или иной степени неоседлый образ жизни, оценивается в 9,1 млн. человек, что составляет чуть больше 1% общей численности населения. Общая площадь этих стран равна 4343,9 тыс. кв. км, из них 18% (804 тыс. кв. км) приходится на засушливые аридные и семиаридные земли, расположенные на западе и северо-западе Индийского субконтинента [UNESCO, 1979, с. 29]. Южная Азия лежит в субэкваториальной и экваториальной климатических зонах, т. е. в основном в жарком поясе (кроме крайнего севера и склонов Гималаев). Здесь, за исключением высокогорных районов, не бывает холодной и снежной зимы. Летом муссоны приносят с Индийского океана влажный экваториальный воздух, что обуславливает повышенную влажность и распространение тропических ландшафтов в приморских районах как на юго-западе, так и на востоке Индийского полуострова. Пустыни и полупустыни занимают в Индостане на западе значительную территорию. Климат пустынь континентальный, годовая сумма осадков в среднем менее 200 мм. Осадки выпадают с июля по сентябрь. Самое жаркое время года — май. На большей части Деканского плоскогорья климат семиаридный, засушливый, с летними дождями. Ландшафты в значительной мере преобразованы. На западе расположены пустынные районы с саванной и пустынной растительностью. В песках Раджастхана можно встретить солонки, эфемерную растительность, редкие колючие кустарники и акации. Засушливый климат и полупустынные ландшафты характерны и для восточных окраин Иранского нагорья, где цепи возвышенностей и гор окаймляют широкую долину р. Инд. В долинах кулисообразных хребтов много пастбищ, которые наряду с песчаными пустынями издавна использовались скотоводами-кочевниками. Поверхность пустыни Тар покрыта песчаными грядами песков, часть которых закреплена растительностью [Петров, 1973, с. 38].

Основная часть неоседлого населения размещена на границе Пакистана и Ирана, а также в северных районах Пакистана.

Таблица 6

Численность неоседлого населения в странах Южной Азии, 1982 г.

Страна	Численность населения, тыс.			Народ
	всего	неоседлое население	%	
Пакистан	87 125	4000	4,6	Белуджи, часть пуштунов, брагуев, джатов и др.
Индия	711 664	3500	0,5	Часть гуджаров, кохистанцев, банджаров, а также гондов, ченчу, бирхор, доба, кадар, тода, яанади и др.
Непал	15 300	400	2,6	Бхотии, певары, отчасти шерпы и др.
Бутан	1 356	200	14,7	Бхотии
Шри-Ланка	15 189	0,8	—	Ведды

Распределение неоседлого населения между отдельными странами Южной Азии показано на табл. 6.

В Пакистане, где сохранилось наиболее значительное число кочевников и полукочевников, живут скотоводы белуджи, патаны, или пуштуны, брагуи, кохистанцы и др.

Белуджи (самоназвание — «балучи») обитают в Пакистане (1,9 млн.), Иране (0,8 млн.), Афганистане (0,1 млн.) и в некоторых других странах. Они занимают восточные и юго-восточные окраины Иранского нагорья и области к востоку от него, называемые Белуджистаном. В Иране белуджи живут на самом юго-востоке и в отдельных районах смешаны с персами, арабами и пуштунами. В Афганистане их кочевья размещаются в пустынных областях Регистан и Дашти-Марго.

Основное занятие белуджей — скотоводство, занимаются они и земледелием [Пикулин, 1959, с. 110—111]. Белуджи сохранили деление на племена и роды с вождями-феодалами во главе. В недавнем прошлом отдельные племена враждовали друг с другом.

Лучше всех изучены белуджи марри, которые обитают на северо-западной границе Пакистана и кочуют в Сулеймановых горах к северу от г. Сиби [Johnson, 1969, с. 65—67].

Марри занимают холмистую страну с узкими долинами в Сулеймановых горах. Долины возвышаются на 800—1000 м над уровнем моря на юге, постепенно поднимаясь до 3000 м к северу. Восточные склоны Сулеймановых гор дренируются реками, сбегаящими в долину Инда. Реки обводняются не более чем на 2 месяца в году. Климат здесь засушливый (осадки от 75 до 300 мм в год). Дожди выпадают, однако, как летом, так и зимой. Их приносят летние муссоны и зимние циклоны. В горах лето жаркое, а зима прохладная. С апреля по сентябрь — сухое время года. В нижней части ландшафтов преоб-

ладают ксерофитная растительность, кустарники, а выше — редкие леса из акации и тополей. Травы, кустарники и цветы с их разнообразием красок и зелени делают склоны гор прекрасными пастбищами [Johnson, 1969, с. 66].

Обитатели этих мест — белуджи совершают сезонные миграции со скотом, сочетая скотоводство в горах с земледелием на равнинах. Существуют большие различия в степени подвижности отдельных групп населения [Pehrson, 1966, с. 11—12]. Наиболее подвижные группы откочевывают ранней весной на горные пастбища. Значительная часть белуджей марри, а также бугти живут в шатрах круглый год, перенося легкое жилище из одного района в другой в поисках пастбищ, а также работы во время осеннего сбора урожая зерновых культур и фруктов, главным образом фиников. Жилище белуджей представляет собой шатер, сходный с арабским, покрытый тремя полотнищами из темно-коричневой шерсти. Полотнища поднимаются тремя продольными рядами жердей. Центральный шест — самый высокий. Летом полотнища поднимаются, что обеспечивает прохладу, а зимой все опускается и укрывается хворостом в нижней части. Полотнища прикалываются толстыми булавками, что облегчает разборку шатра при перекочевках [Гаффенберг, 1970, с. 134—139]. Бедняки живут в полуземлянках или хижинах, крытых циновками.

Основное направление скотоводческих миграций — с равнины в горы и обратно. Белуджи разводят овец и коз, используя верблюдов и ослов для перевозки жилища и другого имущества. Мясо животных и шерсть скотоводы продают на базарах, а молоко и молочные продукты потребляют сами. Полуоседлые белуджи разводят также крупный рогатый скот, однако его можно выпасать только в некоторые летние месяцы, когда зеленеют от муссонных дождей пастбища. Белуджи сочетают скотоводство с неорошаемым земледелием, высевая пшеницу и ячмень. Земледелие зависит от погодных условий, и земледельцы часто меняют места своих поселений и земледельческие участки. Вокруг этих поселений располагаются группы бедных скотоводов, которые выпасают в радиусе 20 км небольшие стада [Johnson, 1969, с. 70]. Их называют «darshin» — «кочевники». Они тесно связаны многими узами с крестьянами селений. Другие скотоводы-кочевники более свободны в своих передвижениях и совершают длительные перекочевки, имея значительные стада овец и коз. Их называют «rowinda!». Отдельные кочующие группы кочевников, как первые, так и вторые, однако, объединяют не более 3—4 семей. Овец и коз пасут на пастбищах обычно взрослые мужчины или юноши. Ягнят и молодых держат поблизости от стойбища. Женщины, дети и старики пасут крупный рогатый скот и ослов. Так, большая часть жителей стойбища покидает его ранним утром, с тем чтобы возвратиться домой к темноте. Женщины заняты также собирательством дикорастущих фруктов, ягод и злаков.

В жаркое время преобладает общее движение скотоводов с равнины на север, в долины гор. Осенью, с наступлением холодов они возвращаются на равнины в сельскохозяйственную зону. Поскольку белуджи марри сочетают скотоводство с земледелием, они весьма полно используют свои земли, пригодные для земледелия и скотоводства. Некоторые белуджи стали оседлыми и на плодородных равнинах Кахчи и Наспрабада занимаются поливным земледелием. У них развито отгонное скотоводство [Johnson, 1969, с. 67—68]. В целом образ жизни белуджей-скотоводов может быть охарактеризован как оседло-кочевой и переменнo-оседлый.

Большей подвижностью отличаются скотоводческие племена брагуев, язык которых принадлежит не к иранской группе, как у белуджей, а к дравидийской. Их численность в Западном Пакистане превышает 0,7 млн. человек. Они ведут преимущественно кочевой и полукочевой образ жизни, разводят верблюдов, овец и коз. В ряде районов они ассимилированы белуджами и говорят на белуджском языке [Брук, 1960, с. 43]. Образ жизни брагуев кочевно-оседлый и оседло-кочевой.

Сохраняют значительную подвижность и скотоводы северных районов Пакистана — патаны, или пуштуны [Johnson, 1969, с. 74—81]. Их хозяйственная деятельность основана на пастбищном скотоводстве, разведении овец и коз, а также верблюдов, которых они используют исключительно для перевозки грузов. У патанов, так же как и у белуджей, зимние пастбища располагаются в низменных районах и долинах рек, а летние — в горах, где они проводят несколько месяцев, возвращаясь к зимовкам во время сбора урожая зерновых. Большая часть патанов в Пакистане, однако, ведет полuosедлый и кочевно-оседлый образ жизни. Для них характерен широкий диапазон подвижности отдельных групп — от кочевых до переменнo-оседлых и оседлых форм.

В Индии животноводство сочетается с земледелием и носит преимущественно оседлый или выгонный характер. По условиям выпаса скота выделяют четыре типа территорий: 1) засушливый полупустынный и степной район в средней и нижней частях долины Инда, в Синде и Западном Раджастанe, где сухой период длится 10—11 месяцев и осадки не превышают 200 мм; 2) опустыненная саванна в центре и на востоке Раджастана, где сухой период длится 6—8 месяцев, а сумма годовых осадков достигает 500 мм, что обеспечивает высокий травостой; 3) злаковая и кустарниковая саванна на Деканском плоскогорье с годовыми осадками 700—1200 мм и сухим периодом 5—7 месяцев; 4) возвышенные плато, где осадки превышают 1200 мм в год, что обеспечивает кустарниковую и древесную растительность парковых саванн с пышным травостоем, выжигаемым ежегодно в сухой период в процессе подсечно-огневого земледелия [UNESCO, 1979, с. 33].

Высокая плотность сельского населения в Индии (169 чело-

век на 1 кв. км, 1982 г.), а также огромное поголовье крупного рогатого скота являются причинами того, что пастбища, которыми служат обычно пустоши, сильно перегружены. Например, в штате Уттар-Прадеш на одну голову скота приходится менее 0,1 га. Имея самое большое в мире поголовье крупного рогатого скота, индийцы почти не едят мяса; корова считается священным животным, ее экономическая ценность незначительна. Главные продукты питания — растительного происхождения (на востоке Индии — рис, на западе — пшеница, бобы). Подавляющее большинство индийцев живет оседло. К неоседлому населению относятся кочевники-скотоводы, земледельцы горных районов, сочетающие подсечно-огневое земледелие с отгонным скотоводством, с охотой и собирательством, а также бродячие группы с несельскохозяйственными занятиями (кузнецы, мелкие торговцы, фокусники и т. п.). Точные данные о численности этих групп населения Индии отсутствуют. По нашей оценке, общая численность неоседлого населения превышает 3,5 млн. человек. А. Бозе приводит данные переписи 1961 г.: имелось свыше 3,1 млн. владельцев стад, живших главным образом за счет эксплуатации домашних животных [Bose, 1975, с. 2]. По его мнению, примерно восьмая часть этого населения может рассматриваться как кочевники-скотоводы. На западе Раджастан скотоводы составляли в 1961 г. свыше половины населения. Они проводили в сезонных передвижениях 4—6 месяцев в году. Около трети хозяев совершали перекочевки на протяжении 1—3 месяцев. Примечательно, что подавляющее большинство этих хозяйств (93,2%) было так или иначе связано с земледелием. Скотоводство у них носило преимущественно пастушеский характер. Как отметил А. Бозе женщины, дети и старики нередко не кочуют со скотом. Скот выпасают молодые пастухи на возвышенных местах [Bose, 1975, с. 3—8].

Исследователи скотоводства Индии выделяют оседлое скотоводство; трансюманс (отгонное скотоводство); пастбищное скотоводство. К оседлым скотоводам относятся касты пастухов ахир, гоала, гуда, гавли, калари и др. [PNSA, с. 210, 226]. Они широко расселены среди оседло-земледельческого населения Индии.

К скотоводам типа «трансюманс» относятся гадди. Основным занятием гадди, которых насчитывается 0,7 млн., является разведение овец и коз, а также лесной промысел. В апреле—мае многие хозяйства гадди откочевывают из окрестностей Киштвара и Бхадарваха в Чаму и вверх по р. Ченба на пастбища Лахула, а в сентябре—октябре возвращаются на зимовки, где заготавливают лес и сплавляют его по р. Ченба. Образ жизни их переменнно-оседлый [Народы Южной Азии, 1963, с. 366—367].

На севере Индии заметную группу скотоводов с отгонным и отчасти кочевым пастбищным скотоводством составляют кроме

гадди народы Джамму и Кашмира: гуджары, кохистанцы и некоторые другие. Гуджары более подвижны, чем гадди. Часть гуджаров — оседлые земледельцы. Большинство ведет полукочевое и кочевое скотоводческое хозяйство. У них преобладает крупный рогатый скот, в том числе буйволы. Каждую весну они направляются со своими стадами на горные пастбища, расположенные у границы хвойных лесов. Их образ жизни оседло-кочевой и переменнo-оседлый.

В долине Инда, южнее Ясиня и Гилгита, на территории Северо-Восточного Пакистана обитают кохистанцы. Они сохранили родо-племенную структуру и не образуют единого этнического целого. Основное занятие пакистанцев — отгонное и полукочевое скотоводство.

В высокогорной зоне между Гималаями и хребтом Кунь-лунь, в местности Ладак, в редкoзаселенной зоне Джамму и Кашмир, живут скотоводы-полукочевники чампа (чанг-па). Они разводят овец и коз. До недавнего времени были основными поставщиками высококачественной шерсти для кашмирских ткачей. Высокогорные почвы в Ладаке позволяют выращивать некоторые культуры, и скотоводство играет важную роль в хозяйстве [Народы Южной Азии, 1963, с. 370]. Образ жизни чампа переменнo-оседлый и оседло-кочевой.

Пастушеское отгонное скотоводство характерно для населения Кашмира. Кашмирцы — земледельцы и ремесленники отправляют овец и коз на горные пастбища с пастухами. За выпас пастухи получают плату натурой — зерном, шерстью и т. п.

В соседних с Индией странах — Непале и Бутане, расположенных в зоне высочайшей в мире горной системы Гималаев, обитают многие скотоводческо-земледельческие народы, сохраняющие частичную сезонную подвижность. Это часть бхотиев Бутана, а также часть неваров, магаров, лимбу, бура, рухха и др. В Непале магары (0,4 млн.) населяют районы к западу от долины Катманду. Часть магаров — так называемые гхарти разводят в горных долинах крупный рогатый скот, яков и цзо (помесь яка и коровы), а также овец и коз. Животные почти круглый год находятся на подножном корму и только в холодные зимы укрываются в нижних этажах каменных жилищ. Летом скот отгоняют на альпийские луга на высоту до 5000 м. Подобный переменнo-оседлый образ жизни характерен частично и для соседей магаров — народов гурунги, кирати, сунваров, таманги, бхотиев.

Большим своеобразием выделяется скотоводческий народ гор Нилгира — тода. Он отличается от соседних дравидийских племен и народов. Тода разводят крупный рогатый скот и продают молоко и молочные продукты своим соседям или меняют их на зерно. Все попытки правительства приучить их к земледелию пока безуспешны. Живут тода в небольших деревнях, насчитывающих от 2 до 6 хижин, представляющих собой арко-

образное, прямоугольное в плане жилище, крыша которого доходит до земли. Каждый род тогда имеет несколько таких поселений, расположенных на пастбищах. В течение года они переходят из одного селения в другое в зависимости от сезонных перегонов скота. У тогда скот и пастбище находятся в собственности родовых групп, но уже наметилось имущественное неравенство. Наследование патрилинейно. В семейных отношениях у тогда преобладает полиандрия. Их образ жизни переменнo-оседлый. Весьма подвижно, несельскохозяйственное население с полубродячим или полуоседлым образом жизни, например банджары, которые являются одним из племен индийских бродячих цыган. Они кузнецы и торговцы быками. С марта по май банджары занимаются кузнечеством, а после сбора урожая запасаются зерном и передвигаются к зимним стойбищам, расположенным вблизи от рынков скота. Зимой они вновь возвращаются к кузнечеству и рассредоточиваются небольшими группами. Банджары занимают в индусской кастовой стратификации одно из низких мест. Кроме кузнечества они зарабатывают средства к существованию танцами, пением, перекупкой скота и лесным промыслом [Гусева, 1976, с. 212; PNSA, с. 247].

На более низком уровне социально-экономического развития, чем скотоводческо-земледельческие народы Индии, находятся небольшие народы Центрального Индийского нагорья, хозяйственная деятельность которых еще сравнительно недавно была основана почти исключительно на собирательстве и охоте. Теперь они разводят мелкий рогатый скот. Мэрдок приводит следующие народы: ченчу, корва, бирхор, ирула, курумба, кадар, палийян, малапандарам, аллар, арандан и др. [Murdock, 1968, с. 16].

В горах Нилгира живут курумба, которые занимаются разведением овец, собирательством и охотой на склонах гор, а также плетением корзин, изготовлением музыкальных инструментов. Для них характерна частичная сезонная подвижность отдельных групп.

Этнографические и экологические исследования П. М. Гардинера в 1962—1968 гг. образа жизни палийян показали большую устойчивость их традиционных занятий — собирательства и охоты [Gardiner, 1972, с. 404—442]. Они говорят на диалекте тамильского языка. Образ жизни их подвижен, и с соседями — оседлыми земледельцами палийян связывает только ограниченная торговля. Правда, в последние годы плантации индийцев внедрились в их территорию и некоторые палийян работают на них как наемные рабочие. Однако значительная часть еще ведет традиционный образ жизни. Нижние склоны гор, где они живут, покрыты колючим кустарником, акациями. Здесь растет несколько видов дикого ямса, составляющего главный источник пищи. Весьма обильны дикие фруктовые, дающие плоды в мае—июне. Листья, стебли, кора и да-

же корни употребляются в пищу после соответствующей обработки [Gardiner, 1972, с. 412—413].

Выше сухой зоны в горах начинается субтропическая растительность — парковые леса с густой растительностью только у водных источников. Еще выше на хорошо увлажняемых муссонными дождями склонах растут саговая и финиковая пальмы.

Дикий ямс составляет 70—80% пищи собирателей. Кроме того, они едят дикие фрукты, ягоды, орехи, во время дождей потребляют вареные листья мимозы, так как в это время невозможно добывать ямс. Подспорьем в питании служат дичь и рыба, которую ловят с помощью каменных заград в горных ручьях. Орудиями труда собирателей являются палка-копалка и нож-резак. Некоторые группы палийян ведут бродячий образ жизни до 10 месяцев в году, ночуя один или два раза в скальных укрытиях. Бродячие палийян строят хижины только на период дождей. Значительная часть палийян теперь, однако, живет оседло, они сооружают деревянные хижины, обмазывая их глиной. Между полностью оседлыми и бродячими группами можно проследить ряд переходных форм, что отражается в типах жилищ и характере сезонной подвижности [Gardiner, 1972, с. 415].

Особенности охотничьего и собирательского хозяйства ограничивают объединение семей в одном селении, однако во время загонной охоты на диких свиней или оленей эти объединения довольно крупны.

Современная плотность населения на этнической территории палийян — 3—4 человека на 1 кв. км. Группы охотников и собирателей по 15—30 человек непрерывно находятся в движении. В большом поселении из 60 человек более половины связаны родственными узами.

Положение палийян из года в год осложняется. Усиливается давление на лесные ресурсы, которые истощаются, сокращаются и водные ресурсы: увеличивается площадь плантаций в лесной зоне. Все это ведет к более интенсивным контактам охотников и собирателей с земледельцами-тамилами. Правительством проводится работа по созданию школ, больниц и антималярийных станций [Gardiner, 1972, с. 442].

Такова участь и других представителей этого отживающего свой век хозяйственно-культурного типа. На плато Чхота Нагпур в Центральной Индии живет небольшая группа охотников и собирателей бирхор [Sinha, 1972]. Они уже несколько столетий поддерживают тесный культурный контакт с земледельцами. Язык бирхор относится к языковой семье мунда. Большинство бирхор двуязычны и говорят также на хинди. Леса, где живут бирхор, богаты дичью. Бирхор охотятся летом и осенью на обезьян, в течение зимы и весны объектами охоты служат дикобразы, зайцы, крысы и т. п. Дикорастущие съедобные растения — важный продукт питания. Бирхор образуют небольшие локальные патрилинейные группы, каждая из которых на-

считывает 35—75 человек. Они славятся не только как искусные охотники, но и как мастера по изготовлению веревок (слово продукцию бирхор теперь продают на рынках [Sinha, 1972, с. 371—375]). Их образ жизни оседло-бродячий.

Близок к палиян небольшой народ кадары, обитатели гор Кочина. Их около 2 тыс. человек. Кадары отличаются антропологическим типом и хозяйственно-культурными особенностями от окружающих земледельческих народов. Кадары обитают в глубине леса. Их хозяйственная деятельность связана со сбором меда, воска и многих других лесных продуктов. Кадары хорошие охотники и рыболовы. Часть кадаров перешла к земледелию и разводит домашний скот.

Другая этническая группа этого района — эрнадан — не имеет постоянных жилищ, сохраняет образ жизни бродячих собирателей и охотников. Эрнадан почти весь год передвигаются в горах, лишь изредка спускаясь в долины. Они славятся как мастера по изготовлению крепких веревок для слонов [Народы Южной Азии, 1963, с. 651—652]. Образ жизни эрнадан бродяче-оседлый.

Среди крупного дравидоязычного народа телугу в Южной Индии в горах Амрабада сохранился небольшой народ ченчу (0,5 тыс. человек). Антропологически и в культурном отношении они отличаются от своих соседей — земледельцев-телугу [Füger-Hainendorf, 1943]. До недавнего времени главными занятиями горных ченчу были собирательство и охота на мелкую дичь с луком и стрелами. Часть продуктов (фрукты, мед, цветы некоторых растений, из которых готовят хмельной напиток) ченчу меняют в деревнях телугу на ножи, украшения. Теперь значительная часть их занимается разведением бахчевых культур. Они живут в деревнях в небольших круглых, плетенных из ветвей хижинах, а в сезон охоты и собирательства сооружают временные укрытия и шалаши.

Пережитки «присваивающих» форм хозяйственной деятельности зафиксированы у многих народов Индии, в частности у бхилов, обитающих в горных районах Центрального Индийского нагорья [Семашко, 1975]. В труднодоступных лесах гористых районов еще продолжают сохраняться наиболее традиционные формы их хозяйства и культуры, а также связанные с ними формы сезонной подвижности. Собирательство, носившее когда-то исключительно натуральный характер, постепенно приобретает товарное значение. Оно связано с сезонным передвижением. Бхилы занимаются плужным земледелием и отчасти скотоводством, разводят коров, быков зебу, буйволов. Сезон собирательства начинается у них в апреле, когда собирают и сушат цветы махуа, делают из них муку, которую используют в пищу в голодный дождливый сезон. В конце мая поспевают стручки — плоды махуа. Их тоже сушат и готовят из них масло. Затем начинается сбор листьев дерева тимру, которые бхилы продают скупщикам в сушеном виде.

Бхилы собирают в лесу плоды манго, хурмы и других съедобных растений, семена ченпя, листья кансас и мока. Немалое значение в их пищевых ресурсах играют мед диких пчел, добытая на охоте дичь, рыба [Семашко, 1975, с. 60—66]. Охота ведется с помощью лука и стрел; известны различные ловушки. Бхилы теперь живут оседло в небольших лесных поселениях. В недавнем прошлом подсечно-огневые формы земледелия обуславливали временные перемещения отдельных хозяйств. Интересы охоты, собирательства и другие лесные промыслы заставляют часть бхиллов проводить 1—2 месяца в году вдали от дома. Их образ жизни оседлый с сезонной миграцией части населения.

На острове Шри-Ланка обитают ведды, древние жители этой страны. Часть из них — лесные ведды до сих пор занимаются преимущественно собирательством и охотой, а деревенские ведды, ассимилированные сингалами и тамилами, занимаются земледелием. Ведды говорят на диалекте сингальского языка.

Площадь острова Шри-Ланка — 65,6 тыс. кв. км. Плотность населения превышает 231 человек на 1 кв. км, однако в лесной зоне, где живут ведды, она значительно ниже. Большая часть острова покрыта плантациями, рисовыми полями, рощами арековых пальм. В центре острова — тропические джунгли, что обусловлено обилием выпадающих здесь осадков (свыше 2000 мм). В горах сухой сезон продолжается 1 месяц, а на равнинах севера — 8 месяцев. Поэтому здесь еще в глубокой древности получило развитие искусственное орошение.

Причину того, что ведды до наших дней сохранили архаичные формы хозяйства и культуры, надо искать как в исторических условиях жизни этого населения, так и в особенностях окружающей среды. Во всяком случае, в наши дни процесс ассимиляции идет быстро, чему способствует переход к оседлому земледелию [Spittel, 1945, с. 18].

Лесных, бродячих веддов теперь сохранилось не более 800 человек. Они живут в пещерах и гротах возвышенных районов острова, где растет густой тропический лес, время от времени переходя из одного грота в другой [Кочнев, 1959, с. 95—97]. На временных стойбищах они сооружают шалаши из кустарника и листьев пальм, а чаще располагаются в тени многоэтажной тропической растительности [ТТСЖ, 1981, с. 241]. Члены каждой небольшой группы обладают равными правами охоты на территории расселения, сбора фруктов и меда, рыбной ловли. Охотятся лесные ведды обычно группами, состоящими из 2—5 семей. Их образ жизни бродяче-оседлый, оседло-бродячий и переменнo-оседлый, поскольку они часто меняют места своих временных поселений, имея при этом относительно постоянное сельбище в виде пещер или гротов [Ray, 1961].

Много архаических черт в культуре и образе жизни сохраняло и аборигенное население Андаманских островов, большая

часть которого теперь вымерла или ассимилирована переселенцами с материка. Этнографы выделяли там две основные группы: северную (куда входили все племена Северного и Среднего Андамана и береговые племена Южного Андамана) и южную, которую составляли племена джарава, онге и др. По своим хозяйственно-культурным особенностям аборигены делились на береговых и лесных [Radcliffe-Brown, 1948]. Береговые занимались в основном добычей морских черепах, сбором моллюсков и ловлей рыбы. Они часто перемещались на лодках, сообразуясь с движением косяков рыбы. Их жилищем были небольшие шалаши. Образ жизни береговых андаманцев был бродяче-оседлый, оседло-бродячий. Лесные племена вели более оседлый образ жизни, хотя добывали пищу охотой на диких свиней и более мелких животных; они занимались и собирательством. Лесные андаманцы сооружали в селении большой общий дом конической формы; в период охоты вдали от деревни, в лесу строились временные заслоны от ветра из пальмовых листьев. Их образ жизни был переменно-оседлый и оседло-бродячий.

Юго-Восточная Азия

В отличие от Юго-Западной и Южной Азии, где сохранились значительные группы неоседлого скотоводческого населения, Юго-Восточная Азия почти не знает пастушеского скотоводства. Неоседлое население здесь немногочисленно и представлено редкими группами охотников и собирателей, а также «морскими кочевниками». Из общей численности населения в 373 млн. (1982) только 800 тыс. (главным образом в Индонезии и Малайзии) сохраняют в той или иной степени подвижный образ жизни.

Страны Юго-Восточной Азии охватывают огромный островной мир Малайского архипелага и материковую часть — полуостров Индокитай [Добби, 1952]. Вся область, раскинувшаяся с севера на юг на 44 тыс. км, с запада на восток на 3,5 тыс. км, лежит по обе стороны экватора и целиком входит в пояс жаркого климата. С севера на юг тянутся длинные молодые горные хребты Индокитайского полуострова. Между горами лежат обширные плоскогорья и низменные равнины. Их пересекают крупные реки, стекающие с восточных окраин Гималаев и Тибетского нагорья, — Иравади, Салуин, Меконг и многие другие. Их долины по мере приближения к морю расширяются и переходят в обширные, местами заболоченные низменности. Естественные ландшафты на равнинах преобразованы в рисовые поля, плантации, сады. Большая часть территории отличается обильным осадков, составляющих здесь 2000 мм в год, хотя есть области и с более высоким количеством — до 5000 мм. Среднесуточная температура воздуха круглый год отклоняется только на 5--6° от средних цифр 25—27° тепла. Севернее в странах Индокитая четко выражены два годовых сезона — дождливый

и сухой; количество осадков варьирует от 2000 до 1000 мм в год. Меньше всего их выпадает во внутренних, замкнутых горам равнинах и плоскогорьях, где распространены сухие редкостойные леса и саванны. Там, где осадки обильны, растут субэкваториальные, а на крайнем юге — экваториальные вечнозеленые леса. Местами деревья достигают 60 м высоты. Они возвышаются над основной массой древесной растительности, образуя на высоте 20 м сплошную зеленую завесу. Здесь царит полумрак и температура воздуха на 12—13° ниже, чем наверху. Леса Азии отличаются исключительным богатством видов. Низменные и заболоченные берега океана и морей покрыты мангровыми зарослями. На возвышенных равнинах господствуют многоярусные влажнотропические леса. В зоне с четко выраженным засушливым сезоном, особенно в континентальной части региона, распространены муссонные листопадные леса, которые в сухой сезон сбрасывают листву. Площадь лесов в странах Юго-Восточной Азии сокращается из года в год вследствие использования подсечно-огневой системы земледелия и хищнической вырубki ценных пород — железного, черного, сандалового, тикового деревьев.

Огромный островной мир Малайского архипелага богат как зелеными растительными и животными, так и морскими пищевыми ресурсами. Здесь рыба и различные продукты моря составляют важнейшую часть рациона питания жителей.

Начиная с мезолита вдоль морских берегов Индийского и Тихого океанов в лабиринтах коралловых островов и мангровых отмелей развивался особый хозяйственно-культурный тип подвижных и полвоседлых собирателей, рыболовов и охотников морских побережий. Их теперь называют «морские кочевники». Представителями этого древнего ХКТ являются, например, мокены, рыболовы и приморские собиратели архипелага Мергуи на юге Бирмы [Народы Юго-Восточной Азии, 1966, с. 290, 367]. Бирманцы называют их «селуны», сиамцы — «чаоле» («люди воды»). Самоназвание мокоенов происходит, по-видимому, от слов «океан» («соленая вода») и «мо» («нырять»). Во всяком случае, мокены прекрасно плавают, легко ныряют в поисках жемчуга и трепангов. Численность мокоенов превышала в 1939 г. 5 тыс. человек [Sopher, 1965, с. 170]. Они подразделяются на следующие островные группы: тевои, даунг, бентинг, оуен, лаугбороу, селливан, группу на островах Св. Матвея и Св. Луки. Язык их принадлежит к индонезийской группе.

Годовой хозяйственный цикл у мокоенов связан с двумя главными сезонами. В период муссонных дождей, с мая по октябрь, они живут на суше в небольших свайных жилищах из бамбука или в вытасненных на берег лодках. В мангровых зарослях, обнажающихся в период отлива, женщины и дети собирают моллюсков и крабов. Женщины собирают также съедобные растения, плоды диких фруктовых деревьев, а также ядовитое крахмалистое растение иньям, которое после варки делается съедоб-

ным Мужчины в это время охотятся на диких свиней в прибрежных экваториальных лесах. С началом сухого периода они переселяются в лодки и перемещаются от острова к острову, не останавливаясь на продолжительное время на одном месте. Они ловят рыбу у скалистых островков, используя для этой цели острогу, собирают червей и моллюсков на песчаных отмелях, ищут на дне моря у коралловых рифов жемчуг, который потом продают в селениях. Важным продуктом питания является вареная и сушенная на солнце рыба, в частности несколько видов больших скатов, для ловли которых объединяются в группы. На рыбную ловлю выходят в море на узких, выдолбленных из дерева челнах длиной до 8 м с бамбуковой крышей, крытой пальмовыми листьями. Передвижения их между островами в известной степени ограничены традиционными территориями, закрепленными за группой в 7—10 семейных лодок. В этих передвижениях по архипелагу Мергуи преобладают сезонные миграции широтного направления: от материка к островам и обратно. Движения с севера на юг более ограничены, так как каждая группа имеет селения на материке и занимает группу островков, где ловит рыбу. Селение состоит из близких родственников. На каждой лодке есть очаг, сложенный из камней. Мокены продают торговцам жемчуг, трепангов и т. п. Самы они покупают соль, рис и другие продукты.

Некоторая часть моконов осела на берегу материка и ассимилирована малайцами, однако большая часть продолжает неоседлый, сезонно-подвижный образ жизни, который можно определить как оседло-бродячий, так как он представляет собой сочетание оседлой жизни на берегу в дождливый сезон с большой подвижностью в прибрежных водах Андаманского моря в остальное время года [Народы Юго-Восточной Азии, 1966, с. 290].

На многочисленных островах между Малайским полуостровом и Суматрой живет другая группа «морских кочевников», известных под общим названием «оранг-лаут» («морские люди») [Larip, 1979, с. 216—217]. Наиболее многочисленны оранг-баджау (баджао, баджава), обитающие на островах Риау и Линга, а также у побережья Восточного Калимантана, встречаются они и по берегам островов Сулавеси, Бачана (рис. 24). К ним близки на островах Анамбес оранг-песукуаны, сохранившие родо-племенное деление. Самоназвания отдельных групп оранг-лаутов различны. На о-ве Сингкеп живут оранг-бароки, на побережье Восточной Суматры, между реками Ретех и Кампар, — оранг-куала. Существует еще целый ряд отдельных групп со своими названиями, широко разбросанных по морским побережьям островов Малайского архипелага. Это мантанги на о-ве Линга, тамбусы на о-ве Каримун, сеахи (сангкаи) на Лепарских островах и др. [Народы Юго-Восточной Азии, 1966, с. 535; Sopher, 1965].

Большинство оранг-лаутов двуязычно. Они говорят и на

родном языке, принадлежащем к индонезийской группе, и на языке того народа, близ территории которого ведут свое хозяйство рыболовов и собирателей. Так, баджау с островов у Восточной Суматры говорят по-малайски. Часть баджау, которые встречаются во многих районах Малайского архипелага, осела [Waggen, 1980, с. 227]. Известны баджау на северо-западе Борнео, где их называют «оранг-сама». Они живут на побережье в свайных деревнях и сохраняют известный интерес к рыбной ловле, хотя главное их занятие — рисоводство, культивирование бананов и сахарного тростника и т. п. [Sopher, 1965, с. 137—138].

Значительную часть года бродячие или морские баджау проводят на воде в лодках или на пlogах. Хозяева нескольких лодок обычно объединяются в небольшие группы, ловят рыбу и охотятся вместе.

Оранг-лауты — знатоки моря, отличные рыболовы. Они ловят рыбу с помощью различных сетей, плетеных ловушек, заград; бьют рыбу копьями, острой ночью при свете факелов, добывают со дна морского трепанга, устриц и жемчуг [Sopher, 1965, с. 218]. В дождливый сезон оранг-лауты пристаю к берегу, собирают на песчаных отмелях устриц, червяков, а в лесу охотятся на мелких животных и птиц. В лесах они добывают яды для ловли рыбы, а также съедобные дикие растения — дикий ямс, фрукты. Им приходится покупать рис, саго и кассаву у земледельцев, продавая панцири черепах, птичьи гнезда, жемчуг. В последнее время существенным промыслом является заготовка древесины в манграх и продажа ее в оседлых поселениях. Образ жизни оранг-лаутов может быть определен широко — от бродячего до оседло-бродячего.

Значительное время года проводит в лодках и исламизированная часть народа дусун — так называемые оранг-сунгей, обитающие на западном побережье Сабаха. Хозяйственно-культурные навыки приморских рыболовов и собирателей развиты у обитателей архипелага Сулу на юге Филиппинских островов. Часть сулу в XIX в. переселилась на восточный берег Сабаха. Их называют там «сулу-самаль» или «самаль-лаут» [Sopher, 1965, с. 139—141].

На самом востоке Малайского архипелага размещаются Молуккские острова, население которых в значительной степени сохранило своеобразные переходные формы хозяйственной деятельности, основанной на добывании древесной саговой пальмы, являющейся на некоторых островах главным продуктом питания [Членов, 1976, с. 63—79]. Саговая пальма широко распространена по всему Малайскому архипелагу, но только на Молуккских островах хорошо сохранились густые экваториальные леса, и саговая пальма здесь широко используется населением. Она не требует искусственного выращивания и особого ухода. Примерно на 7—9-м году жизни дерево срубают, распиливают и вырезают сердцевину темно-розового цвета. Ее

промывают и из сагового крахмала готовят различные блюда [Членов, 1976, с. 64—65]. Крахмала, получаемого из одного дерева, достаточно для пропитания человека на год. Потратив на обработку ствола 2—3 дня, двое мужчин добывают от 3 до 5 ц сагового крахмала, что представляет собой разительный контраст с постоянным изнурительным трудом крестьянина на рисовом поле. Остальное время обитатели островов занимаются огородничеством. Экспедиции за саго регулярны, но не часты. Их совершают жители островов Ару, Амбони, Серам, Буру, Сула, отчасти Хальмахера. По образу жизни это население оседлое, мигрирует, и то редко, только небольшая его часть. К неоседлому населению «рубшиков саго» можно причислить лишь условно.

На гораздо более низком уровне социального и культурного развития находятся небольшие народы — бродячие охотники и собиратели материковой зоны Юго-Восточной Азии, а также некоторые крупные острова Малайского архипелага. Это мрабри в Таиланде, кубу на Суматре, аэта на островах Лусон, Панай, Негрос, Палаван (на Минданао аэта называют ати), это отчасти семанги и сенои Малаккского полуострова и некоторые другие.

Мрабри, или юмбри (известны и другие названия — «питонг-луанг», «клон-па»), были обнаружены этнографами в 1962—1963 гг. Их численность не превышает 600 человек. Говорят мрабри на языке мон-кхмерской языковой семьи. По данным ученых, мрабри — самые отсталые из всех народов Юго-Восточной Азии [Veldel, 1963, с. 185—188]. Они бродят в поисках пропитания в экваториальных лесах северо-восточных горных областей плато Корат, где берут свое начало реки Намва, Мейом и др. С земледелием они незнакомы. Их хозяйственная деятельность ограничена собирательством и охотой в лесу, рыболовство играет второстепенную роль. Мужчины охотятся на мелкую дичь, крыс, змей. Их оружием служат большие ножи и копья. Лук и стрелы неизвестны мрабри. Женщины и дети собирают молодые побеги бамбука, дикий ямс, фрукты, орехи, мед диких пчел и т. п.

На плато Корат четко выражен сухой период и в растительности преобладает низкорослый муссонный лес. Он состоит из различных видов бамбука, колючих кустарников и лиан. В дождливое время эти леса напоминают влажные экваториальные леса с пышной зеленью, но в сухое время листва опадает и лес оголяется. Бамбук дает обитателям леса многое: молодые побеги едят, из стволов делают оружие, посуду, жилище. Передвижения мрабри в известной степени связаны с сезонными изменениями растительности. Обычно они объединены в небольшие группы по 8—10 человек, которые передвигаются в пределах определенной территории. Жилищем им служат ветровые заслоны, сплетенные из кустарника с широкими листьями. Только несколько раз в году мрабри вступают в

контакт с земледельцами лао или мяо для обмена. Образ жизни мрабри бродячий и бродяче-оседлый. Более или менее постоянные стойбища у них редки (обычно раз в год) и не превышают 3 месяцев [Velder, 1963, с. 185—188].

К мрабри близки по образу жизни обитатели внутренних горных районов п-ова Малакка, которых малайцы называют «оранг-утан» — «лесные люди». Это древние аборигены полуострова: семанги, сенои и джакуны. Они различаются по своему физическому типу, происхождению и культурно-бытовым особенностям, хотя в недавнем прошлом принадлежали к одному ХКТ собирателей и охотников лесов жаркого пояса. В антропологическом отношении низкорослые семанги относятся к негритосскому типу австралоидной большой расы, а сенои — к веддоидному. Их средний рост не превышает 1,5 м. У джакунов выражены южномонголоидные черты [Народы Юго-Восточной Азии, 1966, с. 390].

Семанги насчитывают теперь около 5 тыс. человек [Lebar, 1964, с. 182]. Они обитают на Малаккском полуострове, по западным склонам Центрального хребта; на восточном склоне их называют «панганы». Отдельные группы семангов живут в Паханге, около 2 тыс. человек обитает в соседних районах Таиланда.

Природная среда здесь на протяжении многих тысячелетий благоприятствовала хозяйству собирателей и охотников. Многогоярусные влажнотропические вечнозеленые леса богаты дикорастущими полезными растениями. Это дикий ямс, бананы, папайя, мангустан, хлебное дерево и др. До 20-х годов нашего века семанги не были знакомы с земледелием и занимались исключительно собирательством ягод, орехов, молодых побегов, корнеплодов, особенно дикого ямса, а также охотой на мелких животных и птиц. Семанги знали свою ограниченную в пространстве лесную территорию, где передвигались от места к месту, не задерживаясь на одном стойбище более 3—4 дней. Источники питания ограничивают размеры бродячей группы собирателей, которая не превышает 20—30 человек [Forde, 1963, с. 12]. Эти группы в значительной мере изолированы друг от друга. В каждой локальной группе женщины и дети ежедневно отправляются на сбор и добычу пропитания. Мужчины охотятся, используя лук и стрелы, сооружая ловушки, силки, петли из ветвей кустарника и бамбука. Жилищем семангам служит ветровой заслон — навес, плетенный из пальмовых листьев. Нередко они устраивают полусферическую хижину из воткнутых в землю ветвей, используя гибкие лианы, тонкие жерди, листья и т. п. Некоторые оседлые семанги строят свайные жилища [ГТСЖ, 1979, с. 65, 89].

В последние десятилетия у семангов получило развитие полесечно огневое примитивное земледелие. На удобренной золой почве они высевают просо, маниок, батат, суходольный рис. Большим подспорьем в питании является сбор плодов диких

деревьев. В период созревания плодов группы на короткое время объединяются. Тогда стойбище состоит из 10—15 навесов, расположенных по кругу.

Образ жизни семангов бродячий и бродяче-оседлый (последний у групп, перешедших к земледелию).

Сенон живут в Малайзии по соседству с семангами. Их численность в 60-е годы нашего века достигала 30 тыс. человек [Лебаг, 1964, с. 186]. Они в большей степени, чем семанги, перешли на оседло-земледельческий образ жизни. Сенон включают ряд этнических групп: семан, сисеки, семелаи, темиар и др. Как и семанги, сенон говорят на мон-кхмерских языках. Основные районы их расселения — Паханг (к северо-востоку от оз. Дампар), Перак (вблизи Кампара) и пограничные районы Келантана [Народы Юго-Восточной Азии, 1966, с. 389]. Сенон населяют более низкие зоны холмов и залесенных долин. Жилищем им служат свайные дома. Теперь преобладают селения из 2—3 домов близких родственников, а в прошлом они имели длинные общинные дома. Сенон занимаются подсечно-огневым земледелием, возделывают рис, просо, маниок, бананы. Сохраняют свое значение у них собирательство и охота с помощью духовой трубки. Образ жизни сеноев можно охарактеризовать как оседло-бродячий.

Подобный образ жизни в известной степени сохранили во Вьетнаме некоторые горные народы, населяющие труднодоступные районы влажного тропического леса в пров. Куангбинь. Это тит во Вьетнаме и кхо намом в Лаосе. Тит состоят из отдельных этнических групп: рук, арем, малиенг, шать. Численность их во Вьетнаме — 1,5 тыс. человек, в Лаосе — 200 человек. Говорят они на языках вьетской группы. Самоназвания «рук», «арем» переводятся как «пещера», «грот». Они изучались вьетнамскими этнографами в 70-х годах нашего века. Ученые установили, что часть этих народов еще ведет бродячий и полуоседлый образ жизни [Мак-Дыонг, 1972, с. 129].

Дожливый период, совпадающий здесь с летними месяцами, охотники и собиратели проводят на склонах гор в пещерах. Их главные занятия в это время — рыбная ловля, сбор в ручьях съедобных моллюсков и крупных улиток. Рыбу добывают с помощью арбалетов и копий. Иногда ее глушат, используя яд дерева до-тхо или кай-тао. В остальное время года обитатели пещер охотятся и собирают съедобные растения, используя в пищу мясо обезьян, дикорастущий ямс, две разновидности саговой пальмы, плоды фруктовых деревьев. Саговую пальму срубают и разделяют на чурбачки, которые сушат, а потом толкут. Из плодов некоторых деревьев добывают масло. Собирательство играет в их жизни важнейшую роль. Обитатели одной пещеры представляют хозяйственные и отчасти родственные коллективы. С основной группой родственников живут не только женщины, пришедшие в род мужа, но и чужаки.

В настоящее время в условиях социалистического Вьетнама

все эти народы начинают переходить к оседлости и подсечно-огневому земледелию [Мак-Дыонг, 1972, с. 132]. Однако охота и собирательство еще играют у них определенную роль. В прошлом их образ жизни был исключительно оседло-бродячий; теперь можно говорить об оседло-бродячем и переменнососедлом образе жизни, а также о годовой оседлости с сезонными миграциями части населения.

В Лаосе группа кхо намом обитает вдоль р. Ом в пров. Саваннакхет. Время дождей они проводят в свайных домах, занимаются подсечно-огневым ручным земледелием. Но в сухое время года их образ жизни подвижный. Тогда жилищем им служат временные укрытия. На одном месте они находятся не дольше одного месяца, охотясь с помощью арбалета и отравленных стрел на мелкую дичь. В это время кхо намом собирают древесину саговой пальмы, плоды диких фруктовых деревьев, корнеплоды, насекомых. Образ жизни этой группы оседло-бродячий и переменнососедлый.

В глухих влажнотропических лесах Суматры и на некоторых соседних островах еще сохранились отдельные группы бродячих и полуседлых племен. Здесь выпадает до 4000—6000 мм осадков в год и растительность вегетирует круглый год. В многоярусном лесу внизу растут древовидные папоротники и низкорослые пальмы, бамбуки, фикусы, выше поднимаются деревья самых различных видов. Все покрыто лианами и эпифитами [Вальтер, 1968, с. 99—106]. Несмотря на обилие растительности и высокого годовичного прироста фитобиомассы (3000 ц/га), ресурсы для жизни племен с «присваивающими» формами хозяйства здесь ограничены [Ковда, 1971, с. 34]. Оказавшись в изоляции, люди не могли достигнуть более высокого уровня экономического и социального развития. К этим племенам относятся веддоидные кубу, обитающие в лесах Юго-Восточной Суматры, батины (сакаи) в верховьях р. Мандау и на среднем течении Роканкири на Восточной Суматре, соседние с ними таланги, а также мамаки, улу, лубу, бенуа (с о-ва Линга), рыболовы-акиты, живущие по рекам Мандау и Сиак [Народы Юго-Восточной Азии, 1966, с. 534]. Все эти разрозненные лесные группы на Суматре объединяются под общим названием «кубу». Их общая численность — свыше 30 тыс. человек, в том числе собственно кубу — около 2 тыс. Говорят кубу на диалектах восточносуматранского малайского языка. Те из них, которые под влиянием малайцев перешли к оседлому земледелию, восприняли многие элементы малайской культуры и язык. Бродячие кубу продолжают традиции собирателей и охотников [Маретин, 1972, с. 31]. Собирательством занимаются женщины, дети и мужчины. Орудиями труда служат палка-копалка, бамбуковое копье, простейшие ловушки и силки; в последнее время получили распространение металлические ножи, наконечники для копий. Кубу используют бамбук, из которого строят жилища, делают орудия и оружие, посуду [Hagen, 1908].

Пищей кубу служат съедобные продукты влажнотропического леса: молодые побеги бамбука, листья некоторых видов деревьев, корни, клубни дикого ямса, плоды диких фруктовых деревьев, ягоды, орехи. Едят насекомых и их личинки, гусениц, ящериц, змей, птичьи яйца. Продукты рыбной ловли и охоты играют второстепенную роль [Фольц, 1935, с. 70].

Бродячие кубу не проводят на одном месте более нескольких дней. На ночь они сооружают навесы или шалаши, иногда спят на деревьях. Полуоседлые кубу имеют свайные хижины без стен, покрытые листьями пальм [ТТСЖ, 1979, с. 111].

Ограниченность природных ресурсов при данном уровне экономического и культурного развития создает пределы объединения хозяйственных и родственных коллективов, а также способствует их нестабильности [Маретин, 1972, с. 95]. Так, в благоприятное время численность локальной группы кубу не превышает 20—30 человек. В. Фольц отмечает, что первая встреченная им группа бродячих кубу состояла из пяти человек: двух братьев, двух их сестер и их матери [Фольц, 1935, с. 66]. Т. Адам отмечает группу из трех мужчин, четырех женщин и семи детей [Adani, 1928, с. 292].

Связь между отдельными группами довольно слабая. Обмен осуществляется между кубу и оседлыми земледельцами. Охотничьи территории каждой группы ограничены естественными, чаще всего водными рубежами.

В брачных отношениях у кубу преобладает вирилокальный брак. Жена совершает все передвижения вместе с локальной группой мужа, не прерывая, однако, связи с родственниками [Маретин, 1972, с. 101—103]. Формы хозяйственной подвижности у бродячих кубу Суматры дают возможность определить их образ жизни как бродячий.

На Филиппинах хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей сохранился у низкорослых аэта, которые в настоящее время говорят на языке того народа, с которым соседствуют. Не сохранилось у них и общее самоназвание. Так, аэта юго-восточной части пров. Самбалес называют себя «тауниангулу» — «народ запада», а аэта верховий р. Букас считают себя «самбал», аэта провинций Бланка, Пампанга, Флорида зовутся «ита» или «итим». На о-ве Минданао известно название «агусаны». Их общая численность — около 70 тыс. человек. Они встречаются на островах Лусон, Минданао, Миндоро, Негрос, Палаван, Панай. Часть аэта, особенно на о-ве Лусон, ассимилирована земледельческими народами и ведет уже оседлый и полуоседлый образ жизни [Тихонов, 1972, с. 147—189].

Бродячие аэта — охотники и собиратели. часто меняют место своих стойбищ. Каждая локальная группа насчитывает от 3 до 10 семей. Общая численность в каждой группе равна нескольким десяткам человек. Стойбище состоит из расположенных полукругом шалашей или хижин самой простой конструкции из бамбука и пальмовых листьев [ТТСЖ, 1979, с. 119]. Стойбище

переносят с места на место по мере оскудения пищевых ресурсов. Число растений, употребляемых в пищу, велико. Это молодые побеги бамбука, некоторые виды папоротников, листья и, конечно, крахмалоносная сердцевина саговой пальмы. Готовят блюда из корнеплодов — ямса, таро, батата. Аэта — ловкие охотники. Они используют лук и стрелы, западни, ловушки. Главная дичь — дикие свиньи, обезьяны, коты. Образ жизни аэта, не перешедших к земледелию, бродячий и бродяче-оседлый.

В некоторых районах Юго-Восточной Азии сохранились полуоседлые группы собирателей. Таковы тасадай на о-ве Минданао, открытые для науки совсем недавно. Ноябрь, декабрь и январь, самое дождливое время года в этой области, тасадай проводят в пещерах. Как утверждают сами тасадай, в пещерах, где их застали исследователи, они живут постоянно уже в течение нескольких поколений [Leish, 1972, с. 232—245]. Их образ жизни можно охарактеризовать как оседлый с сезонной миграцией части населения.

Восточная Азия

В странах Восточной Азии — Китае, Японии, Корее, Монгольской Народной Республике — живет свыше четверти населения мира — 1182 млн. человек (1982). Из них только 5,4 млн. (в том числе в Китае — 4,5 млн., в Монголии — 0,8 млн.) могут быть отнесены к неоседлому населению, которое сосредоточено преимущественно в пустынной и полупустынной горной части региона. Остальные районы густо заселены оседлыми земледельцами.

Расположенные в центре Азии горы, нагорья и равнины спускаются к берегам Тихого океана, Корейскому полуострову и Японским островам. Большая часть горных цепей имеет широтное направление, что отражается на распределении климатических и ландшафтных зон, расселении людей и развитии скотоводства и земледелия [Зарубежная Азия, 1979, с. 11]. Запад региона занимают величайшие в мире пустынные нагорья. С ними чередуются равнины и высочайшие горные цепи — Гималаи, Каракорум, Куньлунь и др. Высокоприподнятый рельеф Восточной Азии во многом определяет особенности природных ландшафтов, которые характеризуются преобладанием пустынь и полупустынь с большими колебаниями сезонных температур. На севере и западе региона преобладают холодные зимы с температурами ниже нуля и относительно теплое сухое лето. Здесь — аридные и семиаридные условия с годовыми осадками менее 100 мм. В отдельных районах осадков больше. На востоке и на юге Восточной Азии муссоны обеспечивают самое высокое количество осадков, достигающее в приморских районах 1000—3000 мм.

Обширные засушливые пространства сухих степей, полупу-

стынь, каменных и песчаных пустынь покрыты кустарниками и пустынно-степной растительностью [UNESCO, 1979, с. 29].

На северных окраинах обширной пустыни Гоби расположена Монгольская Народная Республика. В северной и западной части ее территория занята горами, которые перемежаются широкими долинами и котловинами с солеными озерами, а на юге расположено плоскогорье, имеющее высоту от 1000 до 2000 м. Климат резко континентальный с холодной и ветреной зимой и умеренно теплым летом. Осадки выпадают летом. На значительной части республики они не превышают 100 мм в год, достигая 500 мм только в наиболее высоких горных районах. Растительность этой преимущественно аридной и каменистой территории степная и полупустынная.

Монгольская Народная Республика -- классическая страна подвижного, сезонно перемещающегося скотоводческого населения. В начале века свыше 90% монголов были скотоводами-кочевниками. Теперь, в результате победы народной революции, монголы коренным образом изменили традиционный образ жизни, хотя почти все сельское население (0,8 млн.) еще занимается пастбищным животноводством и совершает ограниченные сезонные передвижения. В МНР созданы сельскохозяйственные объединения и госхозы, которые стали центрами оседания животноводов. Быт кочевников изменился, скотоводы стали жить лучше.

В то же время следует отметить, что, несмотря на значительные социально-экономические и культурные изменения в жизни народа, монгольское животноводство «пока еще в основном сохраняет черты старой, традиционной пастбищно-кочевой системы. Сохранение старой системы ведения хозяйства неизбежно обуславливает и сохранение кочевого образа жизни абсолютного большинства сельского населения страны, занятого в животноводстве» [Грайворонский, 1979, с. 117—118]. В. В. Грайворонский отмечает, что в современной Монголии перекочевки животноводов со скотом и рациональная смена пастбищ при круглогодичном выпасе скота представляют собой «не пережиток, не анахронизм, а один из важнейших элементов ныне существующей системы животноводства» [Грайворонский, 1979, с. 117].

Выработанная на протяжении столетий эффективная система сезонного использования пастбищ, источников воды и минеральных солей представляет собой большое культурное достижение кочевников Монголии, которые в новых социалистических условиях уже достигли больших успехов в преобразовании, модернизации и интенсификации кочевого животноводства.

Полевые исследования монгольского этнографа Г. Батнаса-на (1967—1974) показали, что направления и продолжительность кочевков скотоводов зависят от многих природных факторов: размещения пастбищ, рельефа местности, водных источников, особенностей почвенно-растительного покрова, погодных

условий, величины осадков, температуры воздуха и т. п. [Батнасан, 1977, с. 71]. Автор приводит схему известного монгольского исследователя Н. Жагварала, который выделяет на территории Монгольской Народной Республики пять различных типов кочевков. Самыми распространенными являются перегоны скота с северо-востока на юго-запад или с северо-запада на юго-восток, т. е. в направлениях, приближающихся к меридиональному. В степях Восточной Монголии преобладают миграции широтного направления. По протяженности маршрутов выделяются перекочевки дальние и близкие. В горах и в лесостепной зоне, например в Хангае, преобладают близкие перекочевки, на несколько десятков километров, что связано с вертикальной зональностью ландшафтов. В степной западной зоне Больших озер протяженность маршрутов большая. Самые продолжительные перекочевки — до 100—300 км — совершают скотоводы южных областей пустыни Гоби. По данным Г. Батнасана, в горных районах Хангай и Хэмэн перекочевки совершаются 2 раза в год на расстояние всего 3—5 км. Это переносно-оседлый образ жизни.

Небольшие перекочевки характерны для сельскохозяйственных объединений, специализирующихся на крупном рогатом скоте. Так, 11 ферм «Галуут» совершают 2 небольшие перекочевки между зимниками, расположенными в урочищах Жавхлант, Салхит и Элст, и летними пастбищами в долине р. Баян-Гол [Батнасан, 1977, с. 73]. Скотоводы, в стаде которых преобладает мелкий рогатый скот, довольно часто меняют место своих становищ. Например, чабан вместе с женой и сыном отвечают за выпас 1800 овец. Они 11 раз в году меняют пастбища, перевозят и свою юрту, и загоны для скота. На одной стоянке стадо находится от 5 до 60 суток. Общая протяженность перекочевков составляет 142 км [Батнасан, 1977, с. 72].

Примерно четверть всех сельскохозяйственных объединений кочует на дальние расстояния — 100—300 км.

В прошлом протяженность перекочевков во всех районах Монголии была более значительной, чем теперь. Во время стихийных бедствий — гололедницы или засухи — кочевники уходили на 200—400 км от основных зимников. Колебания природно-климатических условий отражались на направлениях и продолжительности маршрутов.

Пастбища МНР делятся по традиции на весенние (летние), осенние и зимние. Летовки, как правило, расположены в низинах, долинах рек, а зимники — в горах, преимущественно на южных склонах [Вяткина, 1960, с. 160—170; Грайворонский, 1979, с. 42, 109—110].

Жилищем скотоводам служит разборная юрта с решетчатым каркасом и теплым войлочным покрытием на конической крыше. Кошмы, войлоки и ковры украшают внутреннее помещение, которое делится на правую — женскую и левую — мужскую половины. Жилище легко разбирается и собирается при перекочев-

ках [ГТСЖ, 1979, с. 198—206]. Жилище и кожаная и деревянная утварь приспособлены к кочевому образу жизни.

По степени подвижности монгольских скотоводов В. В. Грайворонский предлагает выделять кочевые, полукочевые и полuosедлые хозяйства [Грайворонский, 1969, с. 109—110]. Следуя в своей типологии за С. И. Вайнштейном, он относит к кочевым группам, состоявшим из 1-2 семей, группы, которые в течение года передвигаются со скотом по сезонным пастбищам, меняя стойбища не менее 4-6 раз в году и не задерживаясь на одном месте более 1-2 месяцев. Постоянных жилых домов эти группы на зимовках не имеют.

Полукочевники имеют возможность в неблагоприятный зимне-весенний период жить 3—4 месяца в постоянном зимнем жилище. Остальное время они кочуют по пастбищам и живут в юртах. К полuosедлым хозяйствам относятся те, которые меняют свое место 2-3 раза в году и фактически живут большую часть времени года оседло. Это скотоводы с крупным рогатым скотом. Они имеют жилище и хозяйственные постройки.

Применяя предложенную нами типологию форм подвижности неоседлого населения к монгольским скотоводам, отметим, что для них теперь характерны почти все формы подвижности: кочевая (сохранившаяся только на самом юге страны), кочевно-оседлая, оседло-кочевая, переменнo-оседлая и годовая оседлость с сезонной миграцией части населения. В наши дни идет активный процесс сокращения маршрутов и изменения характера хозяйственной подвижности населения в сторону оседлости.

В Китае к неоседлому населению можно отнести большую часть монголов Внутренней Монголии, высокогорных скотоводов-тибетцев, а также казахов, киргизов, уйгур-таглыков в Синьцзяне. Отдельные группы подвижного скотоводческо-земледельческого тибето-бирманского населения (ицзу, лису, цзинпо и др.) встречаются на юго-западе Китая.

Тибетцы — самые высокогорные скотоводы в мире, хотя основная часть их живет оседло и занимается земледелием. Из общей численности в 4,5 млн. человек кочевники-тибетцы составляют около 0,8 млн. Огромное Тибетское нагорье, где живут тибетцы, возвышается в среднем на высоту 4—5 км над уровнем моря, отдельные хребты поднимаются до 6—7 км. С севера и северо-востока нагорье окружают горные системы Куньлунь, с юга и юго-запада — Гималаи, с северо-запада — Каракорум. Поэтому климат здесь сухой и суровый. Зимой часты снежные бураны, температура опускается до —30°, а летом поднимается до 15—20° тепла. В течение всего лета обычны заморозки и дневные колебания температуры достигают 20°. Вершины гор высятся над скалистыми равнинами, где древесная растительность отсутствует, а растут только низкие кусты и жестких трав. Много бессточных соленых озер. Большая часть поверхности обширного нагорья, общая площадь которо-

го достигает 900 тыс. кв. км, покрыта щебнем и солончаками, есть отдельные участки травянистой растительности, главным образом тибетской осоки, болотницы и т. п. Восточная часть нагорья изрезана глубокими ущельями, где берут свое начало многоводные реки: Хуанхэ, Янцзы, Меконг и др. Проникающие сюда муссоны приносят обильную влагу, и здесь, в долинах, растут густые хвойные леса, ниже — широколиственные и смешанные. Более теплый климат характерен и для южных окраин Тибета.

Обитая в суровых высокогорных условиях, скотоводы-тибетцы разводят яков, цзо и цзумо (корова — помесь самки яка и быка), а также овец, лошадей, коз, мулов.

Кочевники-тибетцы делают за год не более 3—4 перекочевков [Журавлев, 1961, с. 91—92]. Так, скотоводы Цинхая, например, пасут скот на высокогорных пастбищах (выше 4000—5000 м) с апреля по июнь, а в июле—сентябре спускаются на более низкие пастбища (3000—4000 м над уровнем моря), чтобы в октябре—декабре достичь зимовок. С января начинается обратное движение вверх. Полуоседлые скотоводы-земледельцы подкармливают скот в стойлах ячменем, а лошадей и ослов — дробленным горохом. В окрестностях деревень отводятся постоянные участки, где выпасают скот по очереди.

В отличие от скотоводов-монголов и многих тюркских кочевников Китая, живущих почти круглый год в юрте, тибетцы используют во время кочевания шатрообразную палатку на растяжках с почти плоской крышей квадратной или прямоугольной формы. Полотнища палатки сделаны из шерсти яка, высота — до 2 м. Над очагом делается отверстие [ТТСЖ, 1979, с. 184—185].

Вокруг палатки возводится стена. Конструкция тибетской палатки значительно отличается от палаток белуджей и арабов. Пока не совсем ясно, почему обитатели холодных высокогорных районов — тибетцы избрали своим жилищем шатер, а не центральноазиатскую юрту, с которой они безусловно были знакомы с давних времен и которая прекрасно служила и служит их соседям — высокогорным скотоводам-киргизам. Видимо, здесь мы имеем дело с ярко выраженной этнической традицией.

В Японии неоседлое население с традиционным образом жизни теперь отсутствует, хотя еще в конце XIX в. айны сезонно меняли свои поселения и вели комплексное «присваивающе-производящее» хозяйство. Теперь айны ассимилированы японцами. Они сохранили только некоторые черты самобытной культуры речных рыболовов и охотников на морского и лесного зверя. Х. Ватанабе описал сезонную подвижность части айнов по материалам 1880 г. [Watanabe, 1968, с. 69—77]. В то время как мужчины в зимние и отчасти весенние месяцы охотились на медведей и оленей, женщины занимались собирательством. Ловлей лососевых рыб на реках были заняты как

женщины, так и мужчины. Весну и осень мужчины проводили в горах в охотничьих хижинах, а женщины и дети оставались в долине, собирая съедобные растения. Здесь, на берегу реки, в июне и октябре возделывались небольшие участки проса. Поселение располагалось на верхней террасе реки. Жилища были заняты всей семьей 9-10 месяцев в году, а дети и женщины нередко жили здесь весь год.

Жилищем айнам в недавнем прошлом служил каркасный деревянный дом с камышовой обшивкой и кровлей; иногда они жили в землянках. По образу жизни и некоторым элементам культуры (медвежий праздник, например) айны близки к полуоседлым и оседлым рыболовам и охотникам-собираателям — нивхам, гилякам, орокам, ульчам и орочам, которые в конце XIX в. вели сходный оседлый образ жизни с сезонной миграцией части населения.

АМЕРИКА

Два материка Нового Света — Южная Америка и Северная Америка — соединены между собой узким Дарьенским перешейком. Их общая площадь — свыше 42 млн. кв. км. Средняя плотность населения — 15 человек на 1 кв. км. Природные условия во многом определяются простиранием материков с юга, почти от Антарктиды, на север до Арктики, причем экватор пересекает Южную Америку в ее северной, наиболее широкой части.

Большая часть Южной Америки лежит в жарком поясе. Однако климат Южной Америки менее сухой и менее жаркий, чем в Африке. Огромное влияние на формирование климата и характер ландшафтов оказывает рельеф — гигантская горная система Анд на западе и обширные равнины в центре и на востоке, горные цепи преграждают путь воздушным массам с Тихого океана.

Мощное холодное Перуанское течение вдоль западных берегов не только охлаждает воздух, но и способствует крайней аридности узкой приморской зоны вдоль Анд на протяжении почти 5 тыс. км от Патагонии до Колумбии. Здесь, на севере Чили и на юге Перу, располагается одна из самых жарких и засушливых пустынь мира — Атакама, где осадки выпадают один раз в несколько лет. В Патагонии выпадает 100—200 мм осадков в год [UNESCO, 1979]. Среднемесячные температуры самого холодного месяца — июля — здесь положительные — 2—8°.

У восточного берега Южной Америки теплое течение способствует насыщению воздуха влагой и уменьшению колебаний температуры в году. Расположенные на востоке и в центре материка равнины обладают четкой ландшафтной зональностью. Большую часть материка Южной Америки занимает жаркий пояс с высокими температурами в течение года, большой влажностью (до 2500—3000 мм в год) и пышной тропической растительностью. Здесь размещается главное «легкое» планеты — влажноэкваториальные леса Амазонской низменности, раскинувшиеся на площади 5 млн. кв. км. Бесчисленные притоки р. Амазонки текут медленно в широких долинах, ежегодно во время паводка заливая на несколько месяцев обширные участ-

ки леса на низких поймах, а зачастую и верхние поймы [Второв, Дроздов, 1974, с. 114]. На низких поймах преобладают пальмы. Тропические девственные леса расположены выше; здесь деревья растут в несколько ярусов, высокоствольные пальмы поднимаются на 80—100 м, под ними фикусы, дерево пара, дающее съедобные плоды; ниже — каучуконосы (гевеи и др.), дерево-какао, лынное дерево, орхидеи и переплетающиеся лианы. Несмотря на обилие органических остатков, плодородный гумусный слой в почве не накапливается, а вымывается [Кэмбел, 1948, с. 300—312].

На востоке жаркого пояса, в Восточной Амазонии, встречаются возвышенности до нескольких сот метров, реки врезаются здесь глубже, чем на западе. Климат отличается появлением засушливого периода (с июня по сентябрь), когда дует юго-восточный пассат. В лесах заметна примесь листопадных деревьев, имеются редколесья и пятна саванн. Их площадь увеличивается к югу и северу от влажных экваториальных лесов. Саванны занимают, например, Оринокскую низменность и большую часть Бразильского нагорья. В засушливой восточной части Бразильского нагорья растут кактусы, колючие кустарники. Юго-восточные склоны Бразильского нагорья, обращенные к океану, напротив, богаты влагой, так как получают обильные осадки почти круглый год. Но значительная часть лесов здесь вырублена, их сменили плантации различных культурных растений [Кэмбел, 1948, с. 12—13].

Южноамериканские субтропические степи называют пампой. В саваннах и степях, где выпадает не менее 200 мм осадков в год, обильны травянистая растительность, стручковые [UNESCO, 1979, с. 28]. Это прекрасные пастбища для овец и коз. Огромные площади здесь распаханы под зерновые и хлопчатник.

В засушливой Патагонии редкие травы и низкорослые кактусы чередуются с колючими кустарниками.

В Андах смена климатических поясов и ландшафтов подчинена вертикальной зональности и зависит также от географической широты. Влажные ветры с востока приносят обильные осадки на восточные склоны Анд. Эти осадки и питают многоводные реки бассейна Амазонии. Горы покрыты горными влажными экваториальными и тропическими лесами. В Андах различают три высотных ландшафтных пояса. Высокогорные плато имеют особые типы растительности — горные экваториальные луга, а южнее — сухие степи [Кэмбел, 1948, с. 316; Второв, Дроздов, 1974, с. 157]. Напротив, весь западный склон Анд отличается засушливостью, скудным поверхностным стоком и бедной растительностью. Вследствие сухости воздуха разница температур дня и ночи очень велика. У подножия Анд на экваторе жара, в то время как на вершине вулкана Котопахи (5896 м) лежат вечные снега. На юге, в Патагонии, снега и ледники спускаются почти к самому морю.

Таблица 7

Численность неоседлого населения в странах Южной Америки, 1982 г.

Страна	Численность населения			Народ
	всего	неоседлое население	%	
Бразилия	126 806	150	0,1	Ботокуды, шириана, вайка, кайюа и др.
Аргентина	28 432	200	0,7	Часть гуарани, каингуа, арауканы-мапуче, тоба и пиллага, теуэльче, она и др.
Колумбия	29 500	100	0,3	Араваки (гуахино), яруро, салива, пуйнаве, унгото и др.
Венесуэла	14 714	100	0,7	Гуахино, шириана, вайка, арекуна, варао и др.
Чили	11 487	150	1,3	Часть арауканов, алакалуф и др.
Перу	18 790	200	1,0	Пиро, маско, юре, пеба, орехон и др.
Эквадор	8 945	100	1,1	Часть сапаро, хиваро, тукано и др.
Боливия	5 916	200	3,4	Сириано, гуарайю, араона, бауре, мохо, частично кечуа, аймара
Парагвай	3 026	50	1,6	Гайкуру, ленгуа, чамакоко, чороти, тоба, матако и др.

Особенности природных условий Южной Америки отразились на формировании хозяйственно-культурных типов населения, которое появилось здесь на стадии охоты и собирательства задолго до «неолитической революции». Само пионерное освоение двух огромных континентов Северной и Южной Америки людьми, пришедшими из Азии через Берингов мост, задержало темпы их хозяйственного и культурного развития, хотя обитатели Америки проделали тот же исторический путь от «присваивающих» форм хозяйства к «производящим», что и народы Старого Света. Еще Ф. Энгельс писал, что Старый Свет «обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, — маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий» [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 30].

При отсутствии многих исходных видов животных, ставших

благодаря domestikации в Старом Свете домашними, в Новом Свете не могли исторически сформироваться ХКТ специализированных подвижных скотоводов. Только с началом европейской колонизации материков вместе с колонизаторами появилась лошадь, что создало возможность перехода ряда индейских племен к разведению коней, используемых в охоте на крупную дичь — бизонов в Северной Америке и гуанако в Южной Америке [Аверкиева, 1970, с. 3—4]. Поэтому в доколумбовой Америке ХКТ, связанные с неоседлым образом жизни, были ограничены почти исключительно охотой, собирательством и рыболовством.

Ныне численность неоседлого населения стран Южной Америки не превышает 1,3 млн., что составляет 0,5% общей численности населения (247,8 млн. в 1982 г.). Распределение этого населения по странам отражает табл. 7.

Мексиканский этнограф М. Коласко выделяет среди американских аборигенов ряд социально-экономических групп, в том числе группу бродячих или полуседлых охотников, рыболовов и земледельцев (в 70-х годах — 650 тыс.), группу полуседлых или оседлых земледельцев с подсечно-огневым земледелием (500 тыс.) и группу охотников и рыболовов арктической зоны (65 тыс.) [Григулевич, 1979, с. 227].

Для подавляющего большинства индейских народов и племен, сохранивших в известной степени традиционные занятия, характерны различные формы подвижности и сезонная оседлость, связанная у одних с переложным тропическим палочномотыжным, подсечно-огневым земледелием, у других — с рыбной ловлей как на реках континента, особенно в бассейне Амазонки, так и на морском побережье. С европейской колонизацией Америки за несколько сот лет условия жизни аборигенных народов сильно изменились. Однако в ряде редкозаселенных районов Южной Америки (в экваториальных лесах Амазонии, в глухих горных районах Анд и т. п.) многие черты хозяйства и быта древних традиционных типов в известной степени сохранились до настоящего времени. Это прежде всего население внутренних экваториальных областей, слабо затронутых европейской колонизацией. Здесь живут изолированные группы охотников и собирателей, а также довольно значительное индейское население, сочетающее тропическое примитивное земледелие с рыболовством, охотой и собирательством. Существуют сложные переходные формы от круглогодичного бродячего образа жизни к оседлому, особенно в глухих районах, куда «производящее» хозяйство проникло сравнительно недавно.

Примером древних охотников-собирателей могут служить огнеземельцы — она, алакалуф и ямана (яганы), численность которых в конце XIX в. составляла несколько тысяч человек. После столкновения с буржуазной цивилизацией огнеземельцев осталось несколько сот человек (1910); в 1924—1925 гг. алакалуф насчитывали 150 человек, она — около 60—70, а яганы —

около 70 человек [Народы Америки, т. II, 1959, с. 390]. Теперь их еще меньше.

Природные условия Огненной Земли — архипелага, состоящего из малых и больших островов, — довольно суровы. Климат — влажный и холодный, но без резких годовых колебаний температур (среднемесячные летние температуры 7—8° тепла, а зимние 3—5° тепла). Большая часть равнинных территорий покрыта степной растительностью, на склонах гор — сухие кустарники и травы; на западных склонах гор, где много осадков (1000—2000 мм в год), растут низкорослые леса из бука и других древесных пород. Невысокие — до 2350 м — горы покрыты снегами и ледниками.

В этот суровый край предки огнеземельцев были отеснены с Американского континента, по-видимому, несколько тысяч лет назад более сильными охотничьими племенами. В условиях долгой изоляции она, алакалуф и ямана (яганы) сохраняли до недавнего времени традиционный образ жизни. Если она были сухопутными охотниками на гуанако, то два других племени принадлежали к древнему хозяйственно-культурному типу приморских собирателей и рыболовов [Народы Америки, т. II, 1959, с. 376—390]. Большую часть времени алакалуф (самоназвание — «халакеулу») проводили на море в лодках, занимаясь рыбной ловлей, сбором гигантских моллюсков или охотясь на птиц с помощью лука и стрел. Жилищем на суше им служил куполообразный шалаш из шкур гуанако или тюленей. Одеждой были накинутае на плечи шкуры животных. И в море в лодках, и на суше в шалашах алакалуф постоянно поддерживали огонь.

Алакалуф занимали западную часть архипелага, а яганы — самые южные его окраины. Северной границей ягана был пролив Бигл, а на юге — о-в Горн. Основу их хозяйственной жизни составляли собирательство крупных моллюсков и рыбная ловля; этим были заняты преимущественно женщины. Охотой на тюленей, выдр, дельфинов, птиц занимались исключительно мужчины. Основной пищей служили жаренные в золе костра крупные моллюски, морские ежи, волоросли, тюлений жир. Питались они также рыбой, мясом тюленей и китов, прибитых к берегу [Gusinde, 1937].

Стойбища алакалуф и ягана состояли из группы круглых палаток, сооруженных из согнутых ветвей и наброшенных сверху тюленьих шкур. Но большую часть года они проводили в лодках в море. В поисках пищи им приходилось часто переезжать с места на место. Один из путешественников конца XIX в. так описал образ жизни приморских собирателей и рыболовов: «Поиски средств существования, которые являются почти единственным и постоянным занятием огнеземельца, объясняют его привычки и образ жизни. Когда в непосредственной близости начинает не хватать ракушек, он меняет место своего жительства и начинает искать, чем бы поддержать свое суще-

ствование: отсюда постоянные перемещения и бродячая жизнь, на которую он обречен» [Народы Америки, т. II, 1959, с. 378].

В настоящее время этот бродячий образ жизни сохраняют, кроме очень небольшой группы алакалуф и ягана, метисы — выходцы с о-ва Чилоэ. Они не только мигрируют в качестве пастухов и стригалей в чилийскую пампу, но и ведут промысловую охоту на туленей вдоль холодных и бурных побережий Патагонии и Огненной Земли, проводя в этих охотничьих и рыболовных экспедициях значительную часть года [Делаборд, Лоофс, 1969, с. 82—85].

Теперь в пампах Патагонии бродят огромные стада овец, а 100—150 лет назад там обитали бродячие охотники-техуэльче. Они охотились с луком на гуанако, диких родичей домашней ламы. Шкура гуанако служила основной одеждой, а перья страуса нанду — украшением. Жилище состояло из заслонов против холодных ветров, сооруженных из веток и шкур. С середины XVIII в. патагонцы начали приручать одичавших и размножившихся на богатых пастбищах пампы лошадей, стали ловкими наездниками, научились использовать в коллективной загонной охоте за быстрыми гуанако вместо стрел и лука метательное оружие бола — связку из двух или трех круглых камней, зашитых в кожаные мешочки и привязанных к концам длинного ремня [Народы Америки, т. II, 1959, с. 302—362].

Патагонцы жили и сезонно передвигались группами в 30—40 семей близких родственников. При необлавной охоте наездникам приходилось долго преследовать дичь. Постоянных селений у них не было. Каждая группа родственников разбивала свои временные небольшие стойбища. Нередко жилищем служил ветровой заслон, но чаще всего строили тольдо — жилищеснавес с тремя рядами кольев, покрытых шкурами, являвшееся как бы переходной формой от самого примитивного заслона к палатке, открытой с одной подветренной стороны. Тольдо ставили женщины. Это жилище легко разбиралось и перевозилось на лошадях в тюках.

Европейские колонизаторы, владельцы скотоводческих хозяйств юга Аргентины, с 1870—1880 гг. начали кровавую борьбу за земли пампы против ее коренных обитателей. Так Патагония осталась без патагонцев.

Особую историко-этнографическую и хозяйственно-культурную общность представляет собой коренное аборигенное население экваториальной зоны Южной Америки, совпадающей в значительной степени с Амазонией. В лесах Амазонки, на равнинах Ориноко, а также в лесах и саваннах Восточной Бразилии до сих пор живут лесные индейцы, сохраняющие многие черты самобытной культуры ручных земледельцев, охотников, рыболовов и собирателей жаркого пояса с присущими этому хозяйству формами сезонной подвижности [Файнберг, 1975, с. 40—45]. Подавляющее число индейских племен знакомо с земледелием в его переложной подсечно-огневой форме, с тра-

диционной культурой маниока, с некоторыми заимствованными у европейцев культурами (рис, дыня и др.). Индейцы возделывают земляной орех и ачиру, широко используют дикie плодовые и другие съедобные растения [Вавилов, 1967, с. 279]. Подспорьем служит охота на птиц, мелких животных, реже — на диких свиней и оленей

Образ жизни тропических земледельцев, охотников и собирателей характеризуется значительной степенью оседлости, так как сезонность в растительности здесь выражена слабо. Для всех оседлых индейцев характерна ежегодная миграция части населения [Forde, 1963, с. 135—139].

Для природных условий Амазоно-Ориноской экваториальной и субэкваториальной области характерны влажноэкваториальные леса, реки, служащие индейцам единственными путями сообщения, редкие горные возвышенности. Н. И. Вавилов отмечал в своих исследованиях исключительное богатство тропической флоры этой области с сотнями видов пальм, тысячами видов диких плодовых и орехоплодных, которые в той или иной степени употребляются индейцами в пищу [Вавилов, 1967, с. 298].

В Амазонии различают два вида рек: одни прозрачные, как Рио-Негро, другие мутные, как сама Амазонка. Прибрежная растительность вдоль этих двух типов рек различна. Дельта Амазонки образует обширные мангровые формации; выше по течению растут на красноземах заливаемые леса — гапо. Здесь встречаются бразильский орех, миртовые, пальмы [Кэмбел, 1948, с. 304]. Все деревья и кустарники скрыты под густым сплетением растений. На более сухих обширных пространствах поднимаются кустарники и жесткие травянистые растения. Над ними высятся бразильский орех, лавровые, шелковичный хлопчатник и др. В западной части бассейна Амазонки этот густой лес поднимается на восточной стороне Анд до высоты 900 и 1200 м.

Внутренние области Бразильской возвышенности, лежащей к югу и востоку от бассейна Амазонки, отличаются большой засушливостью климата и ландшафтов. Обширные саванны здесь пригодны для пастбищ, редкие сухие леса покрывают значительные площади. В береговых горах Венесуэлы и Колумбии много деревьев с опадающей листвой. Главными особенностями природных условий этой области являются высокая влажность климата, незначительные колебания температуры как по месяцам, так и на протяжении суток. Июнь — самый прохладный месяц, когда температура опускается на 5—10° ниже средней температуры 25—28°.

Главные занятия лесных индейцев — тропическое подсечно-огневое земледелие, охота, собирательство и рыболовство [Файнберг, 1975, с. 8—9, 145—146]. Подсечно-огневое ручное земледелие не обеспечивает долговременное ведение хозяйства на одном месте. Земля с тропическими красноземами истоща-

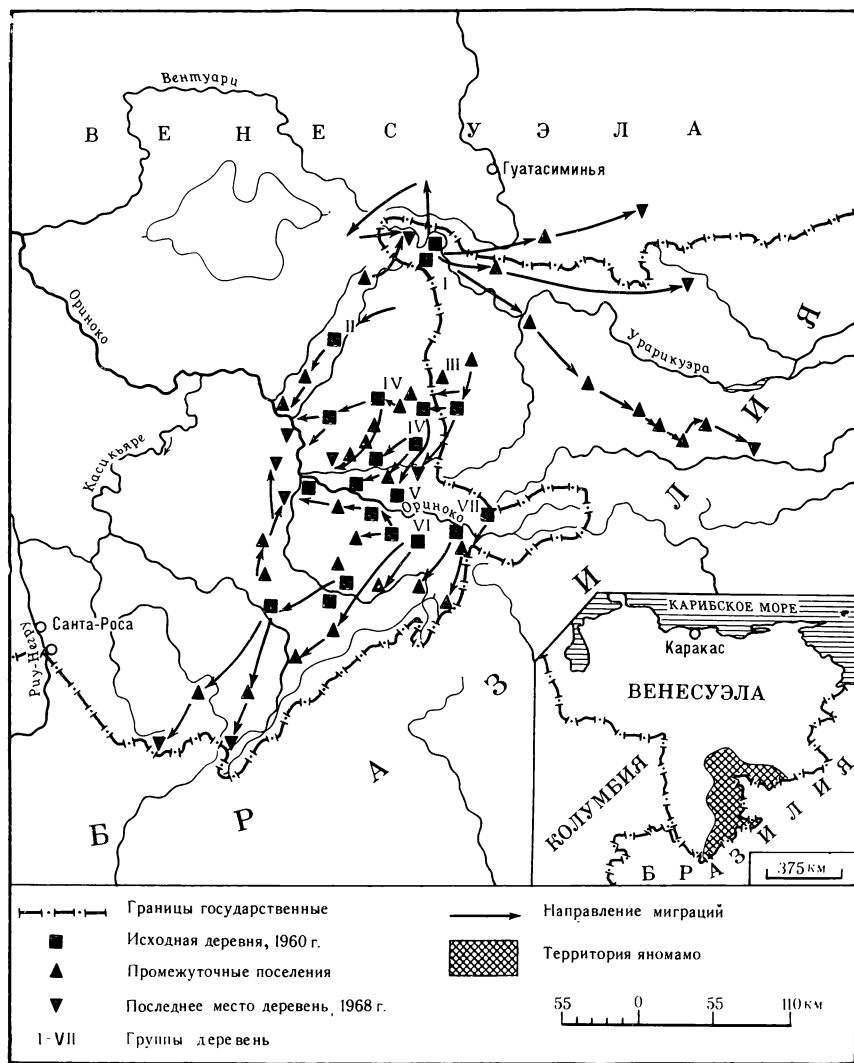

Рис. 25. ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ДЕРЕВЕНЬ ЯНОМАМО В ВЕНЕСУЭЛЕ (по Шанону)

ется уже после двух урожаев, что заставляет перемещать поля, а вслед за ними и деревни. В некоторых районах есть и «пионерные» формы земледелия, когда земледельцы перемещаются с одного участка тропического леса на другой каждый год (рис. 25). Примером могут служить деревни яномамо в Венесуэле. Большинство так называемых оседлых земледельцев Амазонии переносят свои селения каждые 6—8 лет [Народы Америки, т. II, 1959, с. 315].

Р. Л. Карнейро, который, как уже отмечалось, детально рассмотрел формы подвижности охотников-собирателей и земледельцев жаркого пояса Америки, обратил особое внимание на то, что во влажных экваториальных лесах степень оседлости у различных групп населения земледельцев-рыболовов и охотников-собирателей не произвольна, а тесно связана с хозяйственной деятельностью [Карнейро, 1969, с. 72]. По его расчетам, земледелие оказывается примерно в 3 раза продуктивнее охоты. Однако у многих народов, например у сирiono, земледелие — занятие второстепенное по сравнению с охотой и собирательством. И дело здесь в большой трудоемкости подсечно-огневого земледелия в густых экваториальных лесах. Поэтому для большинства индейских племен земледельцев, продолжающих и активное охотничье-собираческое хозяйство, сезонная подвижность части населения сохраняется вплоть до наших дней.

В монографии, посвященной индейцам Бразилии, Л. А. Файнберг отмечает, что большинство обитателей сельских районов Амазонии сочетают сбор лесных продуктов (каучука, бразильского ореха и т. п.), дающий денежные доходы, с примитивным потребительским земледелием, а в некоторых районах — с рыболовством [Файнберг, 1975, с. 40—41]. Продолжительными культурами служат горький маниок, маис, рис, бобы. Каждый год с июня по август крестьяне расчищают тропический лес под маниковую плантацию. В сентябре—октябре участок выжигается. Сажают маниок во время зимних дождей с конца декабря по начало января. Каждодневным трудом для жителя Амазонии является сбор каучука в лесу, который производится на рассвете и во второй половине дня. Каучук собирают летом. Таким образом, при очевидной сезонной смене хозяйственной деятельности индейцы Амазонии сохраняют полуоседлый образ жизни, а еще точнее — оседлый, с сезонной миграцией части населения. Лишь индейцы с «пионерными» формами тропического земледелия, как уже отмечалось, ведут переменнo-оседлый образ жизни.

Более подвижные формы быта характерны для охотников и собирателей, живущих на водоразделах в Восточной и Южной Бразилии, а также в саваннах Ориноко. В недавнем прошлом индейцы этой зоны не знали земледелия [Народы Америки, т. II, 1959, с. 329].

Во внутренних областях жили гуахибо и чирикоа, которые не имели постоянных селений. Жилищем им служили ветровые заслоны, а спали они в гамаках. Рыболовы, собиратели раковин и охотники на речных животных, индейцы яруро сооружали в дождливый период временные низкие куполообразные хижины из ветвей, крытые пальмовыми листьями. Образ жизни у них бродячий и бродяче-оседлый.

В XIX в. так жили некоторые индейские племена собирателей и охотников Восточной Бразилии: жес-тимбира, кайяпо,

шаванты, шеренте, а также бороро, ботокуды, бакаири и др. Почти все они теперь ассимилированы бразильцами или поселены в резервациях, где ведут оседлый образ жизни, но в прошлом веке они собирали лесные плоды, особенно орехи разных видов гальм, корни и клубни диких растений, стручки деревьев, а также ловили мелких грызунов, собирали личинки и т. п. [Народы Америки, т. II, 1959, с. 330—333; Melvin, 1963, с. 228—248].

По описанию Г. Г. Манизера, посетившего ботокудов в 1915 г., их передвижения совершались круглый год в пределах определенной для каждой группы территории, отделенной от территорий других групп естественными рубежами [Манизер, 1916, с. 96—97]. Каждая группа состояла из 50—200 человек. Но развитой племенной организации у ботокудов не было [Народы Америки, т. II, 1959, с. 333].

Образ жизни ботокудов в первой половине XX в. был бродячий; теперь они обитают в постоянных резервациях.

Напротив, некоторые индейские племена обширной области Чако, расположенной на границе трех республик — Аргентины, Парагвая и Боливии, еще продолжают сезонно-бродячий образ жизни собирателей и охотников [Народы Америки, т. II, 1959, с. 335—346]. Эта внутренняя континентальная область в период летних дождей, с ноября — декабря по апрель — май, затопляется речными водами. Зимой все пересыхает. Пышная травянистая растительность сменяется редкой жестколистной, однако съедобной, с плодами и стручками. Важное значение для собирателей имеет кустарниковое растение альгарроба, мучнистые стручки которой идут в пищу, а также «пальмовая капуста», дикий рис. Реки изобилуют рыбой. Сезонность в созревании плодов, наличие рыбы и дичи в определенных местах способствовали сезонным перемещениям племен, незнакомых с земледелием, распространение которого здесь, однако, было ограниченным. Мужчины охотились в облавной охоте на оленей, свиней, пекари, страусов. Во время охоты использовался огонь. В апреле — мае, когда с началом засухи мелели реки, начиналась рыбная ловля [Народы Америки, т. II, 1959, с. 338].

Такой образ жизни, связанный с сезонной подвижностью, продолжают до сих пор соседи оседлых земледельцев Парагвая — индейцы гуаяки. Они в большей степени охотники, чем собиратели. Дичью служат олени, дикие свиньи, броненосцы, ящерицы игуаны, грызуны агути, ягуары, обезьяны, птицы разных видов. Большую роль в пищевом рационе играет рыба, которую ловят женщины и дети в небольших речках. В жаркое время года пищей им служат побеги различных видов пальм, крупные бутоны деревьев, листья. Плоды дикого апельсина появляются и созревают в течение нескольких недель. Важным пищевым ресурсом служит мед диких пчел, употребление которого для разных полов и возрастных групп индейцев ограничено запретами [Bicciari, 1972, с. 140].

Зависимость охотников и собирателей от сезонной смены пищевых ресурсов определяет формы их подвижности по территории, которая ограничена традицией. Группы обычно состоят из 20 человек и более, их маршруты хорошо определены чуть заметными тропами, имеющими часто концентрический характер. Индейцы движутся от одного вида растений к другому по мере созревания плодов, а также в поисках личинок (особенно в жаркое время — от ноября до февраля) на некоторых видах пальм. Образ жизни гуаяков бродячий.

Неоседлый образ жизни был характерен для многих аборигенных народов Северной Америки. За несколько сот лет условия жизни их сильно изменились. Европейские завоеватели, пришедшие на материк, отняли большую часть самых плодородных земель. Уцелевшие от истребления индейские племена оказались загнанными в засушливые районы Кордильер или в таежные леса и тундру. Из общего числа 2 млн. индейцев и 50 тыс. эскимосов в США и Канаде сезонно-подвижный образ жизни сохранило не более одной пятой населения. К ним относятся салиши, атапаски, алгонкины и эскимосы в Канаде и алгонкины и эскимосы в США. Эти народы в редкозаселенных и значительных по площади районах арктической и таежной зон сохранили в известной степени многие черты хозяйства и быта древних традиционных типов. Можно указать на небольшие группы населения полуоседлых арктических охотников на морского зверя и промыслово-рыболовецкое население тайги и тундры.

Природные условия Северной Америки резко отличаются от природных условий Южной Америки, прежде всего тем, что большая часть Северной Америки расположена в северном умеренном и холодном поясах и лишь узкая полоса Центральной Америки (Мезоамерика) на самом юге лежит в жарком поясе. Обширные пространства севера материка с сильно расчлененной береговой линией и множеством больших и мелких островов находятся в холодной Арктике, далеко выступая за полярный круг. Многие проливы между островами даже летом забиты льдами.

На западе материка вдоль берегов Тихого океана от Аляски до Панамского перешейка высокой стеной стоят цепи Кордильер. К западу от них простираются низменности и небольшие возвышенности. Огромная протяженность — 7 тыс. км — Северной Америки с севера на юг обуславливает различие в климате и ландшафтах. Так, на севере Канады, где-нибудь на Баффиновой Земле, средняя температура января ниже 35° мороза, а на п-ове Флорида в январе не менее 20° тепла. На юго-западе США и севере Мексики располагается аридная зона с характерными пустынными ландшафтами горных регионов Большого Бассейна, равнин Аризоны, Техаса и севера Мексики. В засушливых частях преобладает степная растительность с полыньей, колючим кустарником, акациями, кактусами. На островах Карибского моря и в Мезоамерике появляются тропиче-

ские леса и саванны. К северу от полупустынных областей на равнине развиты лесостепи — прерии. Теперь это поля земледельцев и участки пастбищ. Далее на север лежит зона смешанных широколиственных и переменновлажных лесов на бурых лесных почвах. Они сменяются таежными, хвойными лесами. В лесах немало дичи. Весьма суровы зоны лесотундры, тундры и арктических пустынь — Гренландия и большая часть островов Канадского архипелага. Средняя температура самого теплого месяца здесь отрицательная, а большую часть года холодно и снежно. Короткое и прохладное лето, а также вечная мерзлота обуславливают скудость растительного покрова. Здесь растут среди низкорослых кустарников и редких деревьев лишь мхи и лишайники. Мерзлота способствует образованию озер и болот. В тундре зима сопровождается снежными бурями. Все покрыто снегом и льдами.

Здесь в суровой арктической зоне живут обитатели арктической пустыни — эскимосы. Они широко разбросаны почти по всей приморской зоне севера Северной Америки. На Аляске эскимосы населяют многие участки береговой полосы, а также некоторые острова [Birch, 1979, с. 67—70]. Они делятся на несколько крупных географических групп: эскимосы мыса Барроу, эскимосы рек Колвилла, Кобука и Нсатака, эскимосы Берингова моря и тихоокеанские эскимосы. Обитатели о-ва Кадьяк — эскимосы какертармют, или коняги, близки по культуре к алеутам. Другая группа эскимосов, обитающая на р. Коппер-Ривер, почти полностью ассимилирована индейцами тлинкитами.

В Канаде эскимосы населяют отдельными группами побережье Ледовитого океана. Это группа эскимосов дельты р. Макензи, близкая к аляскинским эскимосам; на о-ве Виктория и прилегающей части материка обитают так называемые медные эскимосы; по берегам п-ова Мелвилла и п-ова Бутия и на Баффиновой Земле живут центральные эскимосы; оленные эскимосы (эскимосы карибу) занимают глубинные области от Гудзонова залива до залива Коронейшен, не выходя к морю; лабрадорские эскимосы (близкие по языку к гренландским эскимосам) живут по берегам Атлантического океана и Гудзонова залива южнее 63-й параллели в условиях более мягкого климата; эскимосы Гренландии делятся на три группы — полярные, восточногренландские и западногренландские [Народы Америки, т. 1, 1959, с. 110].

У большинства эскимосов традиционная охота на тюленей и моржей, полярных медведей и песцов не утратила своего значения до наших дней, хотя идет интенсивный процесс сселения широко разбросанных сезонно-подвижных небольших групп эскимосов, особенно в Гренландии и Канаде, в постоянные поселения [Стивенсон, 1975, с. 32—33; Hughes, 1968, с. 12—13].

Образ жизни и культура эскимосов дают пример исключительного приспособления людей к суровым условиям Арктики и

высокой специализации хозяйственной деятельности. Так, сезонный цикл «медных» эскимосов обычно делится на две фазы: 1) зимний период (декабрь—май), когда охота на тюленей была главным занятием охотников и в некоторых районах сопровождалась охотой на белых медведей; 2) летний и осенний (май—ноябрь), когда охотятся на карибу, мелкую дичь и птиц, а также ловят рыбу [Bicciēri, 1972, с. 12—13]. В полном соответствии с сезонностью занятий находятся поселения — зимние и летние. Зимним жилищем у «медных» и других эскимосов центральных областей Арктики служит классическая снежная хижина — иглу. Она 3—4 м в диаметре и 2 м в высоту; для освещения и отопления жилища служат плашки с тюленьим жиром, которые нагревают помещение до 20°. На лампе растапливают снег для воды, готовят пищу. Обычно в одной хижине живут две семьи, каждая из них занимает одну половину. Хижины загрязняются быстро, но их меняют, возводя новые, уже на новом месте [Народы Америки, т. I, 1959, с. 116—119].

Жилище устраивали на некотором расстоянии от берега, так, чтобы пешие переходы не превышали 5—7 км. В зимнем стойбище хижины сооружались по кругу радиусом 3—7 км, в центре которого находились отверстия — продухи тюленей. Главным занятием «медных» эскимосов является охота на тюленей. Поэтому их стойбище всегда устраивается на морском льду, поблизости от продухов. Эскимосы приучили собак находить эти отверстия во льду. Охотник нередко проводит несколько часов у отдушины в ожидании морского зверя и бьет его гарпуном. Другой способ охоты заключается в подползании к тюленям, которые с появлением весеннего солнца любят спать на льду. Раньше тюленей били гарпуном, теперь стреляют из ружей. У «медных» эскимосов получила развитие и охота в открытом море с весельных или моторных лодок. Прежде такая охота в море, свободном от льда, на кожаных лодках (каяках) была развита у берегов Гренландии, на Аляске, а также у самых западных и восточных групп канадских эскимосов [Народы Америки, т. I, 1959, с. 111—113].

Самые крупные — зимние стойбища во время охоты на тюленей имели в среднем не менее 100 жителей. Эти стойбища обычно через месяц переносятся на новое место, удаленное примерно на 15—20 км от старого. Охотники и их собаки находят новые продухи тюленей и охотятся на них на протяжении месяца. Более крупные охотничьи стойбища меняют свое расположение чаще.

Весной крупные стойбища разделяются на более мелкие, численностью 30—60 человек [Bicciēri, 1972, с. 26]. Более мелкие группы охотников ведут охоту на карибу, белого медведя, ловят рыбу. Группы рассредоточиваются по озерам и протокам. Лишь в моменты появления обильной рыбы в некоторых протоках численность населения стойбища вновь увеличивается за счет объединения родственных групп. Минимальной хозяйст-

венной единицей служит парная семья. Каждый мужчина имеет собственное охотничье снаряжение, а женщина — домашнюю утварь. Тюленей делят в соответствии с традицией. Тот, кто убил тюленя, получает шкуру, внутренности и ценный жир. Мясо потребляется всем стойбищем на общей трапезе; часто его прячут в тайники, с тем чтобы в голодное зимнее время использовать сообща вместе с другими членами хозяйственной общины [Bisicieri, 1972, с. 45]. Исследователи условно выделяют несколько уровней родственных объединений у охотников на морского зверя. Низкий уровень — семья из близких родственников — отца, сыновей, братьев и их семей. Высший уровень — группа в пределах большого стойбища до 80—90% членов, которые так или иначе связаны родственными узами.

В последние годы намечается уменьшение численности членов охотничьего стойбища, которая с 50-х годов стала редко превышать 25 человек. Наблюдается и большая оседлость эскимосов. Собираемость делается менее продолжительным, чем прежде. В 1955 г. правительство Канады приняло ряд мер по расширению сети школ и торговых точек; использование ружей, сетей, капканов и лодок с мотором, безусловно, отразилось на характере подвижности арктических охотников на морского зверя [Bisicieri, 1972, с. 45].

Оседло-бродячий образ жизни, характерный еще недавно для большинства из них, теперь постепенно сменяется переменнo-оседлым и годовой оседлостью с сезонной миграцией части населения.

Исследование другой группы эскимосов, в частности нетсилик, показало, что у них размеры стойбища варьируют по сезонам: от 15 человек во время летней охоты на карибу до 60 человек в морском промысле тюленей зимой на льду [Balicki, 1968, с. 261—262]. В каждой группе организацией охоты занимается самый старший и опытный охотник. Охота на тюленей в середине зимы по необходимости собирает в одном стойбище самое значительное число охотников с семьями. Объединение в одном стойбище гарантирует для каждого долю мяса (обычно тюлень разрезается на 14 частей, которые распределяются согласно установившемуся порядку). Существует при этом и определенная система партнерских связей, объединяющих не родственников.

Полевые исследования американских этнографов и экологов выявили четкие функциональные связи между передвижениями охотников на морского зверя, условиями жизни и миграциями животных — тюленей и рыбы в море, карибу на суше. Главные направления обусловлены сезонной сменой ландшафтов на суше и состоянием водной среды, т. е. температурой воды, толщиной льда и т. п. Так, среди эскимосов ноатак, обитавших в 1959—1961 гг. у мыса Пойнт-Хоп (численность 290 человек), за 94 недели были проведены детальные экологические исследования. Аналогичные работы были осуществлены также у охотни-

ков на карибу, охотников на морского зверя Баффиновой Земли (1230 человек), у эскимосов иглулик (450 человек) [Foote, 1968, с. 262—266]. Подробные данные относятся к эскимосам Пойнт-Хопа. Наибольшее число тюленей — 240 штук — было добыто ими за последнюю неделю июня, а также за вторую неделю февраля и начала января (200—210 шт.). Появлялись тюлени у берегов Пойнт-Хопа в ноябре, с образованием льда, а исчезали в конце июня или начале июля, когда лед таял.

Миграции были характерны и на суше для оленей карибу, которые двигались на юг осенью или ранней зимой, а возвращались на север весной. Главной пищей охотников-эскимосов служили мясо тюленей и карибу, а также рыба и птичьи яйца. В своей хозяйственной охотничьей деятельности местные эскимосы удалялись на 5—15 км от берега при ловле тюленей в море и на 25—30 км в глубь территории на суше, охотясь на карибу. Они имели постоянные зимние жилища, сложенные из камней с углубленным в землю полом. Во время охотничьих экспедиций эскимосы строили снежные дома, а летом использовали палатки. Транспорт на море во время охоты на тюленей и рыбной ловли служили в прошлом кожаные лодки, но теперь их вытеснили покупные шлюпки на веслах или с мотором. Этому способствует пушная охота на песцов и норок, шкурки которых скупают американские торговцы.

Образ жизни эскимосов Пойнт-Хопа может быть охарактеризован как оседло-бродячий и оседлый с сезонной миграцией части населения.

Японские исследователи, изучавшие быт эскимосов на о-ве Нельсон, выявили перемещения охотников-рыболовов с зимних мест в летние, где они ловили сельдь и лососевых [Masao Gamo, 1978]. Охота зимой на тюленей и норку носила у них уже товарный характер. В пищевой рацион твердо вошли черный чай, сахар, пшеничная мука. Их образ жизни переменнo-оседлый.

Общее число эскимосов на Аляске, по данным 1974—1977 гг., оценивалось в 32 тыс. [Masao Gamo, 1978, с. 170]. Из них подавляющее большинство теперь ведет оседлый образ жизни с сезонной подвижностью части населения.

Алеуты, которых на Аляске насчитывается около 2 тыс., близки к эскимосам по своим хозяйственно-культурным особенностям традиционных охотников на морского зверя [Masao Gamo, 1978, с. 170; Burch, 1979, с. 67—71]. В прошлом они промыслили морских бобров, сивучей, моржей, нерпу, китов и т. п. Важнейшую роль при морском промысле играла байдарка. Теперь используются лодки с мотором. В прошлом алеуты занимались собирательством моллюсков, морской капусты, морских ежей, крабов, выкапывали луковицы сараны, корни и т. п. Жилищем в прошлом алеутам служила большая землянка с крышей из костей кита, дерева и дерна. Теперь они живут в наземных жилищах. Их образ жизни оседлый с сезонной миг-

рацией части населения. Хозяйство алеутов приобрело товарно-промысловое направление [Ranson, 1945, с. 333—334].

На северо-западе Аляски была сделана попытка ввести оленеводство у эскимосов. Стадо оленей в 60 тыс. голов обслуживали эскимосские пастухи вместе с семьями, что, конечно, было связано с большой подвижностью их быта.

Значительная подвижность была характерна в прошлом для атапасков — лесных рыболовов и охотников. Главным продуктом их питания была речная рыба, которую они ловили самыми различными приспособлениями — сетями, сачками, вершью, загородками из прутьев и т. п. Важную роль играл лов лосося, поднимавшихся ежегодно вверх по рекам. С развитием пушной охоты с ружьями и стальными капканами атапаски стали более подвижны. Но хищническое истребление пушного и мясного зверя заставило значительную часть атапасков возвратиться в последние десятилетия к рыбной ловле, но уже на товарной основе [Аверкиев, 1974, с. 90—92].

Экологические исследования хозяйственной деятельности и быта атапасков на Аляске выявили значительные изменения в их культуре, но формы сезонной подвижности изменились сравнительно мало [Nelson, 1978].

Природные условия суровы. Летние температуры не поднимаются выше 16°, а зимние могут падать до 10—50° мороза. Осадки на протяжении семимесячной зимы выпадают в виде снега. В середине зимы солнце поднимается над горизонтом лишь на несколько часов. Ландшафты края меняются с севера на юг от тундры к лесотундре и таежным хвойным лесам. Собираательство лесных съедобных продуктов является важным подспорьем в питании атапасков. Обилие используемых в пищу дикорастущих растений дало возможность Р. Нельсону сделать вывод о том, что немногие из народов мира так сильно зависят от «даров леса», как атапаски [Nelson, 1978, с. 210]. Хотя атапаски живут далеко от моря, рыба является наиболее важным продуктом их питания. Рыбу ловят преимущественно женщины на реках и озерах, где расположены летние стойбища. Мужчины в это время совершают длительные охотничьи экспедиции, а в последние годы они вынуждены покидать деревню в поисках временной работы на приисках и т. п. Рыбу сушат, коптят и сохраняют на долгую зиму.

Атапаски охотятся на водоплавающую птицу (гусей, уток), тетеревов, а также на зайцев, бобров, ондатру, дикобраза, белку. Зайцев ловят силками, и это женское занятие. Охота на бобров и ондатру — мужское занятие в летние месяцы. Мясо этой дичи идет в пищу как людям, так и собакам. Самое крупное животное — олень. В последнее десятилетие поголовье дикого оленя увеличилось во внутренних областях Аляски, выросло и значение его в питании атапасков [Nelson, 1978, с. 218]. Промысловое значение имеет у них охота на пушного зверя — красную лисицу, волка, росомуху, бобра, ондатру и др.

Годовой цикл работ индейцев *

Занятие	Месяц											
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III
Охота на:												
карибу								—	—			
оленья								—	—			
медведя	—	—				—	—	—				
пушного зверя	—					—	—	—				
водоплавающую птицу		—	—		—	—						
куропатку и зайца						—	—	—				
(ловушки и силки)	—					—	—	—				
Рыболовство:												
в реках (лососевые)	—	—		—	—	—		—	—			
на озерах								—	—			
Другие виды работ:												
сбор ягод					—	—	—	—				
рубка леса	—	—				—	—	—	—	—	—	
сезонная работа по найму		—	—	—	—							

* [Nelson, 1978, с.222]

Годовая хозяйственная деятельность и в связи с ней подвижность охотников-индейцев подчинена в значительной степени сезонным передвижениям дичи. Типичный годовой цикл охоты отражен в табл. 8.

Для использования всех необходимых для жизни животных и растительных ресурсов необходимы хорошие знания в пределах всей охотничьей территории, поэтому охотники-мужчины передвигаются по ней, часто меняя места охоты. Большую часть года члены атапаскской соседской общины живут небольшими стойбищами, состоящими из родственных семей, группированных вокруг ядра, образуемого группой братьев с их семьями. Число малых семей, как правило, не превышает 12 [Аверкиева, 1974, с. 85].

Образ жизни большинства индейцев атапасков оседло-бродячий, переменнно-оседлый и в известной мере оседлый с сезонной миграцией части населения.

Комплексные эколого-этнографические исследования среди индейцев догриб, обитающих в канадской лесотундре между озерами Большое Медвежье и Большое Невольничье, выявили значительные изменения в их прежнем образе жизни: в последние десятилетия их быт стал более оседлым [Bicciegi, 1972, с. 53—69]. В 1965 г. догриб насчитывали 1200 человек и хозяйственно осваивали огромную территорию — 80 тыс. кв. км. Постоянные зимние жилища их расположены в нескольких местах, где они живут в самые холодные месяцы — в январе и

феврале. Как правило, это поселки с торговыми факториями. Торговцы, пользуясь голодной зимой, субсидируют на выгодных для себя условиях охотников, скупая после охоты меха по дешевой цене. Охота на пушного зверя — норку, куницу, лисицу, выдру и рысь, как правило, проводится в ноябре и декабре, возобновляясь только в марте, когда ослабевают холода [Bicciari, 1972, с. 71].

Первые значительные миграции начинаются в начале июля, когда воды рек и озер освобождаются от льда и только высокие берега и холмы еще покрыты снегом. Большинство семей, однако, продолжает жить в зимних поселениях, занимаясь ловлей рыбы сетями. Рыбу сушат на летнем солнце. Владельцы лодок с мотором ловят рыбу, а пожилые люди промышляют зайцев с помощью силков. Мужчины отправляются в лодках на охоту. Главная дичь этого времени — водоплавающая птица и лоси. В конце июля все семьи индейцев переселяются на летние рыболовецкие стойбища и возвращаются обратно только в начале зимы. В августе женщины и дети собирают ягоды, а мужчины охотятся на карибу, американского оленя, медведей и т. п. В сентябре главным занятием служит рыбная ловля. Рыба нужна не только людям, но и собакам. Поэтому ее сушат и коптят, заготавливая впрок на всю зиму. Ранней зимой начинается охота на пушного зверя — важнейшая статья денежных доходов.

Для индейцев догриб, таким образом, характерен переменнo-оседлый образ жизни.

Различные градации подвижности были характерны для индейцев алгонкинов — охотников и рыболовов. Так, монтани-наскипи на юге Лабрадора в прошлом в течение шести зимних месяцев вели бродячий образ жизни, охотясь на карибу, лося, медведя, росомуху и др.; летом они жили оседло в стойбищах около рыболовных угодий и торговых постов. Для них был характерен оседло-бродячий и переменнo-оседлый образ жизни. С развитием пушной охоты подвижность многих индейцев Канады возросла [Аверкиева, 1974, с. 19]. Ю. П. Аверкиева приводит высказывания американского этнографа В. Таннера, который пишет: «В интересах меховой торговли было раскидать индейские семьи по ручьям и рекам и, как только она началась, делать все возможное, чтобы держать индейца номадом. Как хороший торговец, компания сопротивлялась всем попыткам иезуитов сконцентрировать индейцев в постоянных селениях и вести земледелие» [Tapner, 1947, с. 648].

В Канаде северные оджибве теперь разбросаны небольшими общинами по лесной зоне. Каждая община имеет свои земли, включающие охотничьи и рыболовные угодья. Устройство в постоянных летних стойбищах на берегах озер и рек торговых центров, школ и церквей в ряде районов Канады в последние десятилетия постепенно превращает эти сезонно обитаемые стойбища в постоянные, оседлые круглый год деревни, откуда

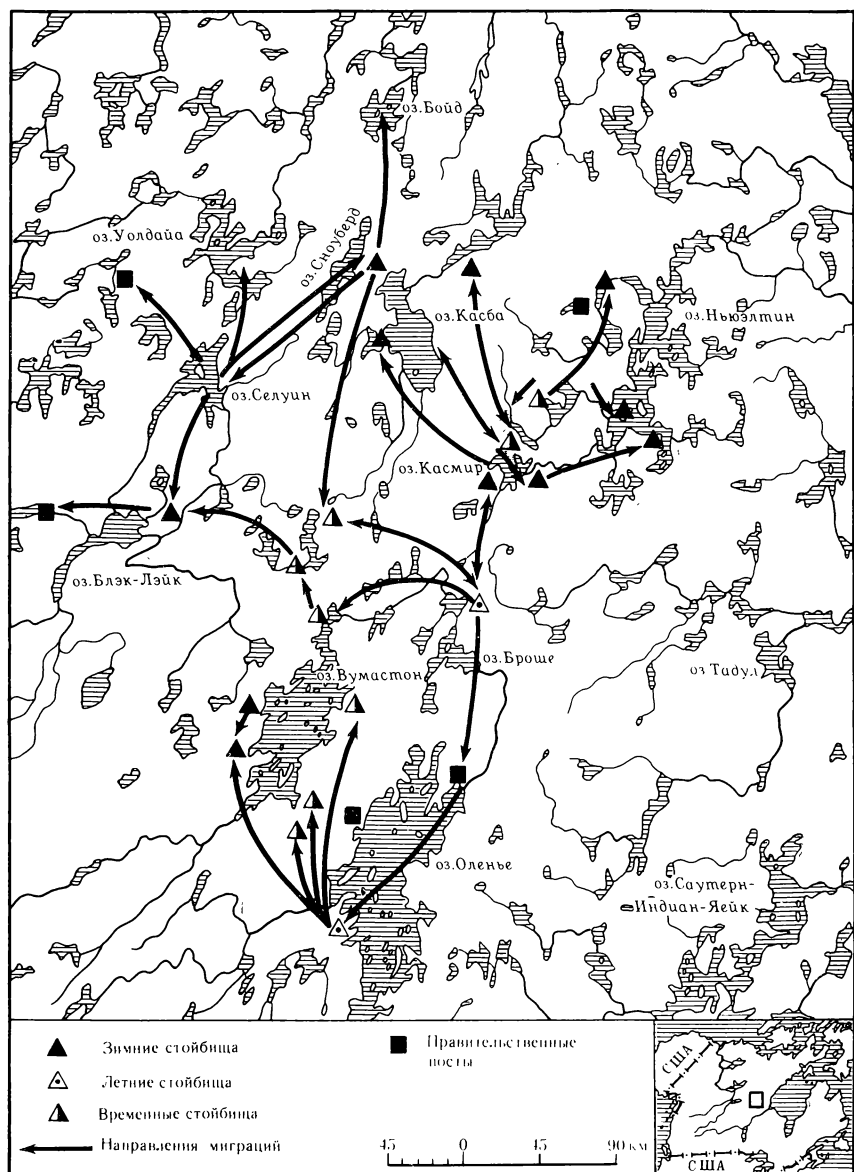

Рис. 26. СЕЗОННЫЕ МИГРАЦИИ ИНДЕЙЦЕВ ЧИПЕВАЙЕВ
 (по Иримото)

на пушной промысел осенью и весной отправляются только мужчины [Аверкиева, 1974, с. 76]. Так появляются все признаки годовой оседлости с сезонной миграцией части населения,

которая сменяет еще недавно преобладавший оседло-бродячий образ жизни у индейцев охотников и рыболовов.

Таким образом, европейская колонизация американского севера и проникновение капиталистических отношений воздействовали двояко: с одной стороны, шел процесс оседания индейцев в постоянных селениях и приобщение их через церковь и миссионерские школы к европейской индустриальной культуре; с другой стороны, интересы меховых компаний способствовали увеличению подвижности многих групп охотников и трансформации полубродячего и полuosедлого населения в подвижных промысловых охотников и рыболовов тайги и тундры.

Пушной промысел в последние столетия оттеснял на второй план рыболовство и мясную охоту. Еще в середине XIX в. мясо карибу было основой существования индейцев-охотников, карибу был столь же важен, как бизон для степных племен [Аверкиева, 1974, с. 51]. Но позднее значение мясной охоты падает, сменяясь промыслом пушного зверя. В настоящее время натуральный сектор хозяйства индейцев резко сократился за счет увеличения товарного, однако, как свидетельствуют этнографические исследования третьей четверти XX в., он еще сохраняет свое значение в укладе жизни всех индейских племен и эскимосов американского севера.

Отдельные группы индейцев сохраняют и весьма подвижные формы быта.

Относительно высокую подвижность сохраняют, например, индейцы кри, обитающие на берегах озера Мистассини и к северу от него [Bicciéri, 1972, с. 107—111]. На протяжении года характер их подвижности в связи с хозяйственной деятельностью меняется по крайней мере шесть раз.

Так, в конце лета, готовясь покинуть свои летние поселения, кри делают покупки съестных и охотничьих припасов, а также готовят каноэ и лодки. Семейными группами в середине сентября они отправляются по реке в свои зимние стойбища. Плывут кри только днем. На зимних стойбищах главное занятие — охота на крупных животных — карибу, лося, медведя и отчасти на пушного зверя. В середине апреля кри перемещаются на весенние стойбища, где охотятся на пушного зверя, преимущественно на ондатру. Водоплавающая птица и рыба в это время — главные продукты питания. Весной, как только тает лед на реках и озерах, кри вновь грузят свое имущество на каноэ и лодки, возвращаясь в мае на летние стойбища, где мужчины отдыхают от тягот зимней охоты, а женщины ловят рыбу, которую сушат и коптят.

Подобный сезонно-подвижный образ жизни сохраняют на северо-западе Канады индейцы чипевайи — северные атапаски (рис. 26). Их изучал в 1975—1976 гг. японский этнограф Такаси Иримото на севере канадской провинции Саскачеван в окрестностях базового поселения индейцев Уолстон-Лейк [Irimoto, 1981]. Численность индейцев в 1970 г. оценивалась в

4695 человек, а площадь, занимаемая в период зимней охоты, составляла 26 900 км (с плотностью населения 0,013 человека на 1 кв. км). Чипевайи расселены по территории небольшими общинами, занимаются охотой и рыбной ловлей. Они живут в сезонно сменяемых лагерях, где постоянно пребывают семьи охотников — женщины и дети, в то время как мужчины охотятся в лесах и лесотундре на оленей, промышляют пушнину и ловят рыбу. Зимние лагеря устраиваются в местах, удобных для охоты на карибу, которые в это время массами передвигаются из тундры на юг в лесотундру [Irimoto, 1981, с. 38]. Зимние лагеря — временные и располагаются на берегах озер, где ведется подледный лов рыбы. Мясо карибу и рыбу коптят на кострах, заготавливают впрок. Зимой охотятся на пушного зверя. Зимним транспортом индейцам служат собачьи упряжки. Весной, летом и осенью, когда воды свободны от льда, чипевайи передвигаются преимущественно на каноэ. Летняя хозяйственная деятельность их ограничена более узкой территорией, составляющей 17,5% зоны зимней охоты [Irimoto, 1981, с. 87]. Главной базой — летним поселением в это время служит Уолстон-Лейк. Всего обследованная группа чипевайев имела не менее трех сезонных постоянных лагерей и временные зимние стойбища [Irimoto, 1981, с. 88]. Поэтому их образ жизни может быть охарактеризован как переменно-оседлый и оседло-бродячий.

С давних времен в Северной Америке ХКТ оседло-бродячих охотников и рыболовов тайги и тундры был связан рядом переходных вариантов с типом приморских полуоседлых рыболовов, живших на северо-западном (тихоокеанском) побережье, где с высоких Скалистых гор сбегает быстрые реки, а климат достаточно мягкий. Склоны гор и долины изобилуют дичью. Берега изрезаны фиордами с сетью островов, впадающие в море реки и прибрежные воды богаты рыбой, особенно лососевыми, поднимающимися в сезон метания икры в верховья рек. Здесь издавна обитали племена трех групп: 1) тлинкиты, хайда и цимшиан; 2) квакиютль и нутка; 3) салиши. Эти племена нередко называют оседлыми рыболовами-охотниками [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, с. 131; Аверкиева, 1974, с. 135]. Однако такое определение их образа жизни не совсем точно. Действительно, у многих народов рыболовство способствует более оседлому образу жизни. Но хозяйство северо-западных индейцев было комплексным. Прочная оседлость в центральной деревне зависела, как правило, от хода лососевых рыб, перемещения дичи в горных лесах, сбора ягод, орехов и др. Поэтому их образ жизни был оседлый с сезонной миграцией части населения, переменнo-оседлый и оседло-бродячий. Теперь в условиях капиталистической экономики они оседлы, так как лишены своих рыболовческих и охотничьих угодий.

Исчез также и классический западноамериканский тип собирателей, который был изучен американскими этнографами в

конце XIX — начале XX в. в Большом Бассейне Калифорнии [Forde, 1963, с. 32—44]. Еще в первой половине XIX в. в калифорнийской долине Оуэнс племя паюте численностью 100 человек занимало территорию в несколько сот квадратных километров [Hopkins, 1883]. Они меняли место своего стойбища несколько раз в году. Зимой паюте жили в одном или двух поселениях, но весной рассеивались по всей территории отдельными группами. Женщины собирали различные съедобные растения в корзины, сплетенные из лозы и трав. Некоторые группы паюте применяли искусственное обводнение понижений в холмистой местности, орошая дикие заросли зерновых и трав. Мужчины в это время охотились, собирали желуди, орехи, плоды и корни. У паюте было развито и рыболовство. Образ жизни их в прошлом был оседло-бродячий.

АВСТРАЛИЯ

Современная Австралия — континент больших контрастов, где наряду с крупными городами, капиталистическим производством, высокоразвитой промышленностью и фермерским сельским хозяйством продолжает существовать самый древний и архаичный хозяйственно-культурный тип собирателей и охотников пустынь и саванн жаркого пояса. Судьба австралийцев-аборигенов, представителей этого быстро исчезающего в наши дни хозяйственно-культурного типа, трагична. Считается, что в 1788 г. их было около 300 тыс., но к 1901 г. это число сократилось до 66 950 человек. По данным Австралийской информационной службы, в 1976 г. в стране было 40 тыс. «чистокровных» аборигенов и 100 тыс. метисов. Более 20 тыс. аборигенов живут в резервациях и сохранили в значительной мере традиционный образ жизни [Артемова, 1980, с. 87, 94].

В чем же причина отсталости коренного населения Австралии? Здесь прежде всего следует отметить, что причины, вызвавшие эту отсталость до проникновения европейцев в Австралию, резко отличаются от причин, тормозящих их современный прогресс. Австралия была заселена человеком современного вида позже, чем другие части мира, — 20—30 тысяч лет назад [Кабо, 1969, с. 364]. В течение долгих тысячелетий отрезанные от остальных народов земного шара морями и океанами австралийские аборигены до конца XVIII в. почти не испытывали влияния со стороны обществ экономически и культурно более развитых. Само заселение колоссальных пустынных и полупустынных просторов континента было связано с огромными трудностями. Пришельцам с каменной техникой пришлось затратить много сил на приспособление к суровым природным условиям. Большую роль в этом сыграла и географическая изоляция Австралии от остальных частей света.

Природные условия Австралии отличаются малым разнообразием ландшафтов и относительной скудостью пищевых ресурсов. Вследствие сухости климата растительность бедна. Более 80% площади относится к жаркой аридной и семиаридной зонам. Только треть материка на востоке и севере получает достаточное или избыточное количество осадков. На самом севере в субэкваториальном поясе жаркое дождливое лето сме-

няется сухим и теплым зимним периодом. В средней и центральной частях материка меньше всего осадков — от 10 до 150 мм в год. Климат здесь тропический пустынный; на восточном берегу тропический, влажный. Крайний юго-запад континента отличается сухим летом и влажной зимой, когда западные ветры приносят осадки. Летом среднемесячная температура внутри континента достигает 25—30° тепла. Зимой, в июне—июле, среднемесячная температура снижается до 20° на севере и 10° тепла на юге. Пояс высокого давления в это время смещается к северу. Поэтому значительная часть континента, лежащая в тропическом и субэкваториальном поясе, за исключением крайнего востока, почти не получает осадков. Большая часть поверхности Австралии представляет собой монотонную красноватую равнину, постепенно понижающуюся от краев к центру, где располагаются пустыни.

Растительность песчаных пустынь представлена жестколиственными злаками, а также кустарниками эвкалипта, казуарина и др., в понижениях растет солянка. Склоны гор усыпаны щебнем и почти лишены растительности. Там, где больше осадков, растет эвкалиптовый скрэб, или малли-скрэб, из низкорослых эвкалиптов [Петров, 1973, с. 93—94; UNESCO, 1979, с. 36].

Для Австралии характерны многие виды древесной и кустарниковой растительности, отсутствующей на других континентах. Эвкалиптов, в частности, насчитывается несколько сот видов. Крупные деревья, высотой до 100 м, образуют на высоте светлые леса. Среди кустарников немало видов, дающих съедобные плоды, эфирные масла, дубильные вещества. Но нет видов растений, которые могли бы быть здесь одомашнены. Все культурные растения Австралии привезены из других стран.

Эндемичен животный мир, многие представители которого давно вымерли в других частях света. Здесь много сумчатых животных, в частности разного вида кенгуру, есть гигантские, до 2 метров высоты, и карликовые, величиной с мышь. В эвкалиптовых лесах встречается сумчатый медведь коала, сумчатый муравьед. Других более или менее крупных зверей нет. Но мир птиц богат и разнообразен. Кое-где сохранился страус эму. Многочисленны и разнообразны пресмыкающиеся — змеи, ящерицы, а на севере в реках — крокодилы [Второв, Дроздов, 1974, с. 95—108].

Бродячие австралийцы употребляют в пищу не только крупную мясную дичь, но и мелких животных, не исключая пресмыкающихся и насекомых.

Когда-то австралийцы-аборигены были единственными обитателями континента. В конце XVIII в. насчитывалось около 500 разных племен, которые занимали преимущественно благоприятные для жизни области, но с приходом европейцев они были отчасти истреблены, а отчасти оттеснены в наиболее засушливые районы Центральной и Северной Австралии. Область, занятая ими теперь, быстро сокращается, и трудно опре-

делить, сколько их еще бродит по глухим местам больших пустынь и северных редкозаселенных побережий Австралии. Бродячий образ жизни сохраняют, вероятно, не более 10—15 тыс. человек.

Самую крупную группу неоседлых австралийцев-аборигенов этнографы зафиксировали в пустыне Гибсон, где в период первых контактов аборигенов с европейцами проживало 10—18 тыс. человек, а в 50-х годах нашего века — 2—3,2 тыс. [Berndt, 1959, с. 85—86]. Лучшие охотничьи угодья находятся в зоне кустарников, где дожди выпадают один или два раза в летний сезон. В это время локальные группы собирателей и охотников достигают своих максимальных размеров, доходя до 150 человек. При перемещении на новые участки для собирательства и охоты такие большие группы распадались на мелкие. Наименьшие группы в сухое время года состояли из 1—2 семей.

Американский этнограф Р. Гулд, посетивший в 1966 и 1967 гг. район миссии Уорбертон в самой глубине пустыни Гибсон, обнаружил группу австралийцев из 22 человек. Некоторые из них посещали миссию, но не оставались там. Автором была проделана работа по учету съедобных растений, собираемых аборигенами в разное время года. Австралийцы-аборигены употребляют в пищу многие десятки съедобных растений, которые составляют 70—80% общего объема их пищи (см. [Gould, 1977, с. 22—23]).

Р. Гулд проследил хозяйственную деятельность одной семьи, состоящей из 13 человек. В лучшие времена они могли собрать в день более 1 кг съедобных фруктов одного вида и почти 4 кг другого. Четыре женщины и одна девушка собирали вместе и тратили на это 4,5 часа. В среднем они приносили по 4 кг съедобных растений каждая. Кроме того, женщины затрачивали время в стойбище на обработку продуктов, из которых готовили пищу для всей семьи на сутки. Одновременно два взрослых мужчины этой семьи добывали на охоте мясо. Пищевой рацион каждого из членов семьи включал в среднем более чем 1 кг растительной массы и до 0,5 кг мяса. Мужчины были заняты на охоте разное время, подчас довольно долго. Женщины собирали растения утром, а днем, в самое жаркое время, отдыхали [Gould, 1977, с. 24—26].

Одни съедобные растения поедались свежими, другие женщины толкли на камнях, смешивали с водой, изготавливали из пасты шарики. Иногда из этой тестообразной массы пекли в костре лепешки, ягоды смешивали с водой, получая приятный напиток [Gould, 1977, с. 24—26].

В свое время русский этнограф А. Н. Максимов отмечал, что дикие растения дают австралийцам самую разнообразную пищу: «Плоды, ягоды, орехи, зерна злаков и других трав, корни, корневища, клубни, стебли, молодые побеги, листья, почки, семена, цветы, мягкая сердцевина деревьев, одним словом, кажется, нельзя назвать ни одной части растения, которая у то-

го или иного вида не шла бы в пищу» [Максимов, 1929, с. 24].

А так как каждое растение могло быть употреблено в разное время года, то локальные группы австралийцев совершали сезонные передвижения. Этому способствовала также охота на различную дичь: кенгуру, эму, сумчатых грызунов, крыс, а также на черепах, ящериц и змей. На птиц австралийцы охотились с помощью бумеранга. Весьма разнообразны были способы ловли рыбы в водоемах, которые, впрочем, в сухое время пересыхали.

На обширных пространствах пустыни направления многих передвижений определялись местоположением водных источников. Эти места с выходом грунтовых вод источников, дождевые ямы, небольшие ручьи, не пересыхающие в сухое время, были хорошо известны аборигенам, которые знали не только растительные, животные, но и водные ресурсы своей охотничьей территории. Характер сезонных осадков также отражался на их маршрутах.

Изученная Р. Гулдом группа аборигенов в Западной пустыне имела семь основных типов стойбищ с несколькими подтипами [Gould, 1977, с. 29]. Шесть из них были временные и сооружались во время повседневных маршрутов, а один был связан с ритуальными церемониями. Самое крупное стойбище объединяло до 10 семей. Небольшие поселения имели только одну семью в 9—13 человек. Во время зимы устраивались ветровые заслоны от холодных ветров. Летние округлые хижины сооружали из ветвей колючего кустарника и покрывали травой, которая, впрочем, не предохраняла от дождей [Народы Австралии и Океании, 1956, с. 138—139].

На время длительных охотничьих экспедиций небольшие группы мужчин от 2 до 12 человек устраивали временные стойбища. Это обычно овальной формы искусственное углубление в земле, огражденное с одной стороны невысоким заслоном из кустарника. Подобные места для сна сооружаются на одного человека. Поэтому ряд из шести углублений свидетельствует, например, о том, что здесь ночевало шесть человек. В подобных временных стойбищах иногда совершаются ритуалы. Во время охоты используют искусственные ширмы, сооруженные из кустарников или просто из камней недалеко от водных источников, куда приходят животные на водопой. Охотники сооружают также место для разделки крупных кенгуру. Это углубление в земле или песке; в подобных углублениях жарят дичь на углях [Gould, 1977, с. 44].

Во многих местах Западной пустыни встречаются каменоломни, места по изготовлению каменных орудий. Все эти различного рода пункты хозяйственной деятельности австралийцев-аборигенов свидетельствуют о большой подвижности их образа жизни.

При добыче средств к существованию австралийцы исходят из принципа разделения труда между мужчинами и женщина-

ми; 70% продуктов собирательства добывается женщинами, 98% продуктов охоты и 60% продуктов рыболовства — мужчинами. Значение женщин выше в тропической северной части Австралии, населенной австралийцами-аборигенами. Так, женщины Арнемленда добывают от 60 до 90% всей пищи [Кабо, 1979, с. 158—159].

Для аборигенов, обитающих в засушливых районах континента, в частности в пустынях Западной Австралии, характерны изменения в численности хозяйственных групп: концентрация в местах, изобилующих водой, растительной пищей и дичью, в дождливые сезоны и рассредоточивание отдельных семей вблизи индивидуальных источников воды [Bicciegi, 1972, с. 179]. Группы то увеличиваются до 100 человек и более, то сокращаются до 10—12. В. Р. Кабо справедливо подчеркивает пластичность, гибкость и внутреннюю изменчивость первобытной общины австралийцев-аборигенов, ее высокую приспособляемость к изменяющимся экологическим условиям [Кабо, 1979, с. 153—161]. Суровая борьба людей за выживание в природных условиях со скудными ресурсами заставляла с раннего возраста заботиться о пище и изучать окружающую среду. Так, в испытания мальчиков, проходящих инициации, входило хорошее знание всех источников воды, находящихся в распоряжении группы, а также требовались практические навыки охоты и собирательства.

По мнению В. Р. Кабо, локальные группы в пустынях как Западной, так и Центральной Австралии состоят из мужчин и незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, а также жен, приходящих из других групп. Локальные группы патрилинейны: принадлежность к ним передается по отцовской линии. Каждая группа насчитывает не более 50 человек [Кабо, 1979, с. 152—153].

Изученное в 50-х годах этнографом М. Меджитт племя валбири в Центральной Австралии делилось на четыре части, в каждой от 200 до 400 человек. Они занимали обширные территории охотничьих и кормовых угодий. В период дождей с наступлением осени и вплоть до начала зимы члены каждой общины объединялись в 1—2 группы и совместно добывали пищу. Женщины ежедневно большими группами отправлялись за съедобными растениями, а мужчины охотились. С уменьшением водных и пищевых ресурсов крупные группы разделялись на более мелкие в самое засушливое время — с конца весны и до начала лета. Минимально они могли состоять из мужчины, его жен и детей, а также некоторых престарелых родственников. Только такая группа могла обеспечить себя пищей в самое сухое время, когда добыча была чрезвычайно скудна [Кабо, 1969, с. 231]. С началом дождливого периода группы постепенно объединяются, но состав их неустойчив и непостоянен. Таким образом, между самой большой группой (одной из четырех частей племени валбири) и отдельной семьей существовали различные

группы, меняющиеся по сезонам и осуществляющие хозяйственную деятельность вместе.

В 1958—1960 гг. этнограф Л. Хайэтт выявил у аборигенов Северного Арнемленда, говорящих на одном языке гидйингали, четыре этнические общности: анбара, марапураба, мадан и марингос. Гидйингали насчитывали тогда 294 человека. Четыре общины делились на 19 групп, каждая из которых имела свою территорию, но между ними не было четких границ. Изучая годичные передвижения одной общины — анбара (насчитывающей 150 человек), Л. Хайэтт установил их четкую экологическую зависимость. Часть года члены общины жили в главном стойбище на побережье. В течение влажного сезона, с января по апрель, анбара перемещались на стойбище, расположенное на берегу моря, на участок одной из близких тотемических групп. Сюда приходили представители и других общин, жившие вдали от моря. Здесь аборигены ловили рыбу, собирали моллюсков. Когда наступал сухой сезон, анбара мигрировали в глубь территории и рассредоточивались на мелкие хозяйственные группы, занимаясь охотой и собирательством. В августе, когда пищевые ресурсы увеличивались за счет нового урожая диких фруктовых и других съедобных растений, все члены общины собирались вместе, а в ноябре—декабре начиналось новое передвижение к морскому побережью [Кабо, 1979, с. 142].

По мнению В. Р. Кабо, циклический, сезонный характер хозяйственной деятельности обуславливал временную концентрацию и оседлость аборигенов на морском побережье во время дождей, приносимых северо-западным муссоном. Такой образ жизни вели и многие другие племена Арнемленда [Кабо, 1979, с. 143].

Во внутренних пустынных областях Австралии плотность австралийцев-аборигенов была очень низкой, границы между отдельными группами нечеткими, а сами группы вели бродячий образ жизни. В пустынях нужна была обширная территория в 350—380 кв. км, чтобы поддержать жизнь одного человека. В таких условиях можно было жить только небольшими группами, постоянно кочующими в поисках пищи. И в обычных ежегодных передвижениях по своей земле они меняют сотни стойбищ и проходят многие тысячи километров [Tindal, Lindsay, 1963, с. 63].

В более благоприятных для охоты, рыболовства и собирательства ландшафтах плотность населения выше, а территория каждой группы меньше. Если в пустынях численность общины в среднем 25 человек, то в хорошо увлажняемых районах — 50—100 человек.

У мурнгин, изученных этнографом Л. Уорнером в 30-х годах, локальные группы составляли в среднем 40—50 человек. Территория, которую они занимали, достигала 500—600 кв. км. Ядром локальной группы являлся экзогамный патрилинейный род, мужчины которого почти не покидали своей территории,

тогда как женщины приходили из других родов через год или два после заключения брака. Границы между территориями на морском побережье были четко фиксированы, а в глубине материка, где охотились и собирали в сухое время года, они были выражены слабо. «Кормовые» территории на берегу моря незначительны по площади и чаще всего не превышали 35—40 кв. км. Образ жизни охотников — рыболовов и собирателей здесь был оседло-бродячий.

На островах Мелвилл и Батерст, расположенных к северу от Арнемленда, в конце 20-х годов обитали австралийцы-аборигены тиви, составляющие 9 локальных групп, каждая из которых занимала до 320 кв. км и объединяла от 100 до 300 человек [Кабо, 1979, с. 146]. Все члены локальной группы собирались вместе только в наиболее благоприятное время муссонных дождей. Остальную часть года они бродили по своей «кормовой» и охотничьей территории небольшими группами, часто состоящими из членов индивидуальной семьи: мужа, его жены или нескольких жен, их детей, а также неженатых родственников [Кабо, 1979, с. 147]. Исследователи тиви К. Харт и А. Пиллинг, изучавшие их в 50-е годы, отметили существование у тиви групп людей, совместно производящих и потребляющих пищу [Hart, Pilling, 1960, с. 66]. Одна из таких групп состояла из трех больших семей. Они вели общее хозяйство собирателей, рыболовов и охотников. Вся добывавшаяся пища потреблялась всеми 32 членами этой группы.

По словам В. Р. Кабо, «в более продуктивных областях континента, и соответственно населенных плотнее, общинная территориальность выражена в более определенных и жестких формах, чем там, где естественные ресурсы скудны, а плотность населения низка» [Кабо, 1979, с. 164].

Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что отношения между членами общины и их территорией, природной средой представляли собой определенную динамичную систему, стремящуюся к равновесию. Для поддержания этого равновесия община распадалась на хозяйственные группы, различающиеся по численности в соответствии с пищевыми ресурсами и «ритмом, царящим в природе» [Кабо, 1979, с. 165].

Если на морском побережье в дождливое время с оптимальными условиями (обилием рыбы и пр.) образовывались крупные группы, то внутри материка в дождливый период, напротив, крупные группы распадалась на более мелкие. Объединение их происходило в сухое время года у больших и постоянных водоемов, без которых жизнь в пустыне невозможна.

Современная эпоха, жестокое внедрение в архаический мир аборигенов европейских завоевателей Австралийского континента, принесли много изменений в их образ жизни. Исследования чешского этнографа И. Бринке, проведенные в 1969 г. у племени рембарнга (раинбарнго) в Арнемленде, рисуют довольно сложную картину современных процессов [Бринке, 1976,

с. 107—109]. Так, племя рембарнга насчитывает около 500 человек, занимая территорию 6—7 тыс. кв. км. Племя подразделялось в прошлом на общины или хозяйственные группы, состоящие из нескольких семей. Эти группы бродили по своей территории, совершая в году путь до 1500 км. В наши дни эти миграции имеют три основные формы, которые территориально почти не выходят за пределы Арнемленда. Первой формой является сселение австралийцев-аборигенов с их «племенной», или «кормовой», территории в постоянные поселки. У этого перемещения населения автор выявил два этапа. Первый характеризовался случайным, более или менее стихийным переселением отдельных представителей рембарнга на европейские скотоводческие фермы, в церковные миссии, в поселки при шахтах и очень редко — в большие города. Из этого числа мигрантов часть возвращалась на территорию своего племени. Небольшая часть оседала на скотоводческих фермах в качестве сельскохозяйственных рабочих. В этом сказались и политика государственных органов. В настоящее время почти все рембарнга обитают в постоянных поселках.

Второй современной формой миграции рембарнга является перемещение их из одного постоянного поселка в другой. Этому способствуют родственные связи, а также, по выражению чешского этнографа, «склонность аборигенов к переездам, наследие их первоначального образа жизни» [Бринке, 1976, с. 107]. В большинстве случаев эти перемещения носили временный характер.

Третьей формой миграций являются краткосрочные — от нескольких дней до нескольких недель, редко месяцев — маршруты в леса для охоты и собирательства.

В последнее время у них наметилась тенденция к возвращению на прежние охотничьи территории, причем можно говорить об «обратной миграции», что обусловлено непривычными условиями жизни в постоянных закрытых домах. Нередко аборигены ложились спать не в доме, а на свежем воздухе, к которому они адаптированы тысячелетиями. Некоторые из поселенцев на своих бывших землях создают кооперативные земледельческие и скотоводческие хозяйства [Артемова, 1980, с. 105]. В 1977 г. правительство Австралии объявило обширные земли резерваций Северной Территории Землей аборигенов. Значительная часть населяющих эти районы аборигенов сохраняет традиционный образ жизни. В 1975 г. в резервациях Северной Территории жило около 20 тыс. аборигенов [АИ, с. 15—16].

Для большинства из них характерен оседлый образ жизни с сезонной миграцией части населения.

Сезонная подвижность части населения, сочетающаяся с годовой оседлостью людей в деревнях на морском побережье, может быть отмечена у собирателей и земледельцев на Новой Гвинее — у «рубщиков саго», в частности у племени маринданим [Wirz, 1922, с. 88—91].

ЗАРУБЕЖНАЯ ЕВРОПА

Страны зарубежной Европы, занимающие запад огромного Евразийского континента, имеют общую площадь 4,9 млн. кв. км. Средняя плотность населения весьма высокая — 99 человек на 1 кв. км (1982). Природные условия этого региона, расположенного в умеренном и лишь отчасти в теплом, субтропическом (на юге) и холодном, субарктическом (на Крайнем Севере) поясе, определяются не только его широтным положением, но и влиянием Атлантического океана. Влажный океанический воздух протекает в глубь континента, смягчая летнюю жару и зимние холода. Воздух насыщен влагой, и западные ветры приносят обильные осадки. У берегов Северной

Европы проходит теплое Северо-Атлантическое течение, что способствует потеплению зимы на северо-западе континента, а на юг Европы влияет теплое Средиземное море, создавая здесь особый субтропический климат. Зима на берегах Средиземного моря теплая, но дождливая и ветреная, температуры января не опускаются ниже 3—4° тепла, лето сухое и жаркое. В это время сюда перемещается пояс высокого давления с тропическим теплым воздухом.

Вдоль берегов Атлантического океана с юга на север простирается область морского климата. Она отличается мягкой зимой, преобладанием неустойчивой ветреной погоды и средними плюсовыми температурами. Лето умеренно теплое и достаточно влажное. Годовые амплитуды невелики. Во внутренних областях зарубежной Европы умеренно континентальный климат с более прохладной зимой и теплым летом. Лишь самые северные окраины Европы обладают субарктическим климатом с ветреной, влажной и относительно мягкой зимой и прохладным сырым летом.

Северная Европа — это Финляндия, Скандинавия, Исландия и ряд других островов. Здесь преобладают ландшафты скалистых невысоких возвышенностей, покрытых хвойными лесами, усеянных озерами и болотами, пересеченными быстрыми реками. Простирающиеся вдоль Скандинавского полуострова горы покрыты лесотундрой и тундрой. Они постепенно понижаются к Балтийскому морю, но круто обрываются на запад, где морское побережье все изрезано фиордами.

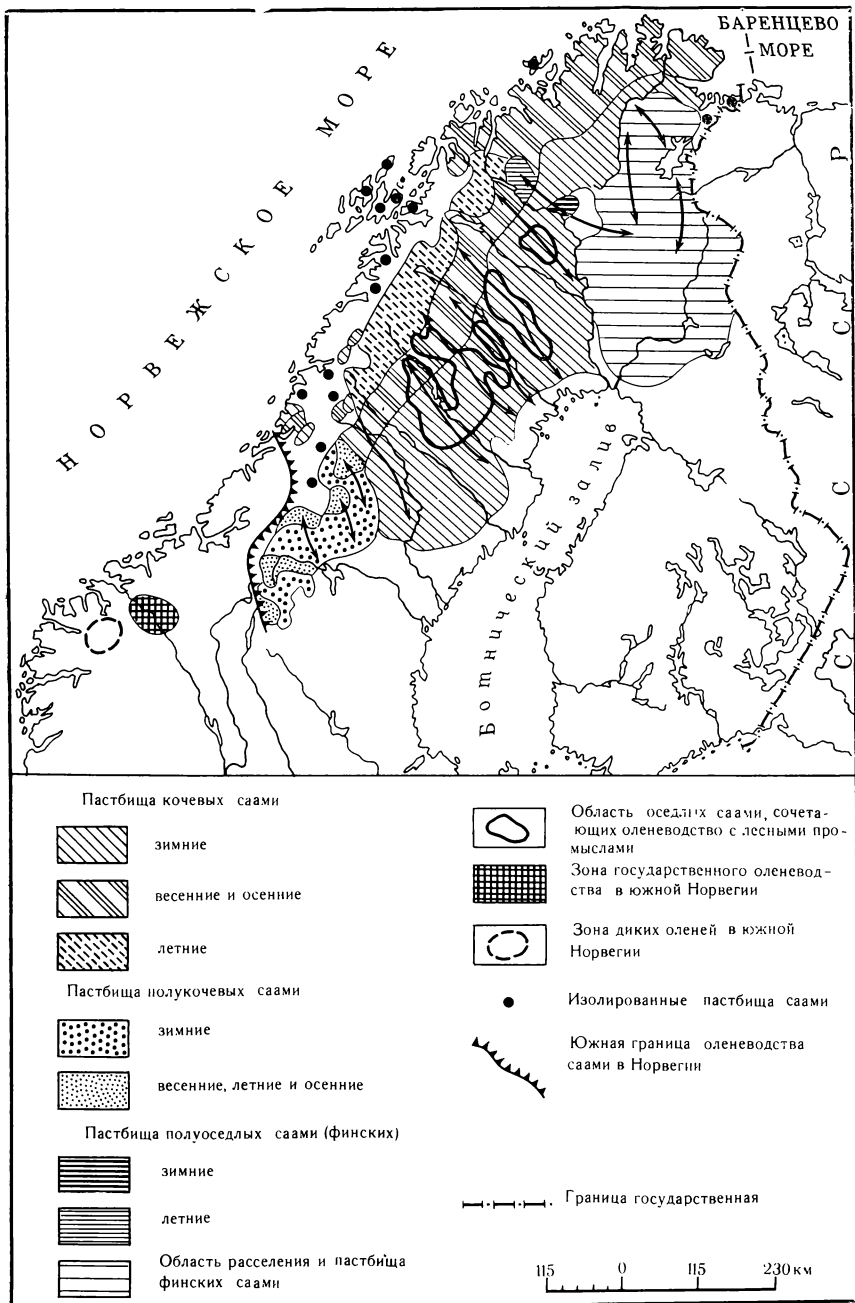

Рис. 27. ПАСТБИЩА СААМИ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ (по Манкеры)

Большая часть севера Западной Европы входит в зону смешанных лесов. Здесь росли когда-то разные породы деревьев: сосна, ель, дуб, клен, липа, ясень. Теперь леса сохранились только на севере и в горных районах. Южнее располагается зона широколиственных лесов на бурых лесных почвах, где растут дуб, бук и другие породы. Здесь преобладают культурные сельскохозяйственные и урбанизированные ландшафты.

Для Средиземноморья характерны заросли вечнозеленых колючих кустарников. Внутренние, гористые части крупных полуостровов и островов заняты небольшими рощами широколиственных лесов. Выше в горах встречаются смешанные, хвойные леса и альпийские луга [UNESCO, 1979, с. 30].

Природные условия умеренного пояса зарубежной Европы отличаются большим разнообразием, и в то же время они не давали людям в далеком прошлом изобилия естественных ресурсов, что всегда сказывалось на темпах прогресса тех или иных групп человечества.

В силу определенных исторических и природных условий народы Европы сыграли большую роль в развитии человечества и его культуры. Теперь зарубежная Европа наиболее урбанизированная и промышленно развитая часть света. Так, в 1980 г. жители городов составляли здесь 69% всего населения, общая численность которого была равна 485 млн. человек. Из этого числа только 0,6—0,7 млн. человек сохранили в той или иной степени неоседлый образ жизни. Это оленеводы, рыболовы приполярных районов Северной Европы, отчасти овцеводы островов, пастухи горных районов юга с традиционным перегонном скота и, наконец, цыгане.

Оленеводство развито на самом севере. Так, значительная часть саами (лопарей) занимается в горных тундрах Скандинавии оленеводством, перегоняя стада с одних пастбищ на другие (рис. 27). Их общая численность — свыше 50 тыс. Больше всего саами в Норвегии — около 30 тыс. человек, в Швеции их около 15 тыс., в Финляндии — 5 тыс. человек. Они живут в приполярных районах зарубежной Европы, где возможности для земледелия очень ограничены. В X—XIV вв. саами занимали значительную часть Фенно-Скандии. Позже они были оттеснены в северные области и отчасти ассимилированы. Их главными занятиями в прошлом были охота, рыбная ловля, оленеводство и домашние ремесла. Крупнотабунное оленеводство распространилось у саами с XVII в. Еще в начале нашего века большая часть их вела кочевой образ жизни.

В настоящее время саами Фенно-Скандии подразделяются по своим хозяйственным занятиям на три основные группы [Manker, 1953].

К первой относятся оседлые (с сезонной миграцией части населения) морские или прибрежные саами, которые в Норвегии составляют половину всех саами. Летом и осенью они заняты промыслом семги, а весной — с мая по июнь — ло-

вят треску недалеко от берега. Подсобными занятиями им служат земледелие и скотоводство.

Другая группа — речные саами — обитатели речных долин внутренних районов Швеции и Финляндии. Они заняты, главным образом, охотой и рыболовством на озерах и реках. Для них также характерен оседлый образ жизни с сезонной миграцией части населения.

Наиболее подвижные формы быта существуют у горных и лесных оленеводов. Лесным оленеводством в конце XIX в. занимались саами Южной Швеции, которые теперь в основном перешли к земледелию. Саами более северных районов — «пушные саами» сочетают оленеводство с земледелием. Выпасая оленей круглый год в лесах (преимущественно в Финляндии и отчасти в Швеции), саами совершают перекочевки на небольшие расстояния [Народы зарубежной Европы, т. II, 1965, с. 149—156].

Более значительные по протяженности миграции характерны для горных оленеводов. Их пути идут вдоль крупных речных долин. Осенью и зимой они выпасают оленей в лишайниковых тундрах, редколесьях Северной Швеции, а весной перегоняют скот из Швеции в горы Норвегии [Линкола, 1982]. Горные оленеводы, владеющие большими стадами оленей, эксплуатируют труд более бедных сородичей. Пастбища у кочевых саами делятся на зимние, весенне-осенние и летние. Они используют горными саами, занимающими самые суровые горно-тундровые ландшафты Фенно-Скандии. К ним примыкают полукочевые саами, занимающиеся лесным промыслом в горных долинах и сочетающие на юге оленеводство с земледелием и скотоводством.

В 60-х годах нашего века оленеводы составляли примерно 10% всех саами [Boon, 1968, с. 287]. К началу 80-х годов их было 7 тыс. [Anderson, 1981, с. 101]. Процесс оседания саами стал особенно заметен во второй половине XX в. Для современных саами характерны различные формы подвижности — от кочевых до оседлости с сезонной миграцией части населения, отправляющегося на лесные промыслы, на рыбную ловлю и т. д. [Elbo, 1952, с. 348—358].

Жилищем кочевникам в прошлом служил разборный конический шалаш — кота, покрытый летом парусиной, а зимой толстым войлоком или оленьими шкурами [Народы зарубежной Европы, т. II, 1965, с. 151—152]. Общий вид более постоянного жилища кочевников напоминает усеченную четырехгранную пирамиду; иногда кóту покрывают деревянными досками или дерном. Эта так называемая торфяная кóта распространена на севере, а на юге ее сооружают из бревен, положенных срубом на землю, вверху горбыли, прикрытые дерном и торфом. В таких жилищах оленеводы живут на весенних и осенних пастбищах.

На постоянных поселениях рыбаков теперь преобладают де-

ревянные избы с двускатной крышей. При перекочевках между стойбищами, где сооружены торфяные кóты, обычно используют переносное жилище. У русских саами этот тип жилища называется «кувакса».

Средством передвижения у кочевых саами зимой является оленья упряжка с небольшими лодкообразными санями. Летом утварь и жилища грузят на оленей व्यюком: как правило, кроме оленей в стаде есть и козы.

В последние годы формы подвижности оленеводов-кочевников изменились, часть из них стала полуседлой. Так, их семьи живут теперь круглый год в постоянных, иногда довольно крупных поселениях. Таковы, например, селения Караток и Каутокейно в Северной Норвегии. Трудоспособные мужчины здесь летом выпасают оленей на расстоянии 200—300 км от дома. Важным подспорьем оленеводам служат земледелие и стойловое разведение крупного рогатого скота. Возле дома разводят и кормовые травы. Так сочетается оседлый быт семьи с сезонной миграцией мужчин [Анохин, 1967, с. 91—95].

В Западной Европе в древности был широко распространен ХКТ скотоводов и пашенных земледельцев умеренного пояса. Но теперь сохранились лишь отдельные черты этого древнего сезонно-подвижного образа жизни. На севере Европы весьма характерен, например, хозяйственный уклад и быт фарерцев. Само название — Фарерские острова — означает «Свечи». Эти острова были заселены выходцами из Скандинавии в средние века. Главным занятием жителей стало овцеводство. Оно до сих пор играет заметную роль в экономике фарерцев. Овец выпасают на горных пастбищах, а дважды в году собирают в стада, сгоняя их на пастбища около селений: весной — для стрижки шерсти, а осенью — для убоя выбракованных животных. Теперь фарерцы занимаются также промысловым рыболовством. Часть населения проводит несколько месяцев в году в рыболовных экспедициях. Вся работа по солке, просушке и упаковке рыбы выполняется женщинами. Дальний лов теперь ведется артелями, работающими на капиталистических началах.

Издавна фарерцы вели в прибрежных водах охоту на мелкого кита — гринду. Мясо гринды — важный продукт питания. Сохраняют свое значение на Фарерских островах и сбор яиц и пуха птиц, живущих на островах, а также ловля гаг, гагар, морских попугаев. Все эти занятия требуют сезонной подвижности многих взрослых фарерцев. Население Фарерских островов следует рассматривать, конечно, как оседлое, но с сезонной миграцией незначительной части населения.

Подобный образ жизни характерен для исландцев (которые прежде были овцеводами, а также разводили пони на мясо) и отчасти для промыслового норвежского населения.

Определенные элементы пастушеских передвижений и традиционной летней подвижности части населения можно наблюдать в системе сетерского животноводства Скандинавии [Rein-

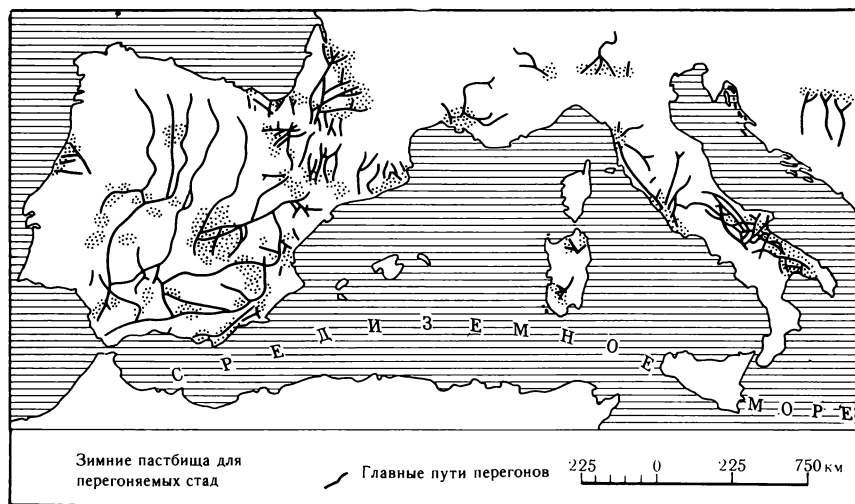

Рис. 28. СЕЗОННЫЕ ПЕРЕГОНЫ СКОТА
НА ЗАПАДЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ (по Бёшу)

top, 1969, с. 815—836]. Хозяйство оседлых земледельцев и животноводов связано с постоянным селением в долине, где земледельцы обрабатывают небольшие поля, а также запасают корма на зиму. Летом скот выпасают на горных пастбищах в течение трех месяцев, а затем немного на пастбищах около селения. Почти 6 месяцев в году его кормят в стойле [Бёш, 1966, с. 60]. Пастушеское отгонное скотоводство с сезонными довольно продолжительными перегонами скота (transhumance) развито до сих пор в ряде стран Южной Европы, в горах Пиренейского полуострова, в Альпах, Карпатах, Динарах (рис. 28). Историко-этнографические исследования показывают, что 200—300 лет назад в Пиренеях протяженность перегона скота была очень значительной — до 200—300 км. Теперь летние перегоны не превышают 100—200 км [Holmeister, 1961, с. 169—173]. Это преимущественно вертикальные перекочевки пастухов Португалии из долин в горы Эстрелла и Монжемуру на летние пастбища. В наши дни пешие перегоны пастухов становятся редкими. Скот перевозят с равнины в горы на грузовиках или по железной дороге [Dias, 1969, с. 790—814].

Отгонное пастушеское скотоводство на горных пастбищах с давних времен развито у басков. В Бискайе разводят крупный рогатый скот, в Наварре и на французском склоне Пиренеев преобладает овцеводство. Другим важным занятием басков наряду с пашенным земледелием является промысловое рыболовство, которое, так же как и пастушеское скотоводство, имеет давние традиции.

Сезонные перегоны скота с римского времени были разви-

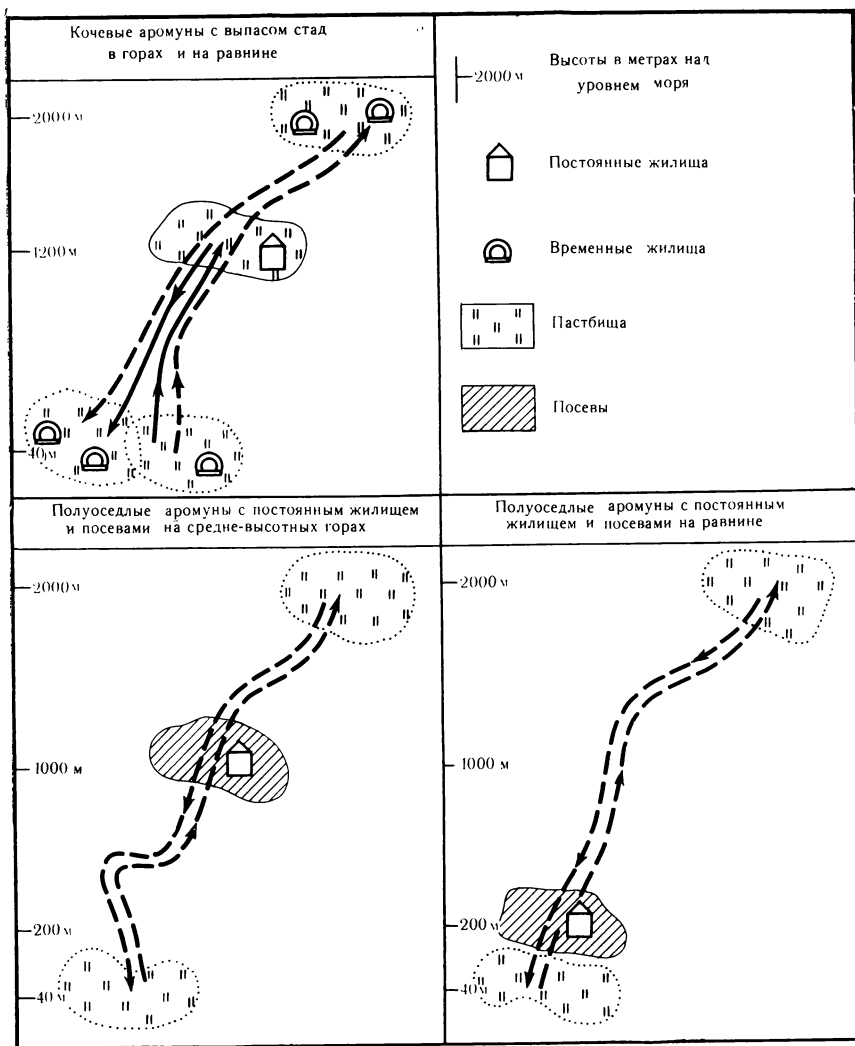

Рис. 29. ИЗМЕНЕНИЯ В ХАРАКТЕРЕ ГОРНОГО СКОТОВОДСТВА У АРОМУНОВ (по Беуерману)

ты на северо-западе Испании. В средние века испанские феодалы и рыцарские ордены, захватив обширные степные пространства Месеты, использовали их под пастбища. Теперь овцеводство широко развито в стране, и ежегодно по широким дорогам традиционными путями из многих районов овец перегоняют на зимние пастбища Эстремадуры и Сьерры-Морены. Существуют четыре традиционные дороги. Первая ведет от летних пастбищ южного склона Кантабрийских гор на зимние

пастбища Эстремадуры; вторая, начинаясь в горах Астурии, кончается также в Эстремадуре; третья тянется от Иберийских гор до зимних пастбищ Сьерры-Морены; четвертая соединяет горные районы Логроньо и Сории с Сьеррой-Мореной. Центром отгонного выпаса скота является также котловина Эбро [Народы зарубежной Европы, т. II, 1965, с. 436].

Исследования швейцарского экономгеографа Г. Бёша в Альпах выявили особенности годовых перемещений швейцарских владельцев скота в горных долинах. Пастбищный период в горах продолжается около 3 месяцев. Потом скот перегоняют на равнинные пастбища. Около 6 месяцев скот держат в стойле. График перемещения всей семьи и отдельных ее членов из долины на горные склоны разной высоты — от 1000 до 2500 м — весьма наглядно рисует характер сезонных передвижений альпийских животноводов Швейцарии. Их быт может быть определен как оседлый с сезонной миграцией части населения [Бёш, 1966, с. 61].

Традиционный образ жизни в известной степени сохранили аромуны (другие названия — «влахи», «куцовлахи», «цинцары»). Они близки по происхождению к румынам. Их больше всего — около 150 тыс. человек — в Югославии, где они занимают горные районы на юго-востоке страны. В Греции около 60 тыс. аромунов, в Южной Албании — около 15 тыс. Идет активный процесс ассимиляции аромунов с окружающими их народами — сербами, греками и др. Однако они сохранили некоторые хозяйственно-культурные особенности быта и культуры, связанные с пастушеским горным овцеводством: скотоводы совершают сезонные передвижения в горах Югославии, Албании и Греции, перегоняя скот на летние альпийские пастбища, где выстроены временные жилища и загоны для скота. В это время, примерно с конца мая до начала октября, на лугах косят траву, заготавливая корм на зиму.

Исследователь скотоводческого хозяйства аромунов саракацанов (другое название — «каракачаны») А. Беуерман выделяет ряд типов миграции — движение групп скотоводов с равнины через весенние пастбища на высоте 1200 м к высоким пастбищам, расположенным на высоте 2000 м и выше [Beuermann, 1967, с. 18—19]. У многих аромунов как внизу, так и на альпийских лугах сооружаются лишь временные жилища, а на средних высотах (весенних и осенних пастбищах) имеется постоянное поселение. У кочевых аромунов и саракацанов постоянные жилища отсутствуют (рис. 29). Вместе со стадами в этом случае перемещается вся семья. У значительной части скотоводов Южной Европы развито скотоводство типа трансюманс (ежегодный отгон пастухами крупного и мелкого скота на летние горные пастбища). Скотоводство сопровождается земледельческой деятельностью на равнине. В последние десятилетия замечен процесс оседания скотоводов и строительство более или менее постоянных хозяйственных и жилых помеще-

ний на всех трех уровнях, где размещаются сезонные пастбища. Образ жизни подобных групп скотоводов переменнo-оседлый или оседлый с сезонной миграцией части населения.

Особую группу неоседлого населения образуют цыгане. Они широко расселены по многим странам мира, но больше всего их в зарубежной Европе, а также в СССР. Цыгане в своей значительной части еще ведут бродячий образ жизни, сохраняя свое этническое самоназвание и особенности быта, хотя и намечился процесс их ассимиляции в разных странах [Koschupowski, 1963]. В Болгарии их свыше 250 тыс., в Румынии — 230 тыс., в Чехословакии — 280 тыс., в Венгрии — 330 тыс., в Испании — 40 тыс., в Португалии — 10 тыс., во Франции — до 100 тыс.; по несколько тысяч их зафиксировано и во многих других западноевропейских странах. Так, в Финляндии цыган около 5 тыс., из них 3 тыс. живет оседло в собственных небольших жилищах, но в довольно плохих материальных условиях, а около 500 человек не имеют жилищ; около 2 тыс. цыган в Финляндии — бродячие. В Швеции цыган около 5 тыс., в Дании — 800—600 человек, в Норвегии — 100 человек [Анохин, 1978, с. 176]. Точный учет бродячих и полuosедлых цыган затруднителен.

Цыгане разных стран Европы имеют свои особенности быта. Эти различия хорошо видны, если сопоставить цыган Испании и Португалии с цыганами Болгарии и Венгрии. Почти в каждой стране есть цыгане бродячие, полuosедлые и оседлые [Льезуа, 1983].

Бродячие цыгане жили в недавнем прошлом в шатрах. Теперь жилищем им служит фургон, который везут лошади. Нередко транспортом и жилищем является автомобиль с прицепом. Между отдельными группами цыган — бродячих, полuosедлых и оседлых — резкой границы нет, так как в ряде случаев оседлые цыгане отправляются бродить; чаще всего, однако, бродячие цыгане становятся полuosедлыми, воспринимая многие черты культуры народов, окружающих их. Основными занятиями европейских цыган до недавнего времени были различные ремесла (кузнечество, лужение посуды, изготовление ложек и т. п.), а также мелкое барышничество, уличные танцы, песни, гадание.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Занимая восточную половину Европы и треть Азии, Советский Союз имеет общую площадь 22,4 млн. кв. км. Средняя плотность населения составляет около 12 человек на 1 кв. км. Раскинувшиеся с запада на восток почти на всю ширину Восточного полушария пространства Советского Союза обладают большим разнообразием природных ландшафтов. Юг и север страны разделяют почти 5 тыс. км. Вытянутые по широте географические пояса и природные зоны сменяют друг друга: пустыни теплого и умеренного пояса, степи и лесостепи, широколиственные и смешанные леса, тайга, лесотундры и тундры, арктические пустыни [Советский Союз, с. 109—160].

К западу от р. Енисей преобладают равнинные пространства, а к востоку — возвышенные, гористые. Горы обрамляют и южные окраины страны. Это Алтай, Тянь-Шань, Памир, Копетдаг, Кавказ, Крым, Карпаты.

Климат СССР меняется с юга на север — от субтропического в Закавказье и на юге Средней Азии до холодного, арктического. Ландшафты арктических пустынь занимают многие крупные острова Ледовитого океана и север п-ова Таймыр. Сходные ландшафты встречаются также на заснеженных вершинах южных горных систем. Эта зона безлюдна.

В субарктической зоне на тысячи километров тянутся вдоль полярных морей безлесные пространства тундр. Здесь продолжительная, темная и холодная зима, короткое, с длительным дневным освещением, но прохладное лето. Это круглогодичные пастбища для северных оленей. И хотя здесь выпадает мало осадков — примерно 250 мм в год, — все же увлажнение почвы в тундре избыточное. Низкорослые деревья встречаются в долинах рек. Традиционными занятиями многих северных народов еще в недавнем прошлом были оленеводство, охота, а также рыбная ловля в реках и на море.

Самые северные арктические тундры отличаются скудостью растительного покрова. Южнее преобладают тундры с зелеными мхами и кустистыми лишайниками, ягодными кустарниками. На юге тундры обилие карликовых берез, ив, багульника, обширные ягельные пастбища. Зона лесотундры постепенно переходит в тайгу, начинается зона лесов. В этой зоне умерен-

ного пояса лежит большая часть территории Советского Союза. Северные районы лесной зоны покрывают хвойные таежные леса, сменяющиеся южнее смешанными лесами. В лесной зоне земледелие возможно. Этому благоприятствует и достаточное количество осадков — 500—600 мм в год. В восточной части лесной зоны — в Сибири преобладают темные таежные леса, в Западной Сибири — елово-кедрово-пихтовые, а в Восточной Сибири — лиственные. На северо-востоке лесной зоны распространена вечная мерзлота. Смешанные и лиственные леса встречаются на юге лесной зоны и в Приамурье.

В западной части страны по мере продвижения к югу леса переходят в зону степи, простирающейся сплошной полосой от Карпат до Алтая и далее отдельными участками до Дальнего Востока. Почти вся эта засушливая степная территория теперь распахана. К югу от зоны степей расположена полупустыня, где количество осадков не превышает 150—300 мм в год. Зима здесь холодная и снежная, а лето жаркое. Из-за сухости климата растительность разрежена. В степных участках это дерновидные злаки, в пустынных — полукустарники, травы, хорошо поедаемые скотом. Здесь, в зоне полупустынь и пустынь, лежат самые крупные пустыни в СССР — Каракум и Кызылкум, где располагаются обширные пастбища. Для неприхотливых верблюдов кормом служат почти все растения пустыни. На песчаных пастбищах выпасают овец. Древесная растительность в засушливой зоне встречается в культурных оазисах, а также на склонах гор, достаточно увлажняемых осадками. Горные степи и луга многих горных систем, от Карпат до Алтая, широко используются как пастбища для выпаса скота [Петров, 1973, с. 27].

Неоседлое население СССР, по оценочным данным, насчитывает 0,2 млн.; оно частично сохранило традиционные навыки подвижного хозяйствования в двух природных зонах — на севере страны, в зоне тундр и лесотундр, а также в аридной зоне на юге страны. Это промысловые охотники, рыболовы тайги и тундры, отчасти арктические охотники и промыслово-рыболовецкое население, промысловые оленеводы, охотники и рыболовы, современное животноводческое население аридной зоны и пастушеские скотоводы гор [Ковалев, 1963, с. 154—159, 175—179]. Трансформация и исчезновение многих традиционных форм неоседлого хозяйствования у ряда народов в СССР были результатом создания особых экономических и культурных условий, обеспечивших возможность перехода некогда отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В новых социальных условиях были сохранены лучшие достижения прошлого, наиболее эффективные формы хозяйствования, культуры и быта. Так, традиционное кочевничество сменилось продуктивным отгонным животноводством, а пешая или оленная охота в тайге — промысловой охотой с использованием новейших транспортных средств [Жданко, 1968, с. 274].

По данным переписи 1979 г., к народностям Севера, Сибири и Дальнего Востока относятся (тыс. человек): ненцы — 30, эвенки — 28, ханты — 21, чукчи — 14, эвены — 12, нанайцы — 10,5, коряки — 7,9, манси — 7,6, долганы — 5,6, нивхи — 4,4, селькупы — 3,6, ульчи — 2,6, саами — 1,9, удэгейцы — 1,6, эскимосы — 1,5, ительмены — 1,4, орочи — 1,2, кеты — 1,1, нганасаны — 0,9, юкагиры — 0,8, тофалары — 0,8, алеуты — 0,5, негидальцы — 0,5 [Брук, 1981, с. 208]. Значительная часть из них еще ведет сезонный подвижный образ жизни промысловых оленеводов и охотников, но их быт и культура резко изменились.

В прошлом для всех этих народов была характерна высокая сезонная подвижность. Народы Севера в XVI—XVII вв. подразделялись на 5 основных хозяйственно-культурных типов: оленеводов тундровой и лесотундровой зон, охотников-оленьеводов тайги, пеших таежных охотников, рыбаков низовьев больших рек, охотников на морского зверя [Левин, 1947, с. 84—86].

Наиболее подвижны были охотники и оленеводы. К кочевому оленеводству первоначально перешли племена тайги и тундры с традиционным хозяйством охотников и собирателей. Таковы, например, древние тунгусские племена пеших бродячих охотников на мясного зверя, сохранившие прежние формы материальной культуры, в значительной мере приспособленные к подвижному быту [Вайнштейн, 1970, с. 3—14].

Охота на дикого оленя и обусловленные этой охотой сезонные «челночные» миграции большинства северных народов на границах лесотундры и тундры сохраняли важнейшее значение у многих оленеводческих народов — нганасан, тундровых энцев, якутов-оленьеводов, оленных чукчей и др. [ОСНСС, с. 39].

На ранних этапах оленей использовали преимущественно как транспорт, и только с XVIII в. оленеводство становится главным занятием у ненцев, оленных чукчей и коряков. С развитием товарных отношений важную роль приобретает и пушная (на песцов) охота, а также рыболовство.

Вся жизнь оленеводов была связана с сезонными, преимущественно меридиональными, передвижениями оленьих стад в пределах хозяйственных территорий. Этногеографические исследования И. И. Крупника у тундровых оленеводов Севера доказывают существование в 20-х годах XX в. по меньшей мере четырех форм «территориально-соседской организации, каждую из которых можно рассматривать как этноэкосистему разного (последовательно) таксономического уровня» [Крупник, 1976 (II), с. 63—65]. К этим четырем системам И. И. Крупник относит: 1) стойбище как временное или длительное объединение из 3—5 хозяйств (10—25 человек) для совместного выпаса оленей; 2) группу (10—15) соседних стойбищ, объединяющую также и 100—250 человек, тесно связанных узами родства и свойства; 3) «малую территориальную группу» как совокупность всех оленеводческих семей определенного природного района (бассейна реки и т. п.), включающую 200—600 человек;

4) «большую территориальную группу» — все кочевое население бассейна крупной реки или определенного географического района.

По мнению И. И. Крупника, данные переписи 1926/27 г. дают возможность выделить для этого времени 50—70 первичных этноэкосистем у оленных чукчей, 40—50 — у ненцев и коми Большеземельской тундры и 40—50 — у ненцев и коми Северного Зауралья, включая и п-ов Ямал [Крупник, 1976 (II), с. 65].

Протяженность ежегодных маршрутов оленеводов зависела от ширины тундровой зоны. Так, на западе у европейских ненцев маршруты увеличивались с запада на восток: от 150—200 км в Канино-Тиманской тундре до 650—800 км в Большеземельской тундре и Северном Зауралье. У чукчей на северо-востоке Азиатского континента длина кочевых маршрутов составляла 50—100 км на Чукотском полуострове и 400—500 км у эльвунейских и анюйских чукчей [Крупник, 1976 (II), с. 67].

Наибольшей подвижностью отличались оленеводы центральной области Северной Евразии на Таймыре, где нганасаны в 20—30-е годы большую часть года занимались охотой и рыболовством, передвигаясь летом за диким оленем на 600—700 км с юга на север в тундру и обратно, укрываясь от снежных буранов и сильных ветров в таежной зоне. Домашнего оленя они использовали только под выюк и верховую езду. В своих перекочевках нганасаны следовали в известной степени за передвижениями стад диких оленей, которые питаются в северной части Таймыра травами и ветвями ползучей ивы только до осени; оставшись без корма, олени возвращаются в лесотундру и тайгу. Зимой на Таймыре свирепствуют сильные ветры, которые олень не выносит. Летом в таежной зоне олени, напротив, страдают от жары, а также от бесчисленных комаров и оводов, поэтому весной устремляются на открытые пространства тундры [Попов, 1948, с. 18—19].

Крупнотабунное оленеводство было развито в начале XX в. у тундровых ненцев, занимающих обширные пространства тундры и лесотундры от Белого моря на западе до р. Енисей на востоке. Ненцы живут также на о-ве Новая Земля, о-ве Колгуев и о-ве Вайгач [Хомич, 1966].

В этой зоне распространены моховые, лишайниковые и кустарниковые тундры, которые сменяются к югу по долинам рек лесотундрой с низкорослой березой, ивой, елью и редкими лиственнымицами.

Ненцы делятся на тундровых, у которых оленеводство играет главную роль, и лесных, сочетающих охоту с таежным оленеводством.

Оленеводы со стадами совершали сезонные перекочевки. В марте они перемещались на берег моря в приморские тундры, где олень меньше страдал от комаров и мошек, а в августе начинали движение к югу, к границе лесов, где они, укры-

тые от зимних ветров, добывали корм из-под рыхлого снега [Хомич, 1966, с. 53]. Перекочевки ямальских и большеземельских ненцев достигали значительной протяженности — от 500 до 800 км, а в некоторых районах и больше. На всем этом огромном пути оленеводы делали 15—25 остановок-стойбищ, включая и более длительные остановки, чем ночевки, простой при метелях или время, необходимое для весеннего отела важенок (оно могло достигать и 2 месяцев) [Хомич, 1966, с. 54]. Во время перекочевки на юг на зимних пастбищах оставались небольшие группы охотников на песцов. В прошлом оленеводы среднего достатка выпасали стада сами, лишь объединяя летом несколько стад. Богатые оленеводы нанимали пастухов из бедных сородичей. В летнее время ненцы занимались охотой и рыбной ловлей на озерах и тундровых реках.

До 20-х годов нашего века единственным жилищем ненцев был чум — конусообразное разборное жилище. Он широко распространен у многих других народов Севера и был весьма удобен в хозяйстве подвижных оленеводов и охотников. Кочевой образ жизни в прошлом определял и минимум предметов домашнего обихода [Хомич, 1966, с. 107—109].

Крупнотабунное оленеводство, судя по материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг., было развито также у коряков чавчуменов [Андропова, 1971]. В отличие от ненцев и других оленеводов коряки, а также оленные чукчи не прибегали к помощи пастушеских собак. Полудиких оленей пасли сами пещие пастухи, что создавало дополнительные трудности при перекочевках. Коряки чавчумены обычно совершали четыре сезонные перекочевки. В конце марта — начале апреля стада перед отелом делили на две части и выпасали их отдельно. Когда телята подрастали, пастухи отгоняли стада на летние пастбища далеко в горы или на морское побережье. В это время остальная часть семьи жила в стойбище, расположенном на берегу реки. В конце июля стада с пастухами начинали обратный путь. Они достигали стойбища в октябре, тогда происходил массовый убой оленей. Потом все вместе двигались на зимние пастбища, где несколько раз перемещались с одного места на другое, но на сравнительно небольшие расстояния [Андропова, 1971, с. 23].

В настоящее время с оленными стадами кочуют только пастушеские бригады коряков. Весь жизненный уклад, быт и культура коряков изменились. Если в 20—30-е годы образ жизни их был кочевым, то теперь большинство бывших кочевников живет оседло в благоустроенных поселках, теплых деревянных домах. Пастухи улучшили свое кочевое жилище, и теперь многие оленеводческие бригады ночуют в меховых палатках.

Описывая кочевой быт оленеводов Севера, И. И. Крупник обращает внимание на сезонность длительных маршрутов. Оленеводы проводили 4—5 месяцев на зимних пастбищах, где пе-

ремещения стад были незначительны — от одного до трех раз в месяц. На летних пастбищах они выпасали олсней не более 2 месяцев. Остальное время — 4—5 месяцев — они проводили на «проходных пунктах», где ежедневные передвижения составляли в среднем 10—15 км [Крупник, 1976 (II), с. 67].

Средняя площадь осваиваемой территории небольшой оленеводческой группы из 100—150 человек составляла 3—6 тыс. кв. км на западе и 8—12 тыс. кв. км в восточном ареале оленеводства. Средняя плотность населения у европейских ненцев была 0,025—0,038 человека на 1 кв. км, а оленных чукчей — 0,011—0,020 человека на 1 кв. км. Плотность поголовья оленей была в среднем одинаковой — 70—100 голов на 100 кв. км хозяйственной территории. Весьма важен вывод И. И. Крупника о том, что в хозяйстве оленеводов ненцев и чукчей собственно оленеводческая продукция в прошлом не была значительной в структуре потребления. Благосостояние кочевников во многом зависело от развития охоты и рыболовства, а также от покупных (или обменных) продуктов [Крупник, 1976 (II), с. 88]. Образ жизни оленеводов ненцев и оленных чукчей был кочевой.

Гораздо большей степенью оседлости среди народов Севера отличались в прошлом таежные охотники оленеводы и особенно рыболовы низовий больших рек и охотники на морского зверя. Таежными охотниками-олeneводцами в недавнем прошлом были эвенки, эвены, юкагиры, орочи, верхнеамгу́ньские негидальцы [ОСНСС, с. 40]. Они передвигались на оленях, преимущественно верхом, некоторые группы использовали оленей под вьюк, только для перевозки грузов. Главным занятием их были мясная, а позже пушная охота. Оленеводство носило подсобный характер, так же как и рыбная ловля на реках таежной зоны. Образ жизни их был подвижный. Жилищем служил переносной чум.

Для пеших охотников таежной зоны (кеты, удэгейцы, часть юкагиров и некоторых групп эвенков) также был характерен подвижный быт. Охотники все свое имущество перевозили на ручных нартах. Лето они проводили у водоемов, занимаясь ловлей рыбы, или на берегу моря, где вели морской зверобойный промысел.

У тазовских селькупов, обитавших в зонах северной тайги и лесотундры, в начале XX в. преобладали две отрасли — охотничий промысел, сочетавшийся с разведением оленей для транспортных целей, и крупнотабунное оленеводство [Лебедев, 1978, с. 14—15]. Охотники-селькупы промыслили в тайге белку, горностая, красную лисицу, соболя. В тундре охотились на песца. Зимний охотничий сезон длился у них 3—4 месяца. Весной и осенью промыслили глухарей, перелетных птиц. Оленей охотники использовали только в транспортных целях.

Оленеводы-селькупы в конце XIX и начале XX в. обладали крупными табунами. Для поддержания жизни и ведения хозяйства надо было иметь не меньше 25 тундровых оленей на

человека. Семья из 5 человек должна была содержать не менее 140—150 лесных или 300 тундровых оленей [Лебедев, 1978, с. 18].

У тазовских селькупов разные хозяйственные уклады находились в прямой зависимости от имущественной дифференциации. Группы селькупов, не имевшие оленей либо имевшие мало мужчин, занимались почти исключительно рыболовством и вели оседлый образ жизни. Значительная часть населения совмещала пушной промысел и пушную охоту с транспортным оленеводством. Эта группа селькупов обладала большей сезонной подвижностью и вела оседло-кочевой образ жизни. Наиболее подвижны были оленеводы. Они составляли в 1926—1927 гг. десятую часть населения, но располагали основной массой оленей и совершали сезонные передвижения с летних на зимние пастбища. По мнению В. Н. Лебедева, свыше 80% хозяйств коренного населения Крайнего Севера, имевших до 250 оленей, были, по существу, охотниками с «присваивающими» формами хозяйства. Оленей эти хозяйства держали только для транспортных целей. Свыше 10% хозяйств, имевших от 250 до 1000 оленей, следует рассматривать как переходную группу; только около 3% населения, где в хозяйстве было в среднем более 1 тыс. оленей, можно считать кочевниками, а их хозяйство — подлинно «производящим» [Лебедев, 1978, с. 25].

В настоящее время в оленеводстве Севера произошли огромные преобразования, изменившие бытовую и хозяйственный уклады жизни населения. Сократилась протяженность кочевых маршрутов оленеводов. Все оленеводческие бригады на летний период обеспечиваются тракторами и тракторными тележками, что улучшает условия жизни и обеспечивает оленеводов запасами продовольствия, одежды и т. п. Между бригадами и центральными поселками поддерживается регулярная радиосвязь, а местами и вертолетная связь [Сергеев, 1955; Увачан, 1958; Белинский, Дмитриева, 1976, с. 85—101]. Все промышленное производство перестало быть замкнутым, натуральным, приобрело товарный характер. Северные оленеводческие совхозы, как и все население северных районов, тесно связаны с экономикой других районов страны, откуда они получают технику, строительные материалы и т. п. Основная масса оленеводов и охотников перешла на прочную оседлость. Вместе с тем специфика местного производства и использование богатых природных ресурсов (пушная охота, оленеводство, морской промысел) требуют пока подвижного образа жизни производственных бригад. Оленеводы обеспечены техникой, хорошей связью с населенными пунктами, ведут свое хозяйство современными, рациональными методами и все же значительную часть года пастухи проводят в движении, перегоняя стада с южных пастбищ в тайге на север — в тундру и на побережье Ледовитого океана. В прямой зависимости от промысловых занятий бродяче-оседлых и кочевых групп северных народов находятся

и их современные сельские поселения. Так, часть населения Крайнего Севера СССР большую часть года проживает в подвижных станах, на пастбищах и промысловых базах [Ковалев, 1963, с. 155].

Бытовое кочевание теперь преобразовано в производственное. Так, в приморско-тундровой зоне Якутской АССР за каждой бригадой закреплено в среднем по 150—200 тыс. га оленьих пастбищ, в границах которых происходят передвижения пастухов со стадами [Белинский, Дмитриева, 1976, с. 88]. В этих миграциях выделяются два основных периода — зимний и летний, а также переходные — ранневесенний, поздневесенний, раннеосенний и позднеосенний. Основные стоянки оборудуются несколькими большими семейными ярангами или чумами. Здесь концентрируется все население стана со всем своим имуществом. В Анабарском районе число больших основных стоянок колеблется от 2 до 5, а малых, расположенных в 10—20 км от базовой, значительно больше. Продолжительность одной стоянки в зимний период составляет 40—60 суток, в летний — до 13—16, в переходные сезоны — до 20—30 суток. Малые стоянки обживаются дежурными пастухами в зимнее время 5—7 суток, а в летнее — 2—3 суток. В среднем за год оленеводческая бригада в приморской тундре разбивает 15—20 больших и до 80 малых стоянок [Белинский, Дмитриева, 1976, с. 90]. Внешние связи бригады осуществляются на расстояние от 50 до 350 км с помощью вездеходов и авиатранспорта. В бригаду доставляются продовольствие, необходимые грузы, почта, газеты, журналы, медикаменты. Общая протяженность маршрутов только между стоянками в течение года составляет свыше 1 тыс. км. Образ жизни этих бригад подвижный.

Как уже отмечалось выше, особый хозяйственно-культурный тип существовал в прошлом у обитателей низовий больших и малых рек Сибири. Рыболовецкое население вело в основном оседлый образ жизни, совершая лишь сезонные охотничьи миграции за оленем, лосем, пушным зверем и другой дичью. Рыболовство составляло ведущую отрасль хозяйства в низовьях Амура у нивхов, ульчей, нанайцев, в бассейне р. Оби у хантов, манси, селькупов, на Камчатке у ительменов, пеших коряков и эвенов Охотского побережья. Существенным дополнением в питании населения были кроме дичи продукты собирательства — ягоды, грибы, коренья [ОСНСС, с. 42—43].

У хантов бассейна р. Вах в прошлом годовой цикл хозяйственной деятельности распадался на два периода — зимний охотничий и летний рыболовный. Главный объект зимней охоты — пушной зверь (белки и др.). Его добывали в лесах и на болотах верховий рек. Кроме рыболовства вахские ханты занимались оленеводством, а также кедровым и ягодным промыслом [Соколова, 1960, с. 180]. Характер занятий определял и тип расселения хантов, сочетающий постоянные зимние поселения и сезонно обитаемые жилища — весенние, летние и осен-

ние. Прежде зимним жилищем служили полуземлянки или срубные дома. Во время зимней охоты охотники вместе с семьей останавливались в избушках за сотни километров от постоянного селения. Нередко жилищем им служил чум, «стены» которого охотники возили с собой. Весной начинался рыбный промысел. Тогда ханты широко расселялись по песчаным берегам рек, где жили в чумах или временных шалахах. Рыбу здесь промышляли всей семьей. Ее сушили, коптили и заготавливали впрок. Сезонное селение по притокам р. Вах, особенно по их верховьям, обычно состояло из 1—2 хозяйств. Селения постоянного типа составляли обычно не менее 25 хозяйств. Между жилищами располагались хозяйственные постройки и навесы для сушки сетей, вяления рыбы, печи для варки пищи и т. п.

За годы Советской власти и особенно в последние 30—40 лет произошли большие изменения в жизни хантов. Большинство из них теперь живет в благоустроенных домах, построенных с помощью государства. Особенно активно проходило расселение хантов из мелких поселков в хозяйственные центры после 1951—1952 гг. С 1951 по 1956 г. на строительство индивидуальных домов только в Ларьякском районе было отпущено 1,2 млн. руб., создано 6 новых поселков [Соколова, 1960, с. 186]. С укрупнением рыболовецких и сельскохозяйственных артелей и расселением жителей в новые поселки появились новые отрасли производства — звероводство, полеводство и животноводство.

Полевые исследования З. П. Соколовой в бассейне р. Вах (1957) выявили следующую картину подвижности отдельных семей охотников-хантов. Так, обитающие в поселке Корлики 12 семей хантов промышляли рыбу. Годовой цикл включал съезд всех семей в октябре в центральное селение Корлики, где шла подготовка к охоте, которая начиналась на дальних охотничьих угодьях в ноябре—декабре. В это время жили семьями в избушках, зимних селениях, на реке ловили рыбу. В январе вновь возвращались в Корлики для продажи беличьего меха; этот месяц — время закупок продовольствия и время отдыха. В феврале—марте начиналась охота на пушного зверя, а в марте — на лося. В апреле охотники возвращались в Корлики, где сдавали пушнину, отдыхали, начинали подготовку к летним занятиям. В мае и начале июня вели лов рыбы на весенних угодьях, на протяжении 10—15 дней шла охота на водоплавающую дичь, а также лов рыбы сетями. В конце июня переселялись на песчаные косы рек в устьях, где ловили рыбу «запорами». Лов рыбы продолжался в июле, августе и сентябре. Затем переселялись на осенние угодья. Здесь производился отлов оленей, шла подготовка к зимней охоте на мясного и пушного зверя [Соколова, 1957].

Для этих групп хантов были характерны переменнo-оседлые и оседло-бродячие формы подвижности. Для большинства народов Севера, у которых преобладало рыболовецкое направ-

ление хозяйства, характерен оседлый быт с сезонной миграцией части населения [ОСНСС, с. 41—42].

В прошлом в суровой таежной зоне Сибири встречались ХКТ, для которых было характерно сочетание охоты, скотоводства и отчасти земледелия. Таков был образ жизни якутов — выходцев из Южной Сибири, в прошлом кочевников-скотоводов. Они легко меняли и места своих поселений, и участки обрабатываемых земель. До недавнего времени у якутов сохранялись наряду с постоянными зимниками и летники на сенокосных угодьях, куда они перемещались на летние месяцы [Саушкин, 1947, с. 32—65]. Таким образом, их образ жизни в недавнем прошлом можно было бы назвать переменно-оседлым.

Часть якутов с комплексным хозяйством, переселившись в зону лесотундры и тундры, перешла к кочевому оленеводству, восприняв в значительной мере материальную культуру живших здесь эвенков (тунгусов) и самодийских народов (нганасан и др.). По данным И. С. Гурвича, на территории современного Анабарского района и Усть-Оленекского наслега Булунского района в 1926—1927 гг. кочевали якутские оленеводы с «тундровой» низкорослой породой оленей [Гурвич, 1977, с. 48—52]. Их зимовки располагались в крайних пределах лесотундры, а лето они проводили в тундре. Часть якутов-олeneводоов выпасала более крупную таежную породу оленей на границе лесотундры и тайги. Лето они проводили в «малой» гундре, расположенной среди таежных лесов. В бассейнах рек зимой большинство якутских оленеводов зимовали на хорошо укрытых от ветров и метелей лесных и лесотундровых участках [Гурвич, 1977, с. 52—54]. В это время пастухи только наблюдали за стадами, объезжая их на нартах. Зимой несколько раз меняли пастбища. В конце зимы перекочевки учащались, так как пастбища истощались. Оленеводы в мае перегоняли стада к границам тундры. В это время происходил отел. После отела начинался путь на летние пастбища, где перекочевки совершали каждые 2—3 дня. В конце августа пастухи перегоняли стада на осенние, а потом и на зимние пастбища. Осенью происходил массовый забой оленей [Крупник, 1978 (I), с. 66—69]. Образ жизни этой группы оленеводов-якутов был кочевой.

Для ненцев Большеземельской тундры в 20-х годах нашего века хозяйственный год делился на четыре сезона: зимний выпас (конец декабря — март), весенняя кочевка на летние пастбища (апрель — конец июня), летний выпас (июнь — середина августа) и осенняя кочевка на юг к зимним пастбищам (август—декабрь). Зимой основной пищей служило мясо оленей, весной — дичь (зайцы, куропатки, водоплавающая птица). Когда вскрывались реки и освобождались от льда озера, то продукты рыболовства (щука, хариус, чир, сиг и омуль) занимали главное место. Рыбу заготавливали впрок. Начиная с августа оленеводы вновь забивали оленей на мясо. Образ жизни этой части ненцев с комплексным оленеводческо-охотничь-

им хозяйством в прошлом также был кочевым. До 1930—1931 гг., по данным Е. Кантор, кочевой образ жизни вели около 75 тыс. человек, т. е. 60% коренного населения Крайнего Севера — ненцев, эвенов, эвенков, чукчей и др. [Кантор, 1934].

Обитатели внутренних районов Кольского полуострова — саами в прошлом сочетали разведение оленей с рыбной ловлей и охотой. В отличие от всех других оленеводов тундры у саами было налаженное молочное хозяйство, доение оленей. В прошлом часть оленей отпускалась на летнее время без присмотра, а осенью их ловили. Транспортным средством саами служила бесполозная лодкообразная повозка. Позже ее сменили нарты. Поселения саами были двух типов: зимние — в глубине тундры и летние — по берегам озер или моря. Кроме срубного постоянного жилища они использовали временные, сооруженные из досок и прикрытые землей. На весенних и осенних стойбищах саами жили в шалаше. В начале XX в. у саами стала преобладать русская срубная изба [Токарев, 1958, с. 136—137].

В настоящее время для всех народов Севера характерен оседлый образ жизни с промысловой сезонной миграцией незначительной части населения, их быт изменился коренным образом [СЭП, 114; Увачан, 1958].

Другим обширным районом, где в прошлом существовали различные подтипы кочевников-скотоводов, был обширный пояс аридных земель на юге Советского Союза. В конце XIX — начале XX в. здесь обитали кочевники трех ландшафтных подтипов: а) пустынь и степей; б) сухих предгорий и гор; в) высокогорий [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 15]. Амплитуды их перекочевков были различны в зависимости от исторических традиций народов, степени зажиточности и характера природных условий.

Обширные пространства Средней Азии и Казахстана, где была в прошлом сосредоточена основная масса неоседлого населения, — это край жарких летом и прохладных зимой пустынных низменностей, где широтные подзоны с относительно высоким увлажнением отодвинуты далеко на север и уступают место сухой степи, полупустыне и пустыне [Средняя Азия, 1958; Петров, 1973]. Это и край могучих горных систем, протянувшихся вдоль южных границ Советского Союза почти на 2 тыс. км — от берегов Каспийского моря и невысоких Копетдагских гор на западе до высоких нагорий и гор Памира, Тяньшаня и Алтая на самом востоке.

На равнинной части почти на всей территории количество осадков не превышает 200 мм в год, а в пустынных Каракумах и Кызылкумах оно менее 100 мм. Суточные амплитуды очень значительны — 20—30° летом. Земледелие здесь возможно лишь при искусственном орошении.

Северная степная часть принадлежит умеренному климатическому поясу (с летним максимумом осадков), а южные тер-

ритории — субтропическому. На юго-западе как бы сочетаются два разных климата: лето жаркое и засушливое, а зима прохладная с достаточным количеством осадков, особенно в горах (свыше 300—400 мм в год), что благоприятствует и пастбищному скотоводству, и богарным посевам яровых культур на зимне-весенних осадках [Ракитников, 1960, с. 71—90].

В почвенно-растительном покрове особенно значительны различия между низменностями и горами (вместе с предгорьями). В горах на западе пустынная растительность поднимается до 1000 м над уровнем моря; выше — полынные и злаковые степи (до 2400 м); они сменяются горными лугами и скалистыми вершинами. Горные системы Тянь-Шаня многоярусны. На увлажненных склонах встречаются субальпийские и альпийские луга с преобладанием многолетних травянистых мезофитов. Большую площадь занимают степи на лёссах, но они в предгорьях распаханы. На северо-востоке распространены типчаковые и ковыльно-типчаковые степи, используемые на среднегорьях и низкогорьях как весенние пастбища.

В растительном покрове пустынных низменностей преобладают псаммофитные кустарники, полукустарники и травы. В северной зоне солянково-полынных пустынь расположены весенне-летние пастбища, где выпасают овец и верблюдов. Массивы грядовых и бугристых песков пригодны для выпаса овец и верблюдов в течение зимы или круглый год.

На северо-западе в злаково-полынной полупустыне и солянково-солянковой пустыне Прикаспийской низменности растительный покров более пригоден для выпаса скота осенью, зимой и ранней весной. Здесь в прошлом были развиты очень далекие сезонные перегоны стад в меридиональном направлении. На севере Казахстана суровость зимы (с низкими температурами и сильными ветрами) заставляла скотоводов перегонять стада овец и коней на юг, в центральные районы с грядовыми и бугристыми песками [Хозяйство казахов, 1980, с. 71—81]. Скотоводы южных пустынь, главным образом туркмены, выпасали скот в песках на равнине круглый год или отгоняли его в горы, как это делали казахи Восточного Казахстана. Часть населения постоянно жила в оазисах и занималась земледелием, а другая сезонно откочевывала в пески. У киргизов, занимавших горные плато и долины Тянь-Шаня, кочевание имело преимущественно вертикальный характер. Оно определялось изменением растительного покрова на горных пастбищах. Зимой киргизы укрывали скот в глубоких долинах, а летом поднимались на высокогорные пастбища [Ракитников, 1960, с. 77].

Скотоводы и земледельцы Средней Азии и Казахстана не были изолированы в прошлом друг от друга, их хозяйственные и культурные интересы были самым тесным образом связаны между собой [Жданко, 1968, с. 274—281]. Кочевое, полукочевое и отчасти отгонное скотоводство было главным, но не единственным занятием кочевников, многие из них занимались

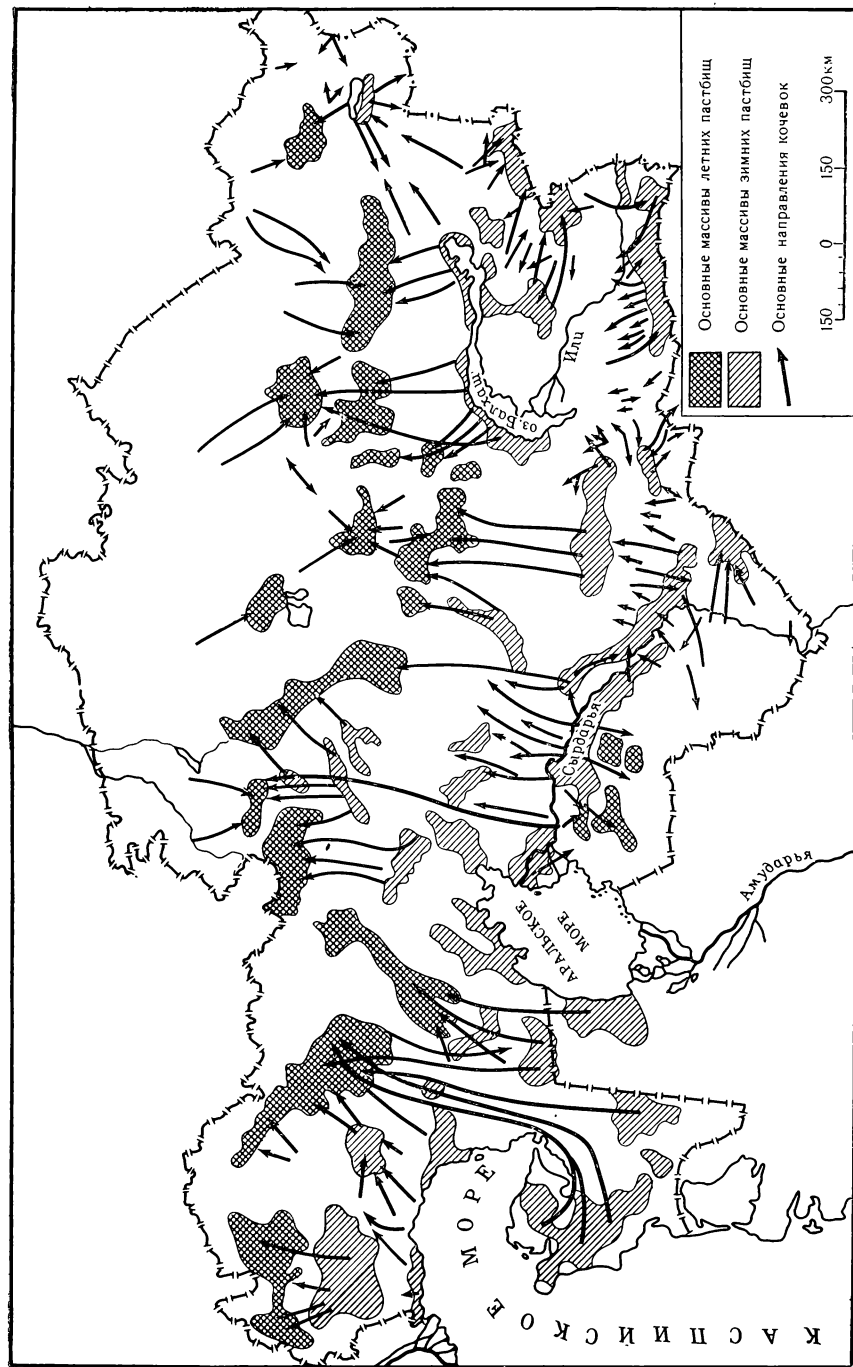

Рис. 30. СХЕМА ПАСТБИЩ И ПУТЕЙ ПЕРЕГОНА СКОТА В 1926—1930 гг.
В КАЗАХСТАНЕ (по Федоровичу)

на своих зимовках и земледелием, имевшим подсобное значение, а также различными промыслами.

В конце XIX и начале XX в. наиболее значительную массу неоседлого населения составляли кочевые и полукочевые казахи, которых в дореволюционной литературе называли «киргизкайсақ». В начале XX в., по переписи 1926 г., их насчитывалось почти 4 млн. человек. Историко-этнографические исследования показали, что у казахов в это время было распространено преимущественно не кочевое, а экстенсивное полукочевое скотоводство [Хозяйство казахов, 1980, с. 87]. Его особенностями являлись пастбищно-полустойловая система содержания скота, занятие земледелием, сенокосение, наличие постоянных зимников в одних и тех же местах (рис. 30). Маршруты перекочевков были значительно короче, чем у кочевых групп. Перегон скота осуществлялся с зимних пастбищ, где скот нередко содержали в стойлах, на весенние, летние и осенние пастбища, на короткие расстояния. Наряду с постоянным зимним жилищем почти все казахские хозяйства с полукочевым образом жизни имели переносное жилище — юрту, в которой обитали значительную часть года. Образ жизни этих казахов можно охарактеризовать для начала XX в. как оседло-кочевой и кочевно-оседлый.

Более подвижный образ жизни вели в начале XX в. кочевые (как правило, наиболее зажиточные) группы казахов Мангышлакского, Темирского, Атбасарского, Казалинского, Иргизского, Тургайского и некоторых других уездов Казахстана. Большинство кочевых групп совершали круглогодичное передвижение со своими стадами по определенным традиционным маршрутам. Так, казахи Младшего Жуза кочевали ежегодно в меридиональном направлении, имея зимовки в грядовых бугристых песках Кызылкумов, южнее сухих русл Инкардарьи, Кувандарьи и Жаныдарьи. Весной в марте скот отгонялся к северу от этих русл за Сырдарью и далее в долину степной реки Тургай, где были летовки [Толыбеков, 1971, с. 519—520]. Постоянным жилищем этих кочевников были переносные юрты, которые стояли на одном месте на протяжении нескольких летних и зимних месяцев, а остальное время почти ежедневно разбিরались и вновь собирались на новом месте [Толыбеков, 1971, с. 522]. Образ жизни этих групп казахов был кочевой.

После Великой Октябрьской революции начался активный процесс оседания кочевых и полукочевых хозяйств казахов, что было связано с коренными преобразованиями в системе общественных отношений и строительством социализма. Помощь государства обеспечила плановое оседание, подъем экономики и культуры, изменение всего образа жизни прежних кочевников [Шаумян, 1961; СЭП, с. 113—115]. В зоне отгонного животноводства сложилась система малых сезонно обитаемых пунктов — зимников и летников животноводов. Здесь существует теперь большое разнообразие форм, как традиционных, так и

новых, связанных уже с социалистическим бытом. Численность людей, сохраняющих сезонно-подвижный образ жизни, резко сократилась. В 1959 г. в Казахстане на зимовках и летовках было зафиксировано 176 тыс. человек [Ковалев, 1963, с. 179]. Теперь в отгонном и круглогодичном пастбищном животноводстве (с преобладанием в стаде овец) занято примерно 0,2 млн. сельских тружеников Казахстана. Образ жизни их оседлый (в центральных совхозных поселках) с сезонной миграцией части населения — бригад пастухов на сезонные пастбища, отстоящие от центральной усадьбы не более чем на 30—100 км. Заготовка кормов на зиму страхует теперь животноводов от стихийных бедствий. Центральные поселки связаны с животноводческими бригадами надежным автомобильным транспортом. Весь уклад жизни казахских кочевников полностью изменился [Хозяйство казахов, 1980, с. 10—11].

Если у казахов в конце XIX — начале XX в. преобладало пастбищное скотоводство на равнинах, то киргизы, занимающие нагорья и высокогорья Тянь-Шаня и Памира, вели свое скотоводческое хозяйство, используя вертикальную зональность ландшафтов. По мнению Г. Н. Симакова, у них в то время можно было выделить три основных типа скотоводческого хозяйства: кочевой, переходный (смешанный) и оседлый [Симаков, 1978, с. 16]. Круглогодичное кочевание сохранялось у высокогорных скотоводов Памира, разводивших яков. У кочевников Восточного Памира отсутствовали постоянные зимники и перегон скота осуществлялся на дальние расстояния [Шибаета, 1973, с. 99—131]. У киргизов в основном преобладала форма скотоводства, при которой скот в зимнее время или не перегонялся вовсе, или выпасался на склонах гор недалеко от зимовки. Такие скотоводы, как правило, имели постоянную зимовку, а часть скота держали на отгонных пастбищах. Земледелием эти группы киргизов не занимались [Симаков, 1978, с. 17]. Этот тип кочевников зафиксирован также в окрестностях оз. Иссык-Куль, в бассейнах Нарына и в Таласской долине.

Для скотоводов переходного типа были характерны сочетание скотоводства с земледелием и сезонная оседлость. Так, большинство из этих хозяйств проводили на постоянных зимовках от 3,5 до 9 месяцев в году. Здесь производились летом заготовка сена и травосеяние. Появились крытые помещения для скота, все больше земель отходило под пашню, сенокосы, клеверники. В зимнее время часть скота (лошади и овцы) отправлялась на высокогорные отгонные пастбища с пастухами, а сами владельцы скота и их семьи оставались на зимовках. В зависимости от имущественного положения, а также от местных условий выпаса скота были развиты различные формы скотоводства — полукочевые, промежуточные и оседлые [Симаков, 1978, с. 20].

Если полукочевники проводили на высокогорных пастбищах до 6—7 месяцев, то в хозяйствах переходного типа — не более

4 месяцев. У полуоседлых киргизов скотоводство занимало второе место после земледелия. Часть скота содержалась в стойле, а часть выгонялась на призывочные участки. Этот тип был наиболее распространен в южных и юго-западных районах Киргизии.

За годы Советской власти кочевые хозяйства киргизов перешли к оседлости. Коренным образом изменилась вся жизнь народа, увеличилось производство — как сельскохозяйственное, так и промышленное. Киргизы от кочевого хозяйства, основанного на патриархально-феодалных отношениях, совершили, минуя капиталистическую стадию, переход к современному крупному хозяйству, основанному на социалистических производственных отношениях [Ильясов, 1970, с. 355—360]. Такова судьба и других народов Средней Азии, в хозяйственной деятельности которых в прошлом было распространено полукочевое и отгонное скотоводство, в частности некоторых групп узбеков (с родо-племенным делением), туркмен, каракалпаков [Жданко, 1967, с. 3—24].

В прошлом часть узбеков-скотоводов откочевывала на весну и лето в западную часть Каршинской степи, другие занимали северо-западные районы [Шаниязов, 1975, с. 188—193]. Полукочевые узбеки разводили каракульских и курдючных овец. Их хозяйство имело четко выраженный говарный характер. Различия между бедными и богатыми скотовладельцами были очень значительны. Многие полукочевые узбеки сочетали скотоводство с земледелием, которым занимались на постоянных зимовках. Их образ жизни был оседло-кочевой или переменн-оседлый.

Сочетание полукочевого и отгонного скотоводства у одной части хозяйств с оседлым земледелием у другой части было характерно в прошлом для туркмен [Оразов, 1975, с. 206—219]. Туркмены, обитатели оазисов и пустыни Каракумы, разводили овец и верблюдов, лошадей и в меньшей степени крупный рогатый скот. Протяженность сезонных меридиональных перекоченок была наиболее значительной (до 300 км) на западе Туркмении, в бассейне р. Атрек и в районах, прилегающих к Каспийскому морю, где пастбища туркмен смыкались на севере с пастбищами казахов на плато Устюрт.

В Центральных Каракумах преобладали круговые перекочевки, когда в течение зимы и весны скот выпасали около естественных углублений, где скапливались сезонные осадки. На такырах скотоводы устраивали водосборные бассейны для сбора сезонных осадков. Передвижения скотоводов здесь во многом определялись главными ландшафтными зонами и подзонами [Оразов, 1975, с. 209].

По данным А. Оразова, жители гор и предгорий занимались поливным и богарным земледелием в сочетании со стойловым и отгонным скотоводством. На подгорной равнине скот в течение большей части года выпасался на пастбищах в окрестно-

стях селений. Лишь зимой жители оседлых поселений покидали их и уходили на зимовки в окраинные пески, где саксаул обеспечивал топливо и в колодцах было достаточно воды для скота и людей. Этих скотоводов туркмены называли «чарвасы» — «оседлые скотоводы» или «ярим чарва», т. е. «полукочевники».

В окраинных песках Каракумов обитатели этой зоны — гум чарвасы совершали перекочевки на небольшие расстояния. Они разводили овец, коз и верблюдов, земледелием почти не занимались [Оразов, 1975, с. 211].

В 30—40 км на север от подгорной равнины, за песками лежит зона глинистых такыров с небольшими песками. Здесь преобладали солянки на пастбищах, а также травы борек, коджелик, биюргун и др. Это летние пастбища кочевников, а на зимовку они обычно уходили в глубь песков. Огромный, шириной в 100—200 км, массив барханных и грядовых песков имел довольно редкие, преимущественно горькосолёные колодцы. Но зимой здесь скот выпасали на пастбищах, где хорошо сохранялись кустарниковые (саксаул, гандым, акации, черкез и др.). В некоторых районах (у южных границ песков) скотоводы проводили не только зиму, но и лето. Маршруты перекочевок носили преимущественно круговой характер и определялись местоположением колодцев.

Каменисто-глинистые пространства между древним руслом Амударьи — Унгузом и Хорезмским оазисом туркмены называли «кыр». Здесь вокруг колодцев выпасали скот как зимой, так и летом.

По мнению А. Оразова, у туркмен Центральной Туркмении в прошлом существовало три формы скотоводства: кочевое (пастбищное), отгонное и стойловое (главным образом для рабочего и транспортного скота — лошадей, ослов, быков, коров) [Оразов, 1975, с. 214]. Стада верблюдов при отгонной форме находились круглый год в песках, а овец весной пригоняли к краю песков, где и происходили окот и стрижка.

Таким образом, формы подвижности у этих туркмен были самые различные — от оседлости с сезонной миграцией части населения до оседло-кочевой и кочевно-оседлой. Теперь это все в прошлом. Выпасом скота занимаются относительно немногочисленные животноводческие бригады совхозов и колхозов. Скот перевозят на машинах, а пастухи тесно связаны с оседло-земледельческими оазисами, где живут их семьи [Винников, 1969]. Эту часть населения можно назвать оседлой с сезонной миграцией производственных животноводческих бригад.

Подобный образ жизни теперь характерен и для калмыков Прикаспия и ногайцев Дагестана, которые в XIX в. были настоящими кочевниками. Зимние поселения у ногайцев (къыслав) были компактные, а весенне-летние и осенние более разбросанные. Пастбища их в Караногайской степи были связаны с колодцами, реками Сулак, Терек, Зеленчук, Кума, берегами Кас-

пийского моря. Но протяженность маршрутов была незначительной — до нескольких десятков километров [Гаджиева, 1976, с. 24—33]. Только в засушливые годы перегоны скота достигали 70—100 км. Жилищем в прошлом служила юрта. Большая юрта (терме) была сборно-разборной и во многом сходна с калмыцкой и казахской, малую юрту (отав) перевозили на арбе [Гаджиева, 1976, с. 45].

Калмыки также вплоть до начала XX в. сохраняли кочевой скотоводческий уклад жизни. Главным их занятием было разведение овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов. Большинство калмыков кочевали круглый год, перевоза по сезонам с пастбища на пастбище свою разборную решетчатую юрту — кгер. У богатых скотоводов на зимниках были постоянные жилища. Бедняки строили землянки и полужемлянки [Токарев, 1958, с. 196]. Их образ жизни был в прошлом кочевно-оседлый.

Для горных и предгорных районов юга Советского Союза в прошлом были характерны не кочевые, а полукочевые, полуседлые и отгонные формы скотоводства. Как правило, такие народы имели постоянные селения и жилища на местах зимовок и летовок. Для них был характерен переменнo-оседлый тип подвижности. Подобный тип оседлости встречался у земледельцев-скотоводов многих районов Алтая, Тянь-Шаня, Кавказа и Карпат. На Тянь-Шане, в горном Таджикистане, скотоводческий цикл недавно состоял, например, из двух периодов — зимнего (стойлового) и летнего (отгонного). Весной и осенью скот выпасали около селений. На летовках в Таджикистане строились постоянные жилища из камня. Они располагались на высоте до 3000 м. На летние пастбища откочевывала лишь небольшая группа населения (преимущественно женщины с детьми), на мужчинах лежали все земледельческие весенние работы. По мнению Б. Х. Кармышевой, этот тип скотоводческого хозяйства может быть определен как «стойлово-выгонно-яйлажный» [Кармышева, 1969, с. 40].

Большим разнообразием форм подвижности отличались в прошлом и скотоводы Кавказа. Армянский этнограф Ю. И. Мкртумян, как уже отмечалось выше, выделяет там четыре основные формы скотоводства: кочевую, полукочевую, отгонную и оседлую [Мкртумян, 1972, с. 67]. Для каждой из этих форм характерны свои особенности сезонной подвижности отдельных групп сельского населения. Важную роль в их изучении имеет, по мнению Ю. И. Мкртумяна, составление карт традиционных скотопрогонных маршрутов трех категорий: «малые маршруты» для жителей одного селения; «средние маршруты» для групп селений; «большие», или «магистральные, маршруты», соединяющие далекие пастбища. Так, на летние пастбища Армении по таким маршрутам пригоняли свой скот азербайджанские и грузинские скотоводы. На зимних пастбищах Азербайджана и Грузии выпасали скот армянские ското-

воды [Мкртумян, 1972, с. 63]. Для всех этих групп населения в прошлом были характерны различные формы подвижности: оседлость основной массы населения с сезонной миграцией небольшой части пастухов (трансюманс); переменнo-оседлый (у части азербайджанцев, курдов и др.) и оседло-кочевой (у курдов) образ жизни.

Обстоятельный историко-этнографический труд В. М. Шамиладзе, посвященный хозяйственно-культурным аспектам скотоводства Грузии, свидетельствует о различных формах подвижности пастушеских групп населения как на равнинах, так и особенно в горах. Наиболее подвижные формы хозяйственной деятельности во второй половине XIX — начале XX в. были отмечены автором для овцеводов Нижней Картли, Кахетии и некоторых других районов. Например, зиму «кочевые» общины села Алгети проводили на зимних пастбищах Нижней Картли и некоторых других районов Восточной Грузии, а в мае направлялись на весенние пастбища, оттуда в западные районы Грузии — на летние пастбища [Шамиладзе, 1979, с. 192—211]. Разницу между «кочевыми» и «полукочевыми» группами автор видит в том, что «кочевники» не занимались другими отраслями хозяйства и перемещались из кишлаков на летние пастбища вместе со всем имуществом на арбах, в то время как «полукочевники» имели земельные участки, где весной и летом трудились лица, специально выделенные для этого [Шамиладзе, 1979, с. 161—192, 219].

Автор описал виды жилья и хозяйственных построек грузин — «кочевников» и «полукочевников». Это более или менее постоянные жилые помещения большого или малого размера, загонь для скота. У народов-скотоводов были распространены постоянные жилища и переносная палатка, которая ставится на летовках [Шамиладзе, 1979, с. 211—213]. Из этого описания видно, что у так называемых кочевников и полукочевников Грузии второй половины XIX — начала XX в. образ жизни был в основном переменнo-оседлый, поскольку временное жилище служило лишь короткое время при больших перегонах скота с зимних пастбищ на летние, где возводились более или менее постоянные жилища. Правда, автор делает различие между «устойчивыми строениями оседлых скотоводов» и «легко разбираемыми и мобильными помещениями кочевых скотоводов». Однако следует заметить, что все виды их жилья, за исключением переносной курдской палатки, служили на одном месте не один год и не могут быть поставлены в один ряд с традиционным переносным жилищем — черным шатром, юртой кочевников аридной зоны, для которых характерен более подвижный образ жизни (кочевой, кочевнo-оседлый, оседло-кочевой).

Историко-этнографические исследования на Северном Кавказе, в частности у карачаевцев, также выявили преобладание в начале XX в. отгонных пастушеских форм скотоводства. Годовой цикл начинался с весны, когда скот, в основном овец,

перегоняли с зимовок на весенние пастбища. Карачаевские пастухи уходили за десятки и сотни километров, арендуя пастбищные земли у кабардино-черкесских аулов и казачьих станиц. К концу апреля стада вновь возвращались к зимовкам, где происходил отел и стрижка. Когда наступали жаркие дни, стада поднимались в горы на альпийские пастбища, где проводили три летних месяца. В сентябре начинался спуск на равнину; здесь использовались участки освободившихся пахотных и сенокосных угодий. Для зимовки стада разделяли: часть (бычки, мелкий рогатый скот, недойные коровы) оставляли на пастбищах и стоянках на подножном корму, другую часть скота содержали в зимних кошах, обеспеченных запасами сена. Скотоводство, в общем, носило товарный характер. В отгонно-пастбищном хозяйстве были заняты только пастухи, отчасти их семьи [Шаманов, 1972].

Исследования этнографов на Кавказе свидетельствуют об интенсивных процессах изменения в соотношении земледелия и скотоводства, что отражалось и на формах подвижности населения. Следует отметить массовое переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв., что так или иначе сокращало число лиц, занятых в подвижных пастушеских формах скотоводческо-земледельческого хозяйства. Малоземелье в глухих горных аулах заставляло горцев переселяться на равнину [Волкова, 1971, с. 47]. За годы Советской власти быт пастухов изменился коренным образом. Теперь развиты только сезонные миграции бригад пастухов, а их семьи живут в благоустроенных поселках. Переселение на равнину улучшило условия жизни людей, дало возможность приблизить коренное сельское население к городским и развивающимся промышленным центрам.

Время, на которое бригады пастухов покидают свои постоянные селения, может быть весьма различным. Так, в Карпатах пастухи-гуцулы проводят на высокогорных пастбищах — полонинах — до 4—5 месяцев в году. Они перегоняют скот с одного пастбища на другое и заготавливают молочные продукты. Поздней осенью скот перемещается к лугам, ближе к центральным усадьбам. На этих лугах летом заготавливается сено, чтобы кормить скот вплоть до января [Могытыч, 1972, с. 28—29]. На пастбищах гуцулы сооружают пастбищные постоянные хозяйственные и жилые постройки. На полонинах скот выпасают специальные животноводческие бригады пастухов-гуцулов. Их образ жизни переменно-оседлый или оседлый с сезонной миграцией части населения.

Особую группу подвижного населения в СССР до недавнего времени составляли цыгане, которые по своим диалектам, а также по некоторым особенностям культуры разделяются на целый ряд групп и подгрупп [Вентцель, 1966, с. 630]. Каждая группа цыган расселена дисперсно на определенной территории и среди определенного народа. Они часто прибавляют к

своему самоназванию «ром» название этого народа. Так, в СССР есть молдавские, украинские, литовские, русские цыгане. В Средней Азии проживают цыгане, известные под названием «люли», а на Кавказе есть цыгане «боше» (христиане) и «карачи» (мусульмане). Самую подвижную часть цыган в 20-х годах нашего века составляли так называемые русские цыгане. Их главными занятиями тогда были торговля лошадьми, кузнечество, а также пение и пляски [Баранников, 1931]. Большинство из них полгода (зимнее и весеннее время) проводило оседло в русских деревнях. В апреле начинались перекочевки в границах определенных традиционных ареалов. В каждую большую группу входило в среднем до 5 тыс. человек.

Большая часть цыган, кочевавших на равнинах Европейской части СССР, имела летнее переносное жилище, где жила с весны до осени [Андроникова, 1970, с. 31—45]. Характерно, что и теперь, когда подавляющее большинство цыган перешло к оседлому образу жизни, некоторые элементы убранства дома, где живет цыганская семья, напоминают размещение утвари в кочевой палатке [Андроникова, 1970, с. 40—43]. Их общее число, по данным переписи 1979 г., составляет 209 тыс. человек.

В Средней Азии цыгане называют себя «мугат», а «люли» — таджикское название. В прошлом среднеазиатские цыгане в отличие от европейских почти не знали ремесел и занимались мелочной торговлей, а женщины традиционно нищенствовали, отчасти гадали или врачевали [Снесарев, 1960, с. 25—26]. За годы Советской власти цыгане изменили свой образ жизни. Многие ведут теперь оседлый образ жизни, работают в совхозах и на промышленных предприятиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование традиционного образа жизни, форм подвижности и размещения неоседлого населения по континентам и странам мира выявило этническое и хозяйственно-культурное разнообразие отдельных групп. Установить их истинную численность весьма затруднительно, поскольку надежные статистические сведения отсутствуют. Приводим оценочные данные по крупным регионам мира:

Группа неоседлого населения	Африка	Зарубежная Азия	Южная Америка	Северная Америка	Австралия	Зарубежная Европа	СССР	Всего
Кочевники и полукочевники скотоводы аридной зоны	18 600	19 150	—	—	—	—	—	37 750
Кочевники и пастушеские скотоводы-охотники жаркого пояса	8 500	—	—	—	—	—	—	8 500
Пастушеские скотоводы гор	1 400	4 300	100	30	—	400	—	6 230
Высокогорные кочевники-скотоводы	—	1 500	—	—	—	—	—	1 500
Промысловые оленеводы, охотники и рыболовы	—	—	—	10	—	10	10	30
Современное животноводческое население аридной зоны	200	50	300	310	70	—	150	1 080
Полуоседлые земледельцы-охотники жаркого пояса	400	500	500	—	—	—	—	1 400
«Морские кочевники» — рыболовы и собиратели	—	50	—	—	—	—	—	50
Охотники и собиратели жаркого пояса	200	100	60	—	20	—	—	380
Промысловые охотники, рыболовы тайги и тундры	—	—	—	400	—	20	20	440
Арктические охотники и промыслово-рыболовецкое население	—	—	—	30	—	—	—	30
Несельскохозяйственное население с традиционным, подвижным образом жизни (в том числе цыгане)	90	1 550	40	20	10	270	20	2 000
В с е г о . . .	29 390	27 200	1000	800	100	700	200	59 390

Наиболее многочисленны кочевники и полукочевники — скотоводы аридной зоны. Их 37,8 млн., из них в странах зарубежной Азии проживает 19,2 млн. (преимущественно в Юго-Западной Азии), в Африке — 18,6 млн. человек (главным образом в Северной и Восточной Африке). Кочевники-скотоводы освоили аридную зону под пастбища, занимающие 21—23% всей земной суши, где ведут сезонно-подвижный образ жизни. Формы подвижности их весьма разнообразны — от круглогодичного кочевания до годовой оседлости с сезонной миграцией части населения. Наибольшей подвижности требует кочевое верблюдоводство в пустынях жаркого пояса (арабы бедуины, беджа, сомали). Кочевое хозяйство верблюдоводов с длительными круглогодичными миграциями слабо связано с орошаемым земледелием в оазисах. Их образ жизни кочевой или кочевно-оседлый, если они имеют на зимовках постоянные поселения, где проводят все же меньшую часть года.

Кочевно-оседлый образ жизни еще характерен для кочевников и полукочевников — скотоводов пустынь жаркого пояса, там, где в стаде преобладают овцы и козы, а верблюдов используют только как транспорт. Скотоводство они сочетают с небольшими посевами зерновых на временно орошаемых или неорошаемых землях возле своих поселений. Большую часть года они проводят в кочевых миграциях и на временных стойбищах.

Подобный кочевой и кочевно-оседлый образ жизни сохраняют и многие кочевники — скотоводы пустынь, полупустынь и степей умеренного пояса (монголы, казахи в КНР и др.). Они разводят верблюдов, овец и лошадей. Скотоводческое хозяйство чаще всего слабо связано с зерновым плужным земледелием этой зоны.

Увеличение в хозяйственной деятельности доли земледелия влечет за собой и большую оседлость, время пребывания в постоянных поселениях начинает преобладать. Это уже оседло-кочевой образ жизни.

Примером могут служить горные народы Юго-Западной Азии (курды, юрьюки, афганцы и др.). Для них характерно кочевое и полукочевое скотоводство на пастбищах сухих предгорий и гор теплого пояса с сезонными, преимущественно вертикальными миграциями в горах. Скотоводство местами сочетается с зерновым плужным земледелием на орошаемых и неорошаемых землях горных долин. В ряде мест, однако, скотоводство (овцеводство) имеет четко выраженное товарное направление и слабо связано с земледелием (например, у аромунов).

Кочевое и полукочевое скотоводство арабов баггара, разводящих на саваннах пастбищах в Судане крупный рогатый скот, почти не связано с земледелием. Их образ жизни кочевой и кочевно-оседлый.

Особую группу неоседлого населения образуют кочевые и пастушеские скотоводы, сочетающие разведение овец, коз, круп-

ного рогатого скота породы зебу с охотой и собирательством в зоне сухих саванн Африканского континента. Их общая численность — 8,5 млн. Образ жизни оседло-кочевой, переменнo-оседлый и годовая оседлость с сезонной миграцией части населения. В скотоводческих пастушеских миграциях занята преимущественно молодежь, которая проводит часть года на пастбищах вместе со стадом, в то время как взрослые члены семьи заняты на сельскохозяйственных участках возле постоянных поселений. Для всей этой группы скотоводов-земледельцев с ручным подсечно-огневым земледелием характерны примитивные формы натурального и полунатурального хозяйства.

Оседло-кочевой, переменнo-оседлый образ жизни и годовая оседлость с сезонной миграцией части населения (с пастушеским отгоном скота на высокогорные альпийские луга) характерны для высокогорных скотоводов Центральной Азии, которые разводят яков. Общая численность этого населения (скотоводы тибетцы, ицзу, цзинпо и др.) — 1,5 млн.

Значительную хозяйственно-культурную группу образуют пастушеские скотоводы гор Западной Европы, Юго-Западной и Южной Азии, составляющие свыше 6,2 млн. Эта группа очень неоднородна. Часть пастушеских скотоводов (особенно на востоке ареала их распространения — в Пакистане, Иране, Турции) близка по своему сезонно-подвижному образу жизни и экономике к кочевникам и полукочевникам (белуджи, курды, юрюки и др.). Напротив, формы подвижности и образ жизни горных скотоводов на западе — в Пиренеях, Альпах, Динарах, Карпатах (аромуны и др.) — носят четко выраженный пастушеский характер и товарное направление. Сезонные перегоны скота группами наемных пастухов в Европе резко отличаются от кочевого скотоводства стран Азии и Северной Африки. Всюду теперь наблюдается процесс оседания кочевников и переход их от кочевания к пастушеским отгонным формам скотоводства (трансьюманс).

Самой большой годовой подвижностью и дальностью миграций выделяются северные промысловые оленеводы (ненцы, коряки, чукчи, саами и др.), их не более 30 тыс. человек. В прошлом они сочетали пастбищное оленеводство с охотой и рыболовством. Теперь разведение оленей носит всюду товарный характер, а бытовое кочевание со всей семьей преобразовано в производственное пастушеское. Изменились их жизненный уклад, быт и культура.

Современное животноводческое население аридной зоны, составляющее свыше 1 млн. человек, отличается по своим бытовым особенностям от традиционных кочевников и пастухов. Опыт СССР, республик Средней Азии и Казахстана показал, что оседлость основной группы бывших кочевников в сочетании с отгонным животноводством (осуществляемым небольшой бригадой) может улучшить культурно-бытовые условия жизни обитателей пустынь, сохраняя в то же время все хозяйственно-

экономические достоинства круглогодичного использования пустынных и полупустынных пастбищ.

Оседлый с сезонной миграцией части населения и переменнo-оседлый образ жизни сохраняют земледельцы-охотники и собиратели жаркого пояса. Эти обитатели дождевых экваториальных лесов или залесенных горных плато Юго-Восточной и Южной Азии (семанги, сенои, бирхор и др.), саванн Центральной Африки (азанде, монго и др.) и лесов бассейна р. Амазонки в Южной Америке (гуахибо, яномамо и др.) занимаются подсечно-огневым ручным земледелием, а также охотой и собирательством. Хотя земледелие в экваториальных лесах примерно в 3 раза продуктивнее, чем охота, все же оно чрезвычайно трудоемко, и это способствует сохранению традиционных занятий — охоты и собирательства. Для этой ранней и теперь быстро исчезающей стадии развития сельскохозяйственного производства весьма характерна связь разных сфер хозяйственной деятельности с сохранением сезонной подвижности части населения.

Большим своеобразием бродячего образа жизни до сих пор выделяются «морские кочевники» (баджау, мокены и др.) — обитатели островного мира Юго-Восточной Азии. Они большую часть года проводят в лодках, занимаясь ловлей рыбы, промыслом жемчуга или сбором моллюсков в прибрежных водах островов Зондского архипелага. Их численность не превышает 50 тыс. человек. В последние годы их образ жизни изменился. Количество оседлых «морских кочевников» удвоилось. Теперь они располагаются на лодках или в селениях на сваях возле приморских городов, где сбывают рыбу, жемчуг. Часть мужского населения прирабатывает в городах, стремясь накопить денег для покупки моторной лодки [Warren, 1980, с. 227].

Охотники и собиратели жаркого пояса с различными формами подвижности сохранились только в наиболее глухих, преимущественно экваториальных областях Южной Америки, зарубежной Азии, Африки и Австралии (бушмены, пигмеи, австралийцы-аборигены и др.). Их численность быстро сокращается. Они насчитывают в Африке 200 тыс., в Южной Америке — 60 тыс., в зарубежной Азии — 100 тыс., а в Австралии — 20 тыс. человек.

Сохраняют свой сезонно-подвижный образ жизни и охотники-рыболовы тайги и тундры (атапаски, кри, чипевайи и др.), но охота на пушного зверя давно приобрела у них товарный характер. Их около 400 тыс. в Канаде и США, почти 20 тыс. в Скандинавских странах и 20 тыс. в СССР.

Общая численность арктических охотников на морского зверя и традиционно-промыслово-рыболовецкого населения в Северной Америке не превышает 30 тыс. человек. Это главным образом эскимосы и алеуты. Для них характерен переменнo-оседлый и оседлый образ жизни с сезонной миграцией части населения.

Особое место в неоседлом населении занимает несельскохозяйственное население с традиционно-подвижным образом жизни. Это «кочевые» цыгане и другие близкие им по образу жизни группы. Они широко расселены почти по всем странам мира.

Какая же судьба ожидает в ближайшие десятилетия неоседлое население мира? Факт сокращения его численности во второй половине XX в. не вызывает сомнения, и темпы этого сокращения вряд ли уменьшатся. Изменяются и формы подвижности этих групп в сторону увеличения оседлости, меняются их образ жизни, быт и культура (см. [FPP, с. 17]). Особенно заметны изменения в странах социализма, и прежде всего в Советском Союзе, где с первых лет Советской власти проводятся разнообразные широкие мероприятия по улучшению жизни оставших прежде народов Севера, переводу кочевников-скотоводов Средней Азии и Казахстана на оседлость. Социалистические преобразования среди кочевников начались с перестройки сельского хозяйства и организации индустриальных центров. Преобразования шли в экономике по пути изживания патриархального и мелкотоварного укладов, ликвидации частной собственности на землю, ее национализации, проведения земельно-водной реформы. Социалистические преобразования в области сельского хозяйства, начавшиеся в форме кооперирования, нашли широкую поддержку всех трудящихся крестьян и завершились созданием крупных коллективных хозяйств. Победа колхозного строя, появление индустриальных очагов, всеобщая грамотность и культурные преобразования способствовали преодолению патриархально-феодальных пережитков, всех остатков родо-племенных отношений, несущих в себе элементы эксплуатации, закрепляя в то же время многовековой опыт народа и его знания [Шаумян, 1961; Жданко, 1967; Жданко, 1968; Андрианов, Моногарова, 1970, с. 39, 42].

На Крайнем Севере СССР для малых народов строятся благоустроенные поселки, больницы, школы, интернаты для детей. Охотники и рыболовы Крайнего Севера (чукчи, коряки, алеуты и др.), которые в недавнем прошлом были изолированы от культурных центров и крупных городов, находились на грани физического вымирания, теперь пользуются особой заботой государства, развивают различные стороны своей национальной культуры и уже достигли высокого уровня жизни, образования, искусства [Гурвич, 1970, с. 195—225].

Изменения образа жизни характерны и для других регионов мира. Все большее число народов, отдельных племен и этнографических групп, сохранявших до недавнего времени традиции подвижного быта и архаические формы хозяйства, оказываются втянутыми в товарную экономику. Это заметно как в странах, добившихся независимости и развивающих свою экономику по некапиталистическому пути, так и в развивающихся странах, вставших на путь капиталистического развития.

Существенные социальные изменения происходят в среде кочевников и полукочевников — скотоводов аридной зоны, которые втянуты в современную товарно-денежную экономику. Идет процесс оседания кочевников, миграции их в города. Например, общая численность населения внутренних районов Сахары сокращается из года в год. Уход значительной части трудоспособного населения в приморскую зону Магриба на севере и в саванны Западной Африки на юге — одно из самых характерных явлений современной Сахары. Так, оазис Мзаб в Алжире ежегодно покидает до 5 тыс. человек, в оазисах Сусе и Бискра число эмигрантов составляет более 10% населения.

Меняются быт и образ жизни кочевников Африки, которые переходят от кочевых форм скотоводства к отгонно-пастушеским. Например, в Египте арабы бедуины улед-али занимают побережье Средиземного моря от Александрии до Эс-Саллума. Старшие члены семей живут весь год в постоянных селениях, сеют ячмень, разводят финиковую пальму и плодовые деревья, орошая земли из артезианских колодцев. Молодежь ведет традиционный, пастушеский образ жизни, перегоняя овец и верблюдов с одного пастбища на другое. Многие используют моторчики для подъема воды из колодцев. У зажиточных скотовладельцев есть грузовой транспорт, мотоциклы. Их хозяйство имеет товарное направление. Образ жизни — годовая оседлость с сезонной миграцией части населения [Stein, 1981, с. 42].

Исследователи отмечают нарастание противоречий между традиционно-общинными порядками ведения скотоводческого хозяйства и практикой современного школьного образования молодежи. Последняя в ряде районов теперь с большим запозданием приходит к своим традиционным обязанностям по выпасу скота, утрачивая в школе некоторые знания и навыки пастбищного животноводства. В то же время концентрация поголовья скота в руках крупных скотовладельцев требует уже новых знаний и научного подхода для успешного ведения хозяйства. Все это разрушает традиционные порядки в образе жизни неоседлого населения и изменяет формы подвижности кочевников.

В судьбах неоседлого населения важную роль всегда играли экологические факторы, поскольку пастбища — уязвимая и хрупкая биосистема, где гораздо раньше, чем в земледелии, проявляется диспропорция между численностью населения, поголовьем скота и емкостью угодий. На пастбищном скотоводстве пагубно отражаются климатические колебания и периодические засухи. Так, страшная засуха 1968—1973 гг., поразившая в Африке страны Сахеля от Мавритании до Эфиопии, стала причиной того, что сотни тысяч кочевников бежали на юг в крупные города, а десятки (а возможно, и сотни) тысяч беженцев погибли от голода.

В 1983—1984 гг. засуха повторилась. На этот раз она охватила территорию Эфиопии и сопредельные области. Продви-

жение пустыни в зону с культурными землями было названо специалистами особым термином — «дезертификация». Процесс этот вызван не только глобальными климатическими изменениями, но и хозяйственной деятельностью населения, которое, истребляя деревья и кустарники на топливо, ежегодно сжигая степную растительность, увеличивая стада и нагрузку на пастбища, способствует продвижению пустыни Сахары в зону сухих саванн, а последние оттесняют на юг леса [Eckholm, 1976, с. 61]. В Северной Африке, Марокко, Алжире, Тунисе и Ливии также наблюдаются интенсивный перевыпас, уничтожение лесов на топливо, неустойчивое земледелие на полупустынных землях. Страны эти вынуждены теперь импортировать продовольствие, а когда-то они были главной житницей Римской империи.

В Судане с 1958 по 1975 г. пустыня с подвижными барханными песками продвинулась на юг почти на 300 км. Во время засухи 1968—1973 гг. в Мавритании погибло почти 90% поголовья скота, в Нигере потеряло свой скот более половины хозяйств, живущих исключительно за счет скотоводства. Государство было вынуждено предоставить кредиты для приобретения начального минимума поголовья, который был определен в 5 верблюдов (или коров) и 10 голов мелкого рогатого скота. Предполагают, что через 10 лет поголовье стада достигнет и даже превысит прежний уровень. Однако кормовые возможности для скотоводства этой зоны пока весьма ограничены, а в последние годы засуха вновь поразила ряд стран — Эфиопию, Мали, Чад и др. [Радченко, 1983, с. 219—220].

Перевыпас скота на пастбищах, их деградация приняли почти глобальный характер. В Индии западный штат Раджастан перенаселен, и здесь процессы ветровой эрозии сократили площади, пригодные для выпаса скота, на 2 млн. га, в то время как поголовье скота возросло за 10 лет более чем на 50%. По мнению индийских ученых, еще несколько десятилетий перевыпаса и сведения лесов грозят превращением культурных земель и пастбищ Западной и Центральной Индии в бесплодные территории [Eckholm, 1976, с. 65].

В Иране и Сирии численность поголовья скота в 3—4 раза превышает допустимую. На пастбищах ценные виды кормов вытесняются менее ценными, грубыми. Травяной покров исчезает, уступая место растительности пустынь и подвижным пескам. Эту деградацию природной среды в арабских странах аридной зоны еще отчасти маскируют доходы от нефти и добычи других полезных ископаемых. Бурное развитие нефтяной промышленности ускоряет процесс оседания кочевников-скотоводов. Их удельный вес в арабских государствах в последнее десятилетие резко сократился. Так, в Саудовской Аравии они составляли в 50-е годы около 60% населения, в 70-е годы — только 40%, а в начале 80-х годов их стало чуть больше 20%.

Процесс оседания кочевников-скотоводов зафиксирован не

только в пустынной аридной зоне, но и в зоне горного, преимущественно пастушеского скотоводства Юго-Западной Азии. Так, в Турции среди юрюков перекочевки со всей семьей сменяются сезонным пастушеским отгонным скотоводством, когда на летние пастбища уходят только несколько мужчин-пастухов и женщин, а остальные члены семьи остаются на постоянных поселениях в оседло-земледельческой зоне.

В пустынях Северной Африки и Юго-Западной Азии в прошлом была развита караванная торговля солью, зерном и т. п. В этой торговле участвовали отдельные группы кочевников-верблюдоводов. С развитием автомобильного транспорта значение караванной торговли резко сократилось. Уменьшилась и подвижность групп населения, занятого этим промыслом.

Подавляющее большинство неоседлого кочевно-скотоводческого населения так или иначе втянуто в русло товарной рыночной экономики, что способствует классовой дифференциации кочевников. Внешние факторы — процесс урбанизации, военнополитические события, феодальные усобицы, процесс «опустынивания» и стихийный падеж скота из-за засухи — также способствуют сокращению численности кочевников, уменьшению протяженности маршрутов перегона скота, переходу от скотоводства к земледелию и оседанию на постоянных земледельческих поселениях.

Некоторые из зарубежных исследователей (Д. Джонсон, Д. Григг и др.) считают традиционное кочевое и пастушеское скотоводство умирающей системой хозяйственного использования природных ресурсов. Американский экономист Дуглас Джонсон, например, пишет, что существуют различные варианты будущего развития кочевого скотоводства. Наиболее возможная альтернатива — быстрое исчезновение кочевничества благодаря воздействию ряда факторов (нефтяного бума, развития промышленности, роста городов), что может в ряде случаев сопровождаться серьезным экологическим и социальным ущербом. Другой перспективой, по его мнению, является замена кочевого скотоводства системами пастбищного и отгонного пастушеского скотоводства с современной технологией. Однако введение новых научных систем, по мнению Д. Джонсона, в условиях традиционной культуры народов Азии и Африки должно осуществляться с большой осторожностью. Он не затрагивает, впрочем, главной причины — все еще сохраняющейся экономической и культурной отсталости многих групп кочевников-скотоводов Африки и Азии. Эти причины кроются прежде всего в характере современных социально-экономических условий, в сохранении значительных патриархально-общинных и феодальных пережитков, сохранении экономической и неокOLONиальной зависимости.

Уровень современной техники позволяет уже теперь освоить громадные территории пустынь во всех частях света и резко улучшить условия жизни населяющих их народов.

В широкой зоне аридных земель будущее неоседлого населения зависит от интенсификации и модернизации пастбищного скотоводства, мелиорации земель и орошения для получения кормовых и продовольственных сельскохозяйственных культур, развития добывающей промышленности, особенно топливно-энергетической, от создания сети постоянных оседлых поселений, городов [Антрианов, Мурзаев, 1964, с. 91—101]. Все это связано с целой серией широких государственных мероприятий, требующих капиталовложений и единого планирования. Там, где такие мероприятия уже проведены (как, например, в СССР и МНР), положение недавних кочевников коренным образом улучшилось, изменились их материальная культура и быт.

Это можно проследить на примере народов Средней Азии и Казахстана в СССР, где уже исчезли традиционные кочевья и становища скотоводов, возникла целая сеть поселений с благоустроенными домами, школами, лечебными учреждениями, учреждениями связи, обслуживаемыми автомобильным транспортом и авиацией. Широкое распространение получила отгонная форма животноводства, при которой животноводы только часть года проводят на пастбищах, а их семьи живут в небольших постоянных поселениях.

Большую заботу проявляет Советское государство об оленеводах Крайнего Севера. Условия их жизни более суровые, чем у животноводов Казахстана. На обширной территории тундровых и лесотундровых пастбищ теперь положено начало замене традиционного выпаса оленей полувольным содержанием их на огороженных участках. Организуется сменно-звеньевой выпас оленей, что резко сокращает численность людей, занятых круглый год в оленеводстве, облегчает труд оленеводов. В охотничьем промысле народов Севера улучшаются быт и транспортные средства охотников, используются наземный быстрый механический транспорт и авиация.

В СССР проводится широкая работа по изучению пастбищ и кормов для рационального их использования, улучшается обеспеченность в пустыне водопоями, создаются загоны для защиты скота от непогоды, страховые запасы кормов на случай бескормицы из-за засухи, гололеда, снежных заносов, осуществляются ветеринарные мероприятия по борьбе с эпизоотиями.

Весьма нагляден также опыт модернизации традиционного кочевого скотоводства в МНР, где преобразования социалистического характера охватили все сферы жизни. Кочевая группа как форма кооперации труда в кочевом хозяйстве претерпела здесь ряд исторических изменений: от родовой группы «куренья» доклассовой эпохи к «айль» — группе кровных родственников с классовыми взаимоотношениями и животноводческой группе «суурь» современного социалистического хозяйства, где отсутствует эксплуатация человека человеком и все основные средства производства принадлежат народу.

В. В. Грайворонский справедливо отмечает, что богатый опыт преодоления многовековой экономической и культурной отсталости, преобразования и модернизации кочевого пастбищного животноводства и на этой основе традиционного образа жизни монгольского народа имеет важное международное значение.

По его мнению, «с точки зрения всемирно-исторического прогресса такие древние формы материального производства, как кочевое и полукочевое животноводство, уже давно исчерпали потенции для собственного внутреннего развития. Однако в конкретных природно-климатических и исторических условиях ряда районов мира, например в большинстве районов аридной зоны, пока еще непригодных для использования другими, более эффективными способами, кочевое и полукочевое животноводство по-прежнему остается одним из основных способов использования богатых природных ресурсов — естественных пастбищ, получения значительного количества высокоценной животноводческой продукции, источником существования миллионов людей» [Грайворонский, 1979, с. 153—154].

Изменение общественных условий и форм хозяйства, развитие транспорта и связи и другие экономические преобразования уже привели к коренным изменениям всего жизненного уклада многих скотоводческих народов аридной зоны.

Наиболее архаические «присваивающие» формы использования природных ресурсов сохранились у охотников и собирателей. Их образ жизни, культура и быт быстро уходят в прошлое. Но процесс этот развивается в различных регионах мира по-разному.

В странах с демократическим строем государство проявляет определенную заботу о судьбах этих небольших по численности неоседлых групп населения. Так, в некоторых африканских странах (в Народной Республике Конго, Камеруне, Танзании) охотники-собиратели пигмеев вовлечены в земледелие. Часть из них служит в заповедниках. В Кении охотники-доробо научились навыкам скотоводства у своих соседей сампуру. Приобщение охотников к земледелию способствовало развитию оседлого образа жизни; напротив, появление пастушеского скотоводства связано с переходом от бродячих, нерегулярных миграций к сезонным передвижениям на пастбищах.

В Северной Америке приобщение охотников-собирателей индейцев к капиталистической экономике и европейскому образу жизни заметно отразилось на их материальной и отчасти духовной культуре. Однако формы сезонной подвижности изменились, пожалуй, в меньшей степени, поскольку охота на пушного зверя приобрела товарный характер. Она требует сезонной миграции охотников.

У самых северных обитателей Американского континента — эскимосов в последние десятилетия резко сократилась численность охотничьих групп, уменьшилась роль потребительского

рыболовства, зато увеличилось потребление рыночных продуктов, появились механизированные транспортные средства. Оседло-бродячий образ жизни сменился переменнo-оседлым и годовою оседлостью с сезонной миграцией части населения.

В Индии довольно многочисленна группа лесных земледельцев — охотников и собирателей, сохраняющих сезонную подвижность. В последние годы собирательство потребительских продуктов питания в лесу сменилось у них сбором растений, имеющих товарное значение: плодов дерева макау, листьев дерева тимру и др. Увеличилось значение лесных промыслов, например промысел в манграх дерева на топливо.

Весьма трагична судьба охотников и собирателей в некоторых капиталистических странах, где сохраняются различные формы расового, социального и национального угнетения со стороны более развитых народов, как это имеет место, например, в Австралии по отношению к австралийцам-аборигенам и в ЮАР по отношению к коренному населению — бушменам, готтентотам, народам банту, зулу, коса и др. С приходом англо-австралийцев аборигены Австралии были отчасти истреблены, а отчасти оттеснены в самые пустынные области континента. Когда европейцы столкнулись с аборигенами, их было около 300 тыс. Сейчас их вместе с метисами 150 тыс., но только 10—15% сохранили древний образ жизни. Многие аборигены работают на фермах, принадлежащих англо-австралийцам, в качестве батраков, причем их труд оплачивается гораздо ниже, чем труд белых рабочих. Передвижения аборигенов по стране ограничены резервациями, различными законами и запретами. Они лишены демократических прав и подвергаются расовой дискриминации.

Весьма сходна с судьбой австралийцев-аборигенов судьба обитателей пустынных областей Южной Африки — бушменов и готтентотов с неоседлым образом жизни. В XVIII—XIX вв., во времена интенсивной европейской колонизации, эти народы, частью были обращены в рабство, многие вымерли, а оставшиеся были оттеснены в пустынные области. В ЮАР и соседней Намибии эти коренные «неевропейские» народы теперь подвергаются жестокой расовой дискриминации, получившей крайне реакционное выражение в политике «раздельного» существования рас — апартеида правительства Южно-Африканской Республики.

Главные причины современного бедственного положения охотников и собирателей в Австралии и на юге Африки — отсутствие демократических свобод, расовое угнетение, и значительная экономическая отсталость населения.

Там, где государство проявляет заботу о подобных архаических группах неоседлого населения, положение иное. Например, во Вьетнаме государство уделяет большое внимание небольшим горным народам (рук, арем, малиенг и др.), которые уже сменили бродячий образ жизни на оседлый, живут в по-

стоянных, выстроенных правительством поселениях и осваивают технику земледелия.

Общее изменение форм подвижности у большинства групп неоседлого населения мира в последние десятилетия связано с сокращением ареалов хозяйствования и трансформацией традиционных хозяйственно-культурных типов. Всюду увеличивается оседлость этих групп. Правительства многих стран, на территории которых обитают подобные группы, стремятся провести мероприятия по их оседанию, улучшить их положение, помочь в техническом перевооружении и преодолении культурной отсталости.

В мероприятиях, намечаемых в разных странах мира, могут быть полезны этногеографические материалы, характеризующие образ жизни, типологию и классификацию форм подвижности различных групп неоседлого населения. Они могут помочь дифференцированному подходу в организации хозяйственных и культурных преобразований образа жизни этих групп, в сохранении наиболее полезных и перспективных трудовых и бытовых навыков, а также форм материальной культуры.

Технические народные знания и трудовой опыт сельскохозяйственного производства в его подвижных неоседлых формах является важной частью этнокультурных традиций народов мира. Передаваемые от поколения к поколению опыт хозяйственной деятельности отдельных народов, их практические навыки использования местных природных ресурсов представляют собой ценное культурное наследие, утрата которого нежелательна. Высокие профессиональные навыки отдельных групп неоседлого населения, складывавшиеся веками в охоте или рыболовстве, при уходе за домашними животными, могут быть с успехом использованы и в наши дни, когда происходят коренные изменения социальных, политических и экономических условий жизни всех народов мира, и в первую очередь в широкой зоне развивающихся стран, где сосредоточена основная масса неоседлого населения.

- Маркс, Энгельс, т. 3.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Т. I.— Т. 3.
- Маркс, Энгельс, т. 21.— *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
- Маркс, Энгельс, т. 23.— *Маркс К.* Капитал. Т. I.— Т. 23.
- Маркс, Энгельс, т. 46.— *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46. Ч. I.
- Ленин, т. 49.— *Ленин В. И.* И. Ф. Арманд. 30 ноября 1916 г.— Т. 49.
- Аверкиева, 1970.— *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.
- Аверкиева, 1974.— *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.
- Аверкиева, 1979.— *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
- Айветс, 1974.— *Айветс А. Р.* Цыгане в наши дни.— Курьер ЮНЕСКО. 1974, № 12.
- Акишев, 1972.— *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Александренков, 1976.— *Александренков Э. Г.* Диффузионизм в зарубежной западной этнографии.— Концепция зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.
- Алексеев, 1974.— *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев, 1975.— *Алексеев В. П.* Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика.— Природа. 1975, № 7.
- Андрианов, 1958.— *Андрианов Б. В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.).— Труды хорезмской экспедиции. Т. III. М., 1958.
- Андрианов, 1963.— *Андрианов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана.— Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I—II. М., 1963.
- Андрианов, 1968.— *Андрианов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс.— СЭ. 1968, № 2.
- Андрианов, 1969.— *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
- Андрианов, 1973.— *Андрианов Б. В.* Взаимодействие природы и общества и концепция хозяйственно-культурных типов.— Взаимодействие природы и общества (философские, географические, экологические аспекты проблемы). М., 1973.
- Андрианов, 1981.— *Андрианов Б. В.* К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы.— Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
- Андрианов, Доскач, 1983.— *Андрианов Б. В., Доскач А. Г.* Хозяйственно-культурная дифференциация и географическая среда.— Природа. 1983, № 4.
- Андрианов, Исмагилова, 1979.— *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этнос и

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию Собрания сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- этнические процессы в Африке (к проблеме типологии).— СЭ. 1979, № 5.
- Андрианов, Левина, 1979.— *Андрианов Б. В., Левина Л. М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э.— *Этнография и археология Средней Азии*. М., 1979.
- Андрианов, Моногарова, 1970.— *Андрианов Б. В., Моногарова Л. Ф.* Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии.— СЭ. 1970, № 1.
- Андрианов, Мурзаев, 1964.— *Андрианов Б. В., Мурзаев Э. М.* Некоторые проблемы этнографии аридной зоны.— СЭ. 1964, № 4.
- Андрианов, Чебоксаров, 1972.— *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования.— СЭ. 1972, № 2.
- Андрианов, Чебоксаров, 1975 (I).— *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования).— СЭ. 1975, № 3.
- Андрианов, Чебоксаров, 1975 (II).— *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии.— СЭ. 1975, № 4.
- Андроникова, 1970.— *Андроникова И. М.* Эволюция жилища русских цыган.— СЭ. 1970, № 4.
- Андропова, 1971.— *Андропова В. В.* Культура и быт коряков. Л., 1971.
- Анохин, 1967.— *Анохин Г. И.* Последние номады Западной Европы.— *Природа*. 1967, № 1.
- Анохин, 1978.— *Анохин Г. И.* Проблемы цыган и рейсенде в Дании.— *Скандинавский сборник*. Т. XXIII. Таллин, 1978.
- Анучин, 1889.— *Анучин Д. Н.* О задачах русской этнографии (несколько справок и общих замечаний).— *Этнографическое обозрение*. Кн. I. М., 1889.
- Артемова, 1980.— *Артемова О. Ю.* Прошлое и настоящее коренных австралийцев.— *Расы и народы*. Вып. 10. М., 1980.
- Арутюнов, Мкртумян, 1981.— *Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.* Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания).— СЭ. 1981, № 4.
- Баранников, 1931.— *Баранников А. П.* Цыгане СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М., 1931.
- Батнасан, 1977.— *Батнасан Г.* Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике.— СЭ. 1977, № 2.
- Белинский, Дмитриева, 1976.— *Белинский Б. В., Дмитриева З. М.* Транспортно-производственные связи оленеводческих бригад тундровых районов Якутской АССР.— *Транспорт в экономико-географических условиях Якутской АССР*. Якутск, 1976.
- Бёш, 1966.— *Бёш Г.* География мирового хозяйства. М., 1966.
- Богораз-Тан, 1928.— *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.— Л., 1928.
- Богораз-Тан, 1933.— *Богораз-Тан В. Г.* Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы.— *Проблема происхождения домашних животных. Труды лаборатории генетики*. Вып. I. Л., 1933.
- Брабин, 1975.— *Брабин Г.* Африка: 5000 км мертвой земли в Сахеле.— *Курьер ЮНЕСКО*. 1975, № 5.
- Бринке, 1976.— *Бринке П. К.* К вопросу о миграциях так называемых отсталых народов.— XXIII Международный географический конгресс. Секция 7. География населения. М., 1976.
- Бромлей, 1973.— *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Бромлей, 1981 (I).— *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.
- Бромлей, 1981 (II).— *Бромлей Ю. В.* Культура и этнические аспекты экологии.— *Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия*. М., 1981.
- Бромлей, 1983.— *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Брук, 1960.— *Брук С. И.* Население Передней Азии. Приложение к карте народов. М., 1960.

- Брук, 1964.— *Брук С. И.* Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964.
- Брук, 1981.— *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.
- Будыко, 1977.— *Будыко М. И.* Глобальная экология. М., 1977.
- Вавилов, 1967.— *Вавилов Н. И.* Избранные произведения в двух томах. Т. I. Л., 1967.
- Вайнштейн, 1970.— *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I. Саянский очаг одомашнивания оленя).— СЭ. 1970, № 6.
- Вайнштейн, 1972.— *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
- Вайнштейн, 1976.— *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.— СЭ. 1976, № 4.
- Вальтер, 1968.— *Вальтер Г.* Растительность земного шара. Эколого-физиологическая характеристика. Тропические и субтропические зоны. М., 1968.
- Васильев, 1962.— *Васильев В. И.* Система оленеводства лесных энциев и ее происхождение.— КСИЭ. 1962, № 37.
- Вентцель, 1966.— *Вентцель Т. В.* Цыганский язык.— Языки народов СССР. Т. I. М., 1966.
- Вентцель, Черенков, 1976.— *Вентцель Т. В., Черенков Л. Н.* Диалекты цыганского языка.— Языки Азии и Африки. Т. I. М., 1976.
- Вернадский, 1926.— *Вернадский В. И.* Биосфера. Ч. 1—2. Л., 1926.
- Винников, 1969.— *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969.
- Виноградов, 1981.— *Виноградов Б. В.* Преобразованная земля. Аэрокосмические исследования. М., 1981.
- Волкова, 1971.— *Волкова Н. Г.* Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв.— СЭ. 1971, № 2.
- Второв, Дроздов, 1974.— *Второв П. П., Дроздов Н. Н.* Биография материков. М., 1974.
- Вяткина, 1960.— *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики.— ТИЭ. Новая серия, т. IX, 1960.
- Гаджиева, 1976.— *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976.
- Гаффенберг, 1970.— *Гаффенберг Э. Г.* Гедан — кочевое жилище белуджей.— Труды VII МКАЭН. Т. V. М., 1970.
- Герасимов, 1976.— *Герасимов И. П.* Советская конструктивная география. Задачи, подходы, результаты. М., 1976.
- Герланд, 1888.— *Герланд Г.* Задачи и разделение географии. [1887].— Известия Российского географического общества. Т. 24, вып. 4 (прил.). СПб., 1888.
- Грайворонский, 1979.— *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.
- Григорьев, 1966.— *Григорьев А. А.* Закономерности строения и развития географической среды. М., 1966.
- Григорян, 1966.— *Григорян С. Н.* Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966.
- Григулевич, 1979.— *Григулевич И. Р.* Индейцы Америки — пути порабощения, пути освобождения (теория и действительность).— Этнография за рубежом. Историографические очерки. М., 1979.
- Громов, Новиков, 1975.— *Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф.* Некоторые приемы расчетов хозяйственных ареалов.— Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.
- Грязнов, 1955.— *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ. Вып. 24, 1955.
- Грязнов, 1957.— *Грязнов М. П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ. Вып. 26, 1957.
- Грязнов, 1978.— *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сар-

- матского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА. Вып. 154, 1978.
- Гумилев, 1967.— *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос».— Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967.
- Гумилев, 1970.— *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера.— Природа. 1970, № 1.
- Гурвич, 1970.— *Гурвич И. С.* Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера.— СЭ. 1970, № 1.
- Гурвич, 1977.— *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.
- Гусева, 1976.— *Гусева Н. Р.* Отражение этнической специфики в жизни некоторых каст Индии.— Расы и народы. Вып. 6. М., 1976.
- Дарлинг, 1971.— *Дарлинг Ф. Ф.* Воздействие человека на биосферу.— Биосфера и ее ресурсы. М., 1971.
- Делаборд, Лоофс, 1969.— *Делаборд Ж., Лоофс Х.* На краю земли. М., 1969.
- Деметер, 1981.— *Деметер Р. С., Деметер П. С.* Образцы фольклора цыган кэлдэраей. М., 1981.
- Джонсон, 1976.— *Джонсон Д.* Альтернатива развития скотоводческих племен (взгляд в будущее).— XXIII Международный географический конгресс. Симпозиум комиссии «Человек и среда». Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.
- Дмитриевский, 1975.— *Дмитриевский Ю. Д.* Африка. Очерки экономической географии. М., 1975.
- Добби, 1952.— *Добби Э.* Юго-Восточная Азия. М., 1952.
- Долгих, 1961.— *Долгих Б. О.* Плотность населения коренных народов Сибири и связь ее с направлением хозяйства (по историческим материалам).— Географическое общество СССР. Материалы I Межведомственного совещания по географии населения (январь—февраль 1962 г.). Вып. 5. М.— Л., 1961.
- Доскач, 1968.— *Доскач А. Г.* К вопросу о роли географической науки в разработке проблемы взаимодействия природы и общества.— Природа и общество. М., 1968.
- Еремеев, 1962.— *Еремеев Д. Е.* Оседание юрюков в Турции.— СЭ. 1962, № 6.
- Еремеев, 1969.— *Еремеев Д. Е.* Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969.
- Еремеев, 1979.— *Еремеев Д. Е.* К проблеме происхождения и развития кочевничества.— Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, 1979, № 3.
- Еремеев, 1981.— *Еремеев Д. Е.* Кочевничество и особенности развития феодализма на Востоке.— НАА. 1981, № 2.
- Жданко, 1967.— *Жданко Т. А.* Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников).— СЭ. 1967, № 4.
- Жданко, 1968.— *Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Жданко, 1974.— *Жданко Т. А.* Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.).— Расы и народы. Вып. 4. М., 1974.
- Жданко, 1979.— *Жданко Т. А.* К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуседлых скотоводов-земледельцев — рыболовов дельтовых областей Средней Азии.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Журавлев, 1961.— *Журавлев Ю. Н.* Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны.— Восточноазиатский этнографический сборник. Вып. 2. М., 1961.
- Зальцман и др., 1962.— *Зальцман Н. М. и др.* Вопросы размещения и специализации сельского хозяйства. М., 1962.
- Зарубежная Азия, 1979.— Страны и народы. Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия. М., 1979.
- Иванова, 1972.— *Иванова Е. В.* Мрабри — охотники и собиратели Таиланда.— ОСР.
- Иванова, 1982.— *Иванова Ю. В.* Формирование культурной общности народов

- Юго-Восточной Европы.— Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982.
- Ильясов, 1970.— *Ильясов С. И.* Переход к оседлости и его значение в преобразовании культуры и быта киргизов.— Труды VII МКАЭН. Т. 8. М., 1970.
- Исаченко, 1965.— *Исаченко А. Г.* Основы ландшафтоведения и физико-географического районирования. М., 1965.
- Исаченко, 1971.— *Исаченко А. Г.* Развитие географических идей. М., 1971.
- Итс, 1974.— *Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л., 1974.
- Кабо, 1968.— *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).— ПИДО.
- Кабо, 1969.— *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Кабо, 1979.— *Кабо В. Р.* Австралийская община.— Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979.
- Калиновская, Марков, 1983.— *Калиновская К. П., Марков Г. Е.* Скотоводы Азии и Африки, проблемы исторической типологии и периодизации.— Вестник Московского университета. Серия. 8. История, 1983, № 5.
- Кантор, 1934.— *Кантор Е.* Проблема оседания малых народов Севера.— Советский Север. 1934, № 5.
- Капо-Рей, 1958.— *Капо-Рей Р.* Французская Сахара. М., 1958.
- Кармышева, 1969.— *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX—начало XX в.).— СЭ. 1969, № 3.
- Кармышева, 1982.— *Кармышева Б. Х.* [Рец. на:] В. М. Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси, 1979.— СЭ. 1982, № 3.
- Карнейро, 1969.— *Карнейро К. Л.* Переход от охоты к земледелию.— СЭ. 1969, № 5.
- Каульбарс, 1881.— *Каульбарс А. В.* Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г.— Записки Российского географического общества по общей географии. Т. IX. СПб., 1881.
- Ким, Данилова, 1981.— *Ким М. П., Данилова Л. В.* Природное и социальное в историческом процессе.— Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
- Кобищанов, 1974.— *Кобищанов Ю. М.* Африканское феодальное общество: воспроизводство и неравномерность развития.— Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.
- Ковалев, 1963.— *Ковалев С. А.* Сельское расселение (географическое исследование). М., 1963.
- Ковалевская, 1977.— *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. Пути и судьбы. М., 1977.
- Ковальска-Левицкая, 1981.— *Ковальска-Левицкая А.* Мавритания. М., 1981.
- Ковда, 1971.— *Ковда В. А.* Биосфера и человечество.— Биосфера и ее ресурсы. М., 1971.
- Козлов, 1976.— *Козлов С. Я.* Фульбе Фута-Джаллопа. Очерки этнической, политической и социальной истории. М., 1976.
- Козлов, Покшишевский, 1973.— *Козлов В. И. Покшишевский В. В.* Этнография и география.— СЭ. 1973, № 1.
- Кочнев, 1959.— *Кочнев В. И.* Население Цейлона.— СЭ. 1959, № 2.
- Крупник, 1973.— *Крупник И. И.* О классификации, методах изучения и сущности пищевых систем.— Актуальные проблемы этнографии. Материалы комиссии этнографии 1972—1973 гг. М., 1973.
- Крупник, 1976 (I).— *Крупник И. И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев.— СЭ. 1976, № 2.
- Крупник, 1976 (II).— *Крупник И. И.* Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера (к методологии изучения этноэкологических систем). Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук (рукопись). М., 1976.
- Крупник, 1978 (I).— *Крупник И. И.* Питание и экология хозяйства ненцев

- Большеземельской тундры в 20-х годах XX в.— Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1978.
- Крупник, 1978 (11).— *Крупник И. И.* К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов.— Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.
- Крупник, 1981.— *Крупник И. И.* Древние поселения и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки.— Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.
- Крюков, 1983.— *Крюков М. В.* О принципах типологического исследования явлений культуры.— СЭ. 1983, № 5.
- Кузина, Январева, 1978.— *Кузина И. М., Январева Л. Ф.* О принципах составления вузовской карты типов сельского хозяйства мира.— ВГ. Сборник сто седьмой, 1978.
- Кушнер, 1951.— *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы.— ТИЭ. Новая серия, т. XV, 1951.
- Кэмбел, 1948.— *Кэмбел Д. Х.* Ботанические ландшафты земного шара. Очерки по географии растений. М., 1948.
- Лебедев, 1978.— *Лебедев В. В.* Роль оленеводства в хозяйственном комплексе тазовских селькупов (к проблеме становления производящего оленеводческого хозяйства).— Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.
- Левин, 1947.— *Левин М. Г.* К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии.— КСИЭ. Вып. 11, 1947.
- Левин, 1958.— *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
- Левин, Чебоксаров, 1955.— *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ. 1955, № 4.
- Линкола, 1982.— *Линкола М.* Образование различных этнолингвистических групп саамов.— Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Литвиненко, 1978.— *Литвиненко В. С.* Народонаселение, общество и опустынивание.— Проблемы освоения пустынь. Аш., 1978, № 3.
- Лукашова, 1963.— *Лукашова Е. Н.* Зональные закономерности и легенда к карте типов ландшафтов суши земли.— Вестник Московского университета. Серия V. География, 1963, № 6.
- Лукашова, Игнатьев, 1964.— *Лукашова Е. И., Игнатьев Г. М.* Ландшафты суши и физико-географическое районирование материков.— Физико-географический атлас мира. М., 1964.
- Льежуа, 1983.— *Льежуа Ж.-П.* Цыгане: культура и кочевой образ жизни.— UNESCO. Культуры, 1983, № 2.
- Мак-Дыонг, 1970.— *Мак-Дыонг.* Учение о хозяйственно-культурных типах и его роль в решении национального вопроса в ДРВ (автор. канд. дис.). М., 1970.
- Мак-Дыонг, 1972.— *Мак-Дыонг.* Хозяйственно-культурный тип охотников, собирателей и рыболовов у некоторых народов Северного Вьетнама.— ОСР. Максимов, 1929.— *Максимов А. Н.* Накануне земледелия.— Ученые записки Института истории. Т. 3. М., 1929.
- Манизер, 1916.— *Манизер Г. Г.* Ботокуды (борун) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.— Ежегодник Русского антропологического общества при Петроградском университете. Петроград, 1916.
- Маретин, 1972.— *Маретин Ю. В.* Кочевые кубу Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества.— ОСР.
- Маркарян, 1973.— *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ер., 1973.
- Марков, 1973.— *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— СЭ. 1973, № 1.
- Марков, 1974.— *Марков Г. Е.* Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей.— Расы и народы. Вып. 4. М., 1974.
- Марков, 1976.— *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организация. М., 1976.
- Марков, 1979.— *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.

- Марков, 1981.— *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— СЭ. 1981, № 4.
- Марков, 1983.— *Марков Г. Е.* О терминах и понятиях в этнографии.— СЭ. 1983, № 5.
- Марошан, 1978.— *Марошан Д.* Глобальное и региональное в моделях Римского клуба.— Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978.
- Марш, 1866.— *Марш Г.* Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.
- Массон, 1966.— *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка).— VII Международный конгресс доисториков и протонисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- Массон, 1976.— *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
- Массон, 1982.— *Массон В. М.* Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики.— Археология Старого и Нового Света, 1982.
- Мелконян, 1981.— *Мелконян Э. Л.* Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ер., 1981.
- Мерперт, 1974.— *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Миланова, Рябчиков, 1978.— *Миланова Е. В., Рябчиков А. М.* Природа Земли — среда обитания человечества.— Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор. М., 1978.
- Мильков, 1978.— *Мильков Ф. Н.* Рукотворные ландшафты. М., 1978.
- Мкртумян, 1971.— *Мкртумян Ю. И.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья.— Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.
- Мкртумян, 1972.— *Мкртумян Ю. И.* Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа.— СЭ. 1972, № 2.
- Могытыч, 1972.— *Могытыч И.* Жилые и хозяйственные постройки на полонинах гуцульщины.— Карпатский сборник. Труды Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей. М., 1972.
- Моисеев, 1982.— *Моисеев И. И.* Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982.
- Моора, 1956.— *Моора А. Х.* Об историко-этнографических областях Эстонии.— Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Народы Австралии и Океании, 1956.— Народы Австралии и Океании. М., 1956.
- Народы Америки, т. I, 1959.— Народы Америки. Т. I. М., 1959.
- Народы Америки, т. II, 1959.— Народы Америки. Т. II. М., 1959.
- Народы Африки, 1954.— Народы Африки. М., 1954.
- Народы Восточной Азии, 1965.— Народы Восточной Азии. М., 1965.
- Народы зарубежной Европы, т. II, 1965.— Народы зарубежной Европы. Т. II. М., 1965.
- Народы Передней Азии, 1957.— Народы Передней Азии. М., 1957.
- Народы Юго-Восточной Азии, 1966.— Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
- Народы Южной Азии, 1963.— Народы Южной Азии. М., 1963.
- Новичев, 1951.— *Новичев А. Д.* Турецкие кочевники и полукочевники современной Турции.— СЭ. 1951, № 3.
- Община в Африке, 1978.— Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978.
- Оразов, 1975.— *Оразов А.* О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX в.— Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Основы этнографии.— Основы этнографии. М., 1968.
- Отре, 1962.— *Отре М.* Предрассудки — союзники голода.— Курьер ЮНЕСКО. 1962, № 7—8.

- Першиц, 1952.— *Першиц А. И.* Хозяйственный быт кочевников Саудовской Аравии.— СЭ. 1952, № 1.
- Першиц, 1958.— *Першиц А. И.* Арабы Аравийского полуострова. М., 1958.
- Першиц, 1961.— *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (историко-этнографические очерки).— ТИЭ. Новая серия, т. XIX, 1961.
- Першиц, 1971.— *Першиц А. И.* Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время (автореф. дис.). М., 1971.
- Першиц, 1976.— *Першиц А. И.* Некоторые особенности классов образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов.— Становление классов и государства. М., 1976.
- Першиц, 1980.— *Першиц А. И.* Периодизация первобытной истории (состояние проблемы).— ВИ. 1980, № 3.
- Першиц, 1982.— *Першиц А. И.* Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических обществах.— Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- Петров, 1973.— *Петров М. П.* Пустыни земного шара. Л., 1973.
- Пидопличко, 1969.— *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитическое жилище из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
- Пикулин, 1959.— *Пикулин М. Г.* Белуджи. М., 1959.
- Пикулин, 1967.— *Пикулин М. Г.* Брагун. М., 1967.
- Пиотровский, 1961.— *Пиотровский Б. Б.* О характере закономерностей в истории культуры.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
- Пиотровский, 1973.— *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства.— Возникновение раннеклассового общества (тезисы доклада). М., 1973.
- Покшишевский, 1971.— *Покшишевский В. В.* География населения СССР. М., 1971.
- Покшишевский, 1974.— *Покшишевский В. В.* Человечество и продовольственные ресурсы. М., 1974.
- Покшишевский, 1978.— *Покшишевский В. В.* Население и география. М., 1978.
- Попов, 1948.— *Попов А. А.* Нганасаны. Вып. I. Материальная культура. М.— Л., 1948.
- Пуляркин, 1976.— *Пуляркин В. А.* Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. Анализ исторического опыта Южной Азии. М., 1976.
- Радченко, 1969.— *Радченко Г. Ф.* Республика Мали. М., 1969.
- Радченко, 1971.— *Радченко Г. Ф.* Кочевое скотоводство Тропической Африки.— Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. М., 1971.
- Радченко, 1983.— *Радченко Г. Ф.* Страны Сахеля. М., 1983.
- Райт, 1965.— *Райт М. В.* Народы Эфиопии. М., 1965.
- Ракитников, 1960.— *Ракитников А. Н.* Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии.— ВГ. Сборник пятидесятый, 1960.
- Ракитников, 1970.— *Ракитников А. Н.* География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). М., 1970.
- Рогинский, 1974.— *Рогинский Я. Я.* Антропологический состав населения Африки.— Расы и народы. Вып. 4. М., 1974.
- Роуз, 1981.— *Роуз Ф.* Аборигены Австралии. Их прошлое и настоящее. М., 1981.
- Руденко, 1961.— *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Ч. I. Л., 1961.
- Санаров, 1971.— *Санаров В. И.* Проблемы историко-этнографического изучения цыган.— СЭ. 1971, № 3.
- Саушкин, 1947.— *Саушкин Ю. Г.* Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947.
- Саушкин, 1951.— *Саушкин Ю. Г.* К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства.— ВГ. Сборник двадцать четвертый, 1951.

- Сванидзе, 1972.— *Сванидзе И. А.* Сельское хозяйство Тропической Африки. М., 1972.
- Сванидзе, 1977.— *Сванидзе И. А.* Сельское хозяйство и аграрный строй Тропической Африки. М., 1977.
- Семашко, 1975.— *Семашко И. М.* Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975.
- Семенов, 1973.— *Семенов Ю. И.* О материнском роде и оседлости в позднем палеолите.— СЭ. 1973, № 4.
- Сергеев, 1955.— *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ. Новая серия, т. XXVII, 1955.
- Симаков, 1978.— *Симаков Г. П.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов.— СЭ. 1978, № 6.
- Симаков, 1982.— *Симаков Г. П.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX в.— СЭ. 1982, № 4.
- Смирнов, 1958.— *Смирнов С. Р.* Поездка в Республику Судан.— СЭ. 1958, № 6.
- Снесарев, 1960.— *Снесарев Г. П.* Среднеазиатские цыгане.— КСИЭ. Вып. XXXIV, 1960.
- Советский Союз.— Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах. Общий обзор. М., 1972.
- Соколова, 1957.— *Соколова З. П.* Полевые записи. Архив Института этнографии. Фонд Северной экспедиции (обский отряд). М., 1957.
- Соколова, 1960.— *Соколова З. П.* Современные селения и жилища вахских хантов.— Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М., 1960.
- Сорокин, 1961.— *Сорокин С. С.* Древние скотоводы Ферганских предгорий.— Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Сочава, 1967.— *Сочава В. Б.* Структурно-динамическое ландшафтоведение и географические проблемы будущего.— Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. 1967, № 16.
- Сочава, 1970.— *Сочава В. Б.* География и экология.— Материалы V съезда Географического общества Союза ССР. Л., 1970.
- Сочава, 1974.— *Сочава В. Б.* Геотопология как раздел учения о геосистемах.— Топологические аспекты учения о геосистемах. Новосибирск, 1974.
- Средняя Азия, 1958.— *Средняя Азия.* Физико-географическая характеристика. М., 1958.
- Стивенсон, 1975.— *Стивенсон Н.* Развитие Севера — необратимый процесс.— Курьер ЮНЕСКО. 1975, № 2.
- Тихонов, 1972.— *Тихонов Д. И.* Азта Филиппинских островов.— ОСР.
- Токарев, 1958.— *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958.
- Токарев, 1978.— *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
- Толстов, 1930.— *Толстов С. П.* К проблеме аккультурации.— СЭ. 1930, № 1—2.
- Толстов, 1932.— *Толстов С. П.* Очерки первоначального ислама.— СЭ. 1932, № 2.
- Толстов, 1938.— *Толстов С. П.* Расизм и теории культурных кругов. Наука о расах и расизм.— Труды НИИ антропологии МГУ. Вып. IV. М.—Л., 1938.
- Толстов, 1946.— *Толстов С. П.* Этнография и современность.— СЭ. 1946, № 1.
- Толстов, 1947 (I).— *Толстов С. П.* Дмитрий Николаевич Анучин — этнограф.— ТИЭ. Новая серия, т. I, 1947.
- Толстов, 1947 (II).— *Толстов С. П.* Города гузов.— СЭ. 1947, № 3.
- Толыбеков, 1971.— *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.
- Трубецкой, 1966.— *Трубецкой В. В.* Бахтиары. М., 1966.
- Трубецкой, 1971.— *Трубецкой В. В.* Хозяйственные и социальные изменения в жизни кочевников и полукочевников Ирана.— Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. Тезисы докладов ученых СССР. М., 1971.
- Увачан, 1958.— *Увачан В. Н.* Переход к социализму малых народов Севера. М., 1958.

- Файнберг, 1975.— *Файнберг Л. А.* Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М., 1975.
- Фольц, 1935.— *Фольц В.* В девственных лесах Суматры. М., 1935.
- Хаггет, 1979.— *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М., 1979.
- Хозяйственно-культурные традиции, 1975.— Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Хозяйство казахов, 1980.— Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. А.-А., 1980.
- Хомич, 1966.— *Хомич Л. В.* Ненцы. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1966.
- Чебоксаров, 1960.— *Чебоксаров Н. Н.* О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики.— СЭ. 1960, № 3.
- Чебоксаров, 1966.— *Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы народов Юго-Восточной Азии.— Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
- Чебоксаров, 1969.— *Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока.— Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
- Чебоксаров, 1978.— *Чебоксаров Н. Н.* Традиционные культуры народов мира.— Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор. М., 1978.
- Чебоксаров, Чебоксарова, 1971.— *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971.
- Чеснов, 1965.— *Чеснов Я. В.* О специфике свайных жилищ в Юго-Восточной Азии.— СЭ. 1965, № 3.
- Чеснов, 1966.— *Чеснов Я. В.* Традиционные формы хозяйства горных кхмеров Южного Вьетнама.— СЭ. 1966, № 5.
- Чеснов, 1970.— *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов.— СЭ. 1970, № 6.
- Чеснов, 1976.— *Чеснов Я. В.* О теории «культурных областей» в американской этнографии.— Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.
- Чеснов, 1979.— *Чеснов Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры.— Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Членов, 1976.— *Членов М. А.* Население Молуккских островов. М., 1976.
- Шаманов, 1972.— *Шаманов И. М.* Скотоводство и связанный с ним хозяйственный быт карачаевцев.— Кавказский этнографический сборник. Вып. V. М., 1972.
- Шамиладзе, 1979.— *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тб., 1979.
- Шаниязов, 1975.— *Шаниязов К. И.* Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане.— Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
- Шаумян, 1961.— *Шаумян М. Х.* От кочевья — к социализму. А.-А., 1961.
- Шиббаева, 1973.— *Шиббаева Ю. А.* Животноводство у киргизов Восточного Памира.— Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— ТИЭ. Новая серия, т. ХСVIII, 1973.
- Шнирельман, 1980.— *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980.
- Шнирельман, 1982.— *Шнирельман В. А.* Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии).— СЭ. 1982, № 2.
- Юго-Западная Азия.— Страны и народы. Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия. М., 1979.
- Юдин, 1975.— *Юдин Э. Г.* Системные идеи в этнографии.— Природа. 1975, № 7.
- Юсупов, 1957.— *Юсупов Ш.* Оседание кочевого казахского хозяйства (1930—1934). А.-А., 1957.
- Adam, 1928.— *Adam T.* Die Kubus, die Waldmenschen Sumatra.— Mitteilungen der Anthropologische Gesellschaft in Wien. 1928, Bd. 58, H. 5.
- Anderson, 1981.— *Anderson M.* Vectors Diversification and Specialization on

- Saami Society.—Studies in Third World Societies. Williamsburg, 1981, № 18.
- Andrianov, 1975.—*Andrianov B. V.* Problems of Typology and Mapping of Traditional Agriculture.—Agricultural Typology and Landutilization. Verona, 1975.
- Andrianov, 1979.—*Andrianov B. V.* African Traditional Economic-Cultural Types and the Problems of Typology of World Agriculture.—*Geographia Polonica*. 1979, vol. 40.
- Arbaumont, 1954.—*Arbaumont I.* Le Tibesti et la domaine teda-daza.—BIFAN. 1954, t. XVI.
- Asad, 1970.—*Asad T.* The Kababish Arabs: Power, Authority and Consent in a Nomadic Tribe. L., 1970.
- Avà, 1970.—*Avà J. B.* Suggestions for a More Practical Classification of the Ethnic Groups of the Republic of Indonesia.—Anniversary Contributions to Anthropology. Twelve Essays. Leiden, 1970.
- Bacon, 1954.—*Bacon E.* Types of Pastoral Nomadism in Central and South-western Asia.—Southwestern Journal of Anthropology. 1954, vol. 10, № 1.
- Balikci, 1968.—*Balikci A.* A Comparative Study on Subsistence Ecology and Social Systems: The Kung Bushmen and Netsilik Eskimos.—Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Science. Vol. III. Tokyo, 1968.
- Barth, 1962.—*Barth F.* Nomadism in the Mountain and Plateau Areas of South West Asia. P., 1962.
- Barth, 1964.—*Barth F.* Nomads of South Persia: The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy. N. Y., 1964.
- Bernard, Lacroix, 1906.—*Bernard A., Lacroix N.* L'évolution du nomadisme en Algérie. Alger, 1906.
- Berndt, 1959.—*Berndt R. M.* The Concept of the «Tribe» in the Western Desert of Australia.—*Oceania*. 1959, № 30.
- Bernus, 1975.—*Bernus E.* Human Geography in the Sahelian Zone.—MAB. Technical Notes. The Sahel: Ecological Approaches to Land Use. P., 1975.
- Beuermann, 1967.—*Beuermann A.* Fernweidewirtschaft in Südosteuropa. Ein Beitrage zur Kulturgeographie des Östlichen Mittelmeergebietes. München, 1967.
- Bhattacharya, 1966.—*Bhattacharya D.* The Gypsies. L., 1966.
- Bicciari, 1972.—*Bicciari M. G.* (ed.). Hunters and Gatherers Today. A Socio-economic Study of Eleven Such Cultures in the Twentieth Century. New York — Sydney, 1972.
- Birdsell, 1972.—*Birdsell J. B.* Human Evolution. Chicago, 1972.
- Bisson, 1963.—*Bisson J.* Nomadisation chez les Reguibat l'Gouacem.—Nomades et nomadisme au Sahara. P., 1963.
- Boesh, 1951.—*Boesh H.* Nomadism, Transhumance and Alpwirtschaft.—*Die Alpen*. 1951, Bd. XXVII.
- Bonnet-Duperon, 1951.—*Bonnet-Duperon F.* Cartes de l'élevage pour le Sénégal et la Mauritanie. P., 1951.
- Boon, 1968.—*Boon I.* Bilingualism and Education in Lappish Speaking Districts.—*Inter Nord* (International Journal of Arctic and Nordic Studies). P., 1968, № 10.
- Born, 1964.—*Born M.* Das Tokar-Delta.—*Geographische Rundschau*. 1964, vol. 16, № 3.
- Bose, 1975.—*Bose A. B.* Pastoral Nomadism in India.—PNSA.
- Boudet, 1975.—*Boudet G.* Pastures and Livestock in the Sahel.—MAB. Technical Notes. The Sahel: Ecological Approaches to Land Use. P., 1975.
- Brasseur, Le Moal, 1963.—*Brasseur G., Le Moal G.* Cartes ethno-démographique de l'Afrique occidentale. Feuilles № 3 et 4. Nord Institut Français D'Afrique Noire. Dakar, 1963.
- Burch, 1979.—*Burch E. S.* The Ethnography of Northern North America: A Guide to Recent Research.—*Arctic Anthropology*. 1979, vol. XVI, № 1.
- Butt, 1952.—*Butt A.* The Nilotes of the Anglo-Egyptian Sudan.—ESA. 1952, pt IV.
- Butzer, 1971.—*Butzer K. W.* Environment and Archaeology. Chicago, 1971.

- Butzer, 1982.—*Butzer K. W.* Archaeology as Human Ecology. Cambridge, 1982.
- Capot-Rey, 1939.—*Capot-Rey R.* Le nomadisme dans l'Afrique du Nord-Ouest d'après P. G. Merne.—*Annales de Géographie*. 1939, t. XLVIII.
- Chagnon, 1968.—*Chagnon N. A.* The Culture-Ecology of Shifting (Pioneering) Cultivation among the Yanomamo Indians.—*Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Science*. Vol. III. Tokyo, 1968.
- Chaney, 1973.—*Chaney R. P.* Comparative Analysis and Retroductive Reasoning or Conclusions in Search of a Premise.—*American Anthropologist*. 1973, vol. 75, № 5.
- Christiansen, 1975.—*Christiansen S.* Subsistence on Bellona Island (Mungiki). A Study of the Cultural Ecology of a Polynesian Outlier in the British Solomon Islands Protectorate.—*Folia Geographica Danica*. København, 1975, t. XIII.
- Christiansen, 1977.—*Christiansen S.* Work and Journey to Work in Subsistence Agriculture—a Case of Cultivation of Scattered Areas on Rennell Island (Mugaba).—*Geografisk Tidsskrift*. Copenhagen, 1977, vol. 76.
- Christiansen, 1978.—*Christiansen S.* Infield-Outfield Systems—Characteristics and Development in Different Climatic Environments.—*Geografisk Tidsskrift*. 1978, vol. 77.
- Clarke, 1971.—*Clarke W. C.* Place and People: An Ecology of a New Guinea Community. Canberra, 1971.
- Clébert, 1961.—*Clébert J. P.* Les Tziganes. P., 1961.
- Cole, 1971.—*Cole C.* The Ecosphere.—*Man and the Ecosphere*. Reading from Scientific American. San Francisco, 1971.
- Colvin, 1953.—*Colvin L. M.* Les tapis algériens. Alger, 1953.
- Cunnison, 1966.—*Cunnison J.* Baggara Arabs: Power and the Lineage in a Sudanese Nomad Tribe. Oxf., 1966.
- Demas, 1972.—*Demas D.* The Copper Eskimo.—*Hunters and Gatherers Today*. N. Y., 1972.
- Dias, 1969.—*Dias A. J.* Das Hirtenwesen in Portugal.—*VHES*.
- Dickson, 1949.—*Dickson H. R. P.* The Arab of the Desert: A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Sau'di Arabia. L., 1949.
- Driver, 1965.—*Driver H.* Survey of Numerical Classification in Anthropology.—*The Use of Computers in Anthropology*. The Hague, New York, 1965.
- Eckholm, 1976.—*Eckholm E. P.* Losing Ground: Environment Stress and World Food Prospects. N. Y., 1976.
- Elbo, 1952.—*Elbo J. G.* Lapp Reindeer Movements Across the Frontiers of Northern Scandinavia.—*The Polar Record*. Perth, 1952.
- Engel, 1963.—*Engel F.* A Preceramic Settlement on the Central Coast Peru.—*Transactions of the American Philosophical Society*. 1963, vol. 53, pt III.
- Evans-Pritchard, 1940.—*Evans-Pritchard E. E.* The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxf., 1940.
- FAO, 1972.—*FAO*. Production Yearbook 1971. Vol. 25. Roma, 1972.
- FAO, 1979.—*FAO*. Production Yearbook 1978. Vol. 35. Roma, 1979.
- Ferdinand, 1969.—*Ferdinand K.* Nomadism in Afghanistan.—*VHES*.
- Flannery, 1969.—*Flannery K. U.* Origins and Ecological Effects of Early Domestication in Iran and the Near East.—*DEPA*.
- Foote, 1968.—*Foote Ch.* An Eskimo Sea-Mammal and Caribou Hunting Economy: Human Ecology in Terms of Energy.—*Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Science*. Vol. III. Tokyo, 1968.
- Forde, 1963.—*Forde C. D.* Habitat, Economy and Society. A Geographical Introduction to Ethnology. L.—N. Y., 1963 (1-st ed. 1934).
- Fourie, 1960.—*Fourie L.* The Bushmen of South-West Africa.—*Culture and Societies of Africa*. N. Y., 1960.
- Frantz, 1978.—*Frantz Ch.* Ecology and Social Organization among Nigerian Fulbe (Fulani).—*The Nomadic Alternative*. The Hague, Paris, 1978.
- Fowler, Lelan, 1967.—*Fowler C., Lelan J.* Some Northern Paiute Native Categories.—*Ethnology*. 1967, № 6.

- Fürer-Haimendorf, 1943.—*Fürer-Haimendorf C., von.* The Chenchus. L., 1943.
- Gallais, 1967.—*Gallais J.* Le delta intérieur du Niger.—Étude de géographie régionale. Dakar, 1967.
- Galloy, 1963.—*Galloy P.* Nomadisme et fixation dans la région des lacs du Moyen Niger.—Nomades et paysans d'Afrique Noire Occidentale. Nancy, 1963.
- Gardiner, 1972.—*Gardiner P. M.* The Paliyans.—*Hunters and Gatherers Today.* N. Y., 1972.
- Gjessing, 1944.—*Gjessing G.* Circum-Polar Stone Age.—*Acta Arctica.* 1944, № 2.
- Glickman, 1971.—*Glickman M.* Kinship and Gredit among the Nuer.—*Africa.* 1971, t. XLI.
- Gorman, 1969.—*Gorman C. F.* Hoabinhian: a Pebble-Tool Complex with Early Plant Associations in South East Asia.—*Science.* 1969, vol. 163.
- Gould, 1977.—*Gould R.* Pututjarpa Rockshelter and the Australian Desert Culture. N. Y., 1977.
- Gourou, 1953.—*Gourou P.* The Tropical World. Its Social and Economic Conditions and Its Future Status. London—New York—Toronto, 1953.
- Grigg, 1969.—*Grigg D.* The Agricultural Regions of the World: Review and Reflections.—*Economic Geography.* 1969, vol. 45, № 2.
- Grove, 1978.—*Grove A. T.* Geographical Introduction to the Sahel.—*The Geographical Journal.* L., 1978, vol. 144, pt 3.
- Gulliver, Gulliver, 1953.—*Gulliver P., Gulliver P. H.* The Central Nilo-Hamites.—*ESA.* 1953, pt VII.
- Gulliver, Gulliver, 1955.—*Gulliver P., Gulliver P. H.* The Family Herds. A Study of Two Pastoral Tribes in East Africa, the Jie and the Turkana. L., 1955.
- Gusinde, 1937.—*Gusinde M.* Feuerland—Indianer. Bd. II. Die Yámana. Wien, 1937.
- Haberland, 1963.—*Haberland E.* Galla Süd-Äthiopiens Ergebnisse der Frobenius.—*Expeditionen 1950—1952 und 1954—1956.* Herausgegeben von Frobenius—Institut. Stuttgart, 1963.
- Haddon, 1919.—*Haddon A. C.* The Wanderings of Peoples. Oxf., 1919.
- Hagen, 1908.—*Hagen B.* Die Orang Kubu auf Sumatra. Frankfurt-am-Main, 1908.
- Hahn, 1892.—*Hahn E.* Die Wirtschaftsformen der Erde.—*Petermanns Mitteilungen.* 1892, Bd. 38, Taf. 2.
- Hardesty, 1977.—*Hardesty D.* Ecological Anthropology. New York, London, Sydney, Toronto, 1977.
- Harlan, 1971.—*Harlan J. K.* Agricultural Origins: Centres and Noncentres.—*Science.* 1971, vol. 174.
- Harlan, 1976.—*Harlan J. K.* Plant and Animal Distribution in Relation to Domestication.—*Philosophy Transactions of the Royal Society.* L., 1976.
- Harris, 1972.—*Harris D. R.* The Origins of Agriculture in the Tropics.—*American Scientist.* 1972, vol. 60, № 2.
- Hart, Pilling, 1960.—*Hart C. W. M., Pilling A. P.* The Tiwi of North Australia. N. Y., 1960.
- Helaissi, 1960.—*Helaissi A. S.* The Bedouins and Tribal Life in Saudi Arabia. P., 1960.
- Helland, 1980.—*Helland J.* Five Essays on the Study of Pastoralists and the Development of Pastoralism. Bergen, 1980.
- Henin, 1965.—*Henin R. A.* Some Aspects of the Effects of Economic Development on Fertility in the Sudan.—*World Population Conference.* Beograd, 1965.
- Hermanns, 1949.—*Hermanns M.* Die Nomaden von Tibet: Die Sozial-Wirtschaftlichen Grundlagen der Hirten Kulturen in Amdo und von Innerasien, Ursprung und Entwicklung der Viehzucht. Vienna, 1949.
- Herskovits, 1926.—*Herskovits M. J.* The Cattle Complex in East Africa. Wash., 1926.
- Hofmeister, 1961.—*Hofmeister B.* Wesen und Erscheinungsformen der Transhumance.—*Erdkunde.* 1961, vol. 15, № 2.
- Holmberg, 1950.—*Holmberg A. R.* Nomade of the Long Bow. Smithsonian In-

- stitution. Institute of Social Anthropology. Publication № 10. Wash., 1950.
- Hopkins, 1883.—*Hopkins S. W.* Life in Piute. Boston, 1883.
- Hughes, 1968.—*Hughes C. C.* Under Four Flags: Recent Culture Change among the Eskimos.—CA. 1968, vol. 6, № 1.
- Huntingford, 1953.—*Huntingford G. W. B.* The Southern Nilo-Hamites.—ESA. 1953, pt VIII.
- Hütteroth, 1959.—*Hütteroth W. D.* Bergnomaden und Yaylabauern im mittleren kurdischen Taurus.—Marburger Geographische Schriften. H. 11. Warburg, 1959.
- Ingold, 1978.—*Ingold T.* Hunters, Pastoralists and Ranchers. Cambridge, 1978.
- Ioshiro, 1965.—*Ioshiro Sh.* A Tentative Classification of the Subsistence Types of the Minority Peoples in South China.—Studies in Archaic Culture of China. Tokyo, 1965, № 1.
- Irinoto, 1981.—*Irimoto T.* Chipewyan Ecology. Group Structure and Caribou Hunting System.—Senri Ethnological Studies. Osaka, 1981, № 8.
- Isaac, 1971.—*Isaac E.* On the Domestication of Cattle. Prehistoric Agriculture. N. Y., 1971.
- Isaac, 1966.—*Isaac G.* The Middle and Later Stone Ages. Prelude to East African History. L., Ibadan, Nairobi, 1966.
- Johnson, 1969.—*Johnson D. L.* The Nature of Nomadism: A Comparative Study of Pastoral Migrations in Southwestern Asia and Northern Africa. Chicago, 1969.
- Jones, 1970.—*Jones F. L.* The Structure and Growth of Australia's Aboriginal Population. Canberra, 1970.
- Kariel, 1966.—*Kariel H. G.* Proposed Classification of Diet.—Annals of Association of American Geography. 1966, vol. 56, № 1.
- Kates, Johnson, Haring, 1977.—*Kates R. W., Johnson D. L., Haring K. G.* Population, Society and Desertification. United Nations Conference on Desertification, August 29 — September 9. Nairobi, 1977.
- Kochanowski, 1963.—*Kochanowski J.* Gipsy Studies. Vol. 1—2. New Delhi, 1963.
- Kostrowicki, 1973.—*Kostrowicki J.* Zarys geografii rolnictwa. Warszawa, 1973.
- Kostrowicki, 1976.—*Kostrowicki J.* World Types of Agriculture. Warsaw, 1976.
- Kostrowicki, 1978.—*Kostrowicki J.* A Scheme of World Types of Agriculture. Warsaw, 1978.
- Kostrowicki, 1980.—*Kostrowicki J.* A Hierarchy of World Types of Agriculture.—Geographia Polonica. 1980, t. 43.
- Krader, 1963.—*Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, Paris, 1963.
- Kramer, 1967.—*Kramer F. L.* Eduard Hahn and the End of the Three Stages of Man.—Geographical Review. 1967, vol. 57, № 1.
- Krzywicki, 1934.—*Krzywicki L.* Primitive Society and Its Vital Statistics. Warsaw, 1934.
- Kroeber, 1939.—*Kroeber A. L.* Cultural and Natural Areas of Native North America.—Publications in American Archaeology and Ethnology. Berkeley, 1939, vol. 38.
- Kuls, 1958.—*Kuls W.* Beiträge zur Kulturgeographie der Südäthiopischen Seen Region.—Frankfurter Geographische Hefte. 1958.
- Lapian, 1979.—*Lapian A. B.* Le role des orang laut dans l'histoire de Riau.—Archipel 18. P., 1979.
- Lebar, 1964.—*Lebar M. F.* (ed.). Ethnic Groups of the Mainland South East Asia. New Haven, 1964.
- Lee, 1968.—*Lee R. B.* What Hunters Do for Living, or, How to Make out on Scarce Resources.—Man the Hunter. Chicago, 1968.
- Lee, 1972.—*Lee R.* Population Growth and the Beginnings of Sedentary Life among the Kung Bushmen.—Population Growth: Anthropological Implications. Cambridge, 1972.
- Lee, De Vore, 1968.—*Lee R. B., De Vore J.* Problems in the Study of Hunters and Gatherers.—Man the Hunter. Chicago, 1968.
- Lewis, 1972.—*Lewis B. A.* The Murle. Red Chiefs and Black Commoners. Oxf., 1972.

- Lewis, 1955.—*Lewis J. M.* Peoples of the Horth of Africa, Somali, Afar and Saho.—ESA. 1955, pt I.
- Lipsky, 1959.—*Lipsky G. A.* Saudi Arabia: Its People, Its Society, Its Culture. New Haven, 1959.
- Leish, 1972.—*Leish McK.* Stone Age Caveman of Mindanao.—National Geographic. 1972, vol. 142, № 2.
- MacNeich, 1965.—*MacNeich K. S.* The Origins of American Agriculture.—Antiquity. 1965, vol. XXXIX, № 154.
- Manker, 1953.—*Manker E.* Lapland and the Lapps. Stockholm, 1953.
- Marsh, 1864.—*Marsh C. P.* Man and Nature. N. Y., 1864.
- Marshall, 1976.—*Marshall L.* The Kung of Nyae Nyae. L., 1976.
- Martin, 1972.—*Martin J. F.* On the Estimation of the Sizes of Local Groups in a Hunting-Gathering Environment.—American Anthropologist. 1972, vol. 75 (5).
- Marx, 1978.—*Marx E.* The Ecology and Politics of Nomadic Pastoralists in the Middle East.—NA.
- Masao Gamo, 1978.—*Masao Gamo.* The Band Structure and Acculturation among the Eskimos of Nelson Island, Southwestern Alaska.—Senri Ethnological Studies. Osaka, 1978, № 4.
- Melvin, 1963.—*Melvin E.* The Relationship between Economic and Political Development in Nonindustrialized Societies.—Ethnology. 1963, vol. II, № 2.
- Merner, 1937.—*Merner P. G.* Das Nomadentum im Nord-Westlichen Afrika.—Berliner Geographische Arbeiten. Stuttgart, 1937, № 12.
- Mesarovic, Pestel, 1974.—*Mesarovic M., Pestel E.* Mankind at the Turning Point. N. Y., 1974.
- Müller-Wille, 1954.—*Müller-Wille W.* Arten der menschlichen Siedlung.—Abhandlungen. Raumforschung und Landesplanung. 1954, Bd. 28, № 2.
- Murdock, 1959.—*Murdock G. P.* Africa. Its Peoples and Their Culture History. New York, Toronto, London, 1959.
- Murdock, 1968.—*Murdock G. P.* The Current Status of the World's Hunting and Gathering Peoples.—Man the Hunter. Chicago. 1968.
- Murdock, White, 1969.—*Murdock G. P., White D. R.* Standard Cross-Cultural Sample.—Ethnology. 1969, vol. VIII, № 8.
- Murdock, Wilson, 1972.—*Murdock G. P., Wilson S. F.* Settlement Patterns and Community Organization: Cross-Cultural Codes 3.—Ethnology. 1972, vol. XI, № 3.
- Musil, 1927.—*Musil A.* Arabia Deserta: A Topographical Itinerary. N. Y., 1927.
- Musil, 1928.—*Musil A.* The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. N. Y., 1928.
- Nance, 1975.—*Nance J.* The Gentle Tasaday. N. Y.—L., 1975.
- Nelson, 1919.—*Nelson N. C.* Human Culture. Its Probable Place of Origin on the Earth and Its Mode of Distributions.—Natural History. 1919, vol. XIX, № 2.
- Nelson, 1978.—*Nelson R. K.* Athapaskan Subsistence Adaptations in Alaska.—Senri Ethnological Studies. Osaka, 1978, № 4.
- Nicolaisen, 1963.—*Nicolaisen J.* Ecology and Culture of the Pastoral Touareg with Particular Reference to the Touareg of Ahaggar and Ayr. Copenhagen, 1963.
- Noin, 1971.—*Noin D.* La population rurale, du Maroc: étude géographique. P., 1971.
- Patai, 1978.—*Patai R.* The Culture Areas of the Middle East.—NA.
- Paul, 1954.—*Paul A.* A History of Beja Tribes of the Sudan. Cambridge, 1954.
- Pehrson, 1966.—*Pehrson R. N.* The Social Organization of the Marri Baluch—Viking Fund Publications in Anthropology. N. Y., 1966, № 43.
- Peters, 1960.—*Peters E. L.* The Proliferation of Segments in the Lineage of the Bedouin in Cyrenaica.—JRAI. 1960, vol. 90.
- Perlas, 1972.—*Perlas Ch.* Notes sur Quelques populations aquatiques de L'archipel Nusantaraien.—Archipel. P., 1972, № 3.
- Planhol, 1965.—*Planhol X. de.* Les nomades, la steppe et la forêt en Anatolie.—Geographische Zeitschrift. 1965, t. LIII.

- Prothero, 1964.—*Prothero M. R.* Geographical Factors and Malaria Eradication: The Case of Morocco.—*Pacific Viewpoint*. 1964, № 2.
- Radcliffe-Brown, 1948.—*Radcliffe-Brown A. R.* The Andaman Islanders. N. Y., 1948.
- Ranson, 1945.—*Ranson J. E.* Writing as a Medium of Acculturation among the Aleut.—*Southwestern Journal of Anthropology*. 1945, № 1.
- Ratzel, 1882.—*Ratzel F.* Anthro-po-graphie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart, 1882.
- Ratzel, 1891.—*Ratzel F.* Anthro-po-graphie. Zweiter Teil: die geographische Verbreitung des Menschen. Stuttgart, 1891.
- Ray, 1961.—*Ray B.* Ceylon, Its Peoples and Its Homes. L., 1961.
- Reinton, 1969.—*Reinton L.* Sæterwirtschaft in Norwegen.—VHES.
- Rudenko, 1969.—*Rudenko S. J.* Studien über das Nomadentum.—VHES.
- Schapera, 1930.—*Schapera J.* The Khoisan Peoples of South Africa. Cape Town, 1930.
- Schapera, 1954.—*Schapera J.* The Tswana.—ESA. 1954, pt III.
- Schebesta, 1938.—*Schebesta P.* Die Bambuti—Pygmäen von Ituri. Bd. I. Bruxelles, 1938.
- Schinkel, 1970.—*Schinkel H. G.* Haltung, Zucht und Pflege des Viehs bei den Nomaden ost- und Nordostafrikas. Ein Beitrag zur Traditionellen Ökonomie der Wanderhirten in Semiariden Gebieten. B., 1970.
- Sinha, 1972.—*Sinha D. P.* The Birhors.—*Hunters and Gatherers Today*. N. Y., 1972.
- Sopher, 1965.—*Sopher D. E.* The Sea Nomads. A Study Based on the Literature of the Mari Time Boat Peoples of Southeast Asia. Singapore, 1965.
- Spencer, 1973.—*Spencer P.* Nomads in Alliance Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. L., 1973.
- Spittel, 1945.—*Spittel R. L.* Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of the Present Day Veddas. Colombo, 1945.
- Stauffer, 1965.—*Stauffer T. R.* The Economics of Nomadism in Iran.—*Middle East Journal*. 1965, vol. 19, № 3.
- Stein, 1981.—*Stein L.* Antradiictions Arising from the Process of Sedentarization among the Aulad Ali Bedouins of Egypt.—*Contemporary Nomadic and Pastoral Peoples: Asia and the North*, Publication 18. Williamsburg, 1981.
- Stenning, 1957.—*Stenning D.* Transhumance, Migratory Drift and Migration: Patterns of Pastoral Fulani Nomads.—*JRAI*. 1957, vol. 87, pt I.
- Sweet, 1965.—*Sweet L.* Camel Raiding of North Arabian Bedouin: A Mechanism of Ecological Adaptation.—*American Anthropologist*. 1965, vol. 67, № 5, pt I.
- Talbot, 1972.—*Talbot L. M.* Ecological Consequences of Rangeland Development in Masailand. East Africa.—*The Careless Technology: Ecology and International Development*. N. Y., 1972.
- Tanner, 1947.—*Tanner V.* Outlines of Geography Life and Customs of Newfoundland Labrador. Vol. 2. Cambridge, 1947.
- Tchikawa, 1978.—*Tchikawa M.* The Residential of the Mbuti Pygmies.—*Senri Ethnological Studies*. Kyoto, 1978, № 1.
- Tindal, Lindsay, 1963.—*Tindal N. B., Lindsay H. A.* Aboriginal Australians. Melbourne, 1963.
- Tomikawa, 1979.—*Tomikawa M.* Family and Daily Life — An Ethnography of the Datoga Pastoralists in Mangola.—*Senri Ethnological Studies*. Osaka, 1979, № 1.
- UNESCO, 1959.—UNESCO. Nomads and Nomadism in the Arid Zone.—*International Social Science Journal*. P., 1959, vol. XI, № 4.
- UNESCO, 1962.—UNESCO. The Problems of the Arid Zone. Proceedings of the Paris Symposium.—*Arid Zone Research*. 1962, № XVIII.
- UNESCO, 1963.—UNESCO. Nomades et nomadisme du Sahara.—*Arid Zone Research*. 1963, № XIX.
- UNESCO, 1977.—UNESCO. Development of Arid and Semi-Arid Lands: Obstacles and Prospects.—*MAB. Technical Notes* 6. P., 1977.
- UNESCO, 1978.—UNESCO. Management of Natural Resources in Africa: Traditional Strategies and Modern Decisions-Making.—*UNEP*. P., 1978.

- UNESCO, 1979.— UNESCO. Map of the World Distribution of Arid Regions.— MAB. Technical Notes 7. P., 1979.
- Vajnshtein, 1978.— *Vajnshtein S. I.* The Problem of Origin and Formation of the Economic-Cultural Type of Pastoral Nomads in the Moderate Belt of Eurasia.— NA.
- Velder, 1963.— *Velder C. M.* A Description of Mrabri Camp.— Journal of the Siam Society. 1963, vol. 60.
- Warren, 1980.— *Warren C.* Consciousness in Social Transformation: the Bajaulaut of East.— Dialectical Anthropology. 1980, vol. 5, № 3.
- Watanabe, 1968.— *Watanabe H.* Subsistence and Ecology of Northern Food Gatherers with Special Reference to the Ainu.— Man the Hunter. Chicago, 1968.
- Webster, 1973.— *Webster S.* Native Pastoralism in the South Andes.— Ethnology. 1973, vol. XII, № 2.
- Weiss, 1973.— *Weiss G.* A Scientific Concept of Culture.— American Anthropologist. 1973, vol. 75, № 5.
- Whittlesey, 1936.— *Whittlesey D.* Major Agricultural Regions of the Earth.— Annals of the Association of American Geographers. 1936, vol. 26, № 4.
- Wirz, 1922.— *Wirz P.* Die Märing-anim von Hollaändisch Süd — Neu Guinea. Bd. I. Hamburg, 1922.
- Wissler, 1917.— *Wissler C.* The American Indian. N. Y., 1917 (2-nd ed. 1922).
- Wissler, 1926.— *Wissler C.* The Relation of Nature to Man in Aboriginal America. N. Y., 1926.
- Wissler, 1933.— *Wissler C.* Man and Culture. N. Y., 1933.
- Wissman, 1956.— *Wissman H.* On the Role of Nature and Man in Changing the Face of the Dry Belt of Asia.— MRE.
- Woodburn, 1968.— *Woodburn J.* Stability and Flexibility in Hadza Residential Groupings.— Man the Hunter. Chicago, 1968.
- Yengoyan, 1968.— *Yengoyan A. A.* Australian Section Systems — Demographic Components and Interactional Similarities within the Kung Bushmen.— Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Science. Vol. III. Tokyo, 1968.

- АНМ— Атлас народов мира. М., 1964.
ВИ— Вопросы истории. М.
ВГ— Вопросы географии. М.
ИПО— История первобытного общества. М., 1983.
КСИА— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИМК— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.— Л.
КСИЭ— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МКАЭН— Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
МНИМФ— Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982.
НАА— Народы Азии и Африки. М.
ОСНСС— Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970.
ОСР— Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972.
ПИДО— Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
ПЭГК— Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
СА— Советская археология. М.
СЭ— Советская этнография. М.
СЭП— Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.
ТИЭ— Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.— Л.
ТТСЖ— Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
ТТСЖ— Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной 1981 и Южной Азии. М., 1981.
ЭПЗА— Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981.
АИ— Aboriginal and Islander Identity. Perth, 1976, vol. 2, № 8.
BIFAN— Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire. Dakar — Paris.
СА— Current Anthropology. Chicago.
CDES— Can Desert Encroachment be Stopped? — Ecological Bulletin. 1976, № 24.
DEPA— Domestication and Exploitation of Plants and Animals. L., 1969.
EB— Ecological Bulletin. Stockholm.
ESA— Ethnographic Survey of Africa. L.
FPP— The Future of Pastoral Peoples. Proceedings of a Conference Held in Nairobi, Kenya, 4—8 august 1980. Ottawa, 1981.
JRAI— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. L.
MAB— Man and the Biosphere (UNESCO). P.
MRE— Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, 1956.
NA— The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes. P., 1978.
NG— National Geographic. Wash.

- PA— Prehistoric Agriculture. N. Y., 1971.
- PNSA— Pastoralists and Nomads in South Asia. Wiesbaden, 1975.
- TGLE— Tropical Grazing Land Ecosystems. A State-of-Knowledge Report
Prepared by UNESCO/UNEP/FAO. P., 1979.
- UNEP— United Nations Environment Programme.
- VHES— Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Budapest, 1969.

- Абабде 119
 Абид 105
 Авазим 139
 Авамир 137
 Аварцы 67
 Австралийцы-аборигены 23, 36, 47, 80,
 203—210, 244, 250
 Аглу 103
 Агусаны 174
 Адара 127
 Аджман 136
 Аджер (кель-аджер) 70, 107
 Аджур 101
 Азанде 32, 244
 Азербайджанцы 74, 83, 148, 237, 238
 Аир (кель-аир) 108
 Аит-атта 103
 Аит-мгиль 103
 Аймара 183
 Айны 43, 45, 179, 180
 Айсса 103
 Акиты 173
 Акхсас 103
 Алакалуф 48, 183—186
 Алгонкины 191, 198
 Алеуты 192, 195, 196, 222, 244, 245
 Ал-зафир 137
 Али эфенди 145, 146
 Аллар 161
 Алтай-кижи 60
 Алтайцы южные 67
 Алур 126
 Амале 151
 Амар 101
 Амауака 50—52
 Амбоинцы 49
 Амхара 121
 Аназа 136
 Анаказза 109
 Анбара (моро) 47, 208
 Андаманцы 47, 48, 164, 165
 Антессар 112
 Арабдар (шавия) 141
 Арабы 26, 67, 68, 83, 96, 148, 156, 179
 Арабы бедуины 57, 80, 85, 97, 98, 136,
 137, 142, 242, 246
 Арабы эль-хадхар 136
 Араваки (гуахи́ро) 183
 Аральцы 67
 Арандан 161
 Араона 183
 Арауканы 183
 Арбаа 97, 100, 101, 103
 Арекуна 183
 Арем 46, 172, 251
 Ариа 109
 Ариб 102
 Армяне 237
 Аромуну 78, 217, 218, 242, 243
 Аруисин 102
 Аруси 121, 122
 Атапаски 191, 196, 197, 244
 Атбан 139
 Атайба 136
 Атауна 103
 Аттия 105
 Аун 105
 Афар (данакиль) 120
 Афганцы 153, 154, 242
 Афшары 149, 152
 Ахаггар (кель-ахаггар) 70, 97, 107
 Ахель-бельгасем 103
 Ахель-даф 97
 Ахель-сиди-аллал 103
 Ахир 159
 Ачечо 103
 Ачоли 126
 Аэта 46, 52, 170, 174, 175
 Баганда 43
 Баггара 83, 117, 118, 242
 Баджау 167, 169, 244
 Байаты 151
 Бакаири 190
 Балезе (лезе) 131
 Балкарцы 67
 Бамбути (мбути) 130—132
 Банджары 126, 130, 156, 161
 Банту 126, 130, 131, 251
 Барааса 105
 Баски 43, 216
 Бассери 149, 150
 Батва (тва) 52
 Батины (сакан) 173
 Бауре 183
 Бахарлу 151

Бахтиары 26, 72, 83, 149—152
Беджа 26, 68, 73, 83, 98, 119, 242
Бели 136
Белла 103
Белуджи 26, 68, 81, 84, 149, 152, 156, 179, 243
Бени-аттия 136
Бени-зид 71, 105
Бени-мгуилд 73
Бени-мурра 136
Бени-хаджар 136
Бени-халид 136
Бени-хасан 137
Бени-шахр 137
Бентинг 166
Бенуа 173
Берабиш 112
Берберы 26, 80, 81, 83, 96, 98
Бира 132
Бирманцы 166
Бирхор 156, 161—163, 244
Бишарин 119
Блал 102
Бони 127
Борана 121, 122
Бороро 94, 190
Ботокуды 183, 190
Брагуи 84, 156, 158
Бракна 101
Брахим 103
Бугти 157
Бушмены 23, 47, 127, 231, 244, 251
Бура 160
Буряты 59
Бхилы 163, 164
Бхоти 156, 160

Вазири 154
Вайка 183
Валбири 47, 207
Вардаги 154
Варао 43, 183
Ведды 46, 156, 164
Влахи 218
Вьеты (вьетнамцы) 172

Габбра 122
Гавли 159
Гадди 159, 160
Галезан 151
Гереро 85, 126
Гидийнгалы 208
Гил 103
Гиляки 180
Гильзай 154
Гоала 159
Гого 125
Гонды 156
Госси (кель-госси) 112
Готтентоты 55, 126, 251
Гоудари 151
Грес (кель-грес) 108

Грузины 237, 238
Гуайкуру 183
Гуамраго 105
Гуарайю 183
Гуарани 183
Гуахибо (гуахиво) 46, 183, 189, 244
Гуаяки 190, 191
Гуда 159
Гуджары 156, 160
Гурунги 160
Гуцулы 239
Гхарти (магары) 160

Даггали 107
Давасир 136
Даза 97, 109
Дауд 101
Даунг 166
Делим 101
Демиса 55
Дерешури 151
Джагуб 103
Джакуны 171
Джаты 156
Джерир 103
Дзадзи 154
Дзадраны 154
Динка 122
Доба 156
Догриб 191
Долганы 222
Донза 109
Доробо (акиек) 127, 250
Дуимения 97, 103
Дунсан 67
Дуррани 154, 155
Дусун (оранг-сунгей) 169
Дюшан

Египтяне 83

Жес-тимбира 189

Загава 83
Зайан (изайан) 103
Зекри (улед-зекри) 70, 100
Зинтан 105
Зулу 126, 251

Игвадарен 112
Иглулик 195
Имраген 127
Инанлу 151
Ираку 125
Ирула 161
Иссинсу 130
Исландцы 215
Ительмены 48, 222, 227
Ита (итим) 174
Итту 121
Ицзу 178, 243

Кабабиш 72, 117—119
 Кадар 46, 156, 161, 163
 Казахи 26, 59, 60, 63, 178, 231, 233—
 235, 242
 Каингуа 183
 Кайюа 183
 Кайяпо 189
 Какар 154
 Калари 159
 Калмыки 236, 237
 Камчадалы 56
 Канури 115
 Карагозлу 151
 Каракалпаки 235
 Каралар 146
 Карамоджо 126
 Карачаевцы 238, 239
 Кахтан 136
 Кашкайцы 149, 150, 151
 Кашкули 151
 Кашмирцы 160
 Квакютль 201
 Кеты 222, 225
 Кечуа 183
 Кирати 160
 Киргизы 26, 59, 60, 63, 65, 67, 178,
 179, 231, 234, 235
 Коми 223
 Конибо 52
 Коркорда 109
 Корва 161
 Коряки 24, 49, 55, 222, 227, 243, 245
 Коряки-чавчуены 224
 Коса 126, 251
 Кохистанцы 156, 160
 Кри 200, 244
 Кубу 43, 46, 170, 173, 174
 Кунг (бушмены кунг) 43, 47, 48, 53,
 80, 127—130
 Кунграты 73
 Кункуру 52
 Кунта 112
 Курды 68, 72, 74, 81, 83, 142, 143,
 146—149, 238, 242, 243
 Курумба 161
 Кухгилуйе 150
 Куцовлахи 218
 Кхо намом 172, 173
 Кючюклю 145, 146

 Лади 103
 Лао 171
 Лассен 103
 Лаугбороу 166
 Ленгуа 183
 Лимбу 160
 Лису 178
 Лубу 173
 Луры 72, 83, 148—150

 Мавры 83, 94, 101, 114
 Магарба 105

Магары 160
 Мадан 208
 Макиль 101
 Маку 46
 Малапандарам 161
 Малиенг 46, 172, 251
 Мамаки 173
 Мамасани 150
 Манао 47
 Мангал 154
 Мангвато 126
 Манси 48, 55, 222, 227
 Мантанги 168
 Маравураба 208
 Марингос 208
 Маринд-аним 210
 Марри 156—158
 Масаи 55, 80, 85, 94, 124, 127
 Маско 183
 Матако 183
 Мегарха 105
 Мекалиф 127
 Менасир 136
 Мерибда 102
 Мерилле 122
 Месаабе 103
 Мозда 105
 Мокены 166—168, 244
 Моманд 154
 Монго 32, 244
 Монголы 26, 43, 60, 67, 176—179, 242,
 250
 Монтаньи-наскапи 198
 «Морские кочевники» 47, 49, 244
 Мохо 183
 Мрабри (юмбри) 46, 170, 171
 Музгу 115
 Мурле 125
 Мургин 208
 Мусса 97, 101
 Мутайр 136, 138, 139
 Мяо 171

 Наиль 103
 Накем 103
 Нама 43
 Намбиквара 46
 Нанайцы 48, 222, 227
 Нафар 151
 Нганасаны 24, 222
 Ндебеле 126
 Невары 156, 160
 Негидальцы 9, 48, 222, 225
 Немади 127
 Ненцы 24, 39, 40, 222—225, 229, 230,
 243
 Нетсилик 194
 Неффет 105
 Нивхи 9, 48, 180, 222, 227
 Ноатак 194
 Ногайцы 67, 74, 236
 Нутка 201

Нуэр (наас) 85, 118, 122, 123

Оджибве 198

Омагуа 47

Она 48, 183—186

Оранг-баджау 168

Оранг-бароки 168

Оранг-куала 168

Оранг-лаут 49, 167, 169

Оранг-песукуаны 168

Оранг-сунгей 169

Оранг-утан 171

Орехон 183

Ороки 180

Оромом (галла) 121, 122

Орочи 180, 222, 225

Отмен 101

Оуен 166

Палийян 161—163

Паяте 48, 202

Пеба 183

Персы 148, 156

Пигмеи (негрилли) 46, 127, 130, 244, 250

Пилага 183

Пиро 183

Пичагчи 151

Пуйнаве 183

Пунаны 46

Пуштуны (патаны) 72, 84, 156, 158

Рашанда 139

Регейбат 69, 70, 103, 104

Регейбат-лгуасам 97

Регейбат-сахель 97, 101, 102

Рембарнга (раинбарнго) 209, 210

Рендилле 121

Рехалат 102

Риах 105

Руала 136, 139, 140

Рук 46, 172, 251

Рукха 160

Румыны 218

Саади 105

Саами (лопары) 24, 80, 212—215, 222, 230, 243

Сайд-атба 101, 103

Сакуйе 122

Салива 183

Салини (сэлини) 191, 201

Самбал 174

Сампуру 127, 250

Санна 127

Саракацаны (каракачаны) 218

Сапоро 183

Сафи 154

Себа 101

Секахи (сангкаи) 168

Селлака 103

Селливан 166

Селуны (гаоле) 166

Селькупы 24, 222, 225—227

Семаи 172

Семанги (панганы) 43, 46, 171, 172, 244

Семелан 172

Сенои 32, 46, 170—172, 244

Сиамцы 166

Сиди 103

Сидиали 112

Сиди-шейх 100

Сингалы 164

Сириано 46, 51, 52, 80, 183, 189

Сисеки 172

Сомалийцы (сомали) 26, 68, 72, 80, 120, 121, 242

Сулу-самаль (самаль-лаут) 169

Сунвары 160

Таджакант (тенакер) 102

Таджики 60, 73

Таланги 173

Таманги 160

Тамбуса 168

Тамилы 162, 164

Тапажу 117

Тасадай 46, 175

Татого (датого) 125

Тауниангулу 174

Тевои 166

Теда 97, 108

Теймурташ 151

Текна 103

Телугу 163

Техуэльче 183, 186

Тибетцы 26, 57, 67, 80, 178, 179, 243

Тиви 209

Тиграи 120

Тигре 120

Темиар 172

Тит 172

Тлинкиты 48, 192, 201

Тоба 183

Тода 156, 160, 161

Томогера (теда-томагера) 109

Тонга 43

Тофалары 60, 222

Трарза 101

Трафи 103

Тсвана 126

Таурегы 43, 72, 73, 83, 90, 98, 103, 106, 107, 114

Тубу 73, 83, 109

Тувинцы 60—62

Тукано 183

Тунгусы (эвенки) 222, 229

Туркана 55, 123, 124

Турки 83, 148

Туркмены 149, 231, 235, 236

Удэгейцы 222, 225

Узбеки 67, 73, 235

Уитото 32, 183
Уй (кель-уй) 107
Уйгур-таглыки 178
Улед—али 246
Улед—амор 97
Улед—бири 97
Улед—бу—хадиджа 71
Улен—дауд 70, 105
Улен-сиди-шейх 69, 70
Улу 173
Ульчи 9, 48, 180, 222, 227
Уса 103
Утейба 137

Файид 105
Фарерцы 215
Фтайет 103
Фульбе 114—117

Хадза (хадзапи) 127, 130
Хадья 137
Хадендоа 119
Хазара (хазарейцы) 84, 154
Хаззем 105
Хайда 9, 48, 201
Хамерна 105
Хамнан 103, 105
Хамсе 151
Ханты 48, 55, 222, 227, 228
Харб 136, 137
Хасауна 105
Хауса 115
Хафтленг 152
Хиваро 183
Хичеваре 55
Хилаль (хасан) 100
Хима 125
Хорасани 151
Хувейтат 136
Хутман 105

Цзинпо 178, 243
Цимшиан 201
Цинцары 218
Цыгане 26—27, 53, 82, 219, 239, 245
Цыгане боше 240
Цыгане люли 240
Цыгане мугат 240
Цыгане карачи 240

Чамакоко 183
Чемпа (чанг-па) 160
Чараймаки 154
Ченчу 46, 156, 161, 163
Чехарленг 152
Чипевайи (северные атапаски) 199—
201, 244
Чирикоа 189
Чороти 183
Чукчи 24, 49, 222, 223, 225, 230, 243,
245

Шаанба 70, 97, 103—105
Шаванты 190
Шавийя 103
Шак 46
Шаммар 136, 137, 141
Шахсевены 149
Шать 172
Шейх 101
Шеренте 190
Шерпы 156
Шешбулуки 151
Шинвари 154
Ширина 46, 183

Эвенки 55, 56, 222, 225, 229, 230
Эвены 56, 222, 225, 227, 230
Эльгуасем 101
Эль-хадхар 136
Эрнадан 163
Эскимосы 39, 49, 56, 80, 191—195, 222,
244, 250

Юкагиры 56, 222, 225
Юлимидден 97, 108
Юре 183
Юрюки 83, 142, 143—146, 242, 243,
248

Янади 46, 156
Якуб 100, 105
Якуты 55, 63, 229
Ям 137
Ямана (яганы) 48, 184—186
Яномамо 188, 244
Япуро 52, 183, 189

B. V. Andrianov's *Non-Settled Population of the World* (a Historico-Ethnogeographic Study) deals with the peoples and ethnographic groups which, with some reservations, fall into a category marked by perennial or seasonal migrations, a peculiar lifestyle and culture and a remarkably traditional economy.

The book centres on forms of annual or seasonal migration of the above groups. These forms are defined by the level of socio-economic development, the nature of traditional occupations in a given natural environment, diverse use of natural resources, and the ethnic traditions in work, and material and spiritual cultures.

The term non-settled population does not include modern industrial and agricultural workers characterized by long or short-range (for, example, commuters) migrations.

Non-settled groups continue to constitute the majority or a considerable share of the population in many developing countries. The fact that these groups have survived to the end of the 20th century confirms the stability of many forms of their culture, traditional economic skills and methods of utilizing natural resources.

Research into the non-settled population is inseparable from the study of common historical patterns and peculiarities of traditional economy and the way of life in various countries, now being undertaken by modern ethnography within the concepts of "ethnic entities", "historico-cultural areas" and "economic-cultural types".

A broad historical approach towards the typology and cartography of the whole economic and cultural diversity of the peoples in the world has enabled ethnographers to group these complex historico-social phenomena on a map of the globe and to distinguish many economic and cultural types, a considerable portion of which characterizes the non-settled peoples.

Especially numerous are nomads and seminomads of the arid zone. There are more than 37,8 million of them, including in non-Soviet Asia (predominantly South-East Asia), 19,2 million; and in Africa (mainly Northern and Eastern Africa), 18,6 million. Cattle-breeding nomads have adapted themselves to vast areas in the

desert, semi-desert and steppes in Africa and non-Soviet Asia, where they continue to seasonally migrate (Bedouin Arabs, Bejas, Somalis) etc. Their mobility has different patterns ranging from continuous migration to continuously settled life with only parts of groups migrating on a seasonal basis.

A specific group of non-settled population is formed by nomadic and pastoral cattle-breeders combining cattle-breeding—sheep, goats, cattle of the zebu type—with hunting and gathering in the area of the African dry savannah (Fulbe, Karamojong, Massai, etc.), a total of 8,5 million people.

Cattle-breeding mountaineers are also a significant economic and cultural group. More than six million of them live in Western Europe, South-West and South Asia. However, this group is remarkably heterogeneous. Part of pastoral cattle-breeders (especially in their eastern habitat—Pakistan, Iran and Turkey) live very much like nomads and seminomads (Balochs, Kurds, Yürüks). On the contrary, migration pattern and the lifestyles of mountain cattle-breeders in the West, that is in the Pyrenees, the Alps, the Dinaric Alps, the Carpathians—are markedly pastoral and commodity-oriented (Aromanis).

The Northern reindeer breeders are characterized by the greatest annual mobility and range of migrations (Nenets, Koryaks, Chukchis, Saamis, etc.). There are not more than 30 thousand of them. Earlier they combined pastoral reindeer breeding with hunting and fishing. Now, reindeer breeding is everywhere a commodity trade, and family roaming has given place to industrial pastoral migrations. Their life patterns and culture have experienced many changes too.

A settled life with seasonal migrations of a group of the population and the alternating settled life are characteristic of many present-day farmers, hunters and gatherers of the hot climate. These include the inhabitants of rain equatorial forests and of the forested tablelands of the South-East and South Asia (Semangs, Senois, Birhors), Central Africa savannahs and the Amazon basin in South America (Goajivos, Yanomamos) are engaged in the slash-and-burn agriculture, hunting and food-gathering.

Many unique features are still characteristic of the «sea nomads» inhabiting the islands in South East Asia (Bajaus, Suluks) who spend much of the year in their boats fishing, diving for pearl-oysters or gathering mollusks off the coast of numerous islands of the Sunda Archipelago. Their number is estimated to be 50 thousand people.

The hunting and gathering peoples of the hot belt characterized by different forms of migratory life have survived only in the most faraway equatorial areas of South America, non-Soviet Asia, in Africa and Australia. Their number is rapidly diminishing. Slightly over 200 thousand of them remain in Africa (Pygmies, Bushmen, Hatsas, etc.), some 60 thousand in South America, and 100 thousand in South-East and South Asia; in

Australia there are only 20 thousand of such people (Australian aborigines).

Seasonal migratory patterns can still be seen in the life of hunters and fishermen of the taiga and tundra (Athapaskans, Chippewas, etc.), their fur animal hunting has long become a cash trade. There are about 400 thousand such people in Canada and the USA, and some 20 thousand in Scandinavia and the USSR.

The total of Arctic fishermen and hunters for marine animals does not exceed 30 thousand in North America. These are mainly Eskimos and Aleuts who adopt an alternating-and-settled way of life with partial seasonal migration.

A special category within the non-settled peoples belongs to non-agricultural peoples with an established migratory tradition. These include "nomadic" gypsies, and some other like groups, widely scattered all over the world.

What are the destinies of the non-settled peoples in the coming decades? The fact that in the second half of the 20th century these peoples diminish in numbers is beyond any doubt and this trend is likely to continue. Their mobility factor has changed towards settled patterns, bringing about changes in culture and lifestyles. This is especially noticeable in socialist countries, specifically in the USSR, where since the early years of Soviet power broad measures have been taken to improve the living conditions for once backward peoples in the North, to ensure transition of the nomadic herdsmen of Central Asia and Kazakhstan to a settled way of life, and to build for this purpose comfortable settlements, hospitals, schools, boarding schools for children, etc. The hunting and fishing peoples of the North (Chukchis, Koryaks, Aleuts, etc.) who in their recent past were isolated from major cultural centres and big towns and were threatened with extinction, now have been enjoying special care of the state and have the opportunity to develop various aspects of their national culture. They have already had immeasurably higher living, educational and artistic standards.

Предисловие	3
Введение	5
Раздел I. Вопросы историографии и методологии изучения неоседлого населения	17
Глава 1. Хозяйственно-культурные типы и географическая среда	17
Глава 2. Формы подвижности неоседлого населения. Проблемы типологии	41
Раздел II. Размещение и численность неоседлого населения	82
Глава 1. Африка	86
Глава 2. Зарубежная Азия	134
Юго-Западная Азия	134
Южная Азия	155
Юго-Восточная Азия	165
Восточная Азия	175
Глава 3. Америка	181
Глава 4. Австралия	203
Глава 5. Зарубежная Европа	211
Глава 6. Советский Союз	220
Заключение	241
Литература	253
Список сокращений	270
Указатель этнонимов	272
Summary	277

Борис Васильевич Андрианов

НЕОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ МИРА (историко-этногеографическое исследование)

*Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

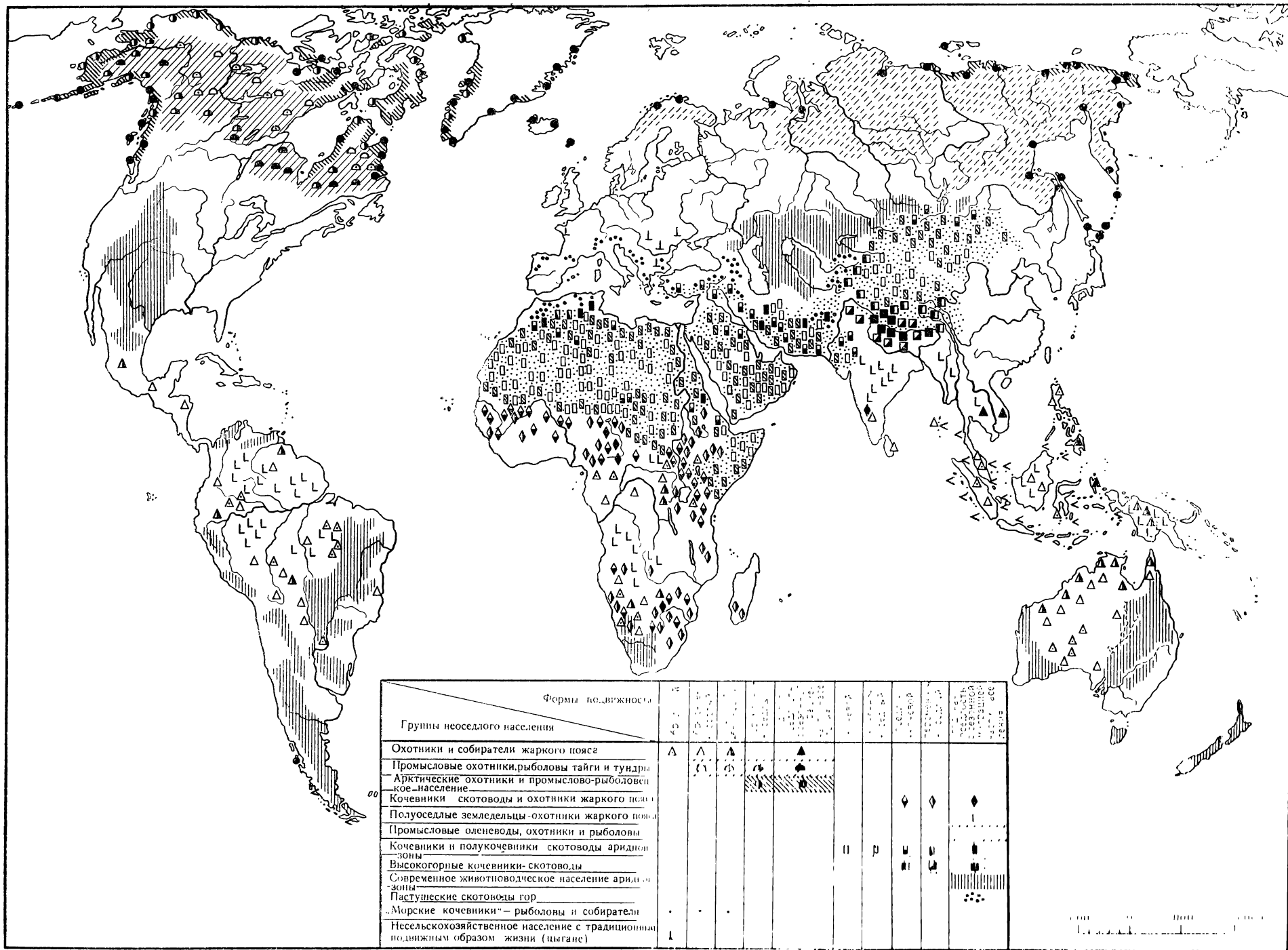
Редактор *М. Н. Брусиловская*. Младший редактор *А. В. Бодянская*. Художник
Б. Г. Дударев. Художественный редактор *Б. Т. Резников*. Технический редактор
М. В. Погоскина. Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15212

Сдано в набор 28.01.85. Подписано к печати 08.07.85. А-03839. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,75. Уч.-изд. л. 20,12. Тираж 2500 экз. Изд. № 5602
Зак. 104. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ФОРМЫ ПОДВИЖНОСТИ НЕОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ МИРА
Составитель — Б. В. Андрианов